

РОБЕРТ ГОВАРД

СОЛОМОН КЕЙН

КЛИНОК СУДЬБЫ

В ПЕРЕВОДЕ М. СЕМЕНОВОЙ, АВТОРА «ВОЛКОДАВА»

ВОИН. ГЕРОЙ. ЛЕГЕНДА

РОБЕРТ ГОВАРД

СОЛОМОН КЕЙН

КЛИНОК СУДЬБЫ

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 57

Robert E. Howard

THE SAVAGE TALES OF SOLOMON KANE

© 1998 by Solomon Kane LLC. This translation is published
by arrangement with Ballantine Books, an imprint
of the Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.

Составитель А. Жикаренцев

- Говард Р. И.**
Г 57   Соломон Кейн. Клинок судьбы / Роберт Говард ; [пер. с англ.
М. Семеновой]. — М. : Эксмо : СПб. : Домино, 2010. — 432 с.
ISBN 978-5-699-39458-6

XVI век. Славная эпоха географических открытий с ее отчаянными первооткрывателями и бесчисленными опасностями вдали от родной земли.

По неизведанным грязным морям, по враждебным землям судьба носит английского пуританина, чей лик всегда хмур как туча, зато сердце незменно светится благородством. И какие бы испытания ни посыпал Господь своему неистовому рыцарю, с ними совладают острый ум, крепкие мышцы, неколебимая воля и добрый клинок.

Впервые на русском языке весь цикл рассказов о Соломоне Кейне, «старшем брате» киммерийца Конана, в переводе Марии Семеновой, автора знаменитого бестселлера «Волкодав».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-39458-6

© М. В. Семенова, перевод, 2010
© Оформление.
ООО «Издательский дом «Домино», 2010
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Черепа среди звезд

*Убийцы ходят по земле.
Их по глазам легко узнать.
Их взор в багровой тонет мгле,
И пламя мозг грозит пожрать.
И кажется, что на челе
Лежит кровавая печать.*

Томас Гуд

Глава 1

В Торкертаун вели две дороги.

Одна, более короткая и прямая, тянулась через безлюдную верховую пустошь. Вторая, окольная и гораздо более длинная, нетаяла среди лесистых островков и непролазных трясин болотного края, огибая холмы с востока. Эта последняя дорога была испроста и считалась опасной. Поэтому Соломон Кейн испытал вполне понятное изумление, когда из деревни, которую он только что покинул, стремглав примчался запыхавшийся подросток и, догнав путешественника, принял заклинать его именем Господним, умоляя предпочесть дорогу через болота.

Кейн недоуменно уставился на мальчишку:

— Через болота?..

Соломон был высок ростом, жилист и худ. Бледное угрюмое лицо и глубокие неулыбчивые глаза как нельзя лучше соответствовали скромному и суровому костюму пуританина, который он обычно носил.

— Да-да, сэр. Она гораздо спокойней... — ответил юнец на его удивленный вопрос.

— Стало быть, — сказал Кейн, — там, на пустоши, появился сам сатана. Не твои ли односельчане с жаром предостерегали меня против болот?

— Верно, сэр, там полно трясин, которые недолго и проглядеть в темноте. Право же, сэр, вернулись бы вы лучше назад, переночевали, а наутро с богом и пуститесь дальше!

— По болотной дороге?

— Точно, сэр. По ней самой.

Кайн пожал плечами и покачал головой:

— Не успеет как следует стемнеть, когда выйдет луна.

А там, если по пустоши, через несколько часиков в Торкертайун.

— Не ходите туда, сэр, пожалуйста, не ходите! — не сдавался мальчишка. — Незачем соваться туда доброму христианину. Там и жилья-то нет, на той проклятой дороге. А на болоте хоть старый Эзра живет. Он там совсем один живет, с тех самых пор, как его полоумный кузен Гидеон удрал из дома и сгинул в болотах. Так ведь и не нашли его. Ну а старый Эзра, хотя и скряга порядочный, уж, верно, не откажет вам в ночлеге. Право, сэр, остановитесь у него до утра. И коли уж вам так приспичило идти, ступайте по болотной дороге!

Кейн устремил на мальчика пронизывающий взгляд. Тот переминался с ноги на ногу, чувствуя себя под этим взглядом весьма неуютно.

— Скажи-ка, — спросил его пуританин, — если пустоши настолько опасны для путешественника вроде меня, почему ваши жители предпочли ограничиться полунаемками и сразу не выложили мне все как оно есть, от начала до конца?

— Не серчайте, сэр, но люди не любят об этом болтать... Наши деревенские посоветовали вам идти болотами и думали, что вы последуете доброму совету, а вы, смотрим, и в мыслях не держите сворачивать на развилке, ну тут уж меня послали живой ногой за вами, чтобы уговорил вас передумать...

— Вот дьявольщина! — вырвалось у Кейна, и только знатный о его отвращении к сквернословию мог оценить всю силу владевшего им раздражения.— Болотная дорога или там через пустошь — скажешь ты мне наконец, что мне грозит там, наверху? Чего ради я должен делать длинный крюк, рискуя застрять в топях или вовсе погибнуть?..

— Сэр,— ответил мальчишка, невольно понижая голос и пугливо придвигаясь к нему поближе.— Мы тут все простые неученые крестьяне и стараемся пореже поминать нечисть, чтобы злосчастье на голову себе не накликать. Только дело-то в том, что верховая дорога, как бы это сказать... словом, вроде как проклятие на ней. Никто из местных жителей вот уж год с слишком носу туда не сует. Сущая погибель ходить там по ночам, и кое-кто неосторожный, сэр, уже и сам в том убедился! Ненедомо откуда завелась там жуткая нечисть и угаскивает людей...

— Вот как? И как же выглядит эта тварь?

— Никто не знает, добрый сэр. Из тех, кто видел ее, ни один не вернулся и не расскажет. Но случалось, что припозднившиеся пешеходы слышали издалека, из-за топей, ужасающий хохот. А бывало, что долетали и страшные крики жертв... Нет, сэр, именем Творца нашего умоляю вас вернуться в деревню, переждать ночь, а утром по болотной дорожке и тронетесь в Торксаун!

Слишком поздно. В глубине угрюмых глаз Соломона Кейна уже замерцал огонек наподобие ведьмины факела, что светит зимой из-под толщи серого льда. Кровь быстрее побежала по его жилам.

Приключение! Смертельный риск, острота переживания, восторг победы!.. Положа руку на сердце, нельзя, впрочем, сказать, чтобы Кайн именно так и оценивал овладевшие им чувства. Наоборот, он приписывал своим поступкам совсем другие мотивы.

И он ответил мальчишке, свято веря, что излагает истинную правду:

— То, о чём ты говоришь, есть деяние какой-то злой силы. Князь Тьмы, видно, наложил заклятие на здешние места. Лишь крепкие духом могут дать бой сатане и присным его, а посему не удерживай меня более: никогда не уступал я ему дорогу, не уступлю и теперь!

— Сэр... — начал было мальчишка, но тут же закрыл рот, поняв тщету уговоров. Он только добавил: — Мы находили трупы жертв, сэр. Они были все разодраны и в синяках...

Так он и остался стоять у развилки, удрученно вздыхая и провожая взглядом жилистого, широкоплечего путешественника, легкой походкой удалявшегося по дороге, ведшей на пустоши...

Солнце уже садилось, когда Кейн взобрался на вершину холма, за которым и начиналось невысокое нагорье — край пустошей и верховых болот. Кроваво-красный диск дневного светила медленно уходил за пустынный, неприветливый горизонт и, казалось, поджигал разросшуюся траву. На какой-то миг путешественнику померещилось, будто целое море крови разлилось у его ног. Потом с вос точка надвинулись темные тени, и зарево заката начало угасать. Соломон Кейн упрямо шагал вперед, ничуть не смущаясь густившейся темнотой.

Чувствовалось, что по дороге давно уже никто не ходил; впрочем, она все еще была хорошо различима. Кейн шел быстро, но осторожно и с оглядкой, держа под рукой и шпагу, и пистолеты. Одна за другой в небе разгорелись звезды, иочные ветры запуршили в траве, населяя ее шепотом призраков. Наконец показалась луна. Темные пятна на круглом лице придавали ей сходство с черепом, зловеще повисшим среди звезд.

Неожиданно Кейн остановился и замер на месте. Откуда-то спереди донеслось странное и жутковатое эхо... или по крайней мере нечто похожее на эхо. Потом снова, на сей раз уже громче. Кейн двинулся вперед, спрашивая себя, не обманывает ли его слух. Нет! Спереди, издалека, в самом деле долетали раскаты пугающего смеха.

Вот снова, ближе и ближе... Человеческое существо не могло так смеяться. В этом смехе не было ни фана веселья, лишь ненависть, ужас и страх, разъедающий душу. Кейн остановился. Нет, испуга он не испытывал, но в тот миг ему было определенно не по себе.

И тут раскаты демонического хохота прорезал ужасающий и, несомненно, человеческий воинъ. Кейн устремился вперед, все ускоряя шаг и кляня про себя неверный свет и летучие тени, одевшие пустошь. Луна поднималась все выше, но слишком трудно было с уверенностью что-либо рассмотреть. Хохот между тем продолжался, делаясь все громче, и сnim вопли. Потом, ослабленный расстоянием, донесся топот человека, удирающего со всех ног. Кейн перешел на бег.

Там, впереди, кто-то из последних сил спасался от смерти, и что за ужас гнался за ним по пустошам, ведал один Господь. Вот топот прекратился, зато вопли перешли все мыслимые пределы. К ним примешивались и другие звуки, которым трудно было бы подобрать название. Душа содрогалась от них. Как видно, человека поймали. У Кейна пошли по телу мурашки. Он весьма живо вообразил себе демона из преисподней, который вскочил на хребет своей жертве... вцепился, терзая и раздирая...

В противоестественной тишине пустошей слуха Соломона уже явственно достигал шум неравной, отчаянной схватки. Потом опять послышались шаги, на сей раз спотыкающиеся, неуверенные. Человек еще кричал, но кровь

уже заливала ему горло и хрюпло булькала в нем. Кейн покрылся холодным потом. Ужасам не видно было конца, а ведь почь едва началась!

«Боже, — страстно взмолился он, — ну сделай так, чтобы было хоть немного светлее!»

Судя по отчетливости каждого звука, жуткая драма разыгрывалась буквально в двух шагах от него. Но неверное сияние восходящей луны продолжало играть с ним в прятки. Каждое корявое деревце представляло гигантом, каждый куст — призраком.

Кейн закричал во все горло, отчаянно пытаясь еще наддаться шагу. Вопли гибнувшего сменились тонким отвратительным визгом. Вновь шум борьбы... И тут из зарослей высокой травы навстречу Кейну, качаясь, вывалилось существо, когда-то бывшее человеком. С головы до пят облитое кровью, оно рухнуло к ногам пуританина и стало корчиться, пытаясь ползти. Оно что-то бессвязно хрюпло, подняв к луне жутко изуродованное лицо... Потом обмякло и умерло, захлебнувшись собственной кровью.

Вот теперь, когда все миновало, лунный свет наконец вступил в свои права и сделалось возможно что-то разглядеть. Кейн склонился над телом... оно было до такой степени обезображенено, что Соломон содрогнулся. А надо сказать, что довести его до такого состояния было непросто, ибо он своими глазами видел в деле испанскую инквизицию, и ловцов ведьм.

Кем был тот, чье тело лежало у его ног?.. Наверное, поздним прохожим, решил Кейн и тут же ощутил, как по позвоночнику пополз ледяной холод. Он был не один. За ним наблюдали. Кейн вскинул голову и зорко впился взглядом в темноту, колебавшиеся там, откуда появился умирающий. Разглядеть ему ничего не удалось, но ощущение было такое, как если бы он на миг заглянул в чьи-то гла-

за. Жуткие глаза существа, не принадлежавшего этому миру. Выпрямившись, он извлек пистолет и стал ждать. Лунный свет все уверенней разливался по пустошам, возвращая деревьям и травам их истинные размеры.

И наконец Кейн УВИДЕЛ! Сперва ему показалось, что глазам его предстал клок болотного тумана, несомый ветром через поля. Он всмотрелся... Видение?.. Но вот неясная тень начала обретать форму, хотя и расплывчатую. В провалах глазниц загорелся холодный огонь — отблеск ужаса, хранимого памятью поколений чуть не со времен Начальных Эпох, когда страх был постоянным спутником жизни. Безумны были эти глаза, по их безумие далеко превосходило любое помешательство земного существа. Внешний же облик неведомой твари по-прежнему оставался расплывчат; он был почти человеческим, но это «почти» отдавало жуткой пародией и само по себе покушалось на разум всякого видевшего.

И сквозь туманную плоть были отчетливо видны кусты и трава, находившиеся позади.

Кейн почувствовал, как застучала в висках кровь... Самообладания он, однако, не потерял и теперь пытался осмыслить случившееся. Каким образом тварь, сотканная из колеблющегося тумана, могла нанести человеку вполне вещественные повреждения, оставалось превыше его понимания. Но окровавленный ужас, валявшийся у ног, безмолвно свидетельствовал: призрачный демон очень даже запростоправлялся с материальными вещами.

Пуританин понятия не имел, с кем ему выпало столкнуться и на что еще способен его странный противник. Он был твердо уверен только в одном: Соломон Кейн не станет удирать от нечисти по пустынной дороге, не будет с криком падать, настигаемый и вновь сбивающий с ног. Может быть, ему придется умереть, ну так что ж! Он умрет, не отступив ни на шаг, и все раны будут у него на груди!

Он увидел, как распахнулась призрачная пасть, исторгнув все тот же хохот. Раздаваясь в двух шагах, этот смех потрясал и выворачивал душу. Внимая этому, казалось бы, трубному гласу своего рока, Кейн хладнокровнейшим образом навел длинноствольный пистолет и выстрелил в демона.

Раздался умопомрачительный вопль, в котором ярость и изумление дерзостью человека соседствовали с насмешкой. Тварь бросилась вперед, словно облако летящего дыма. Длинные прозрачные руки протянулись к Кейну, чтобы ухватить его и швырнуть наземь.

Кейн, когда приходила нужда, был способен двигаться с быстротой оголодавшего волка. Он мгновенно разрядил второй пистолет — этот выстрел, как и первый, не произвел на демона особого впечатления, — потом выхватил из ножен длинную рапибу и тотчас всадил ее в прозрачную грудь нападавшего. Клинок свистнул в воздухе и пролетел насквозь, не встретив никакого сопротивления. А в следующий миг ледяные пальцы уже стискивали плоть Кейна, со звериной силой раздирая и одежду, и кожу.

Соломон бросил бесполезный клинок и попробовал схватиться с соперником врукопашную. Но это было все равно что сражаться с туманом, с парящей тенью, притом вооруженной когтями не меньше кинжалов. Яростные удары Кейна проваливались в пустоту. При внешней худобе, он обладал железной хваткой — но возможно ли заключить в объятия воздух?.. Существо было нематериально. Все, за исключением обезьяниных пальцев с их кривыми когтями, да еще жутких глаз, так и стремившихся выжечь ему душу.

Кейн понял: дело плохо. Одежда его свисала клочьями, на теле кровоточило не меньше двух десятков глубоких ран. Однако решимости у Соломона ничуть не убавилось,

и мысль о возможности бегства даже не явилась ему на ум. А если бы и явилась, пуританин, верно, густо покраснел бы от стыда. Чтобы он, Кейн, сошелся с кем-то в единоборстве — да вдруг отступил?..

Он отлично понимал, что гибель близка и вряд ли ми-нуема, что его тело, скорее всего, так и останется лежать рядом с бренными останками первой жертвы... Мысль о смерти не пугала его. Гораздо важнее было достойно посторять за себя, пока еще не наступил конец, и, если возможно, причинить сверхъестественному противнику хоть какой-то ущерб.

Демон и человек сражались друг с другом, стоя над растерзанным трупом, облитые серебряным светом восходящей луны. И на стороне демона были все преимущества, за исключением одного. И это единственное обстоятельство поистине стоило всех остальных. Ибо если ненависть способна придать существу тонкого плана смертоносную материальность, почему бы и мужеству не воплотиться грозным оружием, поражающим призрака?..

Кейн продолжал яростно биться, пуская в ход и руки, и ноги, и кулаки, и в какой-то миг обнаружил, что демон... начал пятиться перед ним, а убийственный хохот сменился криками ярости и смущения.

Мужество — вот истинное оружие мужчины. С ним, не моргнув, сильные духом предстают хоть перед адovskyми вратами. И даже легионы сил Тьмы бессильны против него.

Соломон Кейп не отдавал себе в этом отчета. Он только чувствовал, что когти, терзавшие его плоть, стали как будто бы утрачивать прежнюю твердость и остроту, а глаза твари начали разгораться каким-то неведомым светом. Задыхаясь, качаясь от запредельного напряжения, Кейн по-прежнему стремился вперед. И вот наконец ему уда-

Роберт И. Говард

лосьь-таки сграбастать существо. Они вместе рухнули на земль. Демон извивался и бился, и члены его были подобны дымным, вьющимся змеям.

И тут у Кейна опять побежал по телу мороз, а волосы поднялись дыбом. Потому что в крике и бормотании демона обозначился какой-то смысл. Кейн начал понимать его.

Он слышал и понимал его не так, как один человек слышит и понимает речи себе подобного. Жуткие тайны, слетавшие с призрачных уст, ледяными каплями опадали непосредственно в его разум, и Кейн ЗНАЛ.

Глава 2

Домик старого Эзры, именуемого местными жителями скрягой, стоял у лороги в самом сердце болот, и сумрачные деревья, разросшиеся вокруг, наполовину скрывали его от взгляда. Стены дома пожирала гниль, крыша готова была обвалиться. Огромные, скользкие, зеленовато-белые грибы усеивали ветхое строение. Особенно густо облепили они окна и дверь: казалось, безглазые существа силились заглянуть внутрь. Склонившиеся деревья так переплели серые ветви, что в полумраке дом представлял этаким гномом, над плечом которого скалятся людесды.

Мимо домика вилась дорога, уводившая в глубь болот, мимо гниющих пней, заросших кочек и кишащих змеями топей. Сколько народу сновало взад и вперед по этой дороге, но лишь немногие видели старого Эзру. Да и то большей частью лишь желтое лицо смутным пятном сквозь заросшее грибами окно...

Поистине, он выглядел плотью от плоти окружающих его топей: весь скрюченный, узловатый и мрачный. Пальцы его казались цепкими корнями растений-паразитов, а нечесаные космы свисали точно лишайники с веток. Они падали на глаза, привыкшие к вечному сумраку болот. Взгляд его, лишенный живого блеска, напоминал взгляд

мертвеца. Но было в нем что-то, заставлявшее вспомнить обездонных пучинах, таящихся под покровом ряски. О коварных, вызывающих содрогание пучинах...

Вот эти-то глаза ныне созерцали пришельца, стоявшего перед дверью домишко. Незваный гость был высок ростом, худощав и темноволос. На лице его виднелись отметины когтей, а руки и ноги украшали повязки. За спиной его, опасливо держась в отдалении, толпился деревенский народ.

— Ты ли Эзра, живущий на болотной дороге? — спросил человек.

— Ну я,— неласково прозвучало в ответ.— Надо-то что?

— Где твой двоюродный брат Гидеон, тот одержимый юноша, что жил вместе с тобой?

— Гидеон?..

— Да.

— Однажды он ушел на болота и не вернулся назад,— ответствовал Эзра.— Без сомнения, он заблудился и не нашел тропы назад. Я думаю, его либо растерзали волки, либо засосала трясина, либо укусила гадюка...

— И давно ли это случилось?

— Около года назад...

— Так. А теперь слушай, скунец по имени Эзра. Вскоре после того, как исчез твой кузен, местный житель, возвращавшийся к себе домой через пустошь, подвергся нападению неведомой нечисти и был разорван в мелкие клочья, и с той поры верхняя дорога сделалась смертельно опасной. Сперва местный народ, а после и путешественники, случайно забредавшие в те края... все они пали жертвами таинственной твари. Многие умерли с того дня, и ужасен был их конец. Прошлой ночью побывал на пустошах и я. Я слышал, как убегал очередной несчастный, слы-

шал, как за ним гнались... Это был чужой человек, ничего не знающий про зло, поселившееся на дороге. Уже раненный, дважды вырывалясь он из бесовских когтей, и дважды чудовище догоняло и вновь хватало его. И наконец он умер прямо у моих ног, умер в таких муках, что зрелище их заставило бы окаменеть и святого...

...Крестьяне переминались, испуганно перешептываясь. Глаза Эзры украдкой перебегали с лица на лицо. Но Соломон Кейн по-прежнему хмуро и не мигая смотрел на него. Это был взгляд большой хищной птицы, и старый Эзра понемногу утрачивал самообладание.

— Да-да! Конечно! — забормотал он торопливо.— Как нехорошо, ах, как нехорошо! Не пойму только, мне-то ты зачем об этом рассказываешь?

— Верно, Эзра, нехорошо и очень печально. А теперь слушай дальше. Страшный демон явился передо мной из теней, и мы бились, бились насмерть над телом растерзанной жертвы. Как мне удалось одержать над ним верх, я и сам не знаю. Долгим и тяжким был наш бой, но Силы добра и света были на моей стороне, и черное зло ада не могло против них выстоять.

Я возобладал над ним, и демон бежал от меня. Я погнался за ним, но не настиг. Однако прежде, нежели удариться в бегство, нечистый дух напомнил мне страшную правду...

Старый Эзра одичало смотрел на него и, казалось, съеживался прямо на глазах.

— Зачем... ты... мне это рассказываешь? — невнятно прорычал он.

— Я вернулся в деревню и все рассказал людям,— продолжал Соломон Кейн.— Ибо я понял, что мне дарована власть навсегда освободить пустоши от заклятия. Идем с нами, Эзра!

— Куда?..— выдохнул тот.

— НА ПУСТОШИ, К СГНИВШЕМУ ДУБУ!

Эзра пошатнулся, словно от удара. Потом издал беспомощный вопль и повернулся бежать.

Резким голосом Кейн отдал приказ, и двое крепких мужиков сейчас же поспешили вперед и перехватили беглеца. Вырвав из его иссохшей ладони кинжал, они заломили ему руки — и оба содрогнулись, прикоснувшись к его холодной и липкой, словно у мертвого, коже.

Кейн жестом велел им следовать за собой и двинулся по болотной дороге. Деревенские повалили следом, и те двое, что вели Эзру, с немальным трудом удерживали внешне хилого старика. Все дальше и дальше от домика уходили они, придерживаясь заросшей тропы, что вела с болот на холмы и далее на пустоши.

Солнце уже опускалось за западный край небес, и старый Эзра, тараща выпущенные глаза, смотрел на него так, словно не мог наглядеться.

Посреди обширных торфяников высился громадный дуб, чем-то смахивавший на виселицу. У некогда мощного дерева напрочь истлела вся сердцевина ствола, осталась лишь догнивающая пустая оболочка. Здесь Соломон Кейн остановился.

Старый Эзра корчился в руках державших его и невнятно подывал.

— Год с лишним назад, — сказал Соломон Кейн, — ты, Эзра, убоялся, как бы твой безумный кузен Гидеон не поведал людям о тех жестокостях, которые ты над ним совершил. Ты увел его из дома по той самой тропе, по которой мы только что сюда добрались. И здесь, под покровом ночи, ты убил его...

Эзра съежился еще пуще и зарычал:

— Это ложь!.. У тебя нет доказательств!..

Кейн подозвал к себе проворного юношу из числа деревенских и сказал ему несколько слов. Юноша живо вска-

рабкался на пустой остов дерева. Там, высоко наверху, он запустил руку в трещину и выгреб оттуда нечто. Он сбросил свою находку вниз, и она со стуком упала к ногам старика. Эзра дико завизжал и обмяк.

На земле лежал скелет человека, и череп был расколот.

— Ты!.. Как ты дознался?.. Ты, верно, сам сатана!.. — бормотал изобличенный убийца.

Кейн сложил на груди руки.

— Тварь, с которой я бился минувшей ночью, сама поведала мне обо всем. Погнавшись же, я следовал за нею до этого самого дерева. ИБО ДЕМОН, УБИВАВШИЙ ЛЮДЕЙ, НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ПРИЗРАК ГИДЕОНА!

Эзра вновь завизжал и остервенело забился.

— Ты знал все,— хмуро проговорил Кейн.— Ты знал, кто совершает все эти непотребства на пустоشاх. Ты сам до смерти боялся призрака несчастного безумца, и потому-то ты укрыл его тело здесь, на торфянике, вместо того чтобы утопить в бездонном болоте. Ты предвидел, что неупокоенный дух будет витать близ места своей погибели. Гидеон и при жизни-то был слабоумен; где ж ему было смекнуть, как найти тебя и как отомстить! Иначе он уж точно добрался бы до твоей развалихи!.. Из всех людей он ненавидит только тебя одного, но беда в том, что его помраченный дух не способен отличить одного человека от другого. Вот он и умерщвляет всех подряд, чтобы и нареком не упустить своего погубителя. Однако стоит ему встретить тебя, и он тебя сразу узнает. И упокоится в мире. Ненависть овецствила его дух, придала ему способность убивать и калечить живую плоть. И как бы ни боялся он тебя, покуда был жив, теперь этого страха нет и в помине!.. — Кейн помолчал, глядя на солнце.— Все это я узнал от самого Гидеонова духа,— сказал он затем.— Все это он поведал мне — когда криком, когда лепетом, а

когда и молчанием хуже всякого крика. И я знаю, что утолить его жажду сможет только твоя смерть.

Люди, в том числе и Эзра, слушали затаив дыхание.

— Тяжко это,— произнес Соломон Кейн,— вот так хладнокровно приговаривать человека к смерти, да еще назначать ему казнь вроде той, что сейчас у меня на уме. Но ты умрешь, Эзра, умрешь, чтобы смогли жить другие. И — Господь свидетель! — ты более чем заслужил смерть. Но ты не должен погибнуть от петли, меча или пули. Ты окончишь свою жизнь в когтях убиенного тобою. Ибо ничего иное не упокоит эту несчастную душу.

При этих словах остатки разума покинули старого Эзру. Колени его подломились, он повалился наземь и принялся валяться у Кейна в ногах, униженно моля о смерти. Он просил сжечь его на костре, содрать кожу с живого. Но лицо пуританина оставалось непроницаемой маской, неподвижной и непоколебимой.

Боязнь, как известно, порождает жестокость. Ухватив пронзительно кричавшего Эзру, крестьяне тут же привязали его к оству дуба, и кто-то посоветовал ему, покуда есть время, примириться с Создателем. Эзра ничего не ответил, лишь кричал и кричал на одной ноте, тонко, невыносимо. Один из крестьян хотел было ударить его по лицу, чтобы прекратить этот вой, но Кейн удержал его руку.

— Пусть его примиряется хоть с сатаной, благо к нему он, скорее всего, и отправится,— хмуро проговорил пуританин.— Солнце вот-вот сядет. Ослабьте его цуги, так, чтобы к наступлению темноты он сумел освободиться. Все-таки негоже встречать смерть связанным, словно для жертвоприношения!

Когда они уходили, старый Эзра еще какое-то время издавал бессвязные, нечленораздельные, нелюдские звуки.

Потом затих и лишь с ужасающей пристальностью вглядывался в заходящее солнце.

Шагая в толпе крестьян прочь через торфяники, Соломон Кейн бросил один последний взгляд назад, на привязанного к дереву человека. Неверный свет снова шутил шутки на пустоши: Эзра показался Кейну чудовищным грибом, выросшим на гнилом стволе.

В это время приговоренный издал нечеловеческий вопль.

— Смерть! Смерть! — разнеслось远远о окрест. — Черепа!.. Я вижу черепа среди звезд!..

— Всякому дорога жизнь, даже такому заскорузлому, негодному и злому созданию,— вздохнул Кейн.— Будем надеяться, что у Господа нашего и для душ вроде него найдется местечко. Такое, где огненная мука очистила бы их от скверны подобно тому, как огонь очищает древесину от гнилостных грибов. И все-таки тяжело у меня на сердце...

— Да что вы так убиваетесь, сэр,— подал голос один из мужиков.— Вы только волю Божью исполнили. Сегодняшнее наше деяние добрые плоды принесет!

— Если бы знать,— невесело проговорил Кейн.— Если бы знать!..

Солнце село, и темнота сгустилась с удивительной быстротой. Так, словно из неведомых бездн ринулись великанские тени и поспешили окутать этот мир темнотой. Потом из ночной мглы долетело странное эхо, и люди невольно остановились, оглядываясь туда, откуда пришли.

Там ничего не было видно. Непроглядная тень затопила широкие пустоши, лишь рослая трава волновалась на чуть заметном ветру и шептала, нарушая зловещую тишину.

Потом из-за далекого горизонта выплыл багровый диск луны. И на фоне его на какое-то мгновение мелькнул чер-

Роберт И. Говард

ный, четко очерченный силуэт. Скрюченный, уродливый, он тем не менее промчался, едва касаясь земли. А за ним, быстро настигая, невесомо проплыла скользящая тень — безымянный, бесформенный ужас!..

Секунду они были видны против ликâ луны, потом слились в жуткий клубок и скрылись среди теней.

Докатившись издалека, над пустошами прозвучал один-единственный взрыв замогильного хохота...

Десница судьбы

— А на рассвете — болтаться ему в нетле!.. Хо-хо!..

Говоривший гулко хлопнул себя по ляжке и захочтал скрипучим высоким голосом. Хвастливо посмотрел он на слушателей и отхлебнул из кружки, стоявшей у локтя. Скачущие в камине языки пламени озаряли пивушку. Никто не ответил.

— Роджер Симеон, некромант! — продолжал насмехаться обладатель скрипучего голоса. — Мастер дьявольских искусств, творец черной магии! Вот что я вам скажу: вся его богомерзкая сила не помогла ему, когда королевские солдаты окружили его пещеру и взяли колдуна в плен. А уж как он бежал, когда поселяне начали швырять булыжники ему в окна! Думал спрятаться, во Францию улизнуть! Как бы не так! Хо-хо! Сколько веревочки ни вейся, а петелькой свяжется, да вокруг шеи. Славное дельце, вот что я вам скажу!

И он бросил на стол небольшой мешочек. Раздался мелодичный звон.

— Плата за жизнь чернокнижника! — похвалился хвастун. — Что скажешь, мой кислолицый друг?

Эти последние слова относились к молчаливому, очень скромно одетому мужчине, сидевшему у огня. Он был высок ростом, широкоплеч и, по-видимому, исключитель-

но силен, несмотря на худобу. Он обратил к говорившему бледное неулыбающееся лицо и уставился на него глубокими светлыми глазами, источавшими ледяной холод.

— А я тебе вот что скажу... — произнес он негромко, но в голосе чувствовалась немалая моць. — Если кто и совершил сегодня богоизбранное дело, так это ты. Тот некромант, надо думать, вправду заслуживал смерти. Но он доверял тебе! Считал тебя своим единственным другом! А ты продал его за несколько поганых монет! Помяни мое слово: встретишься ты с ним однажды в аду...

Человек, только что похвалявшийся выдающей колдуна, — нсвысокий коренастый малый с недоброй физиономией, — открыл было рот для гневной отповеди, но вдруг передумал. Ледяной взгляд еще какое-то время продолжал сверлить его. Потом высокий малый гибким конечным движением поднялся на ноги и вышел из комнаты. Шаг у него был пружинистый и широкий.

— Эт-то что еще за... хрень выискался? — возмущенно и обиженно осведомился хвастун. — Да кто он вообще такой, чтобы защищать чернокнижников от честных людей? Клянусь Богом живым, пусть благодарит свою удачу за то, что схлестнулся с Джоном Редли и сохранил сердце в груди!..

Кабатчик нагнулся вперед, подцепил уголек, чтобы разжечь длинную трубку, и сухо ответил:

— Следовало бы тебе самому поблагодарить свою удачу, Джон. За то, что она придержала твой язык и ты не сцепился с ним уже как следует. Это же Соломон Кейн, пуританин, и самый свирепый волк по сравнению с ним — сущий ягненок!

Редли пробурчал что-то вполголоса, выругался и мрачно запихал мешочек с деньгами обратно в кошель.

— Останешься на ночь? — спросили его.

— Ну... — хмуро проворчал Редли. — Хотел бы я еще побывать в Торкертайне и посмотреть, как завтра вздернут паршивца Симеона, но на рассвете меня ждут в Лондоне...

Кабатчик налил всем вина.

— Выпьем за спасение души Симеона, да сжалится над ним всеблагий Господь. И да не получится у него отомстить тебе, Редли, как он поклялся.

Джон Редли подскочил на месте и вновь выругался, но потом расхохотался с безудержной удалью. Никто не поддержал его. Смех прозвучал фальшиво и оборвался на визгливой ноте.

Соломон Кейн проснулся внезапно и сразу сел на постели. Спал он очень чутко, как и подобает человеку, чья жизнь постоянно зависит от проворства его вооруженной руки. Если он проснулся посреди ночи, значит, где-то внутри дома раздался некий подозрительный звук. Кейн прислушался. Насколько он мог разглядеть в щелочку ставней, снаружи ночь понемногу уступала белесому рассвету, озарявшему мир.

Исожданно подозрительный звук послышался снова. Он был тихим-тихим и раздавался снаружи. Ни дать ни взять кошка, цепляясь коготками, карабкалась вверх по стене. Кейн внимательно слушал. Когда неподалеку кто-то как будто начал возиться со ставнями, пуританин поднялся. Держа в руке рапиру, он бесшумно пересек комнату и резким движением распахнул ставни настежь.

Глазам его предстал мир, еще окутанный предутренней дремой. Поздняя луна висела над западным горизонтом. И нигде ни души! За окном не таилось никакого грабителя. Соломон высунулся наружу и взглянул на оконко соседней комнаты. Ставни были растворены.

Кейн закрыл окно и прошел к двери. Потом выбрался в коридор. Действовал он, как обычно, по первому побуждению. Времена были лихие, к тому же таверна стояла в нескольких милях от ближайшего городка — Торкертауна. Самое обычное дело было нарваться на бандита. Судя по всему, кто-то не в меру прыгкий проник в комнату рядом с его собственной, и спящему постояльцу, вполне возможно, грозила непуточная опасность. Кейн не стал терять время, взвешивая все «за» и «против». Он просто подошел к двери соседней комнаты и открыл ее.

Окно было распахнуто настежь. Туманный свет вливался внутрь бледным призрачным мерцанием. На кровати похрапывал человек: Кейн узнал в нем Джона Редли, того самого, кто выдал некроманта солдатам.

Потом взгляд его метнулся к окну. На подоконнике сидело существо, смахивающее на здоровенного паука. Пока Кейн смотрел, оно соскочило на пол и устремилось к кровати. Существо было темной окраски и волосатое, и Кейн заметил, что оно испачкало подоконник. Оно перескнуло по полу пятью толстыми лапками с очень странно выглядевшими суставами и в целом производило такое невероятное и жуткое впечатление, что Кейн на мгновение прирос к месту. Тем временем существо добралось до постели и довольно неуклюже стало карабкаться наверх.

Оно влезло по столбику и замерло над спящим человеком, и тут только Кейн бросился вперед, громко крича, чтобы предупредить Редли. Тот сейчас же проснулся и посмотрел вверх. Глаза его выкатились от ужаса, изо рта вырвался отчаянный вопль. В тот же миг паукообразная тварь шлепнулась вниз, прямехонько ему на шею. Кейн уже подлетел к постели, но толстые лапки успели сомкнуться, и он услыхал, как хрустнули у Редли шейные позвонки. Мужчина обмяк и остался лежать непод-

движно, с головой, неестественно повернутой на сломанной шее. Паук расплел лапки, свалился на простыню и тоже безжизненно замер.

Кейн склонился над жуткими останками... Он не мог поверить тому, что видели его собственные глаза. Ибо существо, сумевшее разомкнуть ставни, проползти по полу и убить Джона Редли прямо в постели, было не чем иным, как... человеческой рукой!

Теперь она валялась безжизненная, обмякшая. Очень осторожно Кейн насадил ее на кончик рапиры и поднял, чтобы рассмотреть поближе. Рука, несомненно, принадлежала порядочному здоровяку: широкая, мясистая, с толстыми пальцами и почти сплошь заросшая волосами, точно обезьянья лапа. Она была отрублена у запястья и вся перемазана запекшейся кровью. На указательном пальце виднелось узкое серебряное колечко. Форма украшения показалась Кейну достаточно необычной: колечко было сделано в виде свернувшейся змеи.

Кейн все еще рассматривал свою устрашающую находку, когда вбежал кабатчик, облаченный в ночную рубаху. В одной руке он держал свечу, в другой — короткоствольную фузью с раструбом.

— Это еще что такое?.. — ахнул он, увидев труп на кровати. Потом он заметил то, что Кейн держал на кончике рапиры, и вся краска сползла с его лица.

Он приблизился, словно бы влекомый необоримой тягой, и глаза у него вышли из орбит. Наконец он подался назад — и буквально рухнул на стул. Он был до того бледен, что Кейн решил уже — сейчас потеряет сознание.

— Во имя Бога живого, сударь!.. — прощентал кабатчик, еле дыша. — Нельзя допустить, чтобы эта штука опять как-нибудь ожила!.. Там внизу, в пивной, сэр, в камине горит огонь...

Было еще утро, когда Кейн явился в Торкертаун. Уже на окраине городка ему попался словоохотливый юнец, окликнувший его:

— Добрый день, сэр! Без сомнения, вы, как и все добрые люди, раны будете услышать, что Роджер Симеон, черный колдун, был повешен пынче на рассвете. Только-только солнце взошло, а его — хлоп! — и повесили.

Кейн хмуро спросил:

— Надеюсь, он принял смерть мужественно?

— О да, сэр! Нисколечко не дрогнул! Только все равно странное вышло дело. Видите ли, сэр, он пропутешествовал к виселице всего с одной рукой вместо двух!

— Каким образом? — спросил пуританин.

— Да вот прошлой ночью, когда он сидел в кутузке — ну до чего, говорят, был похож на большущего черного паука!.. — так вот, когда он там сидел, он подозвал стражников и попросил исполнить свое последнее желание. И знаете какое? Представляете — попросил отсечь себе правую руку! Солдат, ясное дело, понапалу не захотел ее отсекать, но потом забоялся, как бы Роджер его не проклял, и у отгяидал ему правую руку возле запястья. И что вы думаете? Симеон, не колеблясь, хватаст се левой рукой да ка-ак запулит отрубленную кисть через зарешеченное окошко паружу, притом бормота всякую безбожную волниебную ахинсию! У стражников, сударь мой, от страха кишки узлом завязались, только Роджер им сказал: не бойтесь, ребята, вас не трону, у меня, мол, дельце осталось только с Джоном Редли, который предал меня.

Сказав так, добрый сэр, он перетянул обрубок руки, чтобы не текла кровь, и остаток ночи просидел точно в трансе. Только бормотал что-то время от времени, ну, знаете, как бывает, когда человек забудется и сам с собой разговаривает. Сидит, понимаете ли, и все бубнит: «Впра-

во, вправо!» А потом шепчет: «Левее, левее!» И еще: «Вперед, скорее вперед!..»

Да, сударь, жуть слушать его было, говорят. И смотреть, как он там сидит, скривившись и прижимая окровавленный обрубок руки! А когда стало светать, за ним пришли и повели его вешать. И когда ему уже надевали петлю на шею, он вдруг весь страшно напрягся, а мускулы на правой руке, ну на той, где не хватало кисти, прямо вздулись, как будто он кому-то шею ломал!

Стражники, конечно, бросились к нему, но тут он и сам успокоился. И начал хохотать, да так громко и страшно! Только петля оборвала его смех, и он замолчал и повис, черный и неподвижный, и рассветное солнце смотрело на него своим красным глазом! Вот так, добрый сэр!

Соломон Кейн молча слушал его, вспоминая нечеловеческий ужас, исказивший черты Джона Редли в миг пробуждения, оказавшийся для него последним мгновением жизни. Рок настиг его. Туманная картина поднялась перед умственным оком пуританина: отрубленная волосатая кисть, цепляясь пальцами, ползет, точно слепой черный паук, по ночному темному лесу, потом вверх по стене. Возится с оконными ставнями, влезает на подоконник... Дальше кончалось нарисованное воображением и начинались доподлинные воспоминания, и вспоминать то мрачное и кровавое, что случилось потом, у Кейна не было ни малейшей охоты. Какое пламя испависти, должно быть, пыпало в сердце обреченного колдуна! И какой недоброй силой он обладал, если уж сумел отправить в дорогу собственную отсеченную руку и заставил ее исполнить задуманное! Какая воля, помноженная на магию пылающего рассудка, вела ее к цели!..

И все-таки, желая окончательно удостовериться, Соломон поинтересовался:

— А что, его отсеченную руку так и не отыскали?

Роберт И. Говард

— Нет, добрый сэр. Люди нашли место, куда она свалилась, когда вылетела из тюремного окошка. Только там ее уже не было, а в сторону леса тянулся кровавый след. Волк, конечно. Унюхал, цап! — и унес.

— Да, — сказал Соломон Кейн. — Конечно. И руки у этого Роджера Симеона, верно, были большущие и волосатые? И небось, колечко на указательном пальце носил?..

— Точно, сэр! Как есть носил, на правой руке. Серебряное такое колечко в виде свернувшейся змейки...

Багровые тени

Глава 1

ПРИХОД СОЛОМОНА

Лунный свет мерцал и переливался, и между окутанными тьмою деревьями плавал обманчивый серебристый туман. В воздухе попахивало дымом. Слабый ветерок еле слышно шептал, гуляя по долине. Он словно бы нес с собой некую тень, только эта тень происходила вовсе не от причудливой игры лунного света.

Человек шел широким, размашистым шагом. Он особо не спешил, но и угнаться за ним было бы нелегко. Много миль отшагал он, отправившись в путь еще на рассвете... Неожиданно человек остановился. Слабое шевеление между деревьями бросилось ему в глаза. Он беззвучно отступил в темноту, между тем как рука его опустилась на рукоять длинной, гибкой рапиры.

Настороженно двинулся он в ту сторону, где заметил движенис. Он напрягал зрение, всматриваясь в темноту под деревьями. Край здесь был диковатый и небезопасный; то, что таилось впереди, вполне могло нести для неосторожного путешественника смерть. Однако потом человек убрал ладонь с эфеса и наклонился, всматриваясь.

Перед ним действительно была смерть. Но не в том облике, который мог бы его напугать.

— Пламя Гадеса!.. — пробормотал он. — Девушка!.. Кто это тебя так, дитя мое? Не бойся, я не причиню тебе зла.

Девушка смотрела на него снизу вверх. Бледное лицо в темноте напоминало вянущую белую розу.

— Кто... ты... такой? — с трудом выдохнула она.

— Безземельный скиталец, — прозвучало в ответ. — Друг всем понавшим в беду.

Странно было слышать, как мягко и ласково разговаривает грозный с виду мужчина. Девушка попыталась приподняться на локте. Мужчина немедленно опустился рядом с ней на колени, бережно приподнял беспомощное тело, устроил голову девушки у себя на плече. Он коснулся рукой ее груди, и на ладони остался кровавый след.

— Скажи, кто?..

Он говорил с ней тихо и нежно, точно с испуганным ребенком.

— Ле Лу... Волк! — быстро слабеющим голосом прошептала она. — Он... и его люди... ворвались в нашу деревню... там, в долине, в миле отсюда... Они грабили... убивали и жгли...

— Так вот откуда дым, которым здесь пахнет, — пробормотал странник. — Продолжай, дитя.

— Я пыталась бежать... Он... Волк... он погнался за мной... и поймал... и...

Она умолкла, содрогаясь всем телом, не в силах продолжать.

— Я понимаю, девочка. А потом?

— Потом он... он... пырнул меня... кинжалом... о, во имя всех святых! Пожалейте...

Тоненькое тело мучительно содрогнулось еще раз — и обмякло. Мужчина осторожно опустил девушку наземь и легонько прикоснулся к ее лбу.

— Умерла! — пробормотал он.

И медленно поднялся, машинально вытирая руки о плащ. Угрюмая морщина зловеще прорезала его лоб. Однако он не стал произносить никаких поспешных обетов, не начал сыпать проклятиями, призывая ангелов и чертей.

— Кто-то поплатится за это жизнью! — вот и все, что он сказал, и голос его был холoden и совершенно спокоен.

Глава 2

ЛОГОВО ВОЛКА

— Ты глупец!..

В голосе, скорее похожем на рычание, звучала такая ледяная ярость, что у того, кто павлск ес на себя, кровь застыла в жилах. Названный глупцом ничего не ответил, только опустил глаза и мрачно уставился в пол.

— И ты, и все остальные, кто у меня под началом!..

Говоривший наклонился вперед и для вящей убедительности пристукнул кулаком по грубо сколоченному столу, стоявшему между ними. Это был рослый, поджарый мужчина, наделенный силой и гибкостью леопарда. Лицо у него было худое, хищное, жестокое. А в глазах плясала насмешка, свирепая и безоглядная.

Человек, к которому он обращался, хмуро ответил:

— Говорю же тебе, этот Соломон Кейн — сущий дьявол, выпущенный из ада.

— Чушь!.. Недоумок! Он просто человек, и не более! И запросто умрет от пистолетной пули или хорошего тычка шпагой!

— Вот так же думали Жан, Хуан и Ла Коста,— мрачно заявил второй.— Ну и где они все теперь? Об этом можно

спросить у горных волков, которые уже объели мясо с их мертвых костей. А где, по-твоему, прячется этот Кейн? Мы обшарили все горы и долины на много лиг кругом, и ни следа! Говорю тебе, Ле Лу, он выскакивает прямо из преисподней! Ох, не надо было нам вешать того монаха месяц назад... Чуяла моя душенька, не будет добра!

Волк раздраженно барабанил пальцами по столу. Его черты носили печать всевозможных безумств и пороков, но все-таки это было лицо умного человека, умеющего думать. И суеверий своих подчиненных он вовсе не разделял.

— Еще раз повторяю: чушь! — сказал он. — Мерзавцу просто повезло напасть на иштеру или какое-нибудь неизвестное нам ущелье. Где он и отсиживается в течение дня...

— Ну да, а по ночам вылезает наружу и убивает нас одного за другим, — угрюмо подхватил его собеседник. — Он охотится на нас, точно волк на оленей... Господи боже ты мой, Ле Лу! Ты вот называешь себя Волком, но, помяни мое слово, нарвался ты в конце концов на волка еще покруче себя! Мы и прознали-то про этого парня, только когда нашли Жана,— вот уж был крутейший бандюга из всех, по ком плачет петля! И что же? Находим мы его, приколотого к дереву его же кинжалом, всаженным в грудь, а на щеках у мертвого вырезаны три буквы — С. Л. К.!

Потом настал черед Хуана Испанца. Когда мы его подобрали, он еще некоторое время жил и успел рассказать нам, что грохнул его англичанин, зовут Соломон Кейн, и, дескать, поклялся этот англичанин страшной клятвой истребить всю нашу шайку! А дальше? Ла Коста, наш первый фехтовальщик, отправляется разыскивать Кейна, будь он неладен. И, во имя демонов вечного пекла, похоже, он таки его отыскал! Или мы не нашли на скале его

тела, этак аккуратненько проткнутого шпагой? Что же теперь? Ждать, пока чертов англичанин всех нас порешит, как баранов?..

— Верно, лучшие наши ребята нашли смерть от его руки,— задумался предводитель бандитов.— Ладно, остальные скоро вернутся... те, что отправились на маленькую прогулку — навестить отшельника. Придут, тогда и посмотрим. Не век же ему прятаться, этому Кейну. Когда-нибудь мы... э, а это еще что за херня?..

Оба разбойника вертнулись на месте: стол между ними пересекла чья-то тень. Через порог пещеры, служившей логовом шайке, шатаясь и едва держась на ногах, ввалился человек. Он смотрел прямо перед собой вытаращеными глазами, качаясь па подламывающихся ногах. Рубаха его была разукрашена багровыми пятнами. Он проковылял еще несколько шагов вперед и повалился прямо на стол, а потом сполз с него на пол.

— Дьяволы ада!...— выругался Волк, подхватывая беспомощно обмякшее тело и водворяя его на стул.— Где остальные, твою мать?

— Убиты... все... убиты...

— Каким образом? Да говори же, чтоб сатана тебя увёлок!

Волк яростно тряс раненого. Второй бандит стоял столбом, выпучив от ужаса глаза.

— Мы... добрались к избушке отшельника... как раз когда восходила луна...— пробормотал вновь пришедший.— Я остался снаружи... на стреме... остальные вошли... мы собирались пытать отшельника, чтобы он выдал нам... где он хранит... свое золото...

— Да-да, все так! Дальше-то что? — Волк сходил с ума от нетерпения.

— И тогда все вспыхнуло огнем... избушка с грохотом взлетела в воздух... и пошел огненный дождь... сквозь

этот дождь я увидел... отшельника и при нем второго... высокого такого парня в черном... Они выходили из-под деревьев...

— Соломон Кейн!.. — проскрежетал второй бандит.— Так я и знал, что это он! Я...

— Заткнись, недоумок! — рявкнул главарь.— А ты — продолжай!

— Я побежал... Кейн... он погнался за мной... ранил вот... но я убежал... и подоспел сюда... первым...

И раненый уронил голову, тяжело навалившись на стол.

— Дьяволы и святые!.. — взревел Волк.— Как хоть он выглядит, этот Кейн?

— Как... как сам сатана...

Голос беглеца угас, и с ним жизнь. Мертвое тело вновь сползло на пол и осталось лежать кровавой бесформенной кучей.

— К-к-как сат-т-тана!.. — прыгающая челюсть мешала второму разбойнику говорить внятно.— Я ж-же т-тебе гов-ворил! Это сам р-рогатый... во плоти... Я г-говорил...

Он умолк: снаружи в пещеру просунулась чья-то испуганная физиономия.

— Кейн?..

— Да! — Волк был слишком растерян, чтобы с ходу сорвать.— Смотри там как следует; Ла Мон! Сейчас мы с Крысой к тебе подойдем...

Физиономия исчезла, и Ле Лу повернулся к подельщику.

— Похоже, банде конец,— сказал он.— Ты, я да этот ворюга Ла Мон — вот и все, что осталось. Что предлагаешь?

Побелевшие губы Крысы с трудом выдавили:

— Бежать!..

— Дело говоришь. Давай-ка заберем камешки и золото из этих сундучков да и сделаем ноги через потайной ход.

— А Ла Мон?..

— Пускай себе караулит хоть до второго пришествия. Тебе что, больно надо делить добро натрое, когда можно пополам?

Злобную рожу Крысы перекосило бледное подобие улыбки. Потом неожиданная мысль поразила его.

— Он... — и Крыса кивнул на мертвое тело на полу, — помпится, сказал что-то вроде: «...и я подоспел сюда ПЕРВЫМ». Он что, имел в виду, что Кейн гнался за ним, направляясь... сюда?

Волк только кивнул, утвердительно и нетерпеливо. Крыса поспешил броситься к сундукам.

Огарок, лежавший на колченогом столе, освещал безумную сцену. Неверный мечущийся свет бросал алые блики, отражаясь в луже крови, все шире расползшейся из-под мертвого тела; он играл на самоцветах и золоте, которые торопливые руки выгребали из окованных медью сундуков, выстроившихся вдоль стен; наблюдательный взгляд мог бы заметить, что глаза Волка блестели совершенно так же, как и его спрятанный в пожны кинжал.

И вот наконец сундуки опустели, а их содержимое мерцающей грудой было свалено на окровавленный пол. Тут Волк замер, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Ночь стояла безлунная, и живое воображение Ле Лу мигом нарисовало убийцу в черном — Соломона Кейна, крадущегося сквозь мрак по его душу. Неслышный силует, тень среди теней... Волк криво усмехнулся. Ну уж нет, сказал он себе. На сей раз англичанин останется в дураках.

— Еще сундучок забыл, — буркнул он, указывая рукой.

Крыса удивлению издал невнятное восклицание и склонился над сундуком, на который указывал ему главарь. Волк прыгнул к нему одним движением, как кот. И по

рукоять всадил кинжал Крысе в спину, между лопатками. Разбойник осел на пол, не издав ни звука.

— Спрашивается, зачем вообще что-то делить? — пробормотал Ле Лу, вытирая кровавый клинок о камзол мертвца. — А теперь позаботимся о Ла Моне...

И он шагнул было к двери, но тут же остановился как вкопанный. А потом отшатнулся назад.

Сперва ему показалось, что это была тень человека, стоявшего на пороге. Потом он увидел, что это была не тень, а сам человек. Человек в черном. Который стоял до того неподвижно, что свет мерцающего огарка делал его пугающе похожим на тень.

Он был высокого роста, не меньше самого Ле Лу, и одеяние его было сплошь черно, от шляпы до башмаков. Такая простая, ничем не украшенная, облегающая одежда, удивительно подходившая к бледному сумрачному лицу. Широкие плечи и длинные руки безошибочно выдавали в нем фехтовальщика. Как, впрочем, и длинная рапира, которую он держал наготове. Лицо человека было замкнутое и мрачное. Угрюмая бледность, особенно в неверном свете, делала его похожим на выходца с того света. А грозно сдвинутые брови и вовсе наводили на мысли о дьявольщине.

Глаза — большие, глубоко посаженные, немигающие — смотрели на бандита в упор, и Ле Лу, глядя в них, так и не понял, какого же они цвета. Пожалуй, единственным, что нарушало вполне мефистофельское обличье незнакомца, был высокий, широкий лоб. Но и его наполовину скрывала мягкая шляпа без пера.

Вот такой человек. Лоб мечтателя, погруженнего внутрь себя идеалиста — и притом глаза и тощий прямой нос фанатика. Какого-нибудь стороннего наблюдателя наверняка потрясли бы глаза обоих этих мужчин,

стоявших друг против друга. В обоих таилась невероятная сила. Но на том и кончалось все сходство.

Глаза у бандита были как камни, свет в них почти не проникал. В них переливался мерцающий блеск, но какой-то мелкий, поверхностный. Так блестит дорогой самоцвет. В глазах были насмешка, бесстрашие и жестокость.

Глаза человека в черном глубоко сидели в глазницах и холодно взирали из-под нависших бровей. Тому, кто заглядывал в них, казалось, будто смотришь с края обрыва в ледяную бездну.

И вот их взгляды схлестнулись, и Волк, привыкший внушать страх, ощутил странный холодок, пробежавший по позвоночнику. Это чувство было ему внове. И он, живший ради острых ощущений, неожиданно захотел.

— Соломон Кейн, я полагаю? — поинтересовался он, постаравшись, чтобы вопрос прозвучал вежливо-нелюбопытно.

— Да, я Соломон Кейн. — Мощный голос породил эхо в пещере. — Готовы ли вы ко встрече с Создателем?

— А как же, месье, — с поклоном ответствовал Ле Лу. — И более готов, чем теперь, уже не буду. А вы, месье?

— Без сомнения, я неправильно поставил вопрос, — мрачно сказал Кейн. — Изменим его. Готовы ли вы ко встрече со своим хозяином сatanой?

— Что до этого, месье... — Ле Лу с подчеркнутой скучающим видом рассматривал свои ногти, — то позвольте заверить вас, что именно в данный момент я готов представить его рогатому величеству наиболее блестательный отчет о своих земных делах. Другое дело, не вижу особенной нужды с этим спешить. Еще успеется.

Волку не надо было гадать о судьбе Ла Мона: присутствие Кейна в пещере говорило само за себя. Так что на его окровавленную рапиру можно было и не смотреть.

— Что я действительно хотел бы знать, месье,— сказал бандит,— так это, во-первых, какого дьявола вам понадобилось сживать со свету мою банду? И во-вторых, каким образом вы ухайдакали этот последний выводок моих недоумков?

— На второй ваш вопрос, сэр, ответить легко,— сказал Кейн.— Видите ли, я сам распустил слух, что у отшельника якобы водится золотишко. Я знал, что оно притянет ваших подонков, как падаль — стервятников.

Я следил за хижиной отшельника несколько дней и ночей, и вот ваши негодяи наконец появились. Заметив их, я предупредил святого человека, и мы вместе укрылись в чащбе за домиком. Когда же они забрались внутрь, я высек огонь и поджег фитиль, который загоравшеменно протянул. Быстро пробежала между деревьями огненная змея и подожгла порох, заложенный под полом хижины. Тогда-то и прозвучал взрыв. Он вдребезги разнес домик и отправил тринадцать грешников среди дыма и пламени прямиком в ад. Одному, правда, посчастливилось удрать, но и его я настиг бы в лесу, не запнувшись о корень. Я упал, и он сумел от меня улизнуть.

— Месье! — сказал Ле Лу, отвещивая Кейну еще один низкий поклон.— Позвольте выразить вам мое восхищение: вы очень умный и храбрый противник. Но откройте же мне наконец, почему вы охотились за мной, точно волк за оленем?

— Несколько месяцев назад вы с дружками разграбили деревушку в долине,— ответил Кейн, и выражение его лица сделалось еще более зловещим.— Вы лучше меня знаете, что там происходило, Ле Лу. Среди прочих там была одна девушка, сущее дитя. Она бежала, пытаясь спастись от вашей низменной похоти. Вы поймали ее! Зверски изнасиловали, пырнули кинжалом и бросили умира-

рать. Я напеч ее там. И над ее бездыханным телом решил, что выслежу вас и убью.

— Ммм... — Ле Лу паморщил лоб, пытаясь припомнить. — Ну... кажется, какая-то девка в самом деле была. Mon Dieu! Да никак тут у нас замещаны нежные чувства!.. Могли я предполагать, месье, что вы влюбчивы! Ax, друг мой, стоит ли ревновать? На белом свете предостаточно баб...

— Остерегись, Ле Лу! — вырвалось у Кейна, и страшная угроза была в его голосе. — Мне еще не приходилось пытать человека до смерти, но, во имя Господне, ты меня искушаешь!

Его тон и в особенности божба, весьма неожиданная для такого человека, как Кейн, заставили Ле Лу несколько протрезветь. Глаза разбойника сузились, рука потянулась к рапире. Однако потом он вновь подчеркнуто расслабился.

— Кем она вам доводилась, месье? — поинтересовался он лениво. — Супругой?

Кейн ответил:

— Я ее никогда прежде не видел.

— Nom d'un nom! — выругался бандит. — Да что вы за человек таковой, месье, что возлагаете на себя долг кровной мести из-за деревенской девки, которую и знать-то не знали?

— А вот это уж, сэр, мое личное дело. Хватит с вас и того, что я его на себя возложил.

Вообще говоря, Кейн сам не смог бы толком этого объяснить. Да он и не пытался рыться в себе. Фанатикам вроде него хватает простых побуждений, чтобы перейти к немедленным действиям.

— Истинную правду вы говорите, месье... — Ле Лу отчаянно пытался выиграть время; дюйм за дюймом он отодвигался назад, да так ловко, что даже у Кейна, следив-

шего за ним, точно хищный ястреб за мышью, никаких подозрений не зародилось.— Месье,— продолжал Волк.— Вы, наверное, сами себе кажетесь доблестным рыцарем. Странствуете себе, как какой-нибудь Галахад, и только и делаете, что заступаетесь за слабых. Но мы-то с вами знаем, что суть не в том. Здесь, на полу перед вами, лежит императорский выкуп. Может, разделим его по-хорошему? А потом, коли вам так уж не нравится мое общество,— nom d'un nom! — быстренько разойдемся в разные стороны!

Кейн двинулся вперед, холодные глаза начали разгораться зловещим огнем. Он в самом деле казался громадной хищной птицей, готовой броситься на добычу.

— Вы полагаете, сэр, что я такой же мерзкий негодяй, как и вы сами?

Ле Лу внезапно откинул голову, глаза его сияли почти что дружеской насмешкой и какой-то полубезумной бравадой. Он расхохотался во все горло, так что эхо пошло гулять по пещере.

— О нет, вы, глупец! Я и в мыслях не держал равнять вас с собой! Mon Dieu, месье Кейн, да вы по гроб жизни не останетесь без работы, вздумай вы мстить за всех девок, каким я задирал юбки!..

— Смертные тени!.. Да что ж это я трачу время на переговоры с таким негодяем!.. — зарычал Кейн неожиданно кровожадно. Худое тело прыгнуло вперед с силой и скоростью внезапно отпущенного лука.

Но в тот же самый миг Ле Лу, не переставая безумно смеяться, отлетел назад гибким прыжком, не уступавшим в стремительности движению Кейна. Ои безукоризненно рассчитал время. Выброшенные руки опрокинули стол и вышибли его в сторону. Огарок свечи перевернулся и погас.

Пещера погрузилась во тьму.

Роберт И. Говард

Рапира Кейна запела в темноте, как стрела. Она свирепо полосовала воздух, но, увы, впустую.

— Прощайте, месье Галахад!.. — насмешливо донеслось откуда-то спереди.

Кейн ринулся на голос со всей яростью человека, не находящего должного выхода своему гневу... и уткнулся в сплошную стену, отнюдь не поддававшуюся ударам. Ему показалось, будто откуда-то долетел отзвук издевательского хохота...

Он повернулся назад, вглядываясь в устье пещеры, смутно вырисовывавшееся во мраке. Быть может, его враг захочет проскользнуть мимо него и незамеченным выскочить вон?.. Но нет, человеческий силуэт так и не появился во входном проеме. Когда же Кейн наконец нащупал свечу и вновь зажег ее, в пещере никого не было. Только он сам — и мертвец на полу.

Глава 3

ПЕСНЬ БАРАБАНОВ

Над темными водами пронесся шепот. БУМ, БУМ, БУМ! — угрюмо повторял кто-то невидимый. Далеко в стороне и ещетише, но другим тембром звучало: ТАМ, ТАМ, ТАМ! Голоса перекликались: барабаны разговаривали друг с другом. Какие вести передавали они? Какие чудовищные тайны разглашали они над мрачными пространствами темных джунглей, которые ничья рука еще не наносила на карту?..

— Говоришь, это и есть та самая бухта, где останавливался испанский корабль?..

— Да, сеньор, это точно она! Неф клянется, что именно тут белый человек покинул судно и ушел в джунгли один-одинешенек.

Кейн хмуро кивнул:

— Тогда высадите меня здесь. Одного. Ждите меня в течение семи дней. Если до тех пор я не вернусь или не подам вести о себе, вы вольны плыть куда пожелаете.

— Да, сеньор.

Волны лениво ударяли в борт шлюпки, несшей Кейна к берегу. Деревня, в которую он направлялся, стояла на

речном берегу в некотором отдалении от моря. Густой лес не давал рассмотреть ее с корабля.

Кейн выбрал для высадки время, казавшееся наиболее опасным: он решил сойти на берег ночью. Он знал из опыта: если тот, за кем он гнался, был сейчас в деревне, то среди бела дня подойти к ней пипочем не удастся. Если же он хотел застичь его, приходилось идти на сумасшедший риск, углубляясь в джунгли в ночной темноте. Что ж, он почти всю жизнь только тем и занимался, что шел на сумасшедший риск. Вот и теперь он без колебаний ставил на карту свою жизнь ради того, чтобы подобраться к туземной деревне под покровом темноты.

На берегу, выйдя из шлюпки, он вполголоса отдал несколько распоряжений. Гребцы погнали суденышко назад к кораблю, стоявшему на якоре поодаль от берега. Кейн же повернулся к морю спиной, и непроглядные ночные джунгли поглотили его. Он крался вперед, сжимая в одной руке обнаженную рапиру, а в другой — кинжал. Далекое бормотание барабанов помогало ему держать верное направление.

Кейн двигался как леопард: легко и бесшумно. Он осторожно выбирал путь, и каждый его нерв пребывал в напряжении. Идти было тяжело. Лианы путались под ногами и билли его по лицу. Приходилось ощупью пробираться между необъятными стволами гигантских деревьев. И повсюду вокруг него в густом подлеске не прекращались весьма подозрительные шорохи, а иногда даже и мелькало что-то живое. Трижды он едва не наступал прямо на змей, которые, извиваясь, поспешно отползали. Один раз между деревьями зло блеснули хищные кошачьи глаза. Впрочем, стоило Кейну приблизиться, и глаза погасли и скрылись.

ТАМ, ТАМ, ТАМ! — долетала безостановочная песнь барабанов. Война и смерть! — говорили они. Кровь и по-

хоть! Жертвы на алтарях! Людоедские пиршства! Барабаны говорили о душе Африки, о духе джунглей, пели о богах, обитающих во внешних пространствах, о богах, ревущих и бормочущих по-звериному: человечество знало их, когда над миром только восходила заря веков. Боги с глазами зверей! — пели барабаны. Боги с клыкастыми пастьями, с прожорливыми утробами, с когтистыми лапами! Черные боги!..

И еще о многом то кричали, то нашептывали барабаны, пока Кейн со всей возможной скрытностью пробирался по лесу. И где-то в глубине его души пробудилась некая струнка и зазвучала в такт барабанам. Ты тоже родной сын этой ночи, — приговаривали барабаны. В тебе самом — сила тьмы, дикая первобытная сила. Вернись во глубину веков! К НАМ, К НАМ, К НАМ! Позволь нам научить тебя, научить тебя, научить!..

Наконец Кейн выбрался из непролазных дебрей иступил на четко видимую тропу. Впереди, за деревьями, проглянули деревенские огни: отблески пламени проникали сквозь щели ограды. Кейн быстрым шагом двинулся по тропе.

Он шел тихо и осторожно, держа рацию перед собой. Глаз пытался различить малейшее движение впереди. Деревья, стоявшие по сторонам, казались угрюмо замершими великанами; где-то высоко вверху над тропой их ветви сплетались в сплошной полог, и дальше нескольких шагов попросту ничего не было видно.

Подобно темному призраку, двигался он по мглистой тропе, держа в постоянном напряжении и ухо, и глаз... И все-таки ничто не предупредило его об опасности. Громадный расплывчатый силуэт выдвинулся из теней и беззвучно сшиб его с ног.

Глава 4

ЧЕРНЫЙ БОГ

ТУП, ТУП, ТУП! — с мертвящей монотонностью повторял невидимый барабан. Теперь Кейн знал, что барабан говорил о нем, да, о нем, на все лады насмехаясь: ТУП, ТУП, ТУП! ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП! Источник рокота то уносился в немыслимую даль, то, наоборот, приближался вплотную: протяни руку — и коснешься. И вот наконец ритм барабана совпал с бисирем кровви в висках, то и другое размерение повторяло: ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП...

Туман в мозгу постепенно рассеивался. Кейн попытался поднять руку, чтобы пощупать голову, но обнаружил, что крепко связан по рукам и ногам. Он лежал на полу хижины... один, или здесь был кто-то еще? Кейн вывернулся наизнанку, оглядывая свою тюрьму. Нет, он был не один. Из темноты на него смотрела пара блестящих глаз. Смутная тень постепенно обретала конкретную форму, и Кейн решил, что это-то, верно, и был человек, ударивший его на тропе. Но почти сразу переменил свое мнение. Этому человеку просто не под силу было бы нанести подобный удар. Он был тощий, высокий и морщинистый. Живыми в этих мозгах казались только глаза. Змеиные глаза.

Он сидел на корточках возле двери, почти голый, если не считать набедренной повязки да еще обычного набора всевозможных браслетов на руках и ногах. Кроме украшений по всему телу старика были развесаны амулеты из слонового бивня, кости и кожи — как звериной, так и человеческой. Кейн был потрясен, когда этот человек неожиданно заговорил с ним... по-английски.

— Ха, твоя проснулась! Зачем твоя сюда приходи, а?

Кейн, естественно, сейчас же задал неизбежный вопрос:

— Как вышло, что ты... говоришь на моем языке?

Туземец ухмыльнулся:

— Моя бывай рабом... долго-долго назад, когда моя была мальчик. Моя, Нлонга, великий могучий колдун! Другая такая человек больше нет! А ты — твоя ищи брата?

— Брата!.. — зарычал Кейн. — Я! Брата!.. А впрочем, я действительно разыскиваю одного человека.

Чернокожий кивнул.

— А что будет, — спросил он, — если твоя его находи?

— Он умрет!

Туземец вновь ухмыльнулся.

— Моя — могучий шаман! — заявил он ни к селу ни к городу. Потом склонился ниже: — Твоя ищи белый человек, глаза как у одна такая леопард, верно? Верно?.. — И он расхохотался, заметив реакцию Кейна. — Так вот, твоя слушай. Этот, Глаза-как-у-леопарда, и царь Сонга сильно-сильно договорись. Их теперь кровный братья, так. Твоя молчи! Моя твоя помогай, а твоя помогай моя. Так?

Кейн подозрительно осведомился:

— А с какой это радости ты мне собираешься помогать?

Шаман нагнулся над ним совсем уж вплотную и прошептал:

— Белый человек — правая рука Сонги. Царь Сонга сильней Нлонга. Белый человек — большая-большая кол-

дун. Если белый брат Нлонги убивай Глаза-как-у-леопарда, он становись кровный побратим Нлонги. Тогда Нлонга становись сильней Сонга. Твоя-моя договорились, так!

И с этими словами он, что называется, испарился из хижины. Растворился в воздухе, как призрак. Кейн, пожалуй, не взялся бы утверждать, что весь их разговор ему попросту не примерещился.

Он видел отблеск костров, горевших снаружи. Бараны еще продолжали греметь, но в этакой близи их голоса накладывались один на другой, утрачивая гиннотический ритм. Все сливалось в сплошной шум, в котором трудно было угадать какой-либо смысл, не говоря уже о мелодии. Явственно ощущалась только насмешка. Дикарская, злорадная и жестокая...

«Все ложь,— подумалось Кейну. Голова у него еще шла кругом.— Здешние джунгли лживы, точно лесная колдунья, что заманивает людей на погибель...»

Потом в хижину вошли два воина, два темнокожих гиганта, раскрашенные с головы до пят и с копьями в руках. Подняв англичанина, они вынесли его наружу. Он чувствовал, что они пересекли какое-то открытое место. Здесь Соломона поставили на ноги, прислонили спиной к столбу и привязали. Повсюду вокруг — сзади, спереди, по сторонам — кривлялись черные разрисованные рожи. Пламя костров то взвивалось, то опадало, и лица то были ясно видны, то пропадали во тьме. Наконец прямо напротив Кейна замаячило нечто огромное, бесформенное, непристойно уродливое. Жуткая, черная, как ночь, пародия на человека. Угрюмая, неподвижная, заляпанная кровью. Ужас. Душа Африки. Ее Черный бог.

Чуть впереди изваяния, по сторонам, на резных тронах из тикового дерева сидели двое мужчин. Тот, что справа, был, несомненно, местным уроженцем: настоящая гора малосимпатичной плоти, поросячий глазки и мокрые крас-

ные губы на лице, отмеченном печатью многих пороков. Человек этот изо всех сил старался казаться величественным.

Второй же...

— Ах, месье, вот мы и встретились снова!

Говоривший мало чем напоминал теперь того учтивого негодяя, что морочил голову Кейну в горной пещере. Одежда его превратилась в тряпье, на лице прибавилось морщин. Прошедшие годы не только состарили его, он еще изаместно опустился. И все-таки глаза его горели прежней шальной безоглядностью, а голос был полон насмешки.

— Последний раз я слышал этот поганый голос в темной пещере,— спокойно сказал Кейн,— из которой ты удирал, как напуганная крыса.

— И верно, в тот раз все выглядело совершенно иначе, чем теперь,— невозмутимо ответствовал Ле Лу.— Интересно, что ты предпринял, когда тебе надоело метаться, точно слону в темноте?

Кейн помедлил, потом сказал:

— Я вышел наружу...

— Так же, как и вошел? Ну конечно! Я должен был догадаться, что у тебя мозгов не хватит отыскать скрытую дверь. Клянусь копытами дьявола!.. Достаточно было тебе наподдаться сундуку с золотым замочком, стоявшему возле стены, и сейчас же открылся бы потайной ход, которым я и воспользовался!

— Как бы то ни было,— сказал Кейн,— я шел по твоему следу до ближайшего порта, где сел на корабль и последовал за тобой в Италию, куда ты, как я выяснил, направился.

— Да, и, во имя всех святых, во Флоренции ты едва не загнал меня в угол. Хо-хо!.. Месье Галахад ломился в дверь таверны, в то время как его покорный слуга вылезал в окошко с другой стороны. И не охромей твоя лошадь, ты как есть застукал бы меня на римской дороге. Опять

же, в Испании, едва мой корабль отвалил от пристани, как на причал верхом прискакал все тот же месье Галахад. И что тебе взбрело вот так гоняться за мной по всему миру? Не возьму в толк!

— Потому что ты — негодяй, которого я обязан убить,— холодно отвечал Кейн.

Другого объяснения у него не было. Он провел жизнь в скитаниях по белу свету, всюду помогая угнетенным и сражаясь с обидчиками слабых. Что двигало им — он не взялся бы истолковать. Да он никогда и не пытался. Такова уж была его планида, и все. Его страсть, одержимость всей его жизни. Жестокость и несправедливость неизменно разжигали в нем яростное пламя гнева. Столь же смертоносное, сколь и неугасимое. И когда оно возгоралось как следует, в полную силу, — тут уж Кейн не знал ни отдыха, ни покоя, покуда не исполнял долг мести в полной мере, до самого конца. В тех редких случаях, когда ему вообще случалось задумываться о мотивах собственных поступков, он полагал себя сосудом Божьего гнева, изливающегося на головы неправедных. Он считал себя до кончиков ногтей пуританином. Но назвать его пуританином в полном смысле слова было, конечно же, нельзя.

Ле Лу передернул плечами:

— Я еще мог бы понять, если бы чем-нибудь навредил тебе лично. Mon Dieu! В этом случае я и сам поперся бы казнить врага хоть на край света. Но о тебе я и слыхом не слыхал до того самого дня, когда тебе вздумалось объявить мне войну. То есть я бы, понятное дело, с превеликим удовольствием убил и ограбил тебя, да как-то случая не представилось...

Кейн не ответил. Холодный гнев переполнял его. Он сам того не осознавал, но Волк давно уже стал для него не просто врагом. Француз превратился для Кейна в насто-

ящий символ всего, с чем пуританин сражался всю свою жизнь: жестокости, подлости, насилия и бесстыдства.

Ле Лу прервал его мстительные размышления, спросив:

— А что ты сделал с сокровищами, которые я столько лет собирал? Дьявол тебя задери, я всего-то успел подхватить горстку монет и побрякунек, когда удирал!

— Кое-что я взял себе и использовал, пока охотился за тобой,— ответил Кейн.— А остальное отдал крестьянам, которых ты обирал.

— Сатана и угодники!..— выругался Ле Лу.— Слушай, месье, да ты самый крутой педоумок из всех, что мне попадались. Высыпать такую казну — ах, дьявол, кишки в узел завязываются, как подумаю! — в лапы подлому мужичью! А впрочем... ох-хо-хо-хо! Дак они ж все друг дружке из-за этих денег горло перегрызут!.. От человеческой природы никуда не уйдешь!..

— Верно, будь ты проклят! — неожиданно взвился Кейн. Его самого по этому поводу беспокоила совесть.— Перегрызут, потому что они глупцы. А что я мог сделать еще? Оставить клад в пещере, чтобы люди нагишом ходили из-за нишеты? Они, кстати, его все равно бы нашли, так что свара так и так разразилась бы. А вот если бы ты не отбирал эти деньги у их законных владельцев, никакой беды бы не произошло!..

Волк молча улыбался ему в лицо. Кейн был убежденным противником богохульства и бранился исключительно редко. Соответственно, ругаль в его устах всегда приводила в замешательство его оппонентов, какими бы заскорузлыми мерзавцами они ни были.

Пуританин вновь подал голос:

— Аты — почему ты бегал от меня по всему свету? На самом-то деле не так уж ты меня и боялся!

— Угадал, месье. Не боялся. А почему — право же, и сам не знаю. Привычка, наверное. Привычка, она, видишь ли, вторая натура. Должен признаться, я совершил ошибку, не грохнув тебя той же ночью в горах. Я уверен, что сиравился бы с тобой в поединке. Заметь, до нынешнего дня я ни разу не пытался подстроить тебе засаду. Меня просто как-то не радовала мысль о встрече с тобой. Прихоть, месье, обыкновенная прихоть. А кроме того, — *mon Dieu!* — это до некоторой степени вернуло мне остроту переживания. Я ведь думал, что все острые ощущения уже исчерпал. А кроме того, человек в любом случае — либо дичь, либо охотник. До сих пор я был дичью, и постепенно мне это начало надоедать. Тем более что я решил, будто ты уже потерял мой след...

Кейн ответил:

— Раб, привезенный из здешних краев, рассказал одному португальскому капитану об «англичанине», который якобы высажился с испанского корабля и отправился в джунгли. Этот слух достиг моих ушей, и тогда я нанял корабль, заплатив капитану за то, чтобы он доставил меня в то же место.

— Восхищаюсь упорством месье Галахада. Но и я, согласись, достоин твоего восхищения! Я пришел в эту деревню один — один среди дикарей и людоедов! Я даже и языка толком не знал, так, нахватался от того раба на корабле. И все же я умудрился завоевать расположение вождя Сонги и сместил Нлонгу, этого старого шарлатана. Я храбрей тебя, месье! У меня не было корабля, на который я мог бы отступить, — а тебя, как я знаю, ожидает корабль...

— Я признаю твоё мужество, — сказал Кейн. — Но ты удовлетворился тем, чтобы править каннибалами... да ты и среди них-то самая последняя душонка. А я собираюсь вернуться к своему народу... как только покончу с тобой.

— Твоя уверенность в себе тоже внушала бы уважение, не будь она так забавна. Эй, Гулка!

На открытую площадку между ними выбрался исполинский дикарь. Второй подобной громадины Кейн не видал никогда в своей жизни, только вот двигалась эта громадина с гибкой фацией кошки. Руки и ноги чернокожего походили на необъятные древесные стволы, при каждом движении на них вздувались и опадали могучие мышцы. Голова, напоминавшая обезьяну, росла прямо из чудовищных плеч. Громадные руки казались сродни лапам гориллы, под низким покатым лбом прятались звериные глазки. Плоский нос и толстые красные губы дополняли облик полнокровной дикости, необузданной и первобытной.

— Это Гулка, убийца горилл,— сказал Ле Лу.— Это он подкараулил тебя на тропе и уложил кулаком. Ты сам вроде волка, месье Кейн, но с того мгновения, как твой корабль показался на горизонте, за тобой пристально следило множество глаз. И будь ты хоть сам леопард, ты бы нипочем не заметил Гулку и не услышал его. Он охотится на самых хитрых и свирепых животных, охотится в их родных лесах. Он ходит на север и ловит там «зверей-ходящих-как-люди» — вроде вот этого, которого он убил несколько дней назад.

Кейн посмотрел туда, куда указывал палец Ле Лу, и увидел странное человекоподобное существо, висевшее на коньке одной из крыш. Оно было наколото, как на вертел, на острый конец шеста. Свет костров не давал возможности подробно его рассмотреть, но в очертаниях волосатой туши безошибочно угадывалось нечто несомненно человеческое.

— Самка гориллы, которую Гулка убил и приволок в деревню,— пояснил Ле Лу.

Гигант между тем нагнулся к Кейну и уставился англичанину прямо в глаза. Пуританин хмуро отвёгнулся на его взгляд, и спустя некоторое время дикарь, не выдержав, отвернулся и подался назад. Взгляд мрачных глаз Кейна глубоко проник в сумеречное сознание охотника на горилл, и впервые за всю свою жизнь Гулка почувствовал страх. Желая отделаться от неприятного ощущения, он обвел соплеменников вызывающим взглядом; а потом, совсем уж как животное, с барабанным звуком ударила себя в грудь, оскалил зубы и напряг колоссальные мышцы. Никто не издал ни звука. Это было первобытное звероподобие во всей своей красе. Те из зрителей, кто был больше похож на людей, наблюдали за Гулкой — одни, посмеиваясь про себя, другие — терпимо, третий — с тихим презрением.

Охотник на горилл украдкой покосился на Кейна, приверяя, смотрит ли на него англичанин. А потом, издав устрашающий рев, вдруг бросился вперёд и выдернулся из круга одного из мужчин. Трясущаяся жертва отчаянно заверещала, умоляя о снисхождении. Великан швырнул несчастного на грубо сработанный алтарь перед темным идолом, блеснуло занесенное копье, и крики оборвались. Чёрный бог молча наблюдал за происходившим у его подножия, и чудовищные черты, казалось, озаряла жестокая улыбка. Он испил крови. Удовлетворило ли его приношение?

Гулка прошествовал назад, остановился против Кейна и принялся вращать окровавленным копьем перед лицом белокожего пленника.

Ле Лу захочотал... И тут неожиданно на сцене появился Нлонга. Откуда он взялся, осталось никому не известным. В какой-то миг его не было, а потом он попросту возник, сгустился из воздуха рядом со столбом, у которого стоял привязанный Кейн. Колдун прожил век, изучая

все тонкости искусства создавать иллюзии; он в совершенстве умел появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. На самом деле для этого нужно было просто очень хорошо чувствовать внимание зрителей. Остальное зависело от ловкости.

Царственным жестом маленький колдун отстранил Гулку, и великан охотник поспешил шарагнулся прочь, как бы для того, чтобы поскорее убраться с глаз Нлонги... но тут же с невероятной скоростью развернулся и сплеча шарагнул шамана ладонью по уху. Удар был страшный. Нлонга свалился, точно бык на бойне. В мгновение ока его сцепили и привязали к тому же столбу, рядом с Кейном. Из толпы народа послышался неуверенный ропот. Царь Сонга метнулся в ту сторону грозный взгляд, и ропот сразу затих.

Ле Лу откинулся на спинку трона и захохотал уже во все горло:

— Вот и добрался ты до конца тропы, месье Галахад! Старое чучело думало, что я знать не знаю о его замыслах. Тогда как я прятался за дверью хижины и слышал от и до всю вашу занимательную беседу. Ха-ха, месье! Черный бог предпочитает пить кровь, но я уговорил Сонгу предать вас обоих огню. На мой вкус, это зрелище гораздо забавней, хотя, боюсь, нам придется отказаться от обычного в таких случаях пира. Ибо, когда у вас под ногами разведут огонь, сам дьявол не убережет ваших тел: обуглитесь, как головни!

Сонга возвысил голос, отдавая приказ. Несколько его соглеников принесли дрова и сложили их возле ног Нлонги и Кейна. Тем временем к колдуну вернулось сознание, и он что-то прокричал на своем языке. Толпа, скрытая темнотой, вновь недовольно заворчала. Сонга прорычал что-то в ответ...

...Кейп взирал на происходившее почти отрешенно. Где-то в глубине его души пробуждались смутные воспоминания — нет, не сго собственные, но те, что дремали в крови человечества, передаваясь от поколения к поколению. Память, подернутая мглой минувших эпох. А ведь я уже был здесь, думалось Кейну. Я все это уже видел когда-то. Мертвенный отсвет огня, разгоняющий утромую ночь, плотный круг лиц, больше похожих на звериные морды, оскаленные в кровожадном предвкушении... И бог! Там, чуть поодаль, окутанный тенью,— Черный бог! Все тот же Черный бог, думающий во мраке свои ужасные думы. Я уже слышал эти песнопения, этот остервенелый хор молящихся. Там, во глубине веков, на заре мира. Я слышал беседу рокочущих барабанов, я видел жрецов, распевающих заклинания, я чувствовал этот отвратительный, но и возбуждающий, довлеющий надо всем запах только что пролитой крови. Все это я уже наблюдал — не здесь и не сейчас, но наблюдал. А теперь я сам стал главным действующим лицом...

Тут до него дошло, что кто-то пытается докричаться до него сквозь гром барабанов. Собственно, он тут только осознал и то, что барабаны снова заговорили.

— Моя — могучий колдун! — бубнил Нлонга.— Сейчас твоя смотри хорошенько: моя совершай великое вуду. Сонга!!!

Вопль шамана был таков, что его услышали даже сквозь безостановочный гул барабанов. Сонга расслышал обращенные к нему слова и расплылся в усмешке. А грохот тамтамов перешел в негромкое зловещее бормотание. Так что Кейн вполне отчетливо расслышал голос Ле Лу:

— Нлонга говорит, что сейчас он совершил волшебство, о котором и упоминать-то вслух нельзя, не то помрешь. Никогда раньше оно не совершалось прилюдно:

это что-то из области неназываемой магии. Смотри же внимательнее, месье Галахад! Кажется, мы позабавимся еще лучше, чем я ожидал!

И Волк издевательски засмеялся.

Подошедший к Кейну дикарь нагнулся и поджег хворост у его ног. Крохотные язычки пламени побежали по сухим веткам. Еще один чернокожий собрался было подпалить дрова возле Нлонги, но вдруг замешкался. Колдун беспомощно повис на веревках, уронил голову на грудь. Казалось, он умирал.

Ле Лу подался вперед, выругавшись:

— Клянусь пятками дьявола! Никак этот поганец задумал лишить нас развлечения? Неужели мы не увидим, как он корчится в пламени?..

Воин опасливо притронулся пальцем к телу Нлонги и сказал что-то на своем наречии.

— Точно, откинул копыта, мошенник! — засмеялся Ле Лу.— Да уж, великий колдун, во имя...

Голос его неожиданно оборвался. Замолкли и барабаны, причем так, как будто барабанщиков постигла одновременная смерть. Тишина распространилась над деревней подобно туману. Некоторое время Кейн слышал только потрескивание пламени, чей жар постепенно уже подбирался к его телу.

Все глаза были обращены к мертвцу, распростертому на алтаре. Ибо мертвое тело начало шевелиться!

Сперва неуверенно дернулась кисть, потом задвигалась рука, а там и все остальные члены. Мертвец повернулся на бок, медленно и словно бы незряче. Потом сел. И наконец тело убитого выпрямилось и встало, пошатываясь. Зрелище было кошмарное. Ни дать ни взять жуткий новорожденный прорвал скорлупу небытия и вывалился в мир, с трудом удерживаясь на негнущихся, широко расположенных ногах и бесцельно помахивая в воздухе руками.

ми. И все это в могильной тишине, в которой был отчетливо слышен каждый испуганный вздох.

Кейн мог только завороженно смотреть. Впервые в жизни он испытал потрясение, начисто лишившее его не только дара речи, но и способности думать. Не говоря уж отом, что для него, пуританина, явление руки дьявола было более чем очевидно.

Ле Лу так и прирос к трону, тараща глаза. Его ладонь замерла в воздухе на середине небрежного жеста, который он собирался сделать, когда его застигло невообразимое зрелище. Подле него сидел Сонга: рот и глаза царя были одинаково распахнуты настежь. Пальцы судорожно дергались, переползая по резным подлокотникам трона.

Мертвец раскачивался на ногах-ходулях, заваливаясь назад так, что взгляд незрячих глаз устремлялся прямо к багровой луне, только-только выплывавшей из-за черной стены джунглей. Он шел вперед, вернее сказать, кое-как ковылял, описывая неправильный полукруг, раскидывая руки, чтобы удержать равновесие. Наконец он повернулся лицом к двум тронам. И к Черному богу.

В огне, подобравшемся к самым ногам Кейна, треснула ветка, и в страшной тишине этот слабый звук показался пушечным выстрелом. Ходячий ужас сделал шаг вперед. Неверный, ковыляющий шаг. И еще. И пошел, широко расставляя ноги, прямо к двоим правителям, безгласно застывшим у подножия Черного бога.

— Axx... — дружно выдохнула толпа, придавленная испугом и темнотой.

Жуткий мертвец неотвратимо продвигался вперед. Вот он уже в трех шагах от тронов! Ле Лу, познавший страх едва ли не впервые за свою кровавую жизнь, вжался в спинку кресла. Сонга же, нечеловеческим усилием разорвав путы страха, огласил ночь безумным криком. Вскочив на ноги, он замахнулся кошем, извергая невнятные

угрозы. Мертвец ничуть не замедлил пугающей поступи, и тогда Сонга метнул коньс, вложив в бросок всю силу могучих мышц. Конь пробил грудь шедшего, пропоров кости и плоть. Но ни на миг не задержало его движения, ибо мертвые не умирают. И Сонга застыл на месте, простирая руки вперед, словно тщась заслониться от неумолимого рока...

Они стояли друг против друга, и пляшущие от светы пламени метались с лунными лучами, навеки запечатлевая эту сцену в памяти всех видевших. Немигающие глаза мертвеца смотрели прямо в глаза Сонги, и в зрачках царя отражались разом все ужасы преисподней.

Потом мертвые руки неуклюже протянулись вверх и вперед. И упали Сонге на плечи. При первом же их прикосновении дородный царь словно бы съежился и усох. И завизжал так, что слышавшие этот визг уже не могли его позабыть. И рухнул наземь, увлекая за собой пошатнувшегося мертвеца. Два неподвижных тела распростерлись у ног Черного бога. Ошарашенному Кейну уже казалось, будто в глазах идола, устремленных на них, в этих огромных нечеловеческих глазах плескался такой же нечеловеческий смех.

Стоило упасть царю Сонге, как все туземцы хором испустили ужасающий вопль. А Кейн, взгляду которого застарелая ненависть придавала особую зоркость, поискал Ле Лу и увидел, как он спрыгивает с трона и исчезает в темноте. Потом все заслонило мельтешение черных тел: обезумевшая толпа ринулась через площадку. Множество ног смело и разнесло пылающий хворост, и Кейн почувствовал, как торопливые руки освобождают его от пут. Другие руки освободили тело колдуна и опустили его на земь.

Только тут до пуританина начало смутно доходить, что племя приписывало все произшедшее магическому ис-

кусству Нлонги. И что они как-то связывали месть колдуна с ним самим, с Кейном. Наклонившись, он тронул ладонью плечо шамана. Никакого сомнения: тот был мертв, тело успело даже остыть. Он посмотрел на другие два тела. Сонга тоже не подавал признаков жизни, и то, что убило его, больше не двигалось.

Кейн хотел было подняться... и замер. Что это? Наваждение? Или его ладонь, еще сжимавшая плечо мертвого Нлонги, действительно ощутила вернувшееся тепло?.. Голова у него снова пошла кругом. Он склонился над колдуном... Нет, ошибки быть не могло. По телу шамана в самом деле распространялось тепло. Снова застучало сердце, разгоняя по жилам отяжелевшую кровь...

Нлонга открыл глаза и уставился на Кейна бессмысличным взором новорожденного младенца. У англичанина бегали по спине мурашки, но он продолжал смотреть. И увидел, как в глаза вернулся змеиный блеск, а толстые губы раздвинула знакомая хитрющая ухмылка. Нлонга зашевелился и сел, а племя разразилось каким-то странным песнопением.

Кейн огляделся кругом. Воины, все без остатка, стояли на коленях, раскачиваясь взад и вперед, и Кейн рас слышал в их молитвенном хоре нечто вроде призыва.

— Нлонга! Нлонга! Нлонга!.. — повторяли они с ужасом, восторгом и яростным, почти пугающим поклонением. Колдун поднялся на ноги, и мужчины пали перед ним ниц.

Нлонга удовлетворенно кивнул.

— Моя — великий колдун! Могучий шаман! — с торжеством объявил он Кейну. — Твоя видела? Моя дух выходит наружу — убивай Сонга — потом возвращайся обратно в одно такая тело! Моя твори великое вуду! Моя — страшный колдун!

Кейн оглянулся на Черного бога, возвышавшегося над ними в ночи. Потом снова посмотрел на Нлонгу, который протягивал к изваянию руки, словно заклиная обитавшее в нем божество.

«Я вечен,— раздались в мозгу Кейна слова, исходившие, казалось, из уст этого божества.— Кто бы ни находился у власти, мне не приходится жаждать. Вожди, убийцы, волшебники... все они проходят мимо меня, бесплотные, словно призраки мертвых, сквозь предрассветные джунгли. Один я по-прежнему стою здесь — и властвую...»

...Кейн толчком вернулся к реальности, вырвавшись из мистических туманов, по которым отправился было путешествовать его разум.

— Ле Лу! — вспомнил он.— Куда скрылся мерзавец?

Нлонга крикнул что-то своим. Добрых двадцать рук сейчас же указали ему направление. Откуда-то вытащили Кейнову рапиру и вернули владельцу. Мистика кончилась: он снова был беспощадным мстителем, призванным искоренять в людях неправду. Кейн схватил рапиру и помчался по горячему следу с быстротой обозленного тигра.

Глава 5

КОНЕЦ КРОВАВОЙ ТРОПЫ

Ветви и цепкие лианы хлестали англичанина по лицу. Испарения тропической ночи клубились удущивым туманом. Луна плыла высоко над джунглями. Яркий серебряный свет и неизрекаемые тени. Невероятный черно-серебряный узор на земле между деревьями...

Кейн не мог знать наверняка, этим ли путем и проследовал человек, за которым он гнался. Но то, что кто-то здесь прошел, причем совсем недавно, не подлежало никакому сомнению. Сломанные ветки, затоптанный мох — все в один голос свидетельствовало: здесь только что промчался беглец. Промчался в спешке, не разбирай дороги.

Кейн летел по следу, не сворачивая ни вправо ни влево. Он верил в справедливость своей мести. Как и в то, что Силы, управляющие людскими судьбами, рано или поздно сведут его лицом к лицу с Ле Лу.

Позади него вновь зарокотали, заухали барабаны. Что за новость в эту ночь разносили они по чащам лесов! О торжестве Илонги, о смерти царя Сонги, о свержении чужака по прозвищу Глаза-как-у-леонарда... и еще кое о чем гораздо более странном и страшном, о чем даже и бараба-

ны рассказывали приглушенной скороговоркой: о неназываемой магии.

А может, все это вообще был просто сон? — спрашивал себя Кейн, спеша вперед через лес. Или какая-нибудь бесовщина?.. Да, он своими глазами видел, как мертвый восстал, убил и умер опять. Неужели Нлонга в самом деле устремил свой дух, свою жизненную сущность во вне, чтобы заставить мертвое тело, труп, исполнять свою волю? Но ведь он действительно умер у столба пыток. А тот, другой, лежавший на алтаре, поднялся и совершил то, что совершил бы сам Нлонга, будь он свободен. А потом, когда иссякла неведомая сила, двигавшая труп, Нлонга ожила!

Да, думал Кейн. С фактами не поспоришь. Где-то там, в лебрях джунглей и речных проток, Нлонга, должно быть, натолкнулся на разгадку великой Тайны. Тайны жизни и смерти, Тайны, позволявшей отбросить оковы и ограничения плоти. И каким же образом эта темная мудрость, рожденная в кровавых потемках мрачного континента, была вручена колдуну? Какой жертвой ублаготворил он своих черных богов? Какой ритуал оказался достаточно чудовищным, чтобы заставить их выдать бережно хранимый секрет?.. И какие непредставимые путешествия вне времени и пространства предпринимал этот Нлонга, когда научился посыпать свое «я» в те пустынные, затянутые туманной дымкой края, что доселе посещали лишь мертвые?..

В тенях — мудрость, пели у него за спиной барабаны. Мудрость и волшебство. Войди во тьму и обрети мудрость. Ибо древняя магия избегает солнечных лучей. Стань МУДР, МУДР, МУДР! Мы помним, мы помним, рокотали барабаны, мы помним затерянные века, когда человек еще не сделался разумен... и глуп. Мы помним богов-зверей, богов-змей, богов-обсзыян, помним и Безымянных,

черных богов, тех, что пили кровь, тех, чьи голоса гремели в угрюмых холмах, тех, что пировали и тешли свою плоть. Им принадлежали тайны жизни и смерти. Мы помним, нашептывали барабаны. Мы помним, мы помним...

Все это слышал Кейн, несясь по джунглям вперед. Он отлично понимал все то, что рассказывала песнь барабанов воинам в пернатых уборах, жившим выше по реке. Другое дело, что с ним эти барабаны разговаривали на другом языке, глубинном, не нуждавшемся в словах.

Луна, проплывавшая высоко в полуночной синеве неба, освещала ему путь. И вот, выскочив на очередную поляну, он увидел стоявшего там Ле Лу. Обнаженный клинок в руке Волка казался длинным серебристым лучом. Он стоял, расправив плечи, и прежняя вызывающая улыбка играла у него на губах.

— Долгий путь, месье, — сказал он Кейну. — Подумать только, он начался в горах Франции, а кончается в африканских джунглях! Потому что мне надоела эта игра, месье, и ты умрешь. Только не думай, будто я бежал из деревни, чтобы спастись от тебя. Все дело в дьявольской магии старого сморчка Нлонги, которая тряхнула-таки мои нервы. В чем я охотно признаюсь. Ну и еще то, что все племя, как я видел, готово было обратиться против меня...

Кейн осторожно приближался, гадая про себя, что за смутиная, давно позабытая струнка рыцарства вдруг заговорила в душе насильника и убийцы и заставила его вот так, в открытую, принять вызов. Он наполовину готов был подозревать какую-то ловушку. Он обшарил глазами края поляны, но и его острое зрение не различило в джунглях никакой лишней тени, никакого движения.

— Защищайтесь, месье! — решительно прозвенел голос Ле Лу. — Хватит уже нам плясать друг за дружкой по

всему миру! Нам никто больше не помешает: мы здесь одни!..

Двою мужчин сошлись вплотную. Ле Лу ринулся вперед, не договорив фразы. Он сделал стремительный выпад... Человек, не обладавший отменной реакцией, умер бы на месте. Кейн отбил вражеский клинок, и его собственная рапира сверкающей змейкой метнулась вперед, располовив рубаху Волка, проворно отскочившего назад. Ле Лу ознаменовал свою неудавшуюся хитрость сумасшедшим смешком. И налетел снова — с умопомрачительной скоростью и с яростью тигра. Тонкий клинок в его руках превратился в прозрачный серебряный веер.

Две рапиры мелькали, скрещиваясь и разлетаясь. Лед и пламень сражались на этой поляне. Ле Лу дрался с энергией и хитростью безумца. Его защита была безупречна, сам же он стремился использовать любую возможность, которую предоставлял ему противник. Он метался, точно пламя, он отскакивал и нападал, фингил, колол, отбивал... и при этом хохотал как сумасшедший и беспрерывно сыпал проклятиями.

Искусство Кейна было холодно, расчетливо и экономично. Он не делал ни единого лишнего движения — ровно столько, сколько было необходимо. Казалось, он заботится о своей защите куда больше, нежели Ле Лу, но если уж он атаковал, то без раздумий, а если делал выпад, то его рапира летела вперед с быстротой разящей змеи.

Противники стоили друг друга во всех отношениях — и ростом, и силой, и длиной рук. Может, Ле Лу был быстрей — всего на чуть-чуть, на долю мгновения. Зато искусство Кейна было отточенней, совершенней. Взрывные движения Волка напоминали порывы жаркого воздуха из устья раскаленной печи. Руку Кейна направляла скорее холодная мысль, исжегли инстинкт. Хотя и он по своей натуре был прирожденным убийцей. Такой бойцов-

ской слаженности движений всего тела нельзя научить — с этим надо родиться.

Выпад, защита, обманный выпад, неожиданный вихрь ударов...

— Ха!.. — возглас торжествующей ярости вырвался у Волка: на щеке пуританина выступила кровь. Казалось, вид крови окончательно превратил Ле Лу в зверя, имея нем которого называли его люди. Кейну пришлось отступить перед этим кровожадным натиском. Вырочем, пуританин оставался, как и прежде, невозмутим.

Время шло, а в окружении сумрачных джунглей все с той же неослабной энергией лязгала сталь. Теперь противники стояли точно посередине поляны. Ле Лу — без единой отметины, Кейн — щедро испятиненный кровью из порезов на щеке, груди, плече и бедре. Волк свирепо и насмешливо улыбался ему под луной... но в душу бандита постепенно закрадывалось сомнение.

Его дыхание со свистом вырывалось из легких, рука начинала тяжелеть. Из какой же стали и льда был сделан его противник, ничуть не думавший уставать?.. Ле Лу отлично знал, что раны, причиненные им Кейну, были во все ис глубоки. Тем не менее несильное, но постоянное кровотечение уже должно было как-то сказаться на быстроте и выносливости англичанина. Ничуть не бывало! Даже если Кейн и ощущал некоторый упадок сил, он ничем этого не показывал. Хмурое лицо, как и прежде, ничего не выражало. И дрался он точно с той же холодной, расчетливой яростью, что и вначале.

Ле Лу почувствовал, что слабеет. И собрал иссякающие силы, выплеснув их в одной-единственной атаке. Это была внезапная, неожиданная атака, столь быстрая, что глаз не мог за ней уследить. Безумный взрыв, устоять против которого было не в человеческих силах. И Соломон Кейн пошатнулся впервые с самого начала поединка: хо-

лодная сталь вспорола его тело. Он качнулся назад, и Ле Лу бросился следом, торжествуя, с обагренным клинком в руке и издевательской насмешкой на устах...

Рапира Кейна взвилась со всей силой отчаяния и встретила клинок Волка на полдороге. И удержала. А потом вышибла из руки, и торжествующий клич Волка оборвался.

Какое-то мгновение он еще стоял, раскинув руки, словно распятый, а потом его насмешливый хохот прозвучал в последний раз — когда рапира англичанина уже летела вперед, серебрясь в лунных лучах.

...Издалека доносилось бормотание барабанов. Кейн механически вытер клинок о собственную изорванную одежду. Вот и добрался он до конца кровавой тропы. Кейн чувствовал внутри себя странную пустоту. Он всегда чувствовал себя так, покончив с врагом. Почему-то ему всегда при этом казалось, что никакого истинного добра от его действия не произошло. И еще казалось, будто окончательного возмездия убитый враг все-таки избежал.

Разобраться, отчего так, было заведомо невозможно, и Кейн, пожав плечами, обратился к нуждам собственного страдающего тела. Теперь, когда отгорело возбуждение битвы, он ощущал и боль, и слабость из-за потери крови. Последний удар Ле Лу и вовсе чуть было не наделал дел. Если бы Соломон не увернулся в последний момент, рапира Волка насквозь пробила бы ему грудь. А так она просто скользнула по ребрам и глубоко воткнулась в мышцы пониже лопатки. Рана, в общем, не опасная.

Кейн осмотрелся и увидел в дальнем конце поляны небольшой ручеек. И вот тут-то он сделал свою первую и последнюю ошибку подобного рода, единственную за целую жизнь. Может быть, его разум помутила потеря кро-

ви, а может быть — вся та цепь потрясающих событий, которые вместила в себя ночь. Как бы то ни было, он положил рапицу наземь и безоружным отправился через поляну к ручью. Там он промыл свои раны и кое-как перевязал их клочками одежд.

Потом он поднялся и собрался уже идти обратно, когда его внимание привлекло некое движение в том конце поляны, откуда он сам прибежал перед поединком. Гигантский силуэт выдвинулся из темноты джунглей, и Кейн распознал поступь неумолимого рока. Это был Гулка, охотник на горилл. Соломон запоздало припомнил, что не заметил великана среди тех, кто воздавал хвалы колдуна. Можно ли было предположить за покатым лбом охотника ту злобную хитрость, которая, оказывается, помогла ему избегнуть возмездия соплеменников и выследить единственного человека, сумевшего внушить ему страх?..

Видимо, Черный бог был благосклонен к своему почтителю: навел его на жертву, когда та была безоружна и беззащитна. Кто теперь мог помешать Гулке убить его, убить медленно, как это делает леопард? Да, именно так, а не исподтишка, бесшумно и быстро, как он собирался вначале!

Широкий рот расплылся в улыбке, разделив надвое первобытную физиономию. Гигант облизнул толстые губы. Кейн наблюдал за ним, холодно и беспристрастно взвешивая свои шансы. Он видел, что Гулка уже заприметил валявшиеся рапиры. И он стоял к ним ближе, чем Кейн. Англичанин понимал, что внезапного броска к оружию ему не выиграть.

В душе его начала разгораться медленная, смертоносная ярость. Ярость отчаяния. Кровь застучала в висках, а глаза, устремленные на чернокожего воина, вспыхнули страшным огнем. Пальцы выпрямились и согнулись, как

когти. Руки у Кейна были железные: кое-кому случалось испускать дух, угодив в мертвую хватку пуританина. Как бы и шея Гулки, напоминавшая колонну, не затрещала гнилым сучком... Накатившая волна слабости показала Соломону всю тщету подобных надежд. Ко всему прочему, лунный свет играл на копье, которое держал в руке Гулка. Кейн понимал, что ему не удалось бы даже и убежать. Ну да он ни разу еще не спасался бегством, оказавшись с врагом один на один.

Вот охотник на горилл вышел на открытое место. Мускулистый, жуткий в своей силе, он казался живым воплощением идеалов каменного века. Он улыбался во весь рот, и рот был как пещера. Дикой, уверенной в себе мощью дышала его осанка...

И Кейн приготовился к схватке, у которой мог быть только один исход. Он попытался собрать воедино иссякающие силы... бесполезно: он потерял слишком много крови. Ну что ж, по крайней мере, он встретит свой конец, стоя во весь рост, как подобает мужчине. Он с трудом заставил разогнуться подламывающиеся колени и выпрямился, несмотря на то что поляна кружилась и плыла у него перед глазами, а серебристый лунный свет сменился багровым туманом, сквозь который он едва различал надвигавшийся силуэт.

Поняв, что сейчас потеряет сознание, Кейн нагнулся к ручью (едва притом не упав), зачерпнул обеими руками воды и плеснул себе в лицо. Это помогло, и он снова выпрямился, надеясь, что Гулка набросится на него без промедления и все кончится прежде, чем слабость уложит его наземь.

Гулка между тем добрался уже до середины поляны. Он не торопился. Он двигался лениво, как огромная кошка, знающая, что добыча все равно никуда уже не уйдет.

Он вовсе не торопился сожрать ее как можно скорей. Ему хотелось поиграть со своей жертвой, увидеть, как страх наполнит эти угрюмые глаза, заставившие его отвести взгляд, — а он помнил, что обладатель этих самых глаз был в тот момент привязан к столбу и ожидал смерти. Убить! Но убить медленно, в полной мере утолив свою жажду крови, жажду пыток и крови...

И вдруг, совершенно неожиданно для Кейна, он замер на месте, а потом, крутанувшись, уставился на что-то по ту сторону поляны. Пуританин, недоумевая, проследил за его взглядом...

Сначала оно показалось ему всего лишь тенью среди теней, быть может, лишь чуть гуще других. Не было ни движения, ни звука, но Соломон нутром ощутил: кошмарная угроза таилась там, во тьме, затопившей подножия лесных великанов. Какой-то чудовищный ужас смотрел оттуда на людей, и Кейну показалось, что нечеловеческие глаза проникали в самую его душу. И в то же время — могло ли такое быть? — страшные глаза смотрели не на него. Их взгляд был направлен только на убийцу горилл.

Гулка тем временем напрочь позабыл о присутствии англичанина. Он стоял полупригнувшись и держа копье наготове, неотрывно глядя на сгусток темноты там, под деревьями. Кейн снова всмотрелся... Теперь он заметил движение. Нечто пошевелилось и вышло на поляну, почти как сам Гулка, медленно перетекая с места на место. Соломуну захотелось протереть глаза: уж не было ли это его предсмертным видением?.. То, на что он смотрел, до сих пор представляло ему разве только в страшнейших кошмарах, когда крылья сна уносили его далеко в глубину прошедших веков.

Сначала ему показалось, будто через поляну ковыляла какая-то кощунственная пародия на человека. Она шла

на двух ногах и ростом была с высокого мужчину. Но таких объемов и пропорций у человеческого существа никогда не бывало, да и быть не могло. Взять хоть руки, свисавшие чуть не до пят! А уж ноги...

Потом луна осветила морду (или все-таки лицо?) неизвестного существа, и тут уж Кейн чуть было не решил, что сам Черный бог восхотел еще крови и надумал поклоняться ему из лесу во плоти. Нет! Существо было сплошь покрыто шерстью, и тогда-то Соломон припомнил человечекоподобное тело, насаженное на коньковый шест деревянской хижины. Он покосился на Гулку...

Воин не сводил глаз с гориллы, крепко сжимая приготовленное копье. Нет, страха он не испытывал. Его медленный разум всего лишь пытался переварить чудо, приведшее этого зверя в такую даль от его родных джунглей.

А могучий самец шел, нет, шествовал через поляну, и все его движения дышали каким-то жутким величием. Кейн стоял к нему ближе Гулки, но, казалось, пуританина зверь попросту не замечал. Маленькие горящие глазки смотрели только на гиганта туземца. Он приближался к нему враскачуку, странной походкой, какой у людей не бывает...

Далеко-далеко в ночи нашептывали барабаны — вполне подходящий аккомпанемент этой драмы, достойной каменного века. На середине поляны стоял дикарь, вооруженный копьем, а из джунглей на него надвигалось нечто воистину первобытное, кровожадное, с налитыми кровью глазами. Дикий воин оказался лицом к лицу с созданием еще более диким. И вновь Кейну в уши зашептали призраки воспоминаний. Ты видел все это раньше. Давно. Очень давно. На рассвете человечества, когда люди и зверолюди оспаривали первенство на этой земле...

Гулка начал пятиться прочь, вернее, не пятиться, а отходить вбок, описывая полукруг. Он двигался, низко при-

гнувшись, копье грозило противнику. Он пустил в ход все свое искусство охотника, чтобы обмануть гориллу и убить самца одним быстрым ударом. Сколько он охотился на горилл, но ни разу еще не встречал подобного чудища. Страха по-прежнему не было, но некое сомнение все же закралось.

Что касается самца, он даже не пытался маневрировать или хитрить. Он просто шел прямо вперед. Прямо на Гулку.

Откуда было знать чернокожему охотнику, откуда было знать англичанину, оказавшемуся в роли стороннего наблюдателя, о его звериной любви? И о звериной ненависти, погнавшей чудовищного самца за много лиг от лесистых холмов севера, по следу истребителя его племени? По следу убийцы его подруги, чье бездыханное тело свисало теперь с крыши деревенской хижины?..

Конец наступил внезапно. Зверь и полузверь были уже в двух шагах один от другого, когда самец с громовым ревом рванулся вперед. Громадные мохнатые лапы легко отмели в сторону копье, метнувшееся навстречу. Сграбастали... Звук раздался такой, как будто разом переломилась целая охапка ветвей. И Гулка молча осел на землю, чтобы остаться лежать с неестественно раскинутыми руками, ногами и переломанным телом. Самец остался стоять над ним, точно неподвижная статуя какого-нибудь первого поколения победителя...

Кейн слышал, как далеко-далеко переговаривались барабаны. Душа джунглей, душа джунглей... Эта фраза засела в его сознании, безостановочно повторяясь.

Тroe, этой ночью стоявшие во славе перед лицом Чёрного бога,— что с ними стало? В далекой деревне, откуда доносились голоса барабанов, мертвым лежал Сонга, царь Сонга, когда-то распоряжавшийся чужой жизнью

и смертью, а ныне сам превращенный в окоченелый труп, с лицом, навеки застывшим в гримасе потустороннего ужаса. А здесь, на поляне посреди глухих джунглей, рухнул навзничь тот, за кем Кейн прошел несчитаные лиги по морю и по суше. И Гулка, охотник на горилл, лежал у ног своего погубителя, лежал, уничтоженный той самой дикой силой, которая делала его истинным сыном своей мрачной страны... которая и свела его наконец в могилу.

А Черный бог по-прежнему правит, смутно подумалось Кейну. Правит, наблюдая за жизнью из неведомых потемок этого беспросветного края, правит, звероподобный, вечно жаждущий крови... и ему все равно, кто будет жить, а кто погибнет,— доколе ему не придется жаждать.

Кейн смотрел на могучего самца, гадая про себя, скоро ли громадная обезьяна обратит на него внимание. И нападет. Но, судя по поведению зверя, тот его вовсе не замечал. Отмщение еще не удовлетворило его. Нагнувшись, он поднял обмякшее тело воина — и поволок его в джунгли. Ноги Гулки безжизненно тащились по земле. Приблизившись к границе леса, самец остановился, без видимого усилия взметнул тело чернокожего великана высоко вверх и швырнул его на торчавшие сучья. Послышался ужасный звук раздираемой плоти: острый конец обломанной ветви пронзил Гулку насеквоздь. Там он и остался висеть, как смятая кукла.

Облитый лунным серебром громадный самец еще постоял на поляне, молча глядя вверх на своего недруга. Потом беззвучно, как тень, растворился в лесу.

Кейн медленно вышел на середину поляны и подобрал свою рапиру. Кровь из ран больше не шла, и он чувствовал, что силы понемногу возвращаются к нему. По крайней мере, хватит добраться до берега, где его ждал корабль. Он немного помедлил у края поляны, повернулся и по-

Роберт И. Говард

смотрел на белеющее неподвижное тело Ле Лу, на его застывшее лицо, обращенное к небу. И на темный силуэт среди ветвей — бренные останки Гулки, которым звериная прихоть уготовила ту же участь, что и телу самки гориллы.

Незапамятна мудрость нашей страны, бормотали вдалеке барабаны. Темна мудрость нашей страны. Кому мы служим, тех мы и губим. Беги ирочь, если намерен остататься в живых. Но песни напев тебе не позабыть никогда, говорили они. Никогда, никогда!..

И Кейн зашагал по троне, которая должна была вывести его к морю. И к кораблю, который сго там ожидал.

Перестук костей

— Эй, хозяин!..

Зычный оклик нарушил давящую тишину и раскатился по Черному лесу, порождая зловещее эхо.

— Не больно-то приветливое местечко,— прозвучал второй голос.

Двое мужчин стояли перед дверью таверны, затерявшейся в лесной чаще. Приземистый дом, низкий и длинный, был сложен из тяжеловесных бревен. Маленькие окна были забраны частыми решетками, а дверь заперта. Повыше двери красовалась вывеска, изрядно полинялая, но от этого не менее зловещая: расколотый череп.

Наконец дверь медленно отворилась, и наружу выглянула бородатая физиономия. Потом бородач отступил назад и жестом пригласил посетителей внутрь. Жест казался скорее вынужденным, чем радушным.

Внутри дома обнаружились тлеющий очаг и свеча, мерцавшая на столе.

— Ваши имена? — коротко осведомился хозяин.

— Соломон Кейн,— ответствовал тот из двоих, что был повыше ростом.

— Гастон Л'Армон,— столь же немногословно представился второй.— Но что тебе, любезный, до наших имен?

— В Черном лесу проезжие наперечет,— буркнул хозяин.— А вот бандитов — хоть отбавляй. Садитесь вон за тот стол, сейчас поесть принесу.

Мужчины сели за стол. Оба держались с видом бывальных путешественников, одолевших немалые расстояния.

Один из двоих был худ и высок, в мягкой шляпе без перьев и аскетически простом черном одеянии, которое еще больше подчеркивало угрюю бледность неулыбчивого лица. Второй странник выглядел прямой противоположностью первому. Сплошные перья и кружева, правда несколько помятые в дороге. Лицо у него было нагловато-красивое, а глаза все время бегали, ни на мгновение не оставаясь в покое.

Хозяин поставил на грубо отесанный стол еду и вино и отступил в потемки, сам превратившись в какую-то хмурую тень. Черты его лица то расплывались, поглощенные темнотой, то вырисовывались неестественно ярко, когда на них надал отсвет пламени, метавшегося в камине. Впрочем, борода, гущиной своей скорее напоминавшая звериный мех, все равно не давала толком ничего рассмотреть. Разве только длиний крючковатый нос, нависавший над бородой, да пару красноватых глаз, что следили не мигая за двоими постояльцами.

— Сам ты кто таков? — вдруг спросил его младший из двоих.

— Хозяин таверны «У расколотого черепа», — прозвучало в ответ.

Тон, которым это было сказано, у человека более робкого враз отбил бы всю охоту к дальнейшим расспросам. Л'Армон, однако, ничуть не смущился:

— И много ли народа у тебя останавливается?

— Не многие появляются во второй раз, — проворчал хозяин.

Кейн вздрогнул и прямо посмотрел в маленькие красивые глазки, словно угадывая в его словах некий скрытый смысл. Глаза, тлевшие злым огнем, поначалу как будто расширились, но под холодным взглядом англичанина хозяин тут же потупился.

— Я, пожалуй, пойду лягу, — решительно сказал Кейн, приканчивая свой ужин. — Мне завтра рано вставать.

— Мне тоже,— присоединился француз.— Ну, хозяин, показывай наши покой!

И двое отправились вслед за молчаливым хозяином по длинному полутемному коридору, провожаемые не-проглядными тенями, корчившимися на стенах. Их провожатый нес в руке маленькую свечку, и оттого казалось, будто его коренастое полное тело расплылось еще больше, отбрасывая длинную угрюмую тень.

Он остановился у одной из дверей, показывая, что им предстояло заночевать здесь. Они вошли. Хозяин зажег в комнате свечку от той, которую принес, и удалился, оставив их наедине. Двое гостей посмотрели сперва кругом, потом друг на друга. Вся обстановка комнаты состояла из двух коек, пары стульев и тяжелого стола.

— Нельзя ли как-нибудь запереть эту дверь? — сказал Соломон Кейн.— Признаюсь, наш хозяин не вищает мне большого доверия.

— По крайней мере, рейка и ушки для засова здесь есть,— сказал Гастон. — Но где сам засов?

— В конце концов, можно разломать стол и заложить дверь деревяшкой... — задумался Кейн.

— Mon Dieu! — вырвалось у Л'Армона.— Как ты, однако, робок, мой друг!

Кейн нахмурился и довольно резко ответил:

— При чем тут робость? Просто не хочу, чтобы меня зарезали спящего!

— Клянусь моей верой! — расхохотался француз.— Ты ведь и меня первый раз видишь. Мы никогда не встречались, пока я не нагнал тебя в лесу пынче вечером, за час до заката...

Кейн покачал головой:

— Ошибаешься. Я где-то видел тебя раньше... но вот где и когда, сказать не берусь. Что же касается нашего хозяина... я не люблю пустых подозрений и всякого человека считаю честным, пока доподлинно не удостоверюсь в

обратном. А кроме того, я вообще-то очень чутко сплю.
И притом обычно кладу пистолет под подушку...

Француз вновь засмеялся:

— Я и то думаю, как это месье не боится спать в одной комнате с незнакомцем... Ха-ха!.. Ну что ж, друг-англичанин, делать нечего, пошли позаимствуем засов в одной из соседних комнат!

И они, взяв с собой свечку, выбрались в коридор. В доме царила полная тишина. Лишь красноватое пламя фитилька недобро подмигивало в густой темноте.

— Других постояльцев здесь нет, не видно и слуг,— пробормотал Соломон Кейн.— Странная таверна... Как, бишь, она называется? В немецком я не очень силен... ах да! «Расколотый череп». Веселенькое название...

Они заглянули в комнаты, соседние с их собственной, но не нашли ни одного засова, который можно было бы вытащить. Продолжая поиски, они добрались до самой дальней из комнат, расположенной в конце коридора. В отличие от других эта дверь была заперта снаружи с помощью тяжелого бруса, вставленного одним концом в паз на стене. Путешественники вынули брус и вошли внутрь.

— Здесь полагалось бы быть окну наружу, но его нет,— пробормотал Кейн.— Смотри!

Комната была обставлена в точности как другие, но пол ее покрывали зловещие потеки. Стены и одна кровать были изрублены буквально в щепки.

— Да здесь, я смотрю, людей убивали! — хмуро заметил Кейн.— А вон там — что это такое? Щеколда, приделанная прямо к стене?..

— И крепко приделанная,— подтвердил француз, подергав запор.— Она...

Но тут целый кусок стены отошел в сторону наподобие двери, и у Гастона вырвалось невнятное восклицание. Перед ними предстала маленькая потайная комната. Двое

мужчин склонились над жуткими останками, лежавшими на полу.

— Человеческий скелет! — определил Гастон.— Смотри, да он за ногу к полу прикован! Его заточили здесь, беднягу, и держали, пока он с голодухи не помер!

— Нет,— сказал Кейн.— Видишь, у него череп расколот. Ох, сдается мне, неспроста наш хозяин дал своему адскому занедению такое название! Думается, этот несчастный был путешественником вроде нас, которому довелось угодить в лапы к чудовищу...

— Похоже,— согласился Гастон, впрочем, без всякого интереса. От нечего делать он пытался стащить железное кольцо с ножных костей скелета. Это ему не удалось, и тогда, вытачив меч, он одним замечательно сильным ударом рассек цепь, соединявшуюся со вторым кольцом, глубоко вделанным в бревна пола.— И на что ему понадобилось приковывать к полу скелет? — задумчиво проговорил француз.— Monbleu! Хорошая цепь, могла бы для какого дела сгодиться. Ну что ж, месье! — иронически обратился он к белевшей на полу кучке костей.— Я освободил вас, ступайте, куда пожелаете!

— Оставь! — неодобрительно прозвучал низкий голос Кейна.— Насмешки над мертвыми не доводят до добра!

— Никто не мешает мертвому постоять за себя,— засмеялся Л'Армон.— Что до меня, я, право, не знаю как, но уж как-нибудь да убил бы человека, отнявшего у меня жизнь! Хотя бы мне для этого пришлось подниматься с океанского дна!..

Кейн прикрыл за собой дверцу потайной комнаты и направился к выходу. Ему никогда не нравились подобные разговоры, отдававшие ведовством и бесовшиной. К тому же он собирался без промедления призвать хозяина таверны к ответу за преступление, когда-то совершенное в этих стенах. Но едва он повернулся к французу спиной, как его шеи коснулась холодная сталь. И он

понял, что ему уперлось в основание черепа дуло пистолета Л'Армона.

— Стоять смирино, месье! — прозвучал тихий вкрадчивый голос.— Стоять смирино, а не то твои небогатые мозги разлетятся по стенкам...

Что оставалось пуританину? Только внутренне кипеть, стоя с поднятыми руками. Л'Армон тем временем деловито вытаскивал его пистолеты и рапиру из ножен.

— Теперь можешь повернуться,— сказал Гастон и отступил прочь.

Кейн повернулся и вперил мрачный взгляд в щеголя: тот стоял с непокрытой головой, держа в одной руке шляпу, а другой направляя на него длинноствольный пистолет.

— Гастон по прозвищу Мясник! — хмуро проговорил англичанин, вспомнив наконец, где он видел это лицо.— Ты прав, я полный дурак: вздумал доверяться французу!.. А ты далеко забрался, душегуб. Теперь, когда ты снял свою широкополую шляпу, будь она неладна, я тебя признал. Я тебя видел в Кале несколько лет назад...

— Точно. Зато теперь ты меня больше никогда не увидишь, потому что... Э, а это еще что такое?

— Крысы заинтересовались скелетом,— сказал Кейн. Он смотрел на бандита ястребом, ожидая, чтобы у того хоть на мгновение дрогнула рука, державшая пистолет.— То, что ты слышал... просто перестук костей.

— Да, похоже,— согласился Гастон.— А теперь вот что, месье Кейн. Я знаю, что у тебя с собой кругленькая сумма деньжат. Я собирался подождать, пока ты заснешь, и тогда уже прикончить тебя. Но случай представился несколько раньше, и я поспешил им воспользоваться. Благо обмануть тебя оказалось проще простого...

— Мне и в голову не приходило опасаться человека, с которым я преломлял хлеб,— ответил Кейн, и в голосе его прозвучали нотки разгоравшейся ярости.

Грабитель бесстыдно расхохотался. Потом прищурил глаза и начал медленно отступать к наружной двери. Кейн непроизвольно напрягся всем телом, подобравшись, точно волк перед прыжком. Увы! Рука Гастона была тверда, и черное дуло продолжало неотступно следить за пуританином.

— И чтобы мне никаких предсмертных бросков после выстрела, месье,— сказал Гастон.— Стоять смирино, говорю! Я видел, как умирающие еще умудрялись убить, и собираюсь отойти на достаточное расстояние, чтобы этого не произошло. Клянусь верой! Я выстрелию, и ты, конечно, взревешь и бросишься, да только помрешь прежде, чем успеешь до меня дотянуться. А у нашего дражайшего хозяина в потайном чулане прибавится еще один скелет, ха-ха. Ну, то есть, конечно, если я сам его не грохну. Этот идиот не знает меня, а я его и подавно, но тем не менее...

Француз уже стоял в дверях и целился в Кейна из пистолета. Свеча, прилепленная в стенной нише, озаряла комнату неверным мерцающим светом, едва достигавшим порога. И вот оттуда, из темноты, со смертоносной внезапностью выросла огромная распыхчатая тень и сверху вниз устремилось блестящее лезвие. Француз грохнулся на колени, и из разрубленного черепа хлынул мозг. Над ним, громоздкий и жуткий, возвышался хозяин таверны. В руках у него был окровавленный тесак, отнявший жизнь у Л'Армона.

— Хо-хол.. — проревел он, обращаясь к пуританину.— А ну назад!..

Кейн прыгнул вперед при виде падающего Гастона, но хозяин ткнул ему прямо в лицо длинным пистолетом, зажатым в левой руке.

— Назад!.. — снова прозвучал звериный рык.

Делать нечего, Кейн попятился прочь. Оружие было нешуточное, да и красные глазки горели опасным безумием. Отступив, англичанин стоял молча, чувствуя, как

бегут по спине мурашки. Он уже понимал, что новый враг окажется куда грозней и смертоносней француза. Хозяин таверны слегка покачивался из стороны в сторону, точно поднявшийся на дыбы лесной зверь, и смеялся каким-то мертвячим, нечеловеческим смехом.

— Гастон Мясник, хо-хо! — крикнул он и пнул мертвца, валявшегося у его ног.— Нашему красавцу разбойнику не придется больше охотиться! Хо-хо, слыхал я про этого недоумка, вздумавшего шалить в Черном лесу! Искал золотишко, а нашел смерть!.. Тсперь оно все мое, твое золото!.. И больше чем золото — месть!..

— Что до меня, то я тебе не враг,— спокойно проговорил Кейн.— За что мне мстить?

— Врешь! Все люди — мои враги! — раздалось в ответ.— Вот, полюбуйся на эти отметины у меня па руках! И на ногах!.. Это от кандалов!.. А что, по-твоему, у меня на спине? Поцелуи кнута! А в голове? В голове тоже раны, причиненные долгими годами в холодном темном застенке, где я отсиживал за преступление, которого не совершил!..

Его голос сорвался и перешел в безумное, отвратительное рыдание. Кейн промолчал. Ему не раз уже приходилось встречать людей, чей рассудок был сломлен ужасами тюрьм Старого Света.

— Но я бежал!!! — внезапно с торжеством завопил хозяин таверны.— И объявил войну всем остальным людям... О! Что это?..

И Кейн спросил себя, не померещился ли ему проблеск страха в глазах сумасшедшего.

— Да никак мой колдун костями постукивает!.. — прошептал хозяин таверны, но тут же снова безумно захотал.— Он поклялся, умирая, что самые кости его подстроят мне смертельную ловушку. Вот я и приковал к полу его скелет, а теперь слушаю глухими ночами, как он стучит костями и звенит цепью, пытаясь освободиться!

И я смеюсь, смеюсь, хо-хо!.. Уж так ему охота восстать и прогуляться по темным коридорам, точно старый Царь Смерть, и прийти, когда я сплю, и убить меня прямо в кровати!..

Безумный взгляд вдруг яростно вспыхнул.

— Вы двое, ты и этот мертвый дурак, вы заходили в ту комнату! Он говорил с вами?

Кейн содрогнулся помимо собственной воли. И подумал, что либо и сам начал сходить с ума, либо из-за двери действительно послышался перестук костей, как если бы скелет слегка пошевелился. Кейн передернул плечами, сказав себе, что крысы, случается, играют старыми костями, не пригодными в пищу.

А хозяин гостиницы уже вновь хохотал. Он обошел Кейна кругом, продолжая при этом держать его на мушке, и свободной рукой отворил дверь. Там, внутри, лежала плотная тьма. Такая плотная, что Кейн не сумел рассмотреть даже кости, белевшие на полу.

— Все люди — мои враги!.. — бубнил хозяин гостиницы. Речь его была бессвязна, как это часто случается у сумасшедших. — А зачем бы мне кого-то щадить? Кто хоть палец о палец ударил, чтобы меня вызволить, пока я гнил в мерзких подземельях Карлсруэ... и за что? Ни за что... Они ведь так ничего и не доказали... Тогда-то у меня и началось с головой. Я стал как волк... Я побратался с волками Черного леса и удрал к ним, когда вырвался из тюрьги. Ох и попировали же они, мои братцы, всеми теми, кто останавливался здесь в таверне... Всеми, кроме одного русского колдуна — это он гремит костями там, в темноте. Затем-то я и оголил его кости и посадил их на цепь, чтобы мертвое тело не явилось по мою душу среди ночи, когда тьма окутывает мир... Чтобы не явилось и не убило меня, ведь кто ж справится с мертвецом! У него не хватило колдовской силы, чтобы спастись от меня, по все знают, что мертвый колдун еще хуже живого... Не двигайся,

Роберт И. Говард

англичанин! Я сирячу твои кости здесь, в тайном чулане, рядом с костями волшебника, чтобы...

Безумец уже стоял одной ногой на пороге потайной комнаты, и дуло его оружия по-прежнему смотрело на Кейна. Внезапно какая-то сила опрокинула его назад, увлекая в темноту; неведомо откуда взявшаяся порыв ветра захлопнула за ним дверь. Свеча в стенной нише мигнула и погасла. Кейн припаялся шарить руками по полу и нашел пистолет. Поспешно выпрямившись, он обратился лицом к двери, за которой исчез сумасшедший. Кейп стоял в полной темноте, чувствуя, как леденеет в жилах кровь: из-за двери доносились страшные придушенные крики. И жуткий сухой перестук оголенных костей... Потом все затихло.

Кейн разыскал кремень и кресало и заново растеплил свечу. Взяв ее в одну руку, а в другую пистолет, он осторожно отворил потайную дверь...

— Боже всемилостивый!.. — вырвалось у него, а по телу побежали ручейки холодного пота. — Поистине это пре-восходит всякое разумение, но я вижу это своими глазами!.. Вот и исполнились клятвы обоих погибших!.. Ведь Гастон Мясник обещал, что даже и после смерти отплатит своему убийце. Так оно и вышло, потому что это его рука освободила чудовище, которое...

Хозяин таверны «У расколотого черепа» лежал мертвым на полу потайного чулана, и на зверином лице его застыло выражение непередаваемого ужаса. Шея у него была сломана, а в плоть глубоко вмялись костяшки скелета, когда-то принадлежавшего колдуну...

Замок Дьявола

(Неоконченное)

По лесной дороге легкой рысцой ехал всадник. Он наивал веселую песенку, ритм которой совпадал со спокойным аллюром коня. Всадник был рослым поджарым мужчиной с сильными плечами и широкой грудью. Зоркие глаза, в которых читались одновременно насмешка и вызов, безостановочно обшаривали путь впереди.

— Ого! — воскликнул он, придерживая лошадь, и с любопытством оглядел незнакомца, поднявшегося при его появлении с придорожного камня. Этот был даже выше сидевшего в седле — худой человек в простой темной одежде с неулыбчивым бледным лицом.

— Ну надо же, англичанин в здешних краях! И, судя по крою одежды, пуританин, — продолжал всадник. — Как приятно видеть соотечественника в этой забытой богом глупши!.. Даже угрюмого и нелюдимого вроде тебя, друг мой. Меня зовут Джон Сайлент, и я держу путь в Геную!

— А я Соломон Кейн, — прозвучал в ответ низкий сдержаный голос. — Я странствую по городам и весям земли, никуда конкретно не направляясь.

Джон Сайлент недоумменно нахмурился, глядя с седла на странного пуританина. Глубокие холодные зрачки, не дрогнув, приняли его взгляд.

— Во имя Нечистого, — сказал наконец Сайлент, — как это может быть, чтобы ты шел, сам не зная куда?

— Я всего лишь следую движениям моей души, — отвечал Соломон. — Так и вышло, что я забрел в этот безлюдный и дикий край, без сомнения ведомый неким предназначением, и что с того, что покамест оно мне неизвестно?

Сайлент со вздохом покачал головой.

— Садись со мной на коня, парень! Найдем хотя бы таверну, где можно будет заночевать...

— Я не хотел бы излишне обременять вашего коня, добрый сэр. Но если позволите, я пошел бы рядом и побеседовал с вами. Вот уже много месяцев мне не доводилось слышать добрую английскую речь!

И они не спеша двинулись дальше по тропинке. Джон Сайлент все поглядывал на своего спутника, отмечая про себя его походку — размашистую и по-кочанчи упругую, что не слишком вязалось с костлявым телосложением Кейна. А еще у пуританина висела при бедре длинная рапира. Поглядев на нее, Сайлент машинально тронул тяжелый изогнутый кинжал, висевший на поясе у него самого...

— Не хочешь же ты сказать, — спросил он затем, — что бродишь по странам этого мира без какой-либо цели, даже не беспокоясь, куда тебя может завести дорога?

— Сэр, — ответил Кейн, — но какое дело до этого человеку, который всего лишь исполняет Божий на него замысел?

— Клянусь Юнитером! — вырвалось у Сайлента. — Да ты, приятель, заблудшая овца еще почине меня! Я тоже скитаюсь по белому свету, но у меня, по крайней мере, все время есть какая-то цель! К примеру, недавно я командовал отрядом солдат, а теперь направляюсь в Геную, чтобы там взойти на корабль и драться против турецких корсаров! Слушай, друг, поедем со мной, а? Хоть узнаешь, как это — плавать по морю...

— Я довольно плавал по морям, чтобы понять: мне там не нравится, — сказал Соломон. — К тому же многие, имеющие себя честными купцами, на поверку оказываются самыми что ни есть кровавыми пиратами...

Джон Сайлент спрятал улыбку и решил переменить тему.

— Тогда, — сказал он, — коли уж движенис души повелело тебе измерить шагами здешние земли, похоже, что-то тебя тут все-таки привлекает?

— Нет, добрый сэр. Я не многое здесь обнаружил кроме голодных крестьян, жестоких властителей и беззаконных разбойников. Впрочем, похоже, мне все-таки удалось совершить здесь толику добра, ибо лишь несколько часов назад я наткнулся на несчастного малого, болтавшегося на виселице, и успел перерезать веревку прежде, чем повешенный испустил дух.

Услышав это, Джон Сайлентгедва не вывалился из седла.

— Как! — вскричал он. — Ты спас человека, которого повесил барон фон Шталер? Во имя Дьявола, парень, да ты обе наши головы в петлю засунул!..

— Не стоит так пылко браниться,— мягко укорил его Соломон Кейн.— Я знать не знаю никакого барона фон Шталера, но, думается мне, того человека казнили несправедливо. Это был всего лишь мальчик, и лицо у него было хорошее...

— И ты,— продолжал кипятиться Сайлент,— несомненно, обязан был поставить под угрозу две наши жизни из-за никчемного сопляка, к тому же и так наверняка обреченного!

— А что мне еще оставалось? — с ноткой раздражения в голосе спросил Кейн.— Прошу, не язвите меня больше по этому поводу. Скажите лучше, чей это замок показался над вершинами леса?

— С ним,— сказал Сайлент,— ты сможешь познакомиться во всех подробностях, если мы вовремя не поторопимся! Перед нами крепость того самого барона фон Шталера, чью виселицу ты обобразил. Это самый могущественный вельможа во всем Черном лесу! Видишь развалку? Вон та дорога ведет вверх по склону прямо к воротам, но мы выберем другую, чтобы поскорей выбраться из баронских владений...

— Похоже,— задумчиво проговорил Кейн,— это тот самый замок, о котором мне рассказывали крестьяне. В своем кругу они дали ему скверное имя. Они называют его Замком Дьявола. Следует пойти туда и выяснить, отчего так.

У Сайлента округлились глаза.

— Ты... ты что, хочешь побывать в замке?..

— Вот именно, сэр. Вряд ли барон откажет в ночлеге двум странникам. Тогда мы и выясним, что он за человек.— И Соломон Кейн добавил: — Хотел бы я поближе посмотреть на вельможу, который приказывает вешать детей...

Джон Сайлент с сарказмом поинтересовался:

— И что будет, если он вдруг тебе не понравится?

Кейн вздохнул.

— Мне,— сказал он,— в моих странствиях случалось время от времени избавлять разных злых людей от бремени бытия. И сейчас мне кажется, что с этим бароном может получиться то же...

— Во имя всех дьяволов!..— изумленно выругался Сайлент.— Тебя послушать, ты судья, а барон фон Шталер уже стоит перед тобой в кандалах! Слушай, па самом деле все наоборот — ты один со своим клинком, а у барона целая орава головорезов!..

— Зато на моей стороне правда,— серьезно и убежденно проговорил Кейн.— И она сильнее тысячи вооруженных солдат... Но к чему пустые разговоры? Я еще не видел барона, а кто я такой, чтобы заранее, сице до встречи, выносить приговор? Может же оказаться, что барон — благочестивый и праведный человек!

Сайлент в немом изумлении покачал головой.

— Ты,— проговорил он погодя,— либо вдохновенный безумец, либо просто дурак, либо самый храбрый человек на всем Божьем свете! — И англичанин внезапно расхохотался.— Это, без сомнения, жуткая авантюра, которая, скорее всего, кончится смертью, но что-то в ней есть, и это что-то взвывает ко мне! И никто не скажет тебе, будто Джон Сайлент не смог или отказался пойти за тем, кто способен вести!

— Речи твои безбожны,— сказал Кейн.— Но знаешь что? Ты начинашь мне нравиться...

*Черные
всадники Смерти
(Отрывок)*

«Их кони черны, и черен наряд.
И кость черепов нага.
Пустые зрачки устремляют взгляд
В полуночные луга.

Несутся они слепой чередой,
И Смерть во главе летит.
Они посвятити ей каждый вздох,
Но им, шагнувшим через порог,
Покоя не обрести.

Подручники Смерти не знают ран,
Черна и мертвa их власть...»
Так палачу рассказывал врач,
Над виселицей кружась.

Соломон Кейн натянул повод, останавливая коня. Ни звука не нарушило поистине мертвую тишину темного леса, стеною возвышавшегося кругом. Тем не менее Кейн явственно чувствовал: по тенистой тропе к нему приближалось Нечто.

На самом деле место тут было странное и жутковатое. Огромные деревья подпирали друг друга, словно неразговорчивые великаны, их переплетенные ветви почти не пропускали света, так что яркие лунные лучи едва просачивались к земле. Тропа, что вилась под деревьями, в неверном сероватом мерцании уводила, казалось, прямо в какую-то призрачную страну...

Соломон Кейн повернул коня и выхватил пистолет, и почти сразу прямо на него по тропе вылетел всадник.

Под ним был вороной конь, казавшийся в лунном свете неизроподобно гигантским. Сам всадник тоже выглядел великанином. Он пригибался к луке седла, лицо скрывала бесформенная шляпа, надвинутая на лоб, за плечами черными крыльями летел широкий плащ...

Соломон Кейн пытался заставить своего коня принять в сторону, чтобы пропустить бешеного скакуна. Увы, тропа была такой узкой, а деревья по обе стороны росли до того плотно, что он сразу понял: ничего не получится. Разве что налетающий всадник придержит коня и даст Кейну время найти более-менее открытое место...

Роберт И. Говард

Незнакомец, однако, определенно не желал останавливаться. Казалось, конь и всадник слились в одно сказочное существо, которому оставались до опечившего Кейна лишь считаные шаги.

Тут Соломону померещилось, будто в тени бесформенной шляпы и поднятого капюшона мелькнули два горящих глаза. Еще миг — и, подметив взлеск меча, пуританин в упор выстрелил в это лицо. Его тут же обдало ледяным воздухом, ударившим с силой горной реки. Он просто смел Кейна вместе с лошадью наземь, а черный всадник пронесся прямо над ними.

Соломон кое-как поднялся на ноги — вполне целый, но порядком разгневанный — и принял осматривать своего коня. Тот отфыркивался и дрожал, раздував ноздри. Но счастью, он тоже не пострадал.

Кейн тщетно силился понять, что же произошло...

Луна черепов

Глава 1

ПРИХОД ИЩУЩЕГО

Гигантская мрачная тень зловеще нависала над джунглями, врубаясь черными зубьями в алый пламень заката. Человеку, устало шагавшему по лесной тропе, она казалась сущим символом смерти и ужаса, исполненным невнятной, но от этого еще более страшной угрозы. Такова тень крадущегося убийцы, упавшая на освещенную стену...

И все же это была всего лишь тень высокого скального кряжа; первый форпост угрюмых предгорий, куда держал путь одинокий странник. Добравшись к подножию скал, человек немного помедлил, глядя вверх, на черные громады, вздымающиеся на фоне гаснувшего солнца. Он мог бы поклясться, что, глядя из-под руки, заметил некое движение наверху. Однако свет меркнувшего зарева был прямо в глаза, и он не был твердо уверен, что же именно двигалось там, на вершине утеса. Был ли то человек, мгновенно отступивший в укрытие? Или...

Странник пожал плечами и обратил взор на едва намеченную крутую трону, что уводила вверх и исчезала за гребнем. На первый взгляд вскарабкаться по ней смог бы

разве только горный козел. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаружились многочисленные ямки, выбурленные в камне и вполне подходившие для человеческих пальцев. Путешественник проследил их взглядом и понял, что подъем потребует предельного напряжения всех сил. Что ж, пускай. Не затем он одолел тысячу миль, чтобы теперь отступать.

Без долгих раздумий он сложил наземь неуклюжий мушкет и большую сумку, которую нес на плече. Он возьмет с собой лишь длинную рапибу, кинжал и один из пистолетов. Человек привязал оружие за спину и полез вверх, ни разу не оглянувшись на залитую сумерками тропу, по которой пришел.

Путешественник был жилистым и рослым мужчиной, у него были длинные руки и железные мускулы, но даже и ему приходилось время от времени останавливаться, давая себе передышку. В такие мгновения он повисал на отвесном утесе, прилипая к нему с цепкостью муравья. Темнота быстро стгуцдалась, и скала над головой вскоре стала казаться ему сплошным темным пятном. Он вслепую обшаривал камень руками, ощупью разыскивая зацепки для пальцев. И упрямо поднимался все выше.

Далеко внизу, под ним, уже подавала голос ночная жизнь джунглей. Человек на скале не мог отделаться от мысли, что голоса почных тварей звучали пугливо и приглушенно. Как если бы объятые тьмой горы в самом деле распространяли вокруг себя ауру молчаливого ужаса, ауру, внятную даже бессловесным созданиям...

Путешественник упорно лез вверх. Макушка утеса была уже недалеко, когда, словно бы в насмешку над его усилиями, скала из просто отвесной сделалась нависающей и напряжение каждого нерва, каждой мышцы стало поистине запредельным. Время от времени пальцы челове-

ка соскальзывали, и лишь чудо удерживало его от падения. Но каждая жилка худого крепкого тела послушно делала свое дело, а железные пальцы обладали силой тисков. Уклон все увеличивался, и скалолаз двигался все медленнее. Но упорство не изменяло ему, и наконец на фоне звездного неба он разглядел гребень утеса в каких-то семи футах над своей головой.

И вот тут, пока он смотрел, какой-то темный бесформенный силуэт заслонил над ним звезды, а потом... обрушился вниз и полетел прямо на него, с шумом рассекая воздух. Человек распластался по скале, вжимаясь в камень и покрываясь гусиной кожей в предчувствии неминуемой смерти. Он ощутил тяжелый удар в плечо, всего лишь скользящий удар, но такой, что его едва не сбросило вниз. Отчаянно изворачиваясь, чтобы удержаться, он услышал удаляющийся шум падения и, наконец, гулкий грохот удара камня о камень глубоко под ногами. Человек вновь поднял голову и посмотрел вверх. Лоб его усеяли капли холодного пота. Кто — или что — сбросило с утеса этот громадный валун? Странник отличался завидным мужеством, которое могли бы подтвердить кости многочисленных врагов, сраженных им на полях битв. Но умереть как беспомощная овца, не имея ни малейшей возможности сопротивляться?.. От этой мысли даже у него поневоле стыла кровь в жилах.

Но почти сразу на смену страха неудержимой волной хлынула ярость, и человек не пополз — прямо-таки ринулся вверх, почти не заботясь о безопасности. Каждый миг он ожидал, что на голову ему вот-вот свалится еще один камень, но, как ни странно, этого не произошло. И когда он выскочил наверх и встал во весь рост, выхватывая шпагу из ножен, его ищущий взгляд не обнаружил на утесе никаких признаков жизни.

Он стоял на своего рода плато, которое примерно в полумиле далее к западу переходило в весьма пересеченную, всхолмленную равнину. Кряж, только что им покоренный, подобно скальному мысу выдавался из остального нагорья. Колеблющаяся листва джунглей, оставшихся внизу, с высоты казалась морем, таинственным и темным, одетым непроницаемым покрывалом тропической ночи...

А здесь, наверху, царствовала тишина. Ничто не нарушило ее. Ни ветерка в воздухе, ни возни живых существ в корявых кустах, одевших плато. Но ведь не сам же собой свалился тот камень, едва не увлекший скалолаза навстречу погибели! Что за твари обитали здесь, меж угрюмых холмов? Тропическая тьма показалась путешественнику густой вуалью, сквозь которую зловеще проглядывали желтоватые звезды. Гнилостные испарения поднимались из джунглей, осаждаемые, словно плотный туман. Скривившись, путешественник отошел прочь от обрыва и направился вперед, через плато, держа в одной руке радио, а в другой — пистолет.

Ему было не по себе. В самом воздухе витало нечто, брезгибочно говорившее ему: за тобой наблюдают. Шаг у человека был мягкий, как у кота, и глубокую тишину парушило лишь негромкое шуршание высокой горной травы. И все-таки шестое чувство подсказывало путешественнику, что незримые существа окружали его со всех сторон, скользя и впереди, и за спиной, и с обеих сторон. Люди? Звери?.. Он не знал, да и не особению задавался этим вопросом. Он был готов драться хоть с человеком, хоть с Дьяволом, если бы тот вздумал встать у него на пути. Порою он останавливался и с вызовом озирался вокруг, но ничего не попадалось ему на глаза. Кругом были только кусты. Они обступали тропу, словно темные призраки-недомерки, поодаль же сливались в сплошную черную массу.

Темнота была жаркой и душной. И такой же вещественной, как и тишина. Лучи звезд с трудом пронизывали ее.

Наконец путешественник добрался до места, где снова начинался подъем. Здесь на глаза ему попалась небольшая рощица, казавшаяся глыбой тьмы в окружавших потемках. Человек осторожно направился в ту сторону, потом остановился. Его зрение, успевшее привыкнуть к темноте, различило между темными стволами какой-то расплывчатый силуэт, явно не принадлежавший дереву. Странник помедлил... Силуэт оставался неподвижен. Он не пробовал приблизиться, но и не бежал. Неясная угроза исходила от него; он таился, словно бы выжидая. Жутко веяло от деревьев, замерших в темноте...

Путешественник двинулся вперед, держа клинок на готове. Ближе. Еще ближе... Он изо всех сил напрягал зрение, стараясь уловить первое же угрожающее движение. Силуэт казался ему определенно человеческим, удивляла лишь полная его неподвижность. Еще несколько шагов, и все прояснилось. Перед ним действительно был человек. Мертвый. Чернокожий. Он стоял между деревьями, пронзенный множеством копий, пригвоздивших его к ближайшим стволам. Одна рука была вытянута в повелительном жесте, прямо вперед, вдоль длинной ветки, и се удерживал кинжал, пробивший запястье. Окочневший указательный палец торчал, как сучок. Мертвец словно бы указывал простертой рукой. Указывал назад по тропе, по которой пришел человек.

Смысл послания был совершенно ясен. Впереди ожидала смерть. Другого значения быть не могло.

Путешественник, созерцавший жуткое предупреждение, вообще-то улыбался редко. Однако тут уж он позволил себе нечастую роскошь: скривил губы в сардонической ухмылке. Одолеть тысячи миль по суше и по морю!

Пересечь океан, пройти дикие джунгли!.. И после этого они — чтобы «они» ни были — вообразили, будто он испугается и побежит назад, завидев какое-то пугало!..

Он справился с искушением отдать салют мертвому (по зрелом размышлении этот жест показался ему не вполне пристойным и благородным) и двинулся дальше через рощицу, по-прежнему ожидая, что на него вот-вот нападут — либо сзади, либо из засады, но нападут непременно.

И опять его ожидания не сбылись. Выйдя из рощи, он увидел перед собою кочковатый подъем — первый склон, за которым должны были последовать и другие.

Человек с завидным упорством двинулся вверх и вперед. Он не стал останавливаться, чтобы поразмыслить о том, насколько удивительны были его действия с точки зрения здравого смысла. И то сказать: любой нормальный человек запечатывал бы у подножия утесов, даже и не думая карабкаться по ним впопыхах. Но путешественник, о котором здесь идет речь, менее всего привык руководствоваться обыденным здравомыслием. Завидев перед собой цель, он двигался к ней кратчайшим путем, даже не думая о возможных препятствиях и уж менее всего считаясь с такой мелочью, как время суток. То, что надлежало сделать, должно было быть сделано. Точка. Если сумеркам было угодно застигнуть его на самых подступах к стране ужаса, не закономерно ли, что в ее внутренние пределы он внедрится в самый глухой ночной час?..

Пока он шагал по усеянному валунами горному склону, взошла луна. В ее таинственном свете изломанные горы впереди стали казаться зубчатыми бастионами колдовских замков. Другое дело, путешественник редко отрывал глаза от еле видной тропы, которой по-прежнему придерживался. Ои был готов ко всему: к неожиданному нападению, к новому валуну, несущемуся навстречу по склону...

Естественно, произошло то, чего он вовсе не ожидал.

Из-за громадной скалы выступил человек. Эбеновый гигант, облитый серебристым светом луны, с длинным копьем, поблескивавшим в мускулистой руке. Пышный убор из страусовых перьев казался облачком, колыхавшимся над головой. Он величественно поднял копье, приветствуя незнакомца, и заговорил на диалекте речных племен:

— Эта земля не принадлежит белому человеку. Как называют моего белого брата в его родном краале? И зачем он пришел сюда, в Страну черепов?

— Мое имя — Соломон Кейн,— на том же языке ответил сму белый.— Ищу же я царицу вампиров, обитающую в Негари.

— Не многие ищут ее. Еще меньше тех, кто находит. И ни один не вернулся,— прозвучали в ответ таинственные слова.

— Не проводиши ты меня к ней? — спросил Соломон Кейн.

— В правой руке у тебя — длинный кинжал. Но здесь нет львов.

— Змей сдвинула камень, когда я сюда поднимался. Вот я и решил, что в кустах, должно быть, полно змей...

Засим обмен двусмысленностями завершился. Губы чернокожего гиганта тронула мрачная усмешка. Воцарилась недолгая тишина.

— Твоя жизнь у меня в руках,— сказал он затем.

Кейн холодно улыбнулся в ответ:

— В моей руке — жизни многих воителей.

Взгляд чернокожего скользнул по мерцающему клинку англичанина, и в глазах его отразилась некоторая неуверенность. Но потом он ножал могучими плечами, и древко его копья опустилось к земле.

— Ты не принес с собой даров,— проговорил он.— Но если ты последуешь за мной, я отведу тебя к Ужасной, к Владычице Судеб, к Алой Госпоже — к царице Накари, правящей страною Негари!

И он отступил в сторону, жестом пропуская англичанина вперед. Но Кейн сразу подумал о коварном ударе копьем в спину и покачал головой:

— Кто я такой, чтобы идти впереди моего брата? Мы оба вожди, так пойдем же бок о бок.

В глубине души он был до крайности возмущен тем, что приходилось разводить подобную дипломатию с дикарем, но по его лицу этого нельзя было заподозрить. Чернокожий воитель отдал поклон, исполненный варварского достоинства, и они вместе зашагали вверх по тропе, не произнося более ни слова. Краем глаза Кейн то и дело замечал воинов, выходящих из укрытий. Украдкой бросив взгляд назад, он обнаружил, что за ними следовало не менее сорока воинов, выстроенных двумя клиньями. Лунный свет играл на их лосняющихся черных телах, озарял высокие головные уборы, блестел на длинных, зловещего вида наконечниках копий.

— Мои братья похожи на леопардов,— учтиво сказал Кейн своему спутнику.— Самый зоркий глаз их не заметит, когда они таятся в кустах. Когда же они крадутся в высокой траве, самое чуткое ухо не расслышит их приближения.

Чернокожий вождь оценил комплимент и с достоинством наклонил львиную голову, отчего страусовые перья его убора тихонько зашелестели.

— Горный леопард вправду доводится пам братом, о вождь. Наша походка — как плывущий дымок, но руки наши — железо. Когда они наносят удар, льется алая кровь и умирают мужи.

Кейн уловил в его голосе едва различимую нотку угрозы. Нет, весомых оснований для подозрения у него не было, но что-то нехорошее определенно присутствовало. На всякий случай он решил помолчать, и некоторое время странный отряд двигался вперед в полной тишине, напоминая в лунном свете шествие призраков.

Тропа между тем становилась все каменистей и кручей. Она пестляла между скальными кряжами, огибая чудовищные валуны. Потом, совершенно неожиданно, впереди разверзся бездонный провал. Через него был перекинут каменистый мост, сотворенный самой Природой. Приблизившись к входу на мост, вождь остановился.

Кейн с любопытством заглянул в пропасть. В ширину она была футов сорок, а вот глубину ему не удалось оценить даже приблизительно. Там, внизу, не иначе как на сотни футов простиралась непроглядная тьма. На другой стороне мрачно выселились неприступные скалы.

— Здесь,— сказал вождь,— пролегает истинная граница царства Накари...

От Кейна не укрылось, что воины, этак ненавязчиво, все плотнее подступали к нему. Инстинктивно Соломон покрепче сжал рукоять рапиры, которую он, между прочим, так и не убрал в ножны. Он всей кожей ощущал повисшее в воздухе напряжение.

— Здесь,— продолжал вождь,— тому, кто не принес Накари подарка, говорят — УМРИ!!!

Последнее слово вырвалось у него жутким криком, точно заклинание, произнеся которое человек превращался в безумного маньяка. Крик еще звучал, когда могучая рука метнулась назад. Вздулись плотные узлы мышц — и длинное копье устремилось прямо в грудь Кейну!

От подобного удара мог спастись только прирожденный боец. Реакция Кейна была чисто инстинктивной и потому мгновенной. Он успел отшатнуться, и широкое

лезвие лишь коснулось его ребер. Рапира всыхнула в лунном луче, нанося ответный удар. Она поразила на смерть какого-то воина, выбравшего именно этот момент, чтобы сунуться между ним и вождем.

В следующий миг вокруг него заметался вихрь сверкающих копий. Отражая одни и уворачиваясь от других, Кейн вскочил на узенький камений мост. Теперь они могли нападать на него только по одному.

Быть первым никому как-то не захотелось. Они сгрудились на краю пропасти, стараясь дотянуться до Соломона копьями. Стоило ему отступить, и они подавались вперед, когда же он делал выпад — чернос воинство проворно откатывалось назад. Их копья были, конечно, гораздо длиннее его рапиры, но отточенное мастерство фехтовальщика, помноженное на холодную ярость атаки, до некоторой степени уравнивало силы.

Так они раскачивались взад и вперед, когда из толпы воинов вырвался черный великан и, словно дикий буйвол, устремился на мост, пригибаясь и низко неся копье. В глазах его тлели безумные огоньки. Кейну пришлося отскочить назад. Потом еще раз, чтобы уйти от копья и одновременно поймать момент для удара рапирой. Подавшись в сторону, он едва не потерял равновесия на краю моста; внизу его ждала вечность. Чернокожие воины торжествующе взвыли, глядя, как он старается удержаться. Гигант с копьем испустил громовой рык и ринулся на пошатнувшегося врага.

Кейн отбил удар, пустив в ход всю свою силу. Он еще не восстановил равновесия, так что это был подвиг, для большинства фехтовальщиков бесполезный. Он увидел наконечник копья, мелькнувший мимо щеки, и почувствовал, что спиной вперед валится в бездну. Отчаянное усилие, мгновенное движение руки — и он ухватился за древко копья, а в следующий миг проткнул соперника

насквозь. Из раскрытоого в крике рта вырвался фонтан крови. Последним усилием, умирая, чернокожий всем весом обрушился на победителя. Увернуться еще раз было уже не в человеческих силах. Враги вместе перевалились через край и, не издав ни звука, растворились во тьме, затопившей провал.

Все это произошло настолько быстро, что ошарашенные воины замерли на местах. Торжествующий рык великана еще не успел отзвучать, когда оба провалились во мрак. Постепенно оправившись, туземцы взошли на мост и склонились над бездной, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть или расслышать. Но внизу было темно, и со дна пропасти не доносилось ни звука.

Глава 2

НАРОД КРАДУЩЕЙСЯ СМЕРТИ

Летя вниз, Кейн все-таки не потерял головы и повиновался не страху, а все тому же воинскому инстинкту. Он извернулся в воздухе, чтобы, когда полет завершится — через десяток футов или через тысячу, какая разница, — между ним и землей оказался сраженный им человек.

Они ударились о твердь неожиданно и гораздо скорее, чем ожидал англичанин. Наполовину оглушенный, какое-то время он лежал неподвижно, потом поднял голову и посмотрел вверх. Он смутно различил узкий мост, пересекавший полоску звездного неба, видимого из пропасти, и на нем силуэты воинов, посеребренные лунным светом и странно укороченные необычной перспективой. Кейн лежал неподвижно, зная, впрочем, что луна еще не проникла в скрывавшую его глубину, а стало быть, смотревшие сверху не могли его разглядеть. Все-таки он дождался, чтобы они убрались с глаз, и только тогда начал оглядываться, оценивая свое положение. Соперник его был мертв. Пролетели же они, как выяснилось, немало: если бы не труп, смягчивший удар, быть бы мертвым и Кейну. Он и так был порядком разбит и весь в синяках.

Первым делом англичанин извлек из мертвого тела рапишу, благодаря Творца за то, что она оказалась не сломана, потом начал шарить впопыхах вокруг себя. Рука его натолкнулась на какой-то уступ, за которым, похоже, зиял новый обрыв. Он-то вообразил, будто свалился на самое дно провала и жуткая глубина была только кажущейся; было, однако, больше похоже на то, что они застряли на выступе утеса, пролетев только часть пути. Кейн бросил вниз маленький камешек. Звук удара раздался спустя долгое, долгое время. И был едва слышен.

С превеликим трудом соображая, что же делать дальше, Кейн вытащил из поясного кошеля кремень и кресало, приготовил толику трута и высек огонь, который тут же опасливо прикрыл руками от постороннего глаза. Крохотное пламя озарило широкий уступ, выдававшийся из скальной стены. Располагался уступ со стороны холмов, то есть там, куда Кейн и стремился. Он обнаружил также, что упал на самый его край и неосторожное движение вполне могло увлечь его вниз.

Скрючившись на камнях и стараясь вновь привыкнуть глаза к кромешному мраку, Соломон Кейн внимательно приглядывался к некой тени, черневшей на фоне стены. Когда он подобрался поближе, тень оказалась проходом, причем достаточно высоким и широким, чтобы туда, не сгибаясь, мог проникнуть человек. Пещера, решил Кейн. Внутри лаза было темно, как в могиле, и впечатление он производил более чем зловещее. Тем не менее англичанин решительно двинулся внутрь — сперва посвечивая себе тлеющим комком трута, а потом, когда трут догорел, — ощущую.

Естественно, он не имел ни малейшего понятия относительно того, куда выведет его этот проход. Да какая разница — всякое действие лучше, чем просто сидеть там и ждать, покуда горные стервятники расклюют его кости!..

Он довольно долго шел вперед, ощущая, как постепенно уводит все выше каменный пол пещеры. Местами ему приходилось карабкаться, сиотыкаясь, скользя и съезжая. Пещера, похоже, попалась обширная. Время от времени Кейн вытягивал руку над головой, но коснуться потолка так и не смог. Не мог он дотянуться свободной рукой и до противоположной стены.

Наконец пол выровнялся, и Кейн чутьем ощутил, что пещера еще увеличилась в объеме. Тьма осталась прежней, зато воздух явно сделался менее спретым. Неожиданно Кейн насторожился и замер на месте: откуда-то спереди доносилось исполнительное, исполненное словами шуршание. А потом... потом, без всякого предупреждения, что-то ударило его по лицу и принялось бешено хлестать. Тьма наполнилась порохом множества маленьких крыльев, и Кейн улыбнулся: криво, с облегчением, весело и вместе с тем огорченно. Летучие мыши! Ну конечно же. Пещера ими буквально кипела. Другое дело, они его, как ни крути, изрядно перепугали. Шагая вперед под шорохи тысяч крыльев, отдававшиеся под сводами громадной пещеры, Соломон Кейн допустил в свое пуританское сознание удивительную мысль: а не могло ли случиться так, что он некоторым образом забрел прямиком в преисподнюю? И эти мечущиеся существа — вправду ли это летучие мыши или, может быть, заблудшие души, обреченные вечно носиться в непреходящей ночи?..

Что ж, сказал себе Соломон Кейн. В таком случае я, верно, скоро набреду и на самого сатану!..

...И стоило ему подумать об этом, как в ноздри ударили омерзительный, отталкивающий запах разложения. Чем далее англичанин продвигался вперед, тем сильнее делался смрад. Кейн вовсе не был любителем сквернословить по всякому поводу, но тут уж и он начал тихо ругаться. Он чувствовал, что несносная вонь означала какую-то скры-

тую опасность, незримое зло, столь же нечеловеческое, сколь и смертоносное. Хмурый разум пуританина вновь обратился к заключениям метафизического свойства. Впрочем, его решимости они отнюдь не поколебали. Облаченный в несокрушимую броню веры, вооруженный незыблемым сознанием правоты дела, которое взялся отстаивать, Кейн готов был уверенно сойтись в поединке с какой угодно нечистью — хоть с духом, хоть с демоном.

И вновь его подстерегла неожиданность! Он по-прежнему ощущало продвигался вперед, когда прямо перед ним вспыхнула пара узких глаз, горевших желтым огнем. Глаза смотрели холодно и без всякого выражения. Для человека они были близко посажены. И располагались слишком высоко, чтобы принадлежать четвероногому существу. Что еще за ужас взвился из темноты у него на пути?..

Сатана! — убежденно решил Кейн, рассматривая покачивающиеся над ним глаза. А в следующий момент он уже яростно сражался за свою жизнь, ибо мрак вдруг обрел живую плоть и толстыми слизистыми кольцами сдавил его тело. Эти кольца оплели его правую руку, сделав ее бесполезной; другая рука силилась нащупать кинжал или пистолет, пальцы соскальзывали, натыкаясь на мерзкие кольца... шипение страшилища рождало эхо в стенах пещеры, звука леденящим гимном смерти и ужаса...

В кромешном мраке, под шепот тысяч кожистых крыл, Кейн дрался за жизнь, точно крыса, угодившая в пасть к змею-мышевому. Он почувствовал, как проминаются ребра, как становится невозможно дышать... когда его левая рука все-таки сомкнулась на рукояти кинжала.

Последовал яростный рывок всем телом, и железная крепость вздувшихся мышц позволила Кейну частично высвободить левую руку. Не медля, он дорохояти погрузил острое лезвие в чешуйчатую, змеящуюся плоть, что

обивала и сдавливала его тело. Потом еще раз и еще. Мало-помалу трепещущие кольца стали ослабевать и наконец сползли к его ногам, оставшись лежать, словно витки чудовищного каната.

Хвост громадной змеи еще бился в судорогах, любой удар мог переломать кости, и Кейн поспешил шарахнуться прочь, судорожно вбиная в измученные легкие воздух. Да, сказал себе Соломон, если мой соперник и не был самим сатаной, то, уж верно, доводился ему ближайшим земным сподвижником. Оставалось лишь смиренно надеяться, что в ближайшее время его не призовут на бой с другим таким же исчадием преисподней, таящимся здесь в темноте...

Отдышавшись, Кейн двинулся дальше. Ему начало казаться, что путешествие сквозь пещерный мрак длилось уже целую вечность, и он даже задумался, есть ли вообще у этого хода конец, когда тьму впереди прорезали неверные отблески света. Сперва Кейну показалось, что свет мерцал где-то весьма далеко. Поспешно зашагал он в ту сторону, но уже через несколько шагов, к своему изумлению, уткнулся в глухую стену.

Тогда только он разглядел, откуда шел свет: тонкий луч проникал сквозь небольшую трещину в этой стене. Ощупав ее, англичанин убедился, что она была сложена совсем из другого материала, нежели стены и пол. Его пальцы явственно ощущали тесаные каменные блоки, соединенные чем-то вроде известки. Несомненно, работа человеческих рук!

Свет исходил из отверстия между двумя блоками, где выкрошился строительный раствор. Кейн продолжал ощупывать каменную кладку, и пробудившийся интерес его не был вызван одними лишь насущными нуждами. Перед ним явно было изделие древних зодчих, чьи спо-

собности далеко превосходили все то, что можно было ожидать от жившего здесь племени дикарей.

Кейна охватил трепет восторга, хорошо знакомый первооткрывателям и ученым. Вне всякого сомнения, он был первым и единственным белым человеком, которому довелось лицезреть это диво. По крайней мере единственным, кто увидел это и был еще жив. Ибо когда несколько месяцев назад он высадился на удушающее влажном западном берегу и отправился в глубь материка, никто даже и намеком не упоминал при нем о чем-то подобном. Немногочисленные белые знатоки Африки, с которыми ему довелось беседовать, слыхом не слыхивали ни о какой Стране черепов. Не говоря уже о демонице, ею управлявшей.

Кайн осторожно надавил на стену ладонями. Выяснилось, что минувшие века значительно ослабили древнюю кладку: стоило толкнуть посильнее — и она заметно подалась. Тогда Кайн ринулся в атаку, налегая всем телом, и его усилия были вознаграждены. Целый участок стены рухнул с оглушительным треском. Пуританин не удержался на ногах и свалился на кучу камней, извести и мусора, оказавшись в тусклом освещенном коридоре.

Он немедленно вскочил, ожидая, что грохот привлечет внимание оравы полудиких конейщиков. Однако все было тихо. Коридор же, в котором стоял Кайн, был вполне подобен узкому пещерному ходу, но только проложенному руками людей. Шириной он был всего несколько футов, зато потолок уходил на ненумерную высоту. На полу лежал слой пыли, доходивший Кайну до щиколоток; было похоже, что вот уже много столетий сюда не заглядывала ни одна живая душа. А что касалось света, то оставалось только гадать, сквозь какие норы и трещины он сюда проникал, ибо никаких окон и дверей путешественник не заметил. Подумав еще немного, Кайн

решил, что источником света служил... сам потолок. Если приглядеться, было заметно, что он неярко, но вполне отчетливо фосфоресцировал.

Он двинулся вперед по этому странному коридору, без большого удовольствия ощущая себя этаким серым призраком, крадущимся сквозь серое царство тлены и смерти. Величайшая древность всего окружающего угнетала его, навевая невольные мысли о сиюминутной тщете и мимолетности не то что одной человеческой жизни — всего человечества. Оставалось лишь утешаться тем, что теперь-то он определенно находился не в аду, а у себя на земле: все же здесь был какой-никакой, но свет. На земле — по где именно? Об этом Кейн не мог составить сколько-нибудь чутного представления. Жители джунглей и речных побережий предупреждали его, что он идет в страну чародейства и пугающих тайн. Невнятные слухи об ужасах, совершившихся здесь, доходили до него ежедневно с того самого времени, когда он обратился спиной к Невольничьему Берегу и начал свое одинокое путешествие... Здесь могло произойти поистине все, что угодно!

Время от времени его ушам касались невнятные отзвуки голосов, исходившие непосредственно из стены. Кейн поразмыслил над этим и пришел к выводу, что забрел в тайные переходы какого-то замка или, по крайней мере, большого строения. Те из туземцев, что отваживались говорить с ним о Негари, шепотом упоминали запретный каменный город, стоявший, по их словам, высоко на черных каменных хребтах заклятых гор.

Что ж, сказал себе Кейн, очень может быть, что я и в самом деле попал именно туда, куда стремился. И стою сейчас как раз посреди тайного города ужаса...

Остановившись, он выбрал первое попавшееся место на стене и кончиком кинжала начал отколупывать известку, расширяя щель между камнями. Спустя некоторое вре-

мя опять послышался тот же таинственный шепот, только на сей раз громче, потому что работа у Кейна сиорилась. Потом кончик кинжала и вовсе прошел насквозь, проделав в стене дырочку. Соломон немедленно приник к ней глазом.

Взору его предстала странная, поистине фантастическая сцена!

Пред ним был обширный покой с каменными стенами и полом. Высоко вознесенную крышу поддерживали титанические колонны, украшенные странного вида резьбой. Вдоль стен рядами стояли чернокожие воины в уборах из перьев. Двойная шеренга таких же воителей неподвижно, как статуи, стояли перед величественным троном. Трон с обеих сторон охраняли каменные драконы, и каждый превосходил размерами живого слона.

Присмотревшись, Кейн разглядел знакомые лица: перед ним были те самые воины, с которыми он бился на краю пропасти. Но на них он взглянул лишь мельком. Взгляд его неудержимо привлекал к себе громадный, пынью разукрашенный трон. Там, небрежно откинувшись на подушки, возлежала женщина, казавшаяся миниатюрной на фоне тяжеловесной роскоши, окружавшей ее. Смуглокожая женщина, молодая и красивая какой-то тигриной красотой. Из одежды на ней был только пернатый шлем, браслеты на руках и ногах да юбочка из крашеных страусовых перьев. Разметавшись роскошным, сильным телом по шелковым подушкам, она, казалось, молча созерцала свое воинство.

Кейн смотрел на нее с некоторого расстояния, но даже издали смог различить, что черты ее лица были царственными, хотя и на варварский манер; высокомерными и властными были они, но в то же время и чувственными. И ощущалось в изгибе полных ярко-алых губ нечто говорившее о безжалостной жестокости этой женщины.

Сердце Кейна забилось чаще прежнего. Возделавшая на троне не могла быть никем, кроме той, чьи бесчисленные преступления усилили обрасти легендами. Накари Негарийская, демоническая царица города демонов, существо, чья безудержная страсть к человеческой крови заставляла содрогаться от ужаса полконтинента!

Кейна слегка удивило лишь то, что облик она имела вполне человеческий. Он ведь успел наслушаться сказаний речных племен, приписывавших ей, вероятно со страхом, внешность сверхъестественную. Так что Кейн был больше готов к встрече самое малое с гнусным человеко-подобным монстром из давно прошедшей эпохи.

Алгличанин смотрел и смотрел, завороженно и вместе с тем испытывая отвращение. Нигде, даже при дворах европейских владык, не встречал он подобного великолепия. И сам чертог, и все его украшения — начиная от каменных змеев, обвивавших основания колонн, и кончая едва различимыми драконами на укрытом мглой потолке,— все потрясало своими титаническими пропорциями. Пышность убранства тоже не укладывалась ни в какие привычные рамки и буквально подавляла рассудок с его жалкими мерками. Кейну даже пришло в голову, что подобный покой мог быть сотворен не людьми, а уж скорее богами, властвовавшими когда-то. Ибо в его стенах вполне уместилось бы большинство замков, виденных им в Европе!

Нет, недаром казались карликами рослые, могучие воины, заполнившие чертог. Не это племя выстроило на заре времен столь дивный и ужасный дворец!

Когда Кейн как следует осознал это, даже грозная царица Накари отчасти утратила в его глазах свою жуткую значительность. Эта женщина, вскарабкавшаяся на трон исполинов, в невообразимую роскошь чуждого мира, пред-

стала в своем действительном виде. Капризное, испорченное дитя, затеявшее игру в притворяшки. Дитя, играющее безделицами, выброшенными взрослыми за ненадобность. Подумав так, Кейн поневоле задался вопросом: КТО ЖЕ ТОГДА БЫЛИ ЭТИ «ВЗРОСЛЫЕ»?

Скоро, впрочем, англичанину пришлось убедиться, что затеявшееся дитя ни во что не ставило людскую жизнь.

Вот из толпы своих собратьев вышел высокий, мускулистый воин. Четырежды простерся он перед троном, после чего замер на коленях, очевидно дожидаясь позволения говорить. При виде него с царицы живо слетела маска ленивого безразличия; она выпрямилась стремительным гибким движением, живо напомнившим Кейну прыжок самки леопарда. Губы ее шевельнулись, и Кейн напряг слух, стараясь разобрать слова. Речь показалась очень похожей на хорошо известный ему язык речных племен.

— Говори!

— О Великая и Ужасная... — стоя на коленях, начал коленопреклоненный воитель, и Кейн признал в нем вождя стражей утесов, того самого, что первым обратился к нему на плато.— Да не испепелит пожар твоего гнева ничтожного подданного твоей милости...

Глаза молодой женщины хищно сузились:

— Знаешь ли ты, сын шакала, зачем сюда вызван?

— О Пламень Красоты! Чужестранец, назвавшийся Кейном, не принес с собой никаких даров для тебя...

— Никаких даров! — Слова вылетели подобно плевкам.— Да что за радость мне в этих дарах?

Вождь замялся: он наконец понял, что чужестранец по имени Кейн был почему-то небезразличен его господе.

— О Негарийская Газель, этот человек взобрался на скалы ночью, подобно убийце, и при нем был невиданный доселе кинжал в руку длиной. Камень, который мы

бросили, в него не попал. Тогда мы встретили его на плато и сопроводили к Небесному Мосту, где, согласно заведенному тобою обычью, вознамерились с ним покончить. Ибо тебе, как ты сама однажды заметила, бесконечно наскучили все эти мужчины, являющиеся со сватовством...

— Глупец! — ощерилась она.— Глупец!..

— О Царица Красоты, твой негодный раб ничего не знал. Чужой человек сражался с отвагой горного леопарда. Он убил двоих и вместе со вторым рухнул в бездну, чтобы погибнуть там, о Звезда Негари...

— Да!..— Голос царицы источал яд.— Это был первый настоящий мужчина из всех, когда-либо приходивших в Негари. Он поистине мог бы... Встань, никчемный глупец!

Воин поднялся на ноги.

— О Несравненная Львица, но что, если этот человек пришел за...

Докончить фразу ему так и не пришлось. Он не успел даже толком выпрямиться, когда Накари сделала быстрый жест. Два воина разом покинули застывшие в молчании ряды. Два копья пронзили тело вождя, не успевшего обернуться. Булькающий поток крови вырвался у него изо рта, брызнул струей высоко вверх... и безжизненное тело рухнуло у подножия великолепного трона.

Ряды воинов даже не дрогнули. Кейн уловил только движение глаз, показавшихся ему неестественно красными, и то, как иные облизывали толстые губы. Накари, приподнявшаяся, когда ударили копья, вновь откинулась на подушки. На ее прекрасном лице было написано жестокое удовлетворение, а мерцающие глаза мрачновато блестели.

Безразличный взмах руки — и мертвое тело, ухватив за ноги, поволокли прочь. Безжизненные руки скользи-

ли по полу, чертя по широкой полосе крови, остававшейся за ним на полу. Тут Кейн различил на гладком камне и другие сходные следы, иные — вовсе затерты, иные — почти совсем свежие. Сколько же неописуемых по своей кровожадной жестокости сцен видели своими пустыми глазами каменные драконы, сторожившие трон?..

Теперь у него не было причин сомневаться в правдивости коницмарных историй, переданных ему речными племенами. Этот народ жил ужасом и насилием. Его лишило разума сознание собственной мощи. Люди превратились в лютых зверей, знающих одно: убивать! Странные искры таились в их черных зрачках, искры, способные разгораться адовым пламенем. Что там говорили жители речных берегов о горном племени, бесчисленные века наливавшем на них трепет своими набегами? «Они не люди. Они — подручные смерти, ходящие меж людьми, и мы поклоняемся им...»

И все-таки Кейну, замершему у щелки в стене, не давала покоя все та же навязчивая мысль. КТО построил этот дворец? И почему люди, жившие в нем, выказывали столь явные признаки одержимости? Если он что-нибудь понимал, они никоим образом не могли быть причастны к высокой культуре, о которой свидетельствовала хотя бы резьба на каменных стенах. С другой стороны, если верить рассказам речных племен, иного народа здесь не было. Только тот, который и стоял сейчас перед ним.

...Англичанину потребовалось усилие воли, чтобы оторваться от завораживающее жуткого зрелища. Он не мог позволить себе терять время попусту: доколе они считают его мертвым, ему легче будет обходить возможную стражу, ищато, за чем он сюда пришел. Повернувшись, он двинулся дальше по коридору. В каком направлении идти,

особого значения не имело: все равно Кейну еще не явилось на ум никакого определенного плана действий. Коридор же отнюдь не блестал прямизной. Он извивался, сворачивая туда и сюда. Кейн понял, что его путь, видимо, повторял прихотливые извины стен, и подивился про себя их цикlopической толщине. Поначалу он все время ждал, что вот-вот натолкнется на какого-нибудь стражника или раба, но коридоры тянулись и тянулись вперед, и англичанин, глядя на ничем не нарушенный слой вековой пыли, уверился, что ногирийцы либо не знали о системе тайных ходов, либо по какой-то причине никогда сю не пользовались.

Шагая вперед, Соломон высматривал потайные двери и наконец обнаружил одну. Со стороны коридора она была заперта ржавым засовом, вставленным в отверстие камня. Повозившись, Кейн аккуратнейшим образом сдвинул засов, и дверь, заскрипев (как показалось Кейну, ужающее громко), отошла внутрь. Пугающе-венник осторожно выглянул... Никого! Он переступил порог и затворил за собой дверцу. Стену в этом месте украшала фантастическая фреска; дверь встала на место, и найти ее, не зная, где именно она располагалась, сделалось невозможно. Определив, где с внешней стороны находилась потайная пружина, Кейн сделал кончиком книжала маленькую пометку. Почем знать, пе понадобится ли ему еще раз этот потайной лаз?..

Как оказалось, дверь вывела его в громаднейший зал. Потолок подпирал целый лес толстых колонн, живо напомнивших Кейну тронный чертог. Среди этих колонн он сперва показался сам себе ребенком, запутавшимся в лесной чаще. С другой стороны, вид колонн его до некоторой степени успокоил. С его-то умением скользить по джунглям, подобно лесному духу, он и в этом каменистом

лесу сможет укрыться от преследователей, как бы внимательны и ловки они ни были.

Подумав так, он двинулся дальше, идя буквально куда глаза глядят и вслушиваясь в каждый шорох. Один раз ему послышались невнятные голоса — Соломон мгновенно взлетел на резное основание колонны, прилип к нему и повис, между тем как прямо у него под ногами неспешно проследовали две женщины. Кроме них, он никого так и не встретил.

Жутковатое и странное это было ощущение: шагать по громадному залу, казалось бы не отмеченному никакими признаками человеческого присутствия, сознавая в то же время, что на другом конце его могут находиться целые толпы народа, укрытые от его глаз неподвижными рядами колонн!

Ему показалось, он целую вечность блуждал по этому лабиринту. Но вот впереди показалась массивная стена. Она то ли ограничивала зал, то ли разделяла его на части; Кейн пошел вдоль нее и наконец увидел проход, возле которого, как черные статуи, неподвижно стояли два копьеносца.

Потихоньку высунувшись из-за основания колонны, Кейн заметил два окна, расположенные высоко на стене, по обе стороны двери. Стену же здесь покрывала особенно замысловатая резьба, и в голове у Соломона созрел отчаянный план.

Он обещал себе непременно увидеть, что же располагалось там, за дверью. Ее охраняли; значит, по ту сторону находилась либо сокровищница, либо вход в подземелье. Что-то подсказывало ему, что конечная цель его путешествия таилась именно в подземелье.

Кейн отошел в сторону, чтобы не попасться на глаза стражам, и принял карабкаться вверх по стене. Резьба,

на его счастье, была глубокой и давала достаточно опоры рукам и ногам. Подъем оказался даже легче, чем он себе представлял. Поднявшись до высоты окон, Кейн по горизонтали двинулся вбок, в который раз чувствуя себя муравьем на отвесной стене.

Стражники, оставшиеся далеко внизу, так и не подняли голов. Кейн добрался до ближнего окна, перегнулся через край и посмотрел внутрь. Перед ним была обширная комната, полностью безлюдная, но зато обставленная с варварской чувственной роскошью. Каменного пола не было видно за шелковыми диванами и бархатными подушками, стены сплошь покрывали золототканые шпалеры. Потолок и тот был весь в золоте. Резким диссонансом выделялись многочисленные тяжеловесные изваяния из слоновой кости и железного дерева — изделия местных мастеров, вряд ли сумевших постигнуть странную культуру, оставившую им в наследство эти чертоги.

Наружная дверь была закрыта, а в противоположной стене виднелась еще одна дверь. Тоже закрытая.

Кейн спустился с подоконника, съехав вниз по краю длинной занавеси, как матросы на кораблях съезжают на палубу с мачт по канатам. Он пересек комнату, бесшумно ступая по пышным коврам, в которых тонула нога. Как вся прочая обстановка, ковер показался ему ужасающе древним. Таким древним, что чуть только не распадался от старости.

У двери англичанин помедлил. Вот так прямо взять и войти в соседнюю комнату было весьма рискованным предприятием. Если, к примеру, она окажется битком набита воинами, нить к отступлению ему отрежут копейщики, стоящие у внешней двери...

Но Кейну было не привыкать даже к самому безумному риску. Он сжал в руке клинок и распахнул дверь стре-

мительным и внезапным движением, призванным на миг ошеломить любого врага, окажись он там, за порогом. Столь же стремительно Кейн шагнул внутрь, готовый ко всему, в том числе и к немедленной гибели... и сам на секунду застыл, лишившись от изумления дара речи.

Он преодолел тысячи миль, преследуя вполне определенную ЦЕЛЬ. И вот свершилось. Его ЦЕЛЬ была пря-
мехонько перед ним, только стоило протянуть руку.

Глава 3

АИЛИТ

Посреди комнаты стояла обтянутая шелком кушетка, а на кушетке лежала юная белокожая девушка. Червонное золото ее волос рассыпалось по обнаженным плечам. Она так и взвилась при виде вошедшего, и чудесные серые глаза затонели ужас. Губы раскрылись, готовые испустить крик... но в последний момент девушка удержалась.

— Вы!.. — ахнула она. — Но каким образом...

Соломон Кейн прикрыл за собой дверь и подошел к девушке. Улыбка появилась на его темном от загара лице.

— Значит, — сказал он, — еще не совсем позабыла меня, маленькая Мерилин?

Ужас пропал с ее лица еще прежде, чем он заговорил с ней. На смену ему появилось немыслимое изумление. Мерилин была не в силах поверить собственным глазам.

— Капитан Кейн!.. Возможно ли... я уже и надеяться перестала, что однажды кто-то придет...

Она провела узенькой ладошкой по лбу и неожиданно пошатнулась.

Кейн легко подхватил ее на руки — Мерилин была совсем молоденкой девушкой-подростком, почти ребенком — и бережно уложил на кушетку. Осторожно растирая ее занытые щеки, он заговорил быстро и тихо, беспрестанно косясь на дверь (каковая была, похоже, единственным проходом, соединявшим эту комнату с внешними помещениями). Кроме того, разговаривая, Кейн по давней привычке схватывал взглядом каждую деталь обстановки. Надо сказать, убранство комнаты мало чем отличалось от того, которое он только что видел.

— Прежде всего,— начал он,— скажи мне, зорко ли тебя сторожат?

— Да, сэр,— безнадежным шепотом отвечала ему Мерилин.— Как уж вы забрались сюда, одному Богу известно, но вот выйти нам ни за что не удастся...

— Дай я тебе кое-что расскажу,— усмехнулся Кейн.— Может, ты ощущишь хоть какую-то надежду, когда услышишь о трудностях, уже оставшихся позади. Полежи спокойно, Мерилин, а я тебе поведаю, как случилось, что я прибыл в дьявольский город Негари разыскивать английскую наследницу...

Так вышло, что я убил сэра Джона Тэфтерела на дуэли. Что касается повода... не суть важно, скажу лишь, что за всем этим стояли злословие, клевета и черная ложь. Умирая, сэр Джон пожелал облегчить свою совесть и сознался, что много лет назад совершил гнусное преступление. Ты ведь помнишь, конечно, как любил и лелеял тебя твой кузен, старый лорд Хильдред Тэфтерел, дядя сэра Джона? Так вот, сэр Джон убрался, что старый лорд, умирая бездетным, возьмет да и завещает тебе все несметные богатства Тэфтерелов.

Несколько лет назад, когда ты бесследно исчезла, сэр Джон распустил слух, будто ты утонула. Но позже, отве-

дав крепость моей рапиры, уже готовясь встретить смерть, он нашел в себе силы и признался, что похитил тебя и продал берберийскому пирату. Он назвал даже имя этого кровавого грабителя, небезызвестное на английских побережьях. Тогда-то я и отправился разыскивать тебя. Далеким и долгим оказалось мое странствие, измеренное тяжкими милями и горькими годами поиска и труда...

Я начал с того, что отправился в море, выслеживая Эль Гара, берберийского корсара, чье имя, умирая, шепнул мне сэр Джон. Я сошелся с ним в реве и грохоте морского сражения, и он умер, но перед смертью открыл мне, что перепродал тебя одному купцу из Стамбула. Я отправился на Восток, и там случай свел меня с греческим моряком, которого мавры распяли на берегу за пиратство. Я снял его с креста и задал ему тот же вопрос, который задавал каждому встречному: не попадалась ли ему в его странствиях пленица-англичанка, маленькая девочка с золотыми кудряшками. И что же? Тот моряк оказался членом команды стамбульского купеческого корабля. Он рассказал мне, что на обратном пути их корабль был взят и потоплен португальским работоторговцем. Вероотступник-грек и английская девочка были в числе немногих, кого вытащили из воды и взяли на борт португальского корабля.

Торговцы рабами затем отправились на юг за очередным грузом живого товара — «черного дерева», как они называют невольников, — и на западном побережье африканского континента, в маленькой бухточке, угодили в засаду. О дальнейшей твоей судьбе грек ничего не знал. В тот раз он чудом избежал всеобщей резни, спасся в море на маленькой лодочке и был подобран генуэзскими флибустьерами.

Что ж, я отправился на западный берег, ибо сохранилась пусть ничтожная, но вероятность, что ты все еще жи-

ва. Там я услышал от местных жителей, что несколько лет назад в заливе действительно был захвачен корабль, команда его — перерезана, а в качестве добычи взята белокожая девочка. По их словам, девочку отправили в глубь страны вместе с данью, которую приморские племена выплачивали вождям с речных верховий...

На этом, Мерилин, твой след оборвался. Месяц проходил за месяцем, а я не мог раздобыть не то что намека на твоё нынешнее местонахождение — даже и простого свидетельства, что ты по-прежнему жива. Но вот однажды мне довелось услышать от жителей речных побережий о Негари, городе демонов, и о тамошней злодейке царице, которая якобы держит в рабынях чужеземку... Вот так, маленькая моя, я и оказался здесь.

Все это Соломон Кейн рассказывал будничным тоном, очень коротко, без рисовки и художественных прикрас. Оставалось только гадать, сколько сражений на суше и на море стояло за этим немногословным повествованием. Сколько лет лишений и отчаянного, изнурительного труда, непрестанных опасностей и странствий по неведомым и зачастую враждебным краям. Какая бездна кропотливого, сводящего с ума поиска нужных сведений, каждую крупицу которых приходилось лаской и таской добывать у невежественных угрюмых пиратов и кровожадных туземцев!

— Вот так я и оказался здесь, — просто сказал Кейн, и эти слова заключали в себе целую вселенную железного мужества и отваги.

Долгий кровавый путь, багрово-черные тени, колеблющиеся в дьявольском танце, взблеск клинов, пороховой дым сражений... и драгоценные, считанные слова, истекавшие вместе с каплями крови из уст умирающих.

Соломон Кейн был более чем далек от каких-либо театральных эффектов. Он излагал свою повесть в той же

самой манере, в какой, если так можно выразиться, ему довелось разыграть ее в жизни. Самые чудовищные препятствия, встававшие у него на пути, он преодолевал с точно таким же холодным упорством. И не удосуживаясь задуматься о собственном героизме.

— Видишь ли, Мерилин,— проговорил Кейн ласково,— я все это проделал и забрался бог знает куда вовсе не для того, чтобы теперь потерпеть поражение. Кренись, девочка. Мы непременно придумаем, как сбежать из этого проклятого места.

— Сэр Джон подхватил меня на седло...— медленно, словно во сне, проговорила девушка. Родной язык, на котором ей столько лет не приходилось говорить, ей самой казался странным и почти чужим. Запинаясь, рассказывала она о том, что произошло однажды вечером в Англии много лет тому назад.— Он увез меня на морской берег, где уже ждала лодка, спущенная с галеры. В пей сидели свирепые и страшные люди, смуглые, усатые, с ятаганами. Пальцы у них были силою унизаны перстнями. Их капитан, магометанин с ястребиным лицом, принял меня, плачущую от страха, у сэра Джона и увез к себе на галеру. И все же этот человек был по-своему добр ко мне, ведь я была тогда совсем еще ребенком. Впоследствии он продал меня турецкому купцу, и все было в точности так, как он рассказал вам, умирая. Того купца он встретил у южных берегов Франции, куда мы попали, проведя много дней в открытом море.

Мой новый хозяин не причинял мне зла, но как же я страшилась его! Я зпала, как жесток был этот человек, и он сам сказал мне, что прораст меня черному мавританскому султану. Но этому не суждено было случиться: у Столпов Геракла на его корабли напали работоторговцы из Кадиса и все произошло так, как вам и рассказывали.

Главарь работорговцев догадался, что я происхожу из очень зажиточной английской семьи, и надумал получить за меня выкуп. Увы! Он погиб темной и мрачной ночью в угрюмой бухте на берегу Африки, погиб со всеми своими людьми... кроме того грека, о котором вы упоминали. А я снова попала в плун, на сей раз — к вождю дикарей.

Я страшно боялась его, полагая, что он вот-вот расправится со мной. Но он даже пальцем не тронул меня. Он отправил меня в глубь страны вместе с вооруженным отрядом, который вез добычу, взятую на разграбленном корабле. Как вы знаете, эта добыча, в том числе и я, предназначалась могущественному царьку речных племен. Но до его деревни мы так и не добрались, ибо на воинов побережья напал разбойничий отряд негарийцев и всех перерезал. Тогда-то меня и привезли сюда, в этот город. С тех пор я и живу здесь в рабстве, прислуживая царице Накари...

Как только я пережила все эти ужасы, всю эту череду битв, жестокостей и убийств, совершившихся на моих глазах? Как не лишилась рассудка? Не знаю сама!

— Рука Провидения хранила тебя, дитя, — сказал Соломон Кейн. — Рука Божья, хранящая слабых женщин и беззащитных детей. Что, как не Провидение, направляло меня к тебе, помогая преодолеть все препоны! Мыслимо ли, чтобы нам не удалось выбраться отсюда?.. Если будет на то воля Божья, конечно.

— А мои родственники? — словно очнувшись от сна и прогнав страшные воспоминания, спросила девушка. — Как там моя семья?..

— Все живы, дитя, и дом их не оскудел. Лишь скорбь по тебе отравила им минувшие годы. Только старый лорд Хильдред страдает подагрой и оттого временами так бо-

гохульствует, что я поистине опасаюсь за его душу. Но я уверен, маленькая моя, что вид твоего личика его сейчас же исцелит.

— И все-таки, капитан Кейн,— сказала девочка,— не пойму я, почему же вы пришли один.

— Твои братья с радостью отправились бы со мной, девочка, но не было никакой уверенности, что ты жива, а я не хотел, чтобы еще хоть один Тэферел умер в неведомой стране, вдали от нашей родной английской земли. Я избавил этот мир от злонравного Тэферела и решил, что я же и доставлю на его место другого Тэферела, доблого и благого. И разыщу его, вернее ее, в одиночку.

Объясняя подобным образом свои действия, Кейн и сам верил в то, что говорил. Он никогда не колебался в себе, выясняя мотивы собственных поступков, а раз приняв решение, более не испытывал колебаний и намерений своих не менял. Оттого, привыкнув действовать по первому побуждению, он свято верил, что его поступками всегда движет трезвый и холодный расчет. Соломон Кейн был сыном своего времени. Он странным образом сочетал в себе рыцаря и пуританина, причем где-то в глубине его души жил к тому же еще и античный философ, не лишенный кое-каких языческих суеверий (хотя последнее утверждение, надобно полагать, повергло бы Кейна в неописуемый ужас). Пережиток эпохи, когда мужчинами управляла нерассуждающая честь, странствующий рыцарь, облаченный в строгие одежды фанатика пуританина,— вот что представлял собой Соломон Кейн. Людей вроде него гонят вперед духовная жажда, стремление своей рукою исправить все зло мира, защитить слабых, воздать по заслугам гонителям правды и справедливости. Непоседливый и беспокойный, как ветер, он был незыблемо постоянен в одном: в верности своим идеалам.

— Мерилии,— со всей нежностью проговорил этот человек, беря маленькие ручки девушки в свои, покрытые мозолями фехтовальщика.— Как же изменили тебя пролетевшие годы! Помнится мне, в те времена, когда в добной старой Англии я качал тебя на коленях, ты была этакой пухленькой розовощекой малышкой, сущим ангелочком. А теперь, смотрю, ты стала совсем худенькой и бледной... хотя и прекрасной, как те нимфы, о которых я читал в языческих книжках. Я вижу в твоих глазах тень страха, дитя мое. Скажи, они плохо обращаются здесь с тобой?

Она съежилась на кушетке, и кровь стала медленно отливать от ее и без того бледных щек, пока она не победила как смерть. Кейн, удивленный и встревоженный, склонился над ней.

— Лучше не спрашивайте,— едва слышно прошептала она.— Есть деяния настолько страшные, что лучше им так и оставаться под покровом тайны, во мраке забвения. Есть зрелища, от которых слепнут глаза видевших и разум навсегда получает отметину, выжженную в сознании, словно клеймо. Стены древних городов, забытых человеческим родом, были свидетелями такого, о чем лучше все не упоминать, даже шепотом...

Мерилии в изнеможении опустила ресницы. Помрачневший, обеспокоенный взгляд Кейна невольно отметил голубые линии вен, отчетливо различимых сквозь неестественно прозрачную кожу.

— Воистину, здесь какая-то дьяволыцина,— пробормотал он хмуро.— Какая-то тайна...

— О да...— шепотом откликнулась девушка.— Тайна, от которой веяло древностью еще тогда, когда Египет был юн... Безымянное зло куда старше седого Вавилона... Зло, населявшее черные города ужаса еще на заре молодости мира...

Кейн сдвинул брови. При этих странных словах, произнесенных девушкой, он ощутил в потемках подсознания какой-то невнятный крадущийся страх. Словно бы пробудилась память поколений, дремавшая в его крови несчитанные века. Пробудилась, вызывая кошмарные видения, ускользающие, непонятные и бессвязные. Но от этого еще более страшные.

Мерилин вдруг резко вскинулась па кушетке, глаза широко распахнулись, округляясь от ужаса. Острый слух Кейна тоже уловил скрип двери, открывшейся неподалеку.

— Это Накари! — быстро зашептала девушка. — Попрощайтесь же! Она не должна застать вас здесь! Спрячьтесь скорее... — Кейн обернулся, и она добавила: — И, умоляю вас, ни звука! Что бы ни случилось — молчите!..

Мерилин вновь опустилась на шелковые подушки и притворилась, что задремала, а Кейн стремительно пересек комнату и укрылся за длинными стенными занавесями: на его счастье, в стене обнаружилась ниша, в которой, вероятно, раньше стояла статуя.

Едва он успел спрятаться и замереть, как распахнулась единственная дверь комнаты и странная, варварского вида фигура встала на пороге.

Накари, царица Негари, пришла к своей невольнице.

На ней было то же одеяние, что и в тронном чертоге. Звеня цветными браслетами на руках и на ногах, она прикрыла за собой дверь и вошла в комнату. Двигалась же она с прирожденной гибкой грацией пантеры, и Кейн, наблюдавший за ней из укрытия, помимо собственной власти восхитился изяществом ее движений. Однако взгляд ее дышал таким живым и магнетическим злом, злом гораздо старшим, чем цивилизация, что Кейн содрогнулся от омерзения.

«Да это сама Лилит! — сказал он себе.— Она прекрасна, но она же и ужасает, словно Чистилище. Да, это Лилит — нечистая, но ослепительная женщина из древней легенды!»

Накари остановилась подле кушетки. Какое-то время она молча, сверху вниз смотрела на пленницу, после чего с загадочной улыбкой нагнулась и встремхнула ее за плечо. Мерилин открыла глаза, приподнялась... потом соскользнула с ложа и преклонила колени перед своей дикой владычицей. Кейн, глядя на это унижение, беззвучно, но яростно выругался за занавеской. Царица же, рассмеявшись, присела на кушетку и жестом велела девушке подняться с колен, а потом обняла ее за талию и... усадила себе на колени. Ошарашенный Кейн замер, наблюдая за тем, как лениво, явно забавляясь, ласкала она рабыню. Может, была тут и своего рода привязанность, но Кейну подумалось о сытой тигрице, играющей со своей жертвой. Он-то чувствовал в каждом движении Накари насмешку над беспомощной невольницей и тонкую, изысканную жестокость.

— Какая у тебя мягкая кожа, какая нежная плоть, маленькая Мара,— лениво мурлыкала Накари.— Другие мои служанки не идут с тобой ни в какое сравнение. Время близится, маленькая, грядет твоя брачная ночь. И, право же, еще не рождалось под черными звездами невесты прекрасней!

Мерилин задрожала так, что Кейн испугался: сейчас потеряет сознание. Глаза Накари странно поблескивали под полуопущенными веками в длинных ресницах, полные алые губы кривила тень сводящей с ума улыбки. Что бы она ни делала, во всем сквозило нечто зловещее. Кейн почувствовал, что обливается потом.

— Мара,— продолжала царица,— тебе оказана честь, которая и не снилась никакой другой девушки, а ты все

чем-то недовольна. Подумай о том, как станут завидовать тебе все жительницы Негари, когда жрецы пропоют брачные гимны и из-за черного парапета Башни Смерти выглянет Луна черепов! Подумай, маленькая невеста повелителя, сколько девушек готовы жизнь отдать за то, чтобы назвать его женихом!

И Накари вновь рассмеялась, точно услышав хорошую шутку,— удивительно музыкальным, но в то же время и зловещим смехом. И вдруг замолчала. Ее глаза обратились в узкие щелки и пристально обежали комнату, а все тело напряглось, подбираясь по-звериному. Рука метнулась к поясу и извлекла длинный, узкий кинжал. Кейн между тем держал ее на мушке своего пистолета, и палец его лежал на спусковом крючке. Только естественное для человека его склада нежелание стрелять в женщину удерживало англичанина от того, чтобы метнуть смерть в дикарское сердце Накари: он почти не сомневался, что царица варваров вознамерилась прирезать Мерилии.

Но та неуловимым кошачьим движением спихнула рабыню с колен и прыжком отлетела назад к двери, не спуская горящего взора с занавеси, за которой стоял Кейн. Неужели, подумалось ему, эти глаза пантеры сумели его высмотреть?.. Вскоре все прояснилось.

— Кто здесь? — крикнула она в ярости.— Кто прячется там, за шпалерой? Выходи! Я не вижу и не слышу тебя, но я знаю: здесь кто-то есть!

Кейн молчал и не двигался. Итак, звериный инстинкт сообщил Накари о его присутствии в комнате. Как поступить?.. Он решил не спешить и сперва посмотреть, что предпримет царица.

— Мара! — Голос Накари прозвучал как удар хлыста.— Кто там, за занавесью? Живо отвечай, пока я снова не приказала тебе выпороть!

Но несчастная девушка, казалось, утратила дар речи. Она только сжалась в комок на полу, чудесные глаза наполнились ужасом. Но она не произнесла ни слова. Горящий взор Накари был по-прежнему устремлен в ту же точку. Свободной рукой она пошарила позади себя и ухватила шнур, свисавший со стены. Злобный рывок — и занавеси разошлись на две стороны. Тайное сделалось явным. Кейн стоял в своей нише, и больше его ничто не скрывало.

Несколько мгновений длилась эта немая сцена. Изможденный жилистый путешественник в заляпанной крою, изодранной о камни одежде, с длинным пистолетом, сжатым в правой руке. Царица дикарей в варварски великолепном наряде, замершая у противоположной стены, одной рукой еще держа шнур, другой — смертоносный кинжал. И между ними — пленница, скорчившаяся на полу.

Кейн первым нарушил молчание, сказав:

— Не поднимай шума, Накари, не то умрешь.

У царицы, ошеломленной непредвиденным зрелищем, казалось, временно отнялся язык. Кейн покинул нишу и, неторопливо ступая, пошел к ней.

— Ты!.. — прошипела она, обретя наконец голос. — Ты, должно быть, тот самый человек, о котором рассказали мне стражи. Тем более что больше белых людей в Негари и нет. Но ведь ты, по их словам, упал вниз и разбился! Каким образом...

— Тихо! — Резкий приказ Кейна прервал ее невнятные излияния. Он знал, что Накари никогда не видела пистолета и не знает, что это такое, зато отлично чувствует смертоносную угрозу, исходящую от длинного клинка в его левой руке. — Мерилин, — он по инерции продолжал пользоваться диалектом речных племен, — возьми-ка шнуры от занавесей да свяжи эту...

Роберт И. Говард

Он был уже на середине комнаты. С лица Накари тем временем сошло первоначальное беспомощное изумление, горящие глаза замерцали обычным коварством. Она выпустила из ладони кинжал и уронила его на пол, словно бы признавая свое поражение, но потом вдруг стремительно вскинула руки и схватила еще какой-то шнур на стене. Кейн услышал отчаянный крик Мерилли, но не успел не то что спустить курок — даже и сообразить, что происходит. Пол вдруг ушел у него из-под ног, и он полетел вниз, в бездонную темноту. Глубина, впрочем, оказалась невелика, и Соломон благополучно приземлился на ноги. Силой толчка его бросило на колени, он ощущал чье-то присутствие подле себя в темноте... И в это время на его голову обрушился страшный удар, и непроглядный мрак беснамятства окутал его.

Глава 4

МЕЧТА ОБ ИМПЕРИИ

...Кейн медленно всплывал из темных глубин, в которые погрузила его дубинка неведомого злоумышленника. Что-то мешало ему свободно двигать руками; он попытался поднять их к голове, раскальвавшейся от пульсирующей боли, и услышал металлический лязг.

Он лежал в кромешной темноте, но не мог определить, была ли она вызвана отсутствием света или, может быть, последствиями сокрушительного удара. С грехом пополам он заставил повиноваться осязание и слух и выяснил, что лежит на каменном полу, холодном и влажном, и что на руках и на ногах у него железные цепи, грубо выкованные и покрытые ржавчиной.

Он не мог составить себе никакого представления о времени. Тишину нарушали лишь болезненные толчки крови в висках да шуршащая беготня и писк крыс. Но вот во тьме зародилось красноватое сияние. Оно росло, приближаясь, и наконец превратилось в факельное пламя. Рыжие отсветы огня заиграла на смуглом лице Накари, кривившемся в язвительной и жестокой улыбке. Кейн тряхнул головой, стараясь развеять наваждение. Но на-

важдение развеиваться не пожелало. Царица, с факелом в руках, стояла перед ним во плоти.

Теперь, когда свет дал ему возможность оглядеться, он увидел, что лежит в маленькой и донельзя сырой камере. Потолок, стены и пол в ней были каменными. Тяжелые цепи, удерживавшие его руки и ноги, были промкнуты к металлическим кольцам, надежно вделанным в стену. Единственная дверь была, судя по всему, отлита из бронзы.

Накари вставила факел в нишу возле двери и, подойдя, остановилась над плениником. Она принялась разглядывать его, но не то чтобы с насмешкой, а скорее что-то обдумывая.

— Значит, ты тот, кто сражался с моими воинами на утесах.— Это было утверждение, а не вопрос.— Они сказали, что ты упал в пропасть. Неужели они солгали мне? Чем ты подкупил их, чтобы заставить пойти на ложь? А если они сказали правду, то каким образом ты уцелел? Быть может, ты волшебник и сумел невредимым слететь на дно провала, а потом опять же по воздуху проникнуть ко мне во дворец? Отвечай!

Кейн не проронил ни звука, и Накари выругалась.

— Отвечай, не то я прикажу выколоть тебе глаза! Тебе отрубят пальцы и поднесут к пяткам огонь...

И она с размаху пнула его ногой. Кейн по-прежнему лежал неподвижно и молча, лишь мрачные, глубокие глаза сверлили ее лицо. Постепенно ее взгляд утратил звериный блеск, и на смену ему явилось недоумение, смешанное со жгучим любопытством.

Усевшись на каменную скамью, Накари поставила локти на колени и опустила на руки подбородок.

— Я никогда раньше не видела белых мужчин,— проговорила она.— Все ли они такие, как ты? Ха, навряд ли!. Большинство мужчин — непроходимые дурни, как чер-

ные, так, наверное, и белые. Речные племена считают белых людей богами, но я утверждаю: они такие же люди, как мы. Да, это говорю я, знающая все древние таинства!.. Но мне известно и то, что у белых людей тоже есть свои страшности и свои тайны. Мне рассказывали об этом речные бродяги. И Мара. У них, например, есть боевые жезлы, производящие звук, подобный грому, и убивающие на расстоянии. Та штука, которую ты держал в правой руке... был ли это один из ваших магических жезлов?

Кейн позволил себе мрачную улыбку:

— Накари, знающая все древние таинства... Могу ли я надеяться сообщить тебе нечто неведомое твоей премудрости?

— Какие у тебя глаза,— не обратив никакого внимания на его язвительные слова, продолжала царица.— Странные... глубокие и холодные! И облик, и осанка... да, держишиесь ты поистине царственно. И ты меня не боишься. Все мужчины, которых я прежде встречала, либо были влюблены в меня, либо боялись. Ты никогда не испытала передо мной страха. Но и не влюбилась. Смотри же на меня, смотри пристальнее, смельчак! Или я не прекрасна?

— Ты прекрасна,— согласился Кейн.

Накари улыбнулась, но тут же нахмурилась:

— Ты произнес это не так, как положено произносить похвалу. Ты ненавидишь меня, правда ведь?

Кейн ответствовал со всей откровенностью:

— Ненавижу, как только человек может ненавидеть змею.

В глазах Накари запылала ярость сродни сумасшествию. Она так сжала кулаки, что длинные ногти впились в ладони. Но вспышка гнева угасла столь же быстро, сколь и разгорелась.

— И смелость у тебя царская, — спокойно сказала она.— Иначе ты ползал бы передо мною на брюхе. Скажи, ты, наверное, правитель своей страны?

Соломон ответил:

— Я всего лишь безземельный бродяга.

— А можешь,— медленно выговорила Накари,— стать властелином здесь, в этой стране...

Кейн угрюмо расхохотался:

— Ты что, предлагаешь мне жизнь?..

— И не только!

Глаза англичанина сузились — царица склонилась над ним, дрожа всем телом от сдерживаемого возбуждения:

— Скажи, Кейп, чего бы ты хотел больше всего на свете?

— Уйти отсюда и забрать с собой белую девушку, которую ты зовешь Марой.

Накари резко отшатнулась, издав нетерпеливое восклицание.

— Ее ты не получишь,— сказала она.— Мара — парененная невеста Новелителя. Я и то не смогла бы ее спасти... даже если бы захотела. Так что лучше забудь о ней. О, я помогу тебе забыть о ней! Слушай, слушай же речи Накари, царицы Негарийской! Ты говоришь, что беззмелен, но я сделаю тебя царем! Весь мир станет твоей игрушкой, лишь пожелай!.. Нет-нет, молчи и выслушай не перебивая! — заторопилась она, желая высказать ему сразу все. Слова ринулись наружу не всегда внятным потоком. Глаза ее сверкали, ей не сиделось на месте.— Я много беседовала с путешественниками, пленниками и рабами, привезенными из чужедальних земель. Я знаю, что кроме этой страны горных хребтов, джунглей и рек есть на свете и иные края. Есть дивные города и народы, живущие далеко-далеко. А также цари и царицы, которых следует завоевать и втоптать в прах.

Близок закат Негари, мощь ее близится к упадку, но сильный мужчина, вставший рядом с царицей, еще мог бы раздуть гаснущие угли и вернуть пресколько славу. Слушай же, Кейн! Воссядь подле меня на троне Негари! Сделай так, чтобы из твоей страны, лежащей на другом конце света, привезли громовые жезлы, и мы вооружим ими мое воинство. Ибо мой народ все еще повелевает срединными землями Африки. Вместе мы сумеем объединить покоренные племена и вернуть время, когда древняя держава Негари простиралась от океана до океана! Мы подчиним себе все племена речных и морских побережий, а потом и саванн. Но мы не будем уничтожать их, о ист! Из них мы составим одно могучее войско! И вот когда вся Африка окажется у нас под пятой, мы рванемся во внешний мир, словно голодный лев, который терзает, рвет и заглатывает добычу!

Соломон ощущал, как поколебался его разум. Возможно, во всем была виновата магия личности этой грозной и таинственной женщины, та яростная, огнедышащая сила, которая звучала в каждом ее слове... Так или иначе, но был миг, когда весь этот безумный, невероятный план показался ему совсем не таким уж безумным и невероятным. Калейдоскоп фантастических видений промелькнул в сознании пуританина. Европа, раздираемая гражданскими и религиозными войнами. Европа, расколотая на враждующие лагеря, направо и налево продаваемая своими вождями, Европа, кажется, готовая рухнуть в обломках... Как бы она действительно не пала легкой добычей какой-нибудь новой, дикой, полной необузданых сил расы завоевателей... Да и какой мужчина может похвастаться, что где-то в дальнем уголке его души не дремлет под спудом жажды завоеваний и власти?..

...И был миг, когда враг рода человеческого подверг Соломона Кейна жестокому искущению. Но перед мыс-

ленным оком пуританина сейчас же всплыло печальное, полное тоски лицо Мериллин Тэферел, и Соломон с чувством выругался:

— Прочь отсюда, дочь сатаны! Изыди!.. Я что тебе, зверь лесной, чтобы вести твоих черных дьяволов против моего собственного народа? Да что там, даже и зверь на такое никогда не пойдет! Изыди, говорю тебе! Хочешь моей дружбы, так освободи меня и отпусти со мной белную девочку...

Накари взвилась на ноги, точно дикая кошка. В глазах ее пылала животная ярость. Выхватив кинжал, она занесла его над сердцем Соломона Кейна, издавая кошачий вопль ненависти... Какое-то время кинжал трепетал над ним, готовый вонзиться... Но потом Накари опустила руку и засмеялась.

— Освободить?.. О, она обретет свободу, когда Луна черепов, скалясь в улыбке, склонится над черным алтарем. Что же до тебя — ты сгниешь здесь, в этом подвале. Ты безмозглый глупец, Кейн! Величайшая царица Африки посыпала тебе свою любовь и предложила править вместе с нею всем миром, но ты ее оттолкнул, осыпав оскорбительной бранью! Уж не влюблен ли ты в маленькую рабыню, а? Так знай же: до прихода Луны черепов она по-прежнему принадлежит мне. И вот что я тебе скажу, чтобы ты не скучал тут в одиночестве. Я стану наказывать ее так, как наказывала и прежде! Я подвешивала ее за руки нагую и хлестала кнутом, пока она не лишалась сознания!

Кейн яростно рванулся в кандалах, и Накари расхохоталась, глядя на его муки. Подойдя к двери, она отворила ее и собралась уходить, но на самом пороге помедлила и добавила, обернувшись:

— Да, мой смельчак, место здесь мерзкое. Можешь не навидеть меня еще сильнее за то, что я тебя сюда водвон

рила. Быть может, оказались в прекрасном тронном чертоге Накари и узрев его роскошь и великоление, ты переменишь свое мнение и о его хозяйке. Весьма скоро я пришлю за тобой, но до тех пор побудь здесь и поразмысли. Помни! Полюбишь Накари — и весь мир станет твоей державой; отринешь ее — и до конца дней своих не увидишь ничего, кроме этих стен!

Мрачно лязгнула, закрываясь за нею, тяжелая бронзовая дверь. Но куда больнее ранил слух именного англичанина серебристый, полный яда смех удалявшейся Накари.

Время в глухом подземелье тянулось мучительно медленно. Кейну показалось, что прошли целые годы, прежде чем раскрылась дверь и появился здоровенный воин, принесший еду и жиленькое вино. Кейн с жадностью набросился на пищу, а потом заснул. Труды последних дней совсем измотали его как физически, так и духовно. Сон его был глубок, проснувшись же, он почувствовал себя вполне отдохнувшим и свежим.

Вновь отворилась дверь, и вошли двое громадных воинов-дикарей. Они принесли с собой факелы, и при свете их Кейн разглядел, что воины были сущими великанами, облаченными в набедренные повязки и головные уборы из страусовых перьев. Каждый держал в руке боевое копье.

— Накари велит привести тебя к ней, белый человек, — вот и все, что они сказали ему, снимая оковы. Он поднялся на ноги, наслаждаясь пусть краткой, но все же свободой. Острый ум его уже вовсю трудился, изобретая планы спасения.

По-видимому, слухи о его боевом искусстве успели распространиться, ибо воины, обращаясь с ним, блестяще не теряли. Они жестом предложили ему идти вперед

ди, а сами настороженно двинулись сзади, и он ощущал спиной отточенные острия их копий. Их было двое против него одного, притом безоружного, но рисковать они не желали. А во взглядах, которые они на него бросали, мешались благоговение и подозрительность.

Они долго шли по нескончаемому темному коридору, причем стражи указывали ему направление, легонько покалывая копьями. Достигнув винтовой лестницы, они поднялись по ступенькам, вновь прошли по коридору, преодолели еще одну лестницу и вышли в тот самый заставленный колоссальными колоннами зал, в который первоначально и попал Кейн, когда только выбрался из тайного хода. Воины повели Соломона через зал, держась недалеко от стены, и тут-то на глаза ему попалась странная, фантастическая фреска. Та самая! Кейн сразу узнал ее, и сердце заколотилось у горла. До нее еще оставалось какое-то расстояние, и Кейн начал дюйм за дюймом забирать в ту сторону, пока и он, и стражники не оказались у самой стены. Поравнявшись с фреской, Кейн нашел глазами пометку, сделанную острием кинжала...

Невозможно передать изумление стражей, когда их пленник вдруг ахнул, словно человек, которого ударили в сердце копьем. Попавшись, он зашарил в воздухе в поисках опоры...

Сомнением переглянувшись, они разом кольнули его копьями, но Кейн вскрикнул, подобно умирающему, и сполз на пол, оставшись лежать в странной, неестественной позе, подвернув под себя одну ногу и кое-как опираясь на руку.

Воины уставились на него с очевидным испугом. Судя по всему, он умирал, но никакой раны на нем не было видно. Они угрожающе замахнулись копьями... он даже не пошевелился. Тогда они опустили свое оружие, и один из них пагнулся над ним.

Вот тогда-то все и случилось. Стоило воину наклониться, и Кейн взвился навстречу, словно внезапно спущенная стальная пружина. Его правый кулак взлетел от бедра, со свистом описав полукруг, и с треском врезался воину в челюсть. Удар, в который была вложена вся сила руки и плеча, весь рывок мускулистого тела и крепких ног, оказался сокрушительным. Стражник бесформенной кучей обрушился на пол, потеряв сознание еще прежде, чем у него подогнулись колени.

Второй с ревом ринулся вперед, нацеливая копье. Но еще в то время, как первая жертва Кейна падала на пол, англичанин успел шарахнуться в сторону. Его судорожно вытянутая рука нашарила потайную пружину и надавила.

Дальнейшее произошло в доли секунды. Как ни быстр был дикарь, Кейн оказался проворней. В движениях его была стремительность изголодавшегося волка. Падающее тело на мгновение задержало его противника, и тут Кейн почувствовал, как подалась тайная дверь. Он успел заметить боковым зрением стальной отблеск длинного наконечника, летевшего ему в грудь. Он извернулся всем телом и навалился на дверь, исчезнув на глазах у изумленного стражера, чье копье лишь разорвало кожу на его плече.

С точки зрения воина, замахнувшегося для второго удара, все это выглядело так, словно пленник попросту просочился сквозь толстую каменную стену. Перед ним не было ничего, кроме фантастической фрески. Которая, естественно, и не подумала расступаться перед ним, как перед Кейном.

Глава 5

«ВОТ УЖЕ ЦЕЛУЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ...»

Захлопнув за собой тайную дверь, Кейн поспешил задвинул засов и, прижимаясь к двери, замер, напрягая все мышцы и готовясь удерживать ее, противостоя целому отряду копейщиков... Но его опасения не сбылись. Он слышал, как возился снаружи ученый охранник, пытавшийся что-то предпринять; потом и этот звук прекратился. Неужели возможно, не в первый раз сказал себе Кейн, чтобы эти люди столько времени прожили в своем замке, не имея никакого понятия о скрытых дверях и системе тайных ходов?.. Однако именно такой вывод напрашивался сам собой...

Решив наконец, что в ближайшее время погоня ему навряд ли грозила, Кейн отвернулся от двери и пошел по коридору, вернувшись таким образом в уже знакомое ему царство тысячелетней пыли и мутного сероватого света. Итак, он благополучно избавился от кандалов, в которые заковала его Накари, но сердце его переполняли ярость и сознание неудачи. Сколько времени пробыл он во дворце? Ему казалось — века. И похоже, во внешнем мире был день. С тех пор как он вместе со стражниками

покинул мрачные подземелья, ему не попалось ни одного факела. И тем не менее снаружи в залах было светло.

Потом он задумался о том, что Накари, может быть, действительно сорвала злобу на беззащитной девчушке, и с остервенением выругался. Ну и что с того, что на данный момент он был свободен. Он был безоружен, и его гоняли, как крысу, по этому богом проклятому дворцу. Что, спрашивается, можно сделать для себя или для Мерилин?.. И все-таки уверенность Соломона Кейна оставалась незыблемой. Он стоял за правое дело. А значит, уж какая-нибудь возможность ему да представится.

Завидев впереди узкую лесенку, ответвлявшуюся от главного коридора, он устремился по ней и поднимался все выше и выше, радуясь усилению света, пока наконец впереди во всей своей славе не засияло африканское солнце. Лестница оканчивалась маленькой площадкой, спященной крохотным, надежно зарешеченным окошком. Сквозь окопико виднелась небесная лазурь, щедро позолоченная солнечным светом. Небо и прохладный ветер опьянили Кейна, словно вино; он всей грудью вбирал свежий, ничем не оскверненный воздух, словно желая очистить свои легкие от пыли веков и загнивающей роскоши, среди которой ему довелось побывать.

Перед ним расстипался удивительный, непривычный вид. Сколько было видно влево и вправо, повсюду вздыマались громадные черные кряжи, а у их подножия теснились дворцы и каменные замки, поражавшие своей нечеловеческой архитектурой. Впечатление было такое, как если бы гиганты, явившиеся с иной планеты, породили эти арки и башни на хмельном и безумном пиру творения. Все здания, впрочем, лынули к утесам, окружавшим долину, и Кейн понял, что и дворец Накари был встроен в скальную стену, высившуюся позади. А сам он находился в своего рода минарете, возвышавшемся на внешней сте-

ие. Увы, здесь было лишь одно окошко, и всей панорамы обозреть не удалось.

Далеко внизу на извилистых и узких улицах странного города кишили толпы людей, казавшихся сверху черными муравьями. Еще Кейн видел, что почти повсюду — на востоке, на севере и на юге — громоздились скалы, образуя естественные бастионы; лишь на западе виднелась рукотворная степь.

Солнце уже клонилось к закату. Кейн с сожалением оторвался от окошка и устремился обратно вниз по ступенькам.

...И вновь он шагал угрюмыми серыми коридорами, без цели, без какого-либо плана дальнейших действий. Сколько он так пропел? Не иначе мили и мили. При этом он спускался все ниже — проходы, похоже, располагались один над другим. Свет постепенно меркнул, на стенах начала появляться черная слизь. Здесь Кейн остановился, привлеченный едва различимым звуком из-за стены. Что такое? Это было слабое, далекое звяканье. И лязгать так могли только цепи.

Кейн прильнул вплотную к стене, и в полуутьме его рука нашупала заржавленную пружину. Он осторожно поиздирал с ней и вскоре почувствовал, как отходит внутрь потайная дверь, о присутствии которой он догадался, заметив пружину. Кейн просунул голову за порог...

Перед ним была тюремная камера — родная сестра той, в которой он сам только что был заключен. В стенной нише дымно тлел факел, и в его неверном, мерцающем свете Кейн разглядел на полу человека, прикованного за руки и за ноги наподобие того, как недавно был прикован он сам.

Соломон решил было, что напоролся на туземца, тем более что мужчина был темнокож; но нет, у незнакомца было точеное, с тонкими чертами лицо, непреклонные,

полные жизни глаза, высокий, поистине величественный лоб и прямые темные волосы.

Человек заговорил первым, заговорил на неведомом Кейну языке, звучавшем удивительно мелодично и чисто, в отличие от гортанного говора известных англичанину племен. Англичанин попробовал ответить ему по-английски; потом употребил язык речных племен. И незнакомец наконец его понял.

— Ты, вошедший в древнюю дверь,— проговорил он на том же наречии.— Кто ты? Ты не дикарь, и я насчитал было тебя за одного из Древних, но теперь вижу, что ты не из их числа. Откуда ты родом?

— Меня зовут Соломон Кейн, и я такой же, как ты, плецник этого сатанинского города,— ответил ему пуританин.— Пришел же я издалека, из-за соленого синего моря.

При этом последнем слове глаза прикованного заблескали.

— Море!.. Древнес, вечное море!.. Море, которого я никогда не видал и которое качало славную колыбель моих предков! Скорее скажи мне, о незнакомец, пересек ли ты, как они, сверкающую грудь голубого чудовища, ласкали ли твой взор золотые пирамиды Атлантиды и малиновые стены Mu?

— По совести говоря,— проговорил Кейн неуверенно,— я куда только не плавал, даже в Индостан и Китай. Но о странах, которые ты мне назвал, не имею, увы, никакого понятия.

— Ах, мечты!..— вздохнул его собеседник.— Бесплотные мечты! Тень великой ночи уже окутывает и смущает мой разум. Знай, незнакомец, бывало, что эти холодные стены и пол растворялись передо мной, становясь зелеными колышущимися пучинами, и глубинный гул

вечного моря наполнял мою душу. Это я-то, никогда не видевший моря!

Кейн внутренне содрогнулся. Уж верно, бедняга тронулся умом. Но тот вдруг поднял когтистую истощенную руку и крепко, несмотря на мешающую цепь, ухватил его за плечо.

— Оты, чья кожа так странно бледна! Видел ли ты Накари, проклятую демоницу, правящую этим рассыпающимся городом?

— Видел,— мрачно отозвался Кейн.— И теперь, точно загнанная крыса, удираю от ее головорезов.

— Ara! Так ты тоже ненавидишь ее! — вскричал узник.— Я знаю, знаю! Уж не желаешь ли ты освободить Мару, ту маленьку белокожую рабыню?

— Да,— сказал Кейн.

— Слушай же,— с непонятной торжественностью начал закованный.— Я умираю. Дыба, на которую вздергивала меня Накари, сделала свое дело. Я умираю, и вместе со мною уходит тень славы, сопутствовавшей моему народу. Ибо я — последний. Во всем мире нет другого, подобного мне. Слушай же, слушай последний живой голос расы, которой больше не будет...

И Соломон Кейн, стоя на коленях в неверной полутиме подземного застенка, внимал самой невероятной повести из всех касавшихся когда-либо человеческого уха, и повесть эта, произносимая едва ли не в предсмертном бреду, рассказывала об эпохах туманного рассвета рода людского. Речь умирающего оставалась ясной и четкой, и Кейна бросало то в жар, то в холод при мысли о безднах времени и пространства, которые приоткрывались ему.

— Много веков тому назад — да, тьма столетий промелькнула с тех пор! — мой народ гордо и безраздельно владычествовал над морем. Так давно это было, что ни у

одного из нынешних людей не найдется даже отдаленного предка, который помнил бы те времена. Далеко на западе лежала дивная страна, и могучие города служили ей укращением. Золотые шпили мерцали меж звезд, пурпурногрудые галеры бороздили волны морские по всему миру, ища сокровищ и на пламенеющем западе, и на огненцветном востоке.

Поступь наших легионов звучала на севере и на юге, на западе и на востоке. Никто не мог устоять перед их на-tиском. Стены наших городов опоясали мир; наши колонии множились по всем странам и континентам, приводя к покорности всевозможных дикарей, туземцев самого разного цвета кожи, и всех обращая в рабство. Они трудились на нас в рудных копях и на веслах галер. Так властвовал миром народ блещущей Атлантиды. Мы были Морским Народом, и океанские глубины от века привлекали наш взор. Нам были подвластны все таинства, все секреты моря и неба. Мы читали звездную книгу небес и постигали ее премудрость. Но мы остались детьми Океана, и он был первым среди богов, которых мы чтили.

Мы воздавали почести также Валке и Хоту, Хонану и Голгору. Множество юных девственниц, множество крепких телом юношей умерло на их алтарях, и бывало так, что дым бесчисленных жертвенныхников затмевал даже солнце... Но настал день, когда Океан пробудился и грозно встряхнул седой пенистой гривой. Гром раздался из его бездонных глубин, и троны царей земли рухнули пред его гневом. Со дна морского поднялась новая суша, Атлантиду же и континент Му поглотил потоп. Зеленые морские волны с ревом ворвались в залы дворцов и храмов, и золотые купола тоназовых башен обросли скользкими водорослями. Империя атлантов исчезла с лика земли и из памяти человечества, скрывшись во мраке забвения. Постепенно вымерли и колонии, утратившие свою сто-

лицу. Порабощенные варвары поднялись против них и разрушали и жгли до тех пор, пока в целом мире не остался единственный город, последнее напоминание о былом величии и былой славе. Это была колония Негари.

Здесь, в Негари, все еще по-царски властвовали мои предки, а пращуры Накари — о, эта хищная кошка! — рабски ползали перед ними на коленях. Но минули годы, пронеслись века... Империя Негари испытала упадок. Племя за племенем отпадало от нее, сбрасывая узы рабства, отодвигая наши границы все дальше и дальше от моря, пока наконец сыны Атлантиды не отступили на конечный рубеж и не затворились в самом городе, последнем прибежище своей расы. Былые завоеватели, ныне превратившиеся в осажденных, они тем не менее целую тысячу лет сдерживали написк свирепых племен. Негари оставалась неприступной извне, ибо крепки и нерушимы были ее стены; внутри, однако, распространялся погибельный тлен.

Дело в том, что атланты впустили внутрь городских стен своих рабов. Городом правили воители, ученые, художники и жрецы; ручной работой они себя не утруждали. В этом отношении они зависели от невольничего труда. И рабы постепенно размножились так, что с ними трудно стало справляться. Ибо в то время, пока возрастило их число, сынов Атлантиды становилось все меньше.

Кроме того, кровь рабов и хозяев начала смешиваться, что привело к вырождению расы атлантов. В конце концов чистоту происхождения сохранило лишь жречество, не осквернившее себя ни малейшей примесью. Зато на троне стали появляться властители, в жилах которых уже весьма мало было крови атлантов, и они выпускали внутрь города все больше и больше воинственных дикарей, таившихся под личинами слуг, наемников и просто добрых знакомых.

Удивительно ли, что пробил час, когда разразилось всеобщее восстание и кровожадные варвары перебили всех, в ком хоть сколько-то чувствовалось атлантское происхождение. Они пощадили только жрецов и их семьи. Дикари называли их людьми идолов и предпочли взять в плен. И в последующую тысячу лет в Негари правили вожди племен, но пленные жрецы направляли их и руководили ими, ибо даже в пленах они оставались господами своих господ...

Соломон Кейн завороженно слушал его. Обладая живым воображением, он почти наяву видел все, о чем рассказывал ему узник. Странный огонь, полыхавший в ином времени и пространстве, озарял видения, вереницей проносившиеся перед ним...

— После того как все потомки атлантов, кроме жрецов, были преданы смерти, на оскверненный трон древней Негари воссели великий владыка. О, это был человек тигриных кровей, а воины его уподобляли себя леопардам. Они называли свое племя «негари», отняв таким образом у своих прежних хозяев самое их имя, и перед их воинственностью никто не мог устоять. Отгненной волной прокатились они от моря до моря, и дым пожаров, учиненных ими, гасил в небе звезды. Великая река текла кровью, когда новые владыки Негари шагали по телам своих племенных недругов... Но со смертью великого короля новая империя распалась, рухнув, как рухнуло в свое время и атлантское царство Негари.

Эти люди были искусными воинами. Атланты, их бывшие хозяева, ушедшие в небытие, обучили их военным наукам, и против диких племен они были непобедимы. Но, кроме войны, иных нознаний они не восприняли, и империю беспрестанно раздирала междоусобная резня. Интриги и убийства багровыми призраками носились и по дворцам, и по улицам, достигая самых отдаленных гра-

ниц. И границы эти все сужались. И все это время на троне сменяли друг другу цари, чей разум сжигало кровавое пламя безумия. И, незримые, но оттого навевающие еще больший страх, продолжали тайно править народом жрецы Атлантиды. Только они и удерживали нацию от окончательного распада.

Да, мы оставались пленниками этого города, ибо на всей земле нам больше некуда было идти. Словно призраки, пребирались мы тайными коридорами внутри стен и под землей, следя за ходом интриг и творя незаметное колдовство. Мы поддерживали царственный род — потомков того самого вождя, подобного тигру, — во всех заговорах. Сколько ужасающие мрачных историй могли бы поведать эти самые стены, если бы вдруг обрели голос!..

Знай же, что здешние дикари не похожи на окрестные племена. У каждого из них в мозгу, тлея, дремлет искра безумия. Они так долго и так ненасытно упивались кровавыми победами, что превратились в племя двуногих леопардов, жаждущих крови. К их услугам всегда были мириады несчастных рабов, утолявших все мыслимые прихоти и сумасшедшие желания своих хозяев, пока эти кровожадные звери не перенесли все пределы мерзости и разврата. Само существо их непрестанно требует все новой остроты ощущений и порождает жгучую жажду крови.

Словно львы в логове, целую тысячу лет таились они среди зловещих хребтов, время от времени совершая умопомрачительные по жестокости набеги, истребляя и побоища племена джунглей и рек. Они по-прежнему не опасались вторжений извне, хотя границы их владений и сузились до самой черты городских стен, а завоевания и нашествия, которым они предавались когда-то, выродились в обычный разбой.

Так постепенно мельчали эти варвары, но вместе с ними угасали и их тайные властелины, последние жрецы

Атлантиды. Один за другим умирали они, пока не остался лишь я. В последние сто лет они также начали смеяться со своими рабами-правителями, и — увы мне! — я, последний потомок атлантов, также несу в своих жилах примесь ликарских кровей. Все, все они умерли! Остался жить один я, и я творил волшебство и направлял руку диких царей, я, последний жрец Негари. И вот появилась эта демоница в облике женщины — Накари...

Кейн с заново всыпнувшим интересом наклонился к нему поближе. Наконец-то удивительная история, протянувшаяся из глубины веков, добралась до современности и заиграла всеми красками жизни.

— Накари!.. — Умирающий по-змеиному прошипел ненавистное имя. — Рабыня и лохъ рабов!.. И такое-то ничтожное существо схватило удачу за хвост, когда вымер весь правящий дом и пробил благоприятный для нее час!

Она пленила меня, последнего из сынов Атлантиды, она заковала меня в цепи и бросила в эту темницу. В ней не было страха перед невидимыми жрецами-атлантами, ибо она сама была дочерью младшего жреца-туземца. Увы, были и такие, совершившие для нас всю грязную работу. Они проводили незначительные жертвооприношения, гадали на потрохах гадов и птиц, поддерживали вечные святые огни. Мы называли их Стоящими Рядом. Таким образом, Накари многое знала о нас и о наших обычаях, и черное честолюбие сжигало ее.

Еще в детстве ей доводилось плясать во время Шествий Новолуния. Повзрослев, она вошла в число Звездных Дев. Много тайнств, пусть и не самых важных, узнала она и постигала все больше, украдкой подсматривая за тайными обрядами, которые совершали жрецы. Обряды же эти считались старинными еще в дни юности мира. Ибо уцелевшие атланты по-прежнему поддерживали незапамятно древние культуры Валки и Хота, Хонана и Голгора. Куль-

ты, недоступные пониманию невежественных дикарей, чьи предки с воплями умирали на алтарях этих богов. Так и вышло, что из всех здешних варваров одна Накари не испытывала ужаса перед нами.

Ей удалось не только свергнуть правителя и самой воссесть на его трон, но и подчинить себе жречество. И не только Стоящих Рядом — даже немногих уцелевших атлантов. Что до этих последних, все они, кроме меня, уже умерли — кто под кинжалами се убийц, кто на дыбе... И вот еще что: мириады дикарей прожили жизнь и умерли в этих стенах, но ни один из них не догадался о тайных ходах и подземных коридорах, секреты которых мы, жрецы, ревностно оберегали от простолюдинов на протяжении тысячелетий. Ни один — кроме Накари!

Ха, эти варвары!.. Глупцы!.. Безмозглые обезьяны!.. Эпохи минули с тех пор, как они населили наш город, — и за все это время не постичь его тайн!.. Даже младшие жрецы не догадывались о длинных серых коридорах, подсвеченных фосфоресцирующими потолками, о ходах и тоннелях, сквозь которые когда-то, невообразимо давно, беззвучно скользили силуэты удивительных существ! Ибо пращуры наши строили Негари с тем же размахом и неизведомым нынешним пигмеям искусством, что были присущи зодчим самой Атлантиды. Не только для простых смертных людей предназначались возводимые нами чертоги, но и для богов, незримо присутствовавших среди нас! О, глубоки и бездонны секреты, хранимые этими седыми стенами!..

Никакая пытка не могла разомкнуть наши уста и вырвать заветные тайны. Но увы! Сокрытые коридоры оказались недоступны и для нас, запертых в подземных застенках, закованных в кандалы. Годы и годы копились в них пыль, пе тревожимая человеческими шагами, в то

время как мы — а под конец один только я — закованными томились в смрадном подземелье. Что за мысль! Среди величавых храмов, у неисповедимых древних святынь копошатся и сплюют Стоящие Рядом, эти ничтожества, которых Накари облекла славой, по праву принадлежавшей нам... мне! Ибо перед тобой, незнакомец, лежит последний верховный жрец затопленной Атлантиды.

О, я вижу, вижу!.. Странен их рок, и кровавым будет конец!.. Валка и Голгор, затерянные, позабытые боги, самая память о которых умрет вместе со мной, обрушат стены этого города и смешают с прахом бренную плоть всех в нем живущих! Рассыплются алтари, воздвигнутые во имя бессильных языческих божков...

Соломон Кейн понял, что его собеседник мало-помалу начинал заговориваться. Его разум, некогда столь острый и ясный, уже туманило приближение смерти.

— Скажи... — вмешался пуританин, останавливая поток грозных пророчеств, срывавшихся с уст несчастного жреца.— Ты упоминал о белокожей девушке, которую вы называете Марой. Что тебе известно о ней?

— Воины, ходившие походом, привезли ее в Негари несколько лет назад,— ответил атлант.— Это было спустя некоторое время после восшествия на трон нечестивой царицы Накари. О Маре мне известно не многое, потому что вскоре после ее прибытия Накари обратилась против меня — и годы, минувшие с тех пор, были горестны и темны и отмечены пыткой и беспредельным страданием. Особенно же мучило меня то, что все это время спасение находилось в двух шагах от меня, за потайной дверью, сквозь которую ты и пропик... но цепи непускали меня... А жестокая Накари то вздергивала меня на дыбу, то подвешивала над медленным огнем, желая выведать тайну этой двери!

Кейн содрогнулся:

— Уж не делали ли они и с бедной девочкой... чего-нибудь подобного? Она показалась мне совсем прозрачной, а глаза...

— Насколько я знаю, Накари приказывала ей плясать вместе со Звездными Девами и принуждала лицезреть кровавые обряды, совершившиеся в страшном Черном Храме. Твоей Маре пришлось провести годы среди бесчеловечного племени, которое ценит кровь девственницы воды и наслаждается видом казней и омерзительных пыток. Она видела зреющие, от которых лопнули бы глаза и иссохла плоть самых сильных людей. Она видела, как жертвы Накари умирали в чудовищных муках, и это не могло не запечатлеться навечно в ее мозгу. Дикари, перенявшие ритуалы атлантов, ныне отправляют их во славу своих примитивных божков, и, хотя суть древних обрядов истерло быстротекущее время, внешняя сторона осталась такова, что простой человек не может взирать на них и не испытать потрясения...

«Какое же облегчение, должно быть, испытал мир, когда потонула эта их Атлантида, — думал между тем Соломон Кейн. — Что за странную и, похоже, недобрую расу людей она породила!»

Вслух же он спросил:

— Но что это за Повелитель, о котором говорила Накари? И что она имела в виду, объявив Мару сго Невестой?

— Это Накура... Накура! Злобный череп, символ Смерти, которой они поклоняются. Что могут знать ничтожные профаны о великих богах опоясанной морями блещущей Атлантиды?.. Что могут знать они о грозных невидимых богах, которых восславляли торжественные и исполненные тайны обряды их прежних господ?.. Разве доступно их скучному разуму учение о незримой сути, о недоступном глазу Духе, правящем стихиями и небеса-

ми? Они пуждаются в материальном предмете, желательно изваянном по образу и подобию человеческому. Накура!.. Последний из великих магов Негари... Негари, еще принадлежавшей атлантам. Он был изменником, вступившим в заговор против собственного народа. Он помогал восстанию дикарей. Они бездумно следовали за ним, пока он был жив, а после смерти обожествили его. Высоко на Башне Смерти воздвигнут его оголившийся череп, ставший осью и краеугольным камнем, на котором зиждется разум всего народа Негари.

О да, мы, атланты, воздавали должное Смерти. Но мы славили также и Жизнь! А эти люди поклоняются одной только Смерти. Сыны Смерти — вот как они именуют сами себя. Череп же Накуры вот уже тысячу лет служит им символом могущества, вещественным свидетельством величия их державы...

— Уж не хочешь ли ты сказать, — вновь прервал Кейн его бредовые излияния, — что они собирались принести девочку в жертву своему, прости, Господи, мерзостному кумиру?

— Взойдет Лупа черепов, и она умрет на черном алтаре...

— Во имя Создателя! — вне себя вскричал Кейн. — Что это, наконец, такое — Луна черепов?

— Полная луна, — прозвучало в ответ. — Когда восходит полная луна, именуемая нами Луной черепов, на черном алтаре перед Башней Смерти умирает юная девственница. Там, где столетия назад молодые девушки дарили свою жизнь Голгоро, богу атлантов. А теперь с высоты Башни, некогда олицетворявшей славу Голгора, скалится череп бессовестного чародея, и непросвещенный народ верит, будто его разум еще витает поблизости, направляя счастливую звезду их города! И наивная вера их имеет под собой некоторую почву. Знай же, о незнакомец: вся-

кий раз, когда полная луна озаряет верхнюю кромку башни и стихают песнопения жрецов, из пустого черепа Накуры исходит громоподобный голос. Он поет древний священный гимн сынов Атлантиды, и при звуке его дикари простираются лиц. Знать бы им, что в стене Башни есть тайный ход и в нем лестница, ведущая к незаметной нише как раз позади черепа, и в нее-то скрытно пробирается жрец, воспевающий гимн. В давно прошедшие времена этим жрецом был один из сынов Атлантиды, так что по всем законам Божиим и человеческим провозглашать святые слова ныне надлежало бы мне.

О, срам и позор!.. Дикарям не было дела до древних тайн нашей веры, и мы принуждены были соблюдать ее тайно, а внешние, дабы удержать власть, изображали поклонение их зломерзким богам и приносили жертвы тому, чью память шепотом проклинали наши уста.

Увы! И это последнее было у нас отобрано. Накари раскрыла секрет, известный прежде лишь жрецам-атлантам. Так что теперь по тайной лестнице поднимается один из ее выкормышей, Стоящих Рядом, чтобы невнятно пробормотать ужасную в своей святости Песнь. И для него самого, и для тех, кто винит, она — просто набор бесмысленных звуков. Лиць мне, лишь мне одному виятны ужас и величие ее истинного значения...

У Кейна голова шла кругом и от услышанного, и от лихорадочных попыток соорудить хоть сколько-нибудь приемлемый план действий. В первый раз за все годы, посвященные поискам похищенной девушки, он чувствовал перед собой глухую стену. Дворец представлял собой лабиринт, чудовищную путаницу, разбираясь в которой было безнадежным занятием. Серые коридоры тянулись во всех направлениях без какой-либо видимой системы. Но даже знай он их все до последнего закоулка,

могли он надеяться снова отыскать Мерилин, несомненно запертую в одной из бесчисленных комнат, если не в камере?.. А может быть, для нее уже наступил миг прощения с жизнью на дьявольском алтаре? Или Накари, одержимая жаждой пыток и крови, дала волю своей жестокости и замучила ее насмерть?..

Кейн уже не очень вслушивался в горячечный бред умирающего.

— О незнакомец,— говорил между тем его собеседник.— Воистину ли ты живой человек? Или ты всего лишь один из тех призраков, которые в последнее время все чаще посещают меня, неслышно возникая во мраке моей темницы? Нет, ты из плоти и крови... Но для меня ты варвар, не многим отличный от дикарей народа Накари. Много тысячелетий назад, когда твои отдаленнейшие предки отбивались в своих пещерах от саблезубых тигров и с грубыми кремлевыми копьями охотились па мамонтов, золотые купола храмов моего племени уже блестали среди звезд!.. Минуло время, они разрушены и позабыты, и мир окончательно стал игрищем варваров. Пора бы и мне уйти и превратиться в легенду, окутанную туманами давно минувших веков...

Кейн поднялся на ноги и заходил по камере из угла в угол. Пальцы его сжимались, подобно железным когтям, ища рукоять отобранной у него рапиры. Багровая волна ярости затопляла сознание. Смилосердствуйся же, Господь!.. Дай встать лицом к лицу с врагами, держа в руке добрый клинок, хотя бы и одному против целого города, в одиночку против всех этих...

Кейн судорожно стиснул руками виски.

— Когда я последний раз видел луну,— сказал он,— она была почти полная. Но сколько минуло времени? Откуда мне знать, давио ли я находусь в этом проклятом

дворце! И сколько я провался в гнусном застенке, куда бросила меня Накари! Неужто полнолуние уже миновало и — о милосердие божье! — Мерилин умерла?!

— Луна черепов взойдет нынешней ночью,— пробормотал узник.— Я слышал, как мои тюремщики говорили об этом между собой...

Кейп схватил умирающего за плечи, не отдавая себе отчета, сколь сильно было его пожатие:

— Во имя своей ненависти к Накари, во имя любви к людям, во имя Господне, подскажи мне, как спасти невинную девочку!..

— Любви? К людям?.. — зашелся в безумном смехе умирающий узник.— Что общего с любовью может быть у сына атлантов, жреца забытого Голгора? Что суть смертные, как не пища для уст богов?.. Под этими самыми руками с ужасными криками умирали девушки куда нежней и прекрасней твоей Мары, однако мое сердце оставалось глухо к их воплям. Но ненависть... ненависть! О да!.. — И странные глаза разгорелись ужасающим пламенем.— Во имя ненависти я готов рассказать тебе все, о чем тебе хочется знать!

Дождись же восхода луны и отправляйся в Башню Смерти. Умертви шарлатана, укрывшегося за черепом Накуры, а затем, когда поклоняющиеся прервут песнопение и убийца в маске, стоящий у черного алтаря, занесет жертвенный нож, громким голосом и на языке, понятном народу, обратись к молящимся с высоты Башни! Отвергни жертву, приготовленную ими, и потребуй взамен крови самой Накари, царицы Негарийской!.. Далее же... далее же рассчитывай на свой собственный ум и телесную силу — и, может быть, останешься жив.

— Скорее! — снова встряхнул его Кейп.— Объясни мне, как добраться до Башни!

— За дверью, сквозь которую ты вошел сюда, поверни налево... — Силы быстро оставляли узника, он не мог больше говорить, только шептал: — Через сотню шагов увидишь лестницу. Поднимись по ней на самый верх. Она приведет тебя в другой коридор; пройди по нему, никуда не сворачивая, еще сотню шагов. Перед тобой будет стена, на первый взгляд глухая, но обыщи ее, и найдешь пружину. Надави ее и ступай в дверь, которая откроется перед тобой. Тем самым ты покинешь дворец и окажешься на скалах, окружающих его, в том единственном потайном коридоре, о котором удалось дознаться подданным Накари. Поверни направо и иди, пока не отсчитаешь пять сотен шагов. Здесь-то и начинается ход, который приведет тебя в Башню Смерти, в нишу за черепом, ибо основание Башни врезано прямо в скалу. Там будут две лестницы... две лестницы, которые...

Его голос прервался. Облившись холодным потом, Кейн нагнулся над узником и вновь начал трясти его. Тот вдруг сделал нечеловеческое усилие и приподнялся на локте. Глаза его засияли потусторонним светом, он широко раскинул закованые руки.

— Морел.. — воскликнул он сильным, ясным голосом. — Морел.. Золотые шпили моей Атлантиды и солнце, восстающее из лазурных глубин!.. Я иду!..

Соломон Кейн осторожно опустил на пол мертвое тело...

Глава 6

ЧЕРЕП РАЗЛЕТАЕТСЯ НА КУСОЧКИ

...Отирая пот с побледневшего лба, Кейн бегом мчался полутемными переходами. Должно быть, думалось ему, снаружи этих жутких стен царит уже ночь. И полная луна — комарная Луна черепов — медленно выползает из-за горизонта... Отсчитав сотню шагов, он оказался у подножия лестницы, о которой поведал ему умирающий.

Он взлетел по ней, прыгая через ступеньки. Выбравшись во второй коридор, он отмерил еще сотню шагов и встал перед стеной, в самом деле выглядевшей глухим тупиком. Бесконечно долгое время его лихорадочно метавшиеся пальцы опровергали каменную поверхность, пока не наткнулись на выступающий кусочек металла. Раздался громкий скрип заржавленных петель, потайная дверь распахнулась, и Кейн выглянул в открывшийся перед ним коридор. Первое, что бросилось ему в глаза, — это то, что здесь было гораздо темнее, чем внутри.

Кейн выбрался наружу и, заботливо притворив за собой дверцу, ощущая двинулся вправо, стараясь не сбиться со счета. Света понемногу прибывало; он проникал откуда-то извне, и постепенно Кейн различил лестницу. Он ступил на нее, поднялся на несколько ступенек... и не-

доуменно остановился. Перед ним была небольшая площадка, а дальше лестница разделялась на две. Одна вела налево, другая — направо. Кейн выругался. Время безжалостно поджимало, и он цокросту не мог позволить себе сделать ошибку. Но как выяснить, которая из лестниц приведет его к нише жреца?..

К несчастью, смерть унесла последнего из атлантов как раз в тот момент, когда он собирался поведать Кейну об этих лестницах. Как теперь сожалел пуританин, что узник не протянул еще хотя бы минуту!

Время неумолимо летело, и он чувствовал, что придется рискнуть. Чем бы это ни кончилось. Он выбрал правую лестницу и ринулся вверх. Теперь ему было не до осторожности.

Инстинкт подсказывал Кейну, что страшное жертвоприношение вот-вот должно было состояться. Когда перед ним открылся очередной коридор, Соломон бросил взгляд на каменную кладку и по ее изменившемуся виду сразу определил, что покинул недра утеса и находится в каком-то здании — будем надеяться, что в Башне Смерти. Кейн с нетерпением ожидал появления еще одной лестницы, и лестница в самом деле вскоре показалась. Но вместе того, чтобы вести вверх, она повернула вниз!.. Потом откуда-то спереди, сквозь толщу стен, до Кейна донеслось невнятное ритмическое бормотание множества голосов, и ледяная рука стиснула сердце. Это пели верующие, собравшиеся на молитву у черного алтаря.

Англичанин кинулся вперед во всю прыть. Вот коридор повернулся, Кейн едва не налетел на какую-то дверь и приник глазом к маленькой щелке... Сердце его упало. Он выбрал не ту лестницу. И она вывела его не в Башню Смерти, а в какое-то здание неподалеку!..

Снаружи взгляду его предстала ужасная, потрясающая сцена. На широкой открытой площади у подножия

высоченной черной башни, чья вершина возносилась над пирамидаами ближних хребтов, извивались и корчились чернокожие танцоры, выстроенные в два длинных ряда. Раскачиваясь в пляске, они тем не менее не сходили со своих мест, в унисон распевая странную, бессмысленную песню.

Лоснящиеся тела распирямялись и скручивались в невообразимом причудливом ритме, взлетали и кружились факелы, которые танцоры держали в руках. А позднее молча и неподвижно стояла огромная толпа народа. Пляшущий факельный свет озарял мириады блестящих глаз и жадных лиц, обращенных вверх в ожидании заветного мига.

Гигантской тенью, глыбой овеществленного мрака возвышалась над их головами ужасная Башня Смерти. Ни окошечка не было в ней, ни двери; лишь высоко на стене, взятый в изукрашенную раму, мрачно ухмылялся извечный символ смерти и тленна. Череп Накуры!.. От него исходило едва заметное, жутковатое свечение. Кейн понял, что «сверхъестественное» свечение было делом рук жрецов, таинственных в Башне, и мимолетно подивился про себя, каким образом умудрились они в течение столь долгого времени сохранять человеческий череп от разложения и распада.

По и Башню, и череп, и все остальное пуританин рассмотрел лишь мельком. Не они привлекли его взгляд, и не они наполнили его сердце ужасом. Между плотно сдвинутыми рядами молящихся виднелся громадный черный алтарь. А на том алтаре...

— Мерилин! — сорвался с губ Кейна рыдающий всхлип.

Худенькое белокожее тело, распростертое на черном камне... На какой-то миг англичанин ослеп, оглох и потерял способность двигаться. Он чувствовал себя совершенно беспомощным. И не было времени возвращаться и заново разыскивать нишу, в которой прятался жрец.

Уже теперь бледное сияние росло за черной маковкой Башни, все четче обрисовывая ее на фоне звездного неба. Это восходила луна. ЛУНА ЧЕРЕПОВ. Пение танцоров перешло в вой, визг, а из молчаливой толпы зрителей послышался глухой, зловещий рокот барабанов. Потрясенный Кейн невольно спрашивал себя, уж не во внутренние ли круги преисподней случилось ему заглянуть.

Пережитком каких исисповедимых культов седой древности был этот извращенный, утративший сущность обряд?.. Теперь Кейн знал, что нынешние черные негрийцы всего лишь по-обезьяньи копировали ритуалы, бывшие в ходу у их прежних господ. И даже несмотря на бездну овладевшего им отчаяния, он содрогнулся при мысли: каков же должен был быть этот обряд во всей своей былой значимости и полноте!..

Но вот подле алтаря, на котором молча лежала бедная девушка, появилась жуткая тень. Рослая фигура, совершенно обнаженная, если не считать раскрашенной маски на лице и головного убора из пышных волнующихся перьев. Монотонная песнь на мгновение стихла, но только для того, чтобы сразу взвиться в диком экстазе.

Кейн почувствовал, как дрогнул пол под ногами. Уж не слитная ли мощь голосов заставила трепетать вековой камень?..

Трясущимися руками принял он отпирать дверь, заложенную засовом. Ему оставалось одно: безоружным выскочить туда, на площадь, и умереть подле девушки, которую ему не удалось избавить от смерти...

В это время чей-то силуэт появился снаружи, загородив собой происходившее. Кейн всмотрелся... Здоровенный чернокожий, судя по убранству и осанке — вождь, прислонился к стене прямо перед дверью, праздно наблюдая за обрядом. Сердце Кейна снова бешено заколо-

тилось. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой! За поясом у вождя торчал его пистолет!.. Кейн, в общем, догадывался, что отнятое у него оружие дикии поделили между собой. И этот вождь, конечно, понятия не имел, как поступать с пистолетом. Должно быть, он прельстился необычной формой «боевого жезла» и таскал его с собой как ненужную, но престижную побрякушку. Задумывался ли он о ее истинном предназначении?.. Какая разница! Главное, что пистолет был рядом, только протяни руку и...

Пол под ногами у Кейна вновь содрогнулся.

Соломон осторожно потянул отпертую дверь па себя и затаился в потемках за спиной у ничего не подозревающей жертвы, опасный, словно тигр, вышедший на охоту.

В проворном мозгу пуританина уже вспыхнул четкий план дальнейших действий. Подле пистолета за поясом чернокожего виднелся кинжал; спина была обращена прямо к Кейну; бить придется слева и прямо в сердце, чтобы не успел поднять шума. Он изготовился, напрягшись всем телом...

Вождь даже не подозревал о присутствии врага за спиной, пока жилистая правая рука Кейна не скользнула над его плечом и не зажала ему рот, одновременно рванув назад. В тот же миг левая рука пуританина выдернула у него из-за пояса длинный кинжал и одним точным взмахом вогнала лезвие между ребер.

Воин обмяк, не успев проронить ни звука, а пистолет Кейна уже вернулся в руку хозяина. Беглый осмотр показал англичанину, что пистолет был по-прежнему заряжен и кремень находился на месте.

Все произошло настолько быстро, что убийства вождя не заметила ни одна живая душа. Немногие зрители, стоявшие близ двери, неотрывно глазели на черный алтарь, упиваясь трагедией, которая разворачивалась перед ними.

ми. Как раз когда Кейн переступал через поверженный труп, пение танцоров внезапно прекратилось. Последовало мгновение тишины. Кровь бешено стучала у Кейна в висках, но все-таки он отчетливо рассыпал, как шуршал ночной ветер в призрачно-белых перьях убора человека в маске, стоявшего у алтаря.

Над шпилем Башни засиял краешек лунного диска.

И тогда с высоты Башни Смерти послышался низкий, рокочущий голос, выпевавший слова странного гимна. Оставалось только гадать, знал ли спрятавшийся там жрец истинное значение этих слов. Но по всей вероятности, он умудрялся воспроизводить даже выговор давно умерших Посвященных, прибывших из затерянной Атлантиды. Голос его заполнил собою всю площадь, порождая таинственное эхо. Так волны вечного моря бьются о нескончаемые песчаные берега.

Человек в маске выпрямился над алтарем во весь свой громадный рост и воздел над головой длинный блестящий клинок. Кейн успел узнать в этом клинке... свою верную рапиру.

Соломон поднял пистолет, прицелился и выстрелил.

Нет, не в голого жреца. В череп, видневшийся наверху. Ибо безошибочная интуиция вызвала в памяти англичанина слова умирающего атланта, назвавшего череп Накуры «осью и красноголовым камнем, на котором зиждется разум всего народа Негари».

Оглушительно грохнул его пистолет, и в ответ почти тотчас же раздался резкий сухой треск: меткая пуля вдребезги разнесла череп, и он попросту исчез, рассеявшись тысячами мельчайших осколков, а священная песнь завершилась предсмертным воием и стихла. Разбив череп, пуля достала и того, кто ее пел.

У жреца в маске вывалилась из руки Кейпова рапира. Большинство танцоров в ужасе попадали наземь, осталь-

ные замерли, точно пораженные громом. Воспользовавшись мгновением всеобщего замешательства, Кейн бросился к алтарю...

Потом словно бы весь сорвался с цепи.

Жуткая какофония звериного крика, которым взорвала площадь, заставила отшатнуться сами звезды. Столетие за столетием лишь вера в божественность давно канувшего в вечность Накуры удерживала погрязших в крови негарийцев от всеобщего помешательства. И вот их кумир был повержен, да не просто повержен — рассыпался прахом непосредственно у них на глазах! Если бы с расколотого неба свалилась луна и наступил конец света, даже это не произвело бы на них большего впечатления. Кровавые видения, теснившиеся у каждого на задворках сознания, обретали жуткую плоть. Наследная склонность к умопомешательству дождалась своего часа. Перед Кейном предстал целый народ, словно по мановению волшебной палочки обратившийся в стадо ревущих маньяков.

Мужчины и женщины — вся площадь — с визгом и воплями накинулись друг на дружку, убивая направо и налево копьами и кинжалами, пуская в ход ногти и зубы, раздавая удары пламснеющими факелами. Двуногие звери с ревом рвали подобных себе.

Пришлось разряженному пистолету в руке Кейна в самом деле обратиться дубинкой: с этим единственным оружием продирался он сквозь бушующий кровавый прибой, прокладывая себе путь к алтарю. Чьи-то ногти полосовали его тело, перед глазами зловеще сверкали ножи, факелы поджигали одежду... Он не обращал внимания ни на что.

Он уже готов был вскочить на ступени алтарного возведения, когда из общей свалки вырвалась одинокая фигура и кинулась наперевес. Накари, владычица Негарийская, тронувшаяся умом не менее своих подданных, устре-

милась на англичанина с обнаженным кинжалом. В ее зрачках металось жуткое пламя.

— На сей раз не уйдешь! — завопила она. Но добраться до Кейна не успела.

Огромный воин, весь в крови, ослепленный страшной раной, лишившей его глаз, незряче шатнулся прямо на свою царицу. Она закричала, точно ошпаренная кошка, и пырнула его кинжалом, но руки ослепшего уже сомкнулись в судорожной хватке. Ненестовым предсмертным усилием черный гигант взметнул женщину высоко над головой... Последний крик последней царицы Негари былнятно различим даже сквозь безумный шум битвы. Страшный удар о камни отбросил ее мертвое, изломанное тело под ноги Кейну.

Соломон вихрем взлетел наверх по черным ступеням, глубоко истертых шагами несчитанных жрецов и их жертв. При его приближении верзила в маске, окаменевший в неподвижности, вновь пробудился к жизни. Живо нагнувшись, он подхватил оброненную рапиру и яростно ткнул ею в наседавшего англичанина. Но быстрота движений Соломона Кейна была такова, что не многие из людей могли с ним равняться. Мгновенный уклон, разворот наделенного стальной гибкостью тела, и клинок безошибочно просвистел мимо, скользнув между его боком и рукой. Оказавшись лицом к лицу с дикарем, Кейн обрушил тяжелое пистолетное дуло прямо в гущу шевелящихся перьев, одним ударом сокрушив и убор, и пеструю маску, и череп под ней.

Прежде чем повернуться к девушке, давно потерявшей сознание на алтаре, Кейн отшвырнул изуродованный ударами пистолет и выдернул свою рапиру из руки мертвца, все еще сжимавшей ее. Рукоять знакомо легла в ладонь, и англичанин сразу почувствовал себя уверенней.

Бедная Мерилиин лежала совсем неподвижно, обрагив белое как смерть лицо к луне, невозмутимо освещавшей всю эту потустороннюю сцену. Кейн сперва решил уже, что жизнь покинула девушку, но потом коснулся ее шеи и ощутил слабое биение пульса.

Он разрезал пугы и со всей мыслимой нежностью поднял Мерилиин на руки... но тут же выронил снова: навстречу ему по ступеням, певнятию стеная и бормоча, карабкалось окровавленное чудовище. Оно благополучно наткнулось с разбегу на выставленный клинок и, раздирая руками смертельную рану, опрокинулось обратно в багровый водоворот, из которого выползло.

Алтарь, на котором стоял Кейн, поколебался, и сила неожиданного толчка бросила пуританина на колени. Он с ужасом увидел, что Башня Смерти начала раскачиваться взад и вперед.

Казалось, сама Природа затягивала жуткий и таинственный ритуал, и это дошло даже до расстроенных мозгов двуногих зверей, бесновавшихся и рвавших один другого у подножия алтаря. В их бессвязные вопли вкрадалась новая нота, и в это время Башня Смерти снова накренилась вперед... все дальше и дальше, с величавой медлительностью... и наконец оторвалась от своего скального постамента и обрушилась на площадь с таким грохотом, как если бы рухнул весь мир. Дождем посыпались громадные глыбы и свистящие осколки камней. Они несли в визжающую толпу безумцев смерть, смерть, смерть.

Один из обломков разлетелся в прах, ударившись об алтарь совсем рядом с Кейном и с головы до ног осыпав его камениной крошкой.

— Землетрясение!.. — ахнул пуританин, сгреб в охапку бесчувственную девушку и понесся вниз по ступеням, которые раскалывались прямо у него под ногами.

Поддерживая Мерилин одной рукой, другой он рубил и колол, прокладывая себе путь, разгоняя с дороги озвевших дикарей,— их, потерявших всякий человеческий облик, даже подземная буря не могла уже привести в чувство.

Дальнейшее было сплошным кровавым кошмаром, которого Кейн никогда впоследствии толком припомнить не мог. Он бежал и бежал куда-то извилистыми узкими улицами, на которых шла всеобщая битва, а над ним раскачивались титанические стены, и черные колонны падали совсем рядом, круша все живое и неживое, а под ногами вздымалась и опадала земля, и в грохоте рушащихся башен, казалось, погибал мир.

Существа, отдаленно напоминавшие людей, тянули к нему окровавленные когти и исчезали, отброшенные в не бытие его стремительным клиником. Падающие камни рвали и ранили его тело. Он, как мог, оберегал девушку, за крывая ее собой и от неразумной стихии, и от еще менее разумных двуногих...

И вот наконец, когда даже и сго выносливость близка была к своему пределу, он увидел перед собой внешнюю стену города, аспидно-черную, расколотую трещиной от фундамента до парапета. Стена раскачивалась, вот-вот собираясь упасть. Кейн ринулся в эту трещину, напрягая остатки сил в одном последнем рывке. Он едва успел вскочить с другой стороны, когда стена рухнула внутрь, рухнула сразу по всей длине, одной гигантской черной волной.

В лицо Кейну дул ночной ветер, за спиной слабел грохот, доносившийся из обреченного города. Шатаясь от изнеможения, он побрел по тропинке между холмами, все еще ходившими ходуном...

Глава 7

ВЕРА СОЛОМОНА

Рассветная свежесть показалась Кейну прохладной рукой, коснувшейся лба. Англичанин полной грудью вдыхал утренний ветер, налетавший из джунглей, чьи короны колебались далеко внизу, у него под ногами, и чувствовал, как покидают разум видения пронесшегося кошмара. Ветер нес мускусный запах загнивающей растительности, но для Кейна он был что живая вода. По крайней мере, это естественным путем разлагалась добрая зелень, выросшая на воле. Здесь не было того гнусного запаха увядющей древности, которым дышат стены давно вымерших городов... Кейн невольно содрогнулся при мысли о них.

Он склонился над спящей девушкой, устроенной со всем возможным удобством на скучном ложе из веток, которые ему удалось собрать для нее. Открыв глаза, она какое-то время с ужасом озиралась вокруг, но потом ее взгляд остановился на лице Соломона, озаренном скупой улыбкой. Мерилин всхлипнула и обвила руками его шею.

— О-о, капитан Кейн!.. Неужто мы и вправду спаслись из того ужасного города?.. Теперь мне кажется, что все это был сон... После того как вы провалились в потайной

лок в полу моей комнаты, Накари спустилась к вам в темницу... она сама рассказала мне об этом... Она вернулась донельзя раздраженной и твердила, будто вы — жалкий глупец, потому что она-де предложила вам власть над всем миром, а вы ответили оскорблениеми. Она бесновалась и брызгала слюной, а потом поклялась, что и одна, своими руками, построит империю Великой Негари.

Потом она обратилась ко мне и всячески поносила меня, говоря, что вы, мол, цените меня, жалкую невольницу, превыше ее, царицы. Я молила ее о пощаде, но тщетно: она повалила меня к себе на колени и порола, пока я не потеряла сознания.

Долго я лежала почти без чувств... Смутно помню, как пришли воины и сказали Накари, что вам удалось бежать. Они утверждали, будто вы — колдун, будто вы, словно бесплотный дух, просочились сквозь каменную стену. Накари убила обоих стражников, которым было поручено доставить вас из узилища, и несколько часов кряду походила больше на дикого зверя, чем на человеческое существо.

Сколько я там пролежала, не знаю. Поневоле теряешь счет времени в этих комнатах и коридорах, куда никогда не проникает солнечный свет. Но с того момента, когда вы попали в плen, и до тех пор, когда меня повели на алтарь, миновал самое меньшее день, потом ночь и еще один день. Потому что весть о вашем побеге пришла лишь за несколько часов до жертвоприношения. И вот Накари со своими Звездными Девами явилась приготовить меня для обряда...

Само воспоминание о столь пугающем испытании заставило ее всхлипнуть и закрыть ладошками лицо.

— Меня, наверное, чем-нибудь опоили... помню только, как на меня надели белое облачение жертвы и принесли в обширный черный покой, заставленный какими-

то страшными изваниями. Там я лежала как в трансе, а вокруг меня женщины совершили отвратительное... постыдное... как предписывает им их безбожная вера... Не вынеся этого, я опять потеряла сознание, чтобы очнуться уже привязанной к черному алтарю. Метались факелы, заунывали пели фанатики, а за Башней Смерти понемногу восходила луна... Все это я воспринимала туманно, словно сквозь сон... И, словно во сне, мерещились мне светящийся черен высоко на стене башни и нагой жрец с клиником, занесенным над моим сердцем... Больше я ничего не помню. Что случилось потом?

— Как раз в то время, — стал рассказывать Кейн, — я выбрался из одного здания по соседству, куда меня занесла нелегкая. Я выстрелил из пистолета и разнес к шутам собачьим их проклятый череп на атомы. При виде такого зрелища весь этот несчастный народ, с рождения наказанный проклятием сумасшествия, обратился сам против себя. И пока они убивали друг друга, случилось землетрясение, до основания разрушившее стены. Тут я хватаю тебя, девочка моя, этак под мышку и бегу куда глаза глядят. Достигнув внешней стены, вижу в ней прерывистую трещину, ныряю в нее и выскакиваю наружу, неся тебя на руках, потому что ты, по счастью, совсем лишилась силенок и не видела, что там творилось.

Ты только раз открыла глаза: это было, уже когда я пересек Небесный Мост — так называли его негарийцы, — и он, надообно сказать, рассыпался почти что у меня под ногами. Землетрясение унесло его в пропасть... Ну а мы с тобой благополучно добрались до этих самых утесов, но спускаться в темноте я побоялся, потому что луна к тому времени уже садилась. Тут ты очнулась и с криком прижалась к моей груди. Я постарался успокоить тебя, и мало-помалу ты уснула настоящим крепким сном...

— Что же теперь? — спросила его Мериллин.

— А теперь — в Англию! — При упоминании родины глубокие глаза Кейна зажглись внутренним светом.— Видишь ли, трудно мне усидеть в стране, где я родился. Больше чем по месяцу кряду я там редко выдергиваю. Но как ни сильна во мне страсть к путешествиям, вот так выговоришь: «Англия» — и тепло делается в груди. Ну а ты, маленькая моя?

— О милосердный Господь! — вырвалось у нее, и она с чувством сжала маленькие руки.— Понасторой!.. Как я мечтаю об этом, но сбудется ли мой сон?.. Скажите, капитан Кейн, неужто вы вправду надеетесь, что мы одолеем бессчастные мили нехоженых джунглей, отделяющих нас от побережья?..

— Мерилин, маленькая Мерилин, — проговорил Кейн, глядя заскорузлой ладонью ее нежные кудри, — следовало бы тебе покрепче верить в Пророчество... да и в меня тоже. Верно, в одиночку я, как и всякий человек, ничтожен и слаб. Но бывало и так, что Господь возжигал во мне великий гнев и осенял мой меч Своей справедливостью. И я верю, что Он пребудет со мною и впередь.

Вспомни, маленькая Мерилин: всего несколько часов тому назад мы с тобой стали свидетелями ухода с лица земного недоброй, дьявольской расы. На наших глазах рухнула целая империя зла. Люди тысячами умирали кругом, а под ногами колебалась земля, испровергая башни, тысячелетиями грозившие небесам. Повсюду кровавым дождем сеялась смерть, и что же? Мы вышли из этого ада целыми и невредимыми!

Только ли силе, ловкости и удаче обязаны мы нашим спасением? О нет, нас хранила и ограждала десница высшей Силы — могущественнейшей из сил! Той самой, что провела меня через полмира, доставила прямиком в этот бесовский город, а там — в твою комнату. Той, что подня-

ла меня из мрака темницы и помогла отыскать единственного во всем городе человека, который оказался способен поведать мне обо всем, что я желал знать. Это был злой жрец, последний сын вымершей расы. Он умирал в подземном застенке, но прежде, чем отлетел его дух, успел рассказать мне о многом... И та же самая Сила вывела меня к городской стене, когда я бежал с тобой на руках, сам не зная куда. Подумай только: ведь если бы я выскочил не к стене, а к утесам, с трех сторон окружившим долину, уж верно, сейчас не было бы в живых ни тебя, ни меня! Эта Сила помогла нам спастись из гибнувшего города, а потом уберегла нас на мосту, который, лишь стоило мне ступить с него на твердую землю, с грохотом обрушился в бездну!

Подумай сама, маленькая: неужто, проведя нас невредимыми через подобные испытания и совершив ради нас столько чудес, эта Сила теперь отведет от нас Свою хранящую длань? Да не может быть! Верно, зло пышным цветом расцветает и в людских городах, и на пространствах дикой земли; но Господь снова и снова заносит меч Своей справедливости, и повергает зло, и поддерживает правых, и мы верим в Него.

Истинно говорю тебе, маленькая Мерилин: в добром здравии сойдем мы наземь с этих грозных утесов и пересечем кишащие нечистью джунгли, а там и добрый старый Девоншир, где настрадавшаяся родня будет счастлива прижать тебя к сердцу...

Так говорил Соломон Кейн, и слова его дышали неизъляемой верой, и наконец Мерилин улыбнулась ему — улыбнулась простой улыбкой подростка, очнувшегося от страшного сна, и у Кейна вырвался вздох облегчения. Искра ужаса понемногу гасла в ее глазах, и Кейн смог представить себе, что настанет день, когда все пережитое

в долгом плену в самом деле покажется ей смутно памятным сном.

Он бросил всего один взгляд назад, туда, где за насупленными холмами в мертвом молчании лежали разгромленные руины Негари. Негари, погребенной под собственными рухнувшими стенами и обвалившимися утесами. Долго они обеспечивали ее неприступную безопасность, но в конце концов они же и поставили точку в ее судьбе.

Душа Кейна омрачилась болью при мысли о тысячах человеческих существ, чьи смятые, раздавленные останки лежали среди руин. Но в памяти тотчас всплыли все их чудовищные преступления, и в глазах пуританина сверкнул холодный огонь.

Он заговорил словами из Библии:

— «И сказал я: побежавший от крика ужаса упадет в яму; и кто выйдет из ямы, попадет в нетрезвость; ибо окна с не бесной высоты растворятся, и основания земли потрянутся...

Ибо ты превратил город в груду камней, твердую крепость в развалины; чертогов иноплемеников уже не стало в городе; вовек не будет он восстановлен.

Так говорит Господь; и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими, и сыновей твоих Я спасу; и притеснителей твоих накормлю собственной их плотью... И допьяна упьются они, но не вином...»

Воистину, маленькая Мериллин,— заключил Кейн со вздохом,— мне довелось узреть своими глазами, как сбылось предсказанное пророком Исаией. Собственной плотью!.. Допьяна, но не вином!.. Мы ли не видели, каким напитком с жадностью упивались эти несчастные!..

Соломон Кейн взял девушку за руку и направился с нею к краю утеса. Перед ним было то самое место, куда он

Роберт И. Говард

вскарабкался посреди ночи... ему казалось — уже очень, очень давно.

Одежда Кейна висела клочьями. Он был изодран, исцарапан и весь в синяках. Но глаза его сияли безмятежным спокойствием человека, уверенного в своем небесном Отце, а восходящее солнце заливало скалы и зеленые джунгли золотым светом, даря обещание счастья.

Одно черное пятно

*Сэр Томас Доути
был казнен в Сент-Джулианс-Бей
в 1578*

Восставший был выведен капитан
На прибрежный серый песок.
Там виселиц ряд окутал туман,
Их выстроил здесь еще Магеллан.
И голосом чаек рыдал океан,
Огромен и одинок.

Был Дрейк, точно лев, беспощаден и крут.
Он так своим людям сказал:
«Кто смеет из вас оспорить мой суд?
Он предал — пощады за это не ждут!»
Молчат капитаны, и в воздухе жуть,
И все опустили глаза.

И только вперед, ничего не боясь,
Шагнул Соломон Кейн.
«Возможно, ему поделом эта казнь,
Но вы Справедливость низвергнули в грязь:
Ваш гнев приговор выносил вместо вас,
На истину бросив тень.

Уж лучше бы прямо на месте на том
Рванули из ножен вы меч
И череп ему разрубили клинком,

Чем фарс называть справедливым судом,
И, слово “закон” себе сделав щитом,
Законом же пренебречь!»

У Дрейка в глазах вспыхнул адский огонь.
«Палач, отдавай топор!
А ты, пуританин, — командует он, —
Мятежника душу отправь-ка мне вон!
Но руки скрестил на груди Соломон
И сказал, спокоец и тверд:

«Я не раб, чтобы быть тебе палачом».
«Заковать его!» — Дрейк взревел.
Кейна люди прозвали Божьим Бичом,
Но, ие двинувшись, он расстался с мечом,
А потом кто-то взял его за плечо
И железные цепи надел.

Обреченный лицом изможден был и сер.
Умирать подошла пора.
Он со странной улыбкой на Дрейка смотрел.
Бывший друг — и судья, что отправил на смерть...
И, прощального взгляда не в силах стерпеть,
Отвел глаза адмирал...

Вот топор обронил серебристый блик,
Алый ток окропил пески,
Голова отлетела — и в тот же миг
Содрогнуться заставил внезапный крик...
Это голос кружившейся птицы достиг
Побережья могильной тоски.

«Все, кто предал, дождутся такого конца!» —
Френсис Дрейк прорычал, как лев.
Только взгляд далеко обходил мертвца.
Капитаны шли прочь со смущением в сердцах.

А у Кейна в холодных глубоких глазах
Леденели презренье и гнев.

Поздно в ночь, когда сумрак на воды упал,
У себя адмирал сидел.
Пуританин в воючей темнице лежал.
Его цепи гремели — кренился корабль.
Страж у двери его караулить устал
И, склонившись на цику, храпел.

Но жестоко его пробудили от снов:
Горло стиснула чья-то ладонь!
Живо узнику отдал он ключ от оков,
И кинжал отстегнул без борьбы и без слов —
Пуританина взгляд был не просто суров,
В нем пылал смертоносный огонь!

Этот медленный гнев был страшнее, поверь,
И опаснее вспышки любой...
Кто ему отомстить помешает теперь?
И с кинжалом в руках, как крадущийся зверь,
Соломон проскользнул в адмиральскую дверь
И ее притворил за собой.

Френсис Дрейк, океана краса и гроза,
За столом сидел одинок.
Вот он голову поднял и вскинул глаза,
Но туманила их и слепила слеза
И двумя ручейками по скулам ползла,
Отражая Кейна клинок.

Он не выхватил шпагу, не взял пистолет,
Чтобы мстителю дать отпор.
Он блуждал по тропинкам пронесшихся лет,
Там, где преданной дружбы заметен был след,
Как она стала непавицью — где ответ?
Стала болью — с которых пор?..

Роберт И. Гозард

С занесенным кинжалом стоял Соломон
Нескончаемо долгий миг...
Неподвижного Дрейка рассматривал он,
Словно сокол, добычу бьющий в угон,
А потом повернулся и вышел вон,
Еле слышно скрипнув дверьми...

Клинки братства

Смерть — это синее пламя, пляшущее над мертвцами.

Соломон Кейн

Глава 1

НЕЗНАКОМЕЦ ПРИХОДИТ ПОД ЗВОН МЕЧЕЙ

Клинки скрестились с яростным стальным лязгом. Поверх лезвий впивались одна в другую две пары глаз: непроницаемые черные и горящие синие. Дыхание с шипением вырывалось сквозь стиснутые зубы. Быстрые ноги топтали траву: вперед, назад, снова вперед, атака, отход...

Черноглазый сделал обманное движение и нанес удар, быстрый, как прыжок охотящейся змеи. Синеглазый юноша отбил его быстрым поворотом запястья, обладавшего крепостью стали. Его ответный удар напоминал летнюю молнию...

— Остановитесь, джентльмены!..

Оба клинка поднялись вверх, и между поединщиками встал дородный мужчина. В одной руке он держал шляпу, в другой — украшенную каменьями рапиру.

— Довольно! — воскликнул он. — Вам маленький вопрос разрешен, честь восстановлена! Прекратите, говорю, сэр Джордж ранен!

Черноглазый недовольным движением убрал за спину левую руку, с пальцев которой капала кровь.

— С дороги! — воскликнул он яростно. И, выругавшись, добавил: — Тоже мне, рана! Пустая царалина! Я отказываюсь считать, что вопрос разрешен! Это бой насмерть!..

— Верно, сэр Руперт, лучше оставьте нас. — Победитель говорил спокойно и тихо, но синие глаза блестели как сталь. — Наш «вопрос» может разрешить только смерть!

— А пустьберите-ка свои железяки, вы, два молодых петуха! — рявкнул сэр Руперт. — Своей властью мирового судьи запрещают вам продолжать поединок! Сюда, господин лекарь! Зайдитесь раной сэра Джорджа. А ты, Джек Холлинстер, живо меч в ножны! Я — Руперт Д'Арси, и я не потеряю смертоубийств на вверенной мне территории!

Молодой Холлинстер не стал претираться с темпераментным мировым судьей. Он ничего не ответил, но шпагу в ножны не убрал. Опустив острие к земле, он хмуро поглядывал на окружающих из-под насупленных черных бровей. Что до сэра Джорджа, он тоже помедлил, но тут один из секундантов принял настойчиво нашептывать ему на ухо, и наконец он покорился. С мрачным видом вручив шпагу секунданту, он отдался заботам лекаря.

Дузель происходила в весьма унылом, безрадостном месте. Ровная низменность, поросшая худосочкой жилистой травкой, переходила в широкий белый пляж, усеянный обломками плавника. За полосой песка беспокойно колыхалось серое море. Море было совершенно безжизненно, если не считать одинокого паруса, маячившего в отдалении. С другой стороны простирались безлесные пустоши, за которыми виднелись грязноватые домики маленькой деревушки.

Яркие одежды людей, а тем паче страсти, кипевшие на берегу, являли собой разительный контраст с унылым однообразием тоскливого пейзажа. Бледное осеннее солн-

це вспыхивало на клинках шпаг, отражалось от самоцветов на рукоятях, сверкало в серебряных пряжках камзолов и на золотом шитье щегольски заломленной шляпы сэра Руперта.

Секунданты сэра Джорджа помогали ему облачиться в камзол, между тем как секундант Холлинстера, коренастый молодой человек в домотканой одежде, убеждал его сделать то же. Но Джек, еще клокотавший гневом, только отмахивался. А потом ринулся вперед, держа в руке птицу, и его дрожащий от гнева голос далеко разнесся по берегу:

— Берегитесь же, сэр Джордж Банвэй! Царапина на руке — отнюдь не достаточная плата за оскорбление, о котором вам отлично известно! Мы встретимся снова, и тогда-то уже никакой мировой судья не вмешается и не спасет вашу прогнившую шкуру!..

Сэр Джордж, успевший отойти, крутанулся ему на встречу с чернейшим проклятием на устах. Сэр Руперт кинулся наперерез, взревев:

— Да как вы смеете!..

Холлинстер оскалил зубы, повернулся спиной и зашагал прочь, резким движением вогнав птицу в ножны. Сэр Джордж, казалось, был недалек от того, чтобы устремиться за ним; мрачная гримаса исказила его лицо, но его друг снова удержал его и опять принялся шептать на ухо, указывая в сторону моря. Банвэй налил глазами одинокий парус, словно бы висевший между морем и небом... и угрюмо кивнул.

Холлинстер молча, с непокрытой головой шагал по берегу. И шляпу, и камзол он нес на руке. Стылый ветер холодил его мокрые от пота волосы, но раскаленный, взбудораженный мозг ничто не могло успокоить.

Рэндел, его секундант, молча следовал за другом. Чем дальше они уходили от места дуэли, тем более диким и

неприятным делался пейзаж. Громадные серые скалы, поросшие мхом, нависали над берегом и, выстроившись изломанной линией, далеко выступали навстречу волнам. Поодаль от берега, разбиваясь о подводные камни, непрерывно стоял прибой.

Тут Джек Холлинстер остановился, повернулся лицом к морю и принял ругаться — длинно, хрипло и очень прочувствованно. Потрясеному его красноречием слушателю не составило труда понять, в чем заключался разлад Холлинстера с миром. Еще бы — ему так и не удалось погрузить свой меч по рукоять в черное сердце сэра Джорджа Бапвэя, этого гнусного свинтуса, вонючего шакала и законченного негодяя!

— Навряд ли, — выдохнул он наконец, — подлый мерзавец отважится еще раз сойтись со мною в честном бою, — он ведь уж раз попробовал моей стали. Но, клянусь Господом нашим...

— Успокоился бы ты, Джек... — Честный Рэндел переминался с ноги на ногу, чувствуя себя весьма неуютно. Он был ближайшим другом Холлинстера, но и он не всегда понимал приступы черного бешенства, которым был порою подвержен молодой человек. — Ты и так уже задал ему отличную взбучку и примерно наказал паршивца. И потом, стоит ли убивать человека всего лишь за...

— Как! — яростно вскричал Джек. — Стоило ли убивать человека за то оскорбление? Да какое там человека — мерзкую тварь! О, да я выдеру у него сердце и полюбуюсь им еще до того, как луна сменится в небесах! Да понимаешь ли ты, что он прилюдно опорочил Мэри Гарвин? Девушку, которую я люблю?.. Что он мусолил ее имя над пивной кружкой в таверне?.. Что он... он... И я за это не должен...

— Да понимаю я, все понимаю, — вздохнул Рэндел. — Еще бы мне не понимать после того, как я уже двадцать

раз подряд выслушал все подробности этого дела! Но я знаю и то, что ты выплеснул ему в физиономию бокал вина, влепил пощечину, перевернул на него стол и еще наподдал ногой раза два или три. Чего больше, спрашивается? И потом, вспомни о связях сэра Джорджа! Кто ты такой? Подумаешь, сын отставного морского капитана... хотя бы ты и прославился храбростью, воюя за границей! Удивительно еще, что сэр Джордж вообще согласился драться с тобой. С него, при его-то положении в обществе, сталось бы попросту кликнуть слуг и велеть им вытолкать тебя взашей!

— Ну так вот, если бы он это сделал,— проворчал Холлинстер и зло лязгнул зубами,— я бы достал пистолет и всадил добрую пулю аккурат промеж этих его подлых черных зенок. Вот что, Дик, оставь-ка ты меня сходить с ума так, как мне хочется. Всчию ты проповедуешь правильный путь, всякую там кротость и воздержание. Только я, знаешь ли, больше привык жить в таких местах, где шпага при бедре — весь суд и закон. Да и кровь у всех в нашем роду буйная и горячая. Так вот, эта самая кровь, сколько ее во мне есть, сейчас так и кипит из-за этого так называемого джентльмена. Он отлично знал, как я люблю мою Мэри, и тем не менее сидел там и бесчастил ее в моем присутствии! Говорил всякие пакости прямо мне в лицо! С этой своей гадкой ухмылочкой!.. Спрашивается, почему он позволял себе подобное? Потому что у него денег куры не клюют. И, как ты говоришь, всего полно: земли, титулы, семейные связи и благородное происхождение. А я — бедняк и сын бедняка, и все мое состояние — вот тут, в ножнах у пояса. Будь я или хотя бы Мэри также родовиты, как он, он бы никогда не осмелился...

— Да брось ты! — перебил Рэндел.— Не осмелился бы!.. Когда это сэр Джордж кого уважал? Он вполне заслужил ту дурную славу, которая за ним повсюду тяпет-

ся. А считается он только со своими собственными прихотями, больше ни с чем!

— Вот и Мэри стала его очередной прихотью, — зарычал Джек. — Ну что ж, может быть, ему и удастся осквернить ее, как он уже осквернил половину здешних девиц. Только сперва ему придется прикончить Джона Холлинстера. Вот что, Дик... Не хочу показаться тебе грубияном, но, пожалуйста, оставь меня пока одного. Из меня все равно сейчас плохой собеседник, да и остыть бы надо на ветерке, а то все внутри так и кишит...

Рэндел помедлил:

— Только, ради всего святого, не ищи встречи с сэром Джорджем...

Джек истерпеливо отмахнулся:

— Обещаю тебе, что пойду совсем в другую сторону. Сэр Джордж направился домой нянчиться со своей царпицей и покажется самое раннее через пару недель.

— Но, Джек, у него полно прихлебателей, а репутация у этих громил... Ты уверен, что тебе ничто не грозит?

Джек оскалился по-волчьи:

— Не бойся, дружище. Если ему вздумается расквиртиться таким образом, он подождет ночной темноты. Не среди же бела дня на меня нападать!

Рэндел удалялся по направлению к деревне, с сомнением покачивая головой. Джек же направился дальше по берегу, с каждым шагом все более удаляясь от людского жилья, углубляясь в царство безлюдных пустошей и первозданных вод. Холодный резкий ветер пронизывал его одежду, полосуя тело, но юноша упрямко не надевал камзола. Мглистый серый день словно бы окутал своим покрывалом его душу, и Джек был готов проклясть и погоду, и сами здешние места, хотя это была его родная страна.

Его сердце рвалось в далекие жаркие южные страны, которые он повидал в своих странствиях, но иное видение заслоняло их — видение смеющегося девичьего лица в обрамлении золотистых кудрей. Эти чудесные глаза, источавшие такое тепло, до которого далеко было золотым лупам тропических ночей. Стоило представить их себе, и унылые пустоты, казалось, озарял солнечный свет...

Однако вскоре на смену любимому лицу явилось другое — злобно-насмешливое, с черными безжалостными глазами и язвительно искривленным ртом под узкой полоской черных усов. Джек Холлинстер непроизвольно ругнулся...

Низкий, звучный голос, неожиданно раздавшийся не-подалеку, прервал поток божбы, сорвавшейся с его уст.

— Молодой человек, — сказал этот голос, — слова твои — кимвал бряцающий. Шума много, но смысла ни на ломаный грош.

Джек вертнулся на месте, хватаясь за шпагу. На большом сером валуне сидел незнакомец. Как раз когда Джек повернулся к нему, человек поднялся и развернул широкий черный плащ, висевший у него на руке.

Холлинстер с любопытством уставился на незнакомца. Этот человек невольно привлекал внимание... и не только. Начать с того, что он был на несколько дюймов выше Холлинстера — а тот и сам был отнюдь не среднегого роста. На поджаром теле не было ни унции не то что жира — даже и лишнего мяса. Тем не менее человек не казался ни хрупким, ни болезненно-тощим. Отнюдь, отнюдь! Широкие плечи, мощная грудь, длинные руки и ноги — все говорило об исключительной силе, выносливости и быстроте. То есть о том, что человек был прирожденным воином, фехтовальщиком. Длинная, ничем не украшенная рапира на поясе только служила этому подтверждением.

Когда-то Джеку случилось видеть в сибирских степях огромных серых волков с подведенными животами. Так вот, незнакомец заставил его вспомнить именно об этих волках.

Но в первую очередь его внимание приковало лицо: довольно длинное, гладко выбритое и угрюмо-бледное. В сочетании с ввалившимися щеками эта бледность придавала ему почти безжизненный вид... но только до тех пор, пока вы не заглянули ему в глаза. Они горели трепетной жизнью и громадной энергией, которую сдерживала и направляла железная воля. Джек Холлинстер посмотрел прямо в эти глаза, ощутил их странную, холодную гипнотическую власть... и так и не понял, какого они были цвета. Серый лед древних ледников сливался в них с бездонной синевой северных морей. Густые черные брови низко нависали над ними, производя вполне мефистофельское впечатление.

Одежда незнакомца была аскетически проста, что полностью соответствовало его облику. На мягкой широкополой фетровой шляпе не оказалось даже пера. Все остальное тоже было темным, без каких-либо драгоценностей или украшений. На длинных сильных пальцах — ни перстня. Не было камней и на рукояти рапиры, а клинок покоялся в простых кожаных ножнах. Ни серебряных пуговиц на облегающем черном камзоле, ни блестящих пряжек на башмаках...

Единственным цветным пятном, нарушающим строгую монотонность одеяния, был широкий матерчатый кушак, на цыганский лад завязанный вокруг талии. Из переливчатых складок зеленого, явно восточной работы шелка выглядывали рукояти кинжала и двух тяжелых пистолетов.

Холлинстер безмолвно рассматривал странного пришельца, пытаясь сообразить, откуда тот здесь появился,

столь странно одетый, да еще и до зубов вооруженный. По внешнему виду он смахивал на пуританина, хотя...

— Как вы тут очутились? — спросил Джек без обиняков. — И как вышло, что я вас заметил, только когда вы со мной заговорили?..

— Я пришел сюда тем же способом, что и все порядочные люди, молодой сэр, — прозвучал в ответ низкий голос. Незнакомец завернулся в свой черный плащ и вновь уселся на камень. — На своих двоих. Что же до твоего второго вопроса... Когда человек до того погружается в свои мысли, что начинает всуе упоминать имя Господне, он не замечает ни друзей — и это поистине стыдно,— ни врагов, что вполне может довести его до беды.

— Но кто вы?..

— Мое имя — Соломон Кейн, молодой сэр. Я безземелен... хотя и жил когда-то в Девоншире.

Джек наморщил лоб, напряженно соображая. Если пуританин вправду был из Девоншира, где же он умудрился растерять характерный девонширский акцент? Если судить только по выговору, его родиной могла быть любая часть Англии, хоть на севере, хоть на юге. И Джек спросил:

— Вы, сэр, наверное, много путешествовали?

— Бывало и так, юный сэр, что Провидение направляло мои стопы в весьма отдаленные страны.

Тут Коллинстера осенило, и он уставился на своего странного собеседника со вновь пробудившимся интересом:

— Погодите, вы, случайно, не были капитаном во французской армии, и если так, то не доводилось ли вам сражаться при...

И он назвал место.

Чело Кейна покрыла тень.

— Истинно так,— сказал он.— Однажды мне пришлось возглавить банду богомерзких негодяев, о чём я и вспоминаю с величайшим стыдом... хотя и в тот раз мы дрались за правое дело. Увы, при взятии города, о котором ты упомянул, именем этого самого дела было совершено множество омерзительных преступлений, отвративших мое сердце от... Ну да ладно, с тех пор утекло немало воды, и я надеялся, что сумел утопить в море не одно кровавое воспоминание. Но коли уж мы заговорили о море, юноша... Что ты можешь сказать мне вон о том судне, со вчерашнего рассвета стоящем там, вдали от берега?

Худой палец ткнул в сторону моря. Джек только покачал головой:

— Слишком далеко... Не могу ничего разглядеть.

При этом он снова заглянул в сумрачные глаза Кейна — и нимало не усомнился, что эти глаза были способны пронизать любое расстояние и прочесть даже самое имя на борту далекого корабля. Для них, казалось, не было ничего невозможного.

— И в самом деле далековато,— сказал Кейн.— Однако сдается мне, что я узнаю оснастку этого судна. И еще мне сдается, что неплохо было бы повидаться с хозяином корабля!

Джек промолчал. Поблизости не было гавани, но в тихую погоду корабль мог бы подойти к самому берегу и встать на якорь прямо за рифом. Интересно, кому он принадлежал? Контрабандистам, наверное. Побережье здесь было довольно безлюдное, таможенные чиновники наведывались редко, и незаконная торговля процветала вовсю.

— Слышал ли ты когда-нибудь о Джонасе Хардрейке-ре, которого люди прозвали по имени хищной птицы-рыболова — Скопой?

Холлинстер даже вздрогнул. Это страшное имя было известно по всем побережьям цивилизованного мира, ибо

тот, кому оно принадлежало, заставил трепетать перед собой все моря, и теплые, и холодные. Джек всматривался в лицо Кейна, пытаясь по нему что-нибудь прочесть. Но бездонные глаза оставались непроницаемы.

— Этот кровавый пират? — спросил юноша наконец. — Когда я последний раз про него слышал, говорили, что он будто бы орудовал где-то на Карибских островах...

Кейн кивнул.

— Ложный слух, — сказал он, — обгоняет даже самое быстрое судно. Скопа там, где его корабль, а его корабль направляет сам сатана!

Он поднялся на ноги и поплотнее закутался в плащ.

— Господь предназначал мне путь в самые что ни есть затерянные края, и притом удивительными дорогами, — проговорил он хмуро. — Иные были прекрасны, но большинство — овеяно ужасом. И порою мне начинало казаться, что я бреду без цели и водительства свыше, но всякий раз, поглубже задумываясь о смысле происходившего, я этот высший смысл обнаруживал. И знай, юноша: после огненных глубин преисподней самое жаркое пламя — это синее пламя мести, что днем и ночью сжигает сердце мужчины, покуда он не зальет его кровью. Много раз в былые дни доводилось мне избавлять недостойных людей от бремени бытия. Ибо Господь — моя опора и мой пастирь, и думается мне, что не иначе как Его соизволением одолевал я врагов.

Сказав так, Соломон Кейн удалился прочь, шагая широко и вместе с тем по-кошачьи мягко. А Джек Холлинстер, вконец сбитый с толку, остался недоуменно смотреть ему вслед...

Глава 2

НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Джек Холлинстер стражнул с себя тягостные сновидения и приподнялся в постели, оглядывая комнату. Луна еще не взошла, и лишь звездный свет озарял чью-то голову и широкие плечи, маячившие в окне, на фоне неба.

— Шшш!.. — донеслось тихое предупреждение. Казалось, это зашипела змея.

Джек выдернул шпагу из ножен, висевших на столбике кровати, потом поднялся и подошел к окну. Его взгляду предстала бородатая физиономия; на Джека смотрели маленькие блестящие глазки. Человек тяжело дышал, словно после долгого бега.

— Бери шпагу, парень, и айда за мной, — долетел настойчивый шепот. — Он ее сцепал!

— Э-э... погоди! Кто сцепал? Кого?..

— Сэр Джордж! — От быстрого шепота ночного посетителя у Джека по спине побежали мурашки. — Послал ей, понимаешь, записку с твоей подписью. Пригласил девушку на Скалы. Она туда, а там тут как тут его ухорезы, ну и...

— Кого? Мэри Гарвин?..

— Век воли не видать, господин, ее самую!

Комната поплыла у Джека перед глазами. Он-то ожидал, что нападут на него! Могли он предполагать, что подлость сэра Джорджа зайдет столь далеко и подвигнет его на похищение беспомощной девушки?!

— Да чтоб дьяволы утащили его черную душу, — застрипел он зубами, подхватывая одежду. — Ты хоть знаешь, где теперь Мэри?

— В доме евоюю, господин, где ж еще.

— А сам-то ты кто? — запоздало спросил Джек.

— Да кому ж быть, сэр, как не бедному Сэмю, что ходит за лошадками в конюшне при таверне? Увидел я, стало быть, как они сцепали девочку, ну и...

Холлипстер оделся и полез в окно, держа в руке обнаженную шпагу.

— Спасибо тебе, Сэм, — сказал он. — Если останусь жив, я этого не забуду.

Сэм улыбнулся, показывая желтые клыки:

— А я с вами, сэр, так что погодите прощаться. Сэр Джордж, он и мне, понимаете ли... чуток задолжал!

И Сэм красноречиво повертел в руках злодейского вида дубинкой.

— Тогда вперед! — сказал Джек. — Нанесем визит этой свинье!

Дом сэра Джорджа Банвэя стоял милях в двух от деревни, в направлении, противоположном тому, которое Джек накануне избрал для прогулки. Это был старинный особняк, больше смахивавший на замок, и сэр Джордж обитал в нем один, если не считать нескольких слуг с совершенно уголовными рожами и немногочисленных друзей хозяина, выглядевших еще хуже слуг. Дом был огромен, мрачен и определенно нуждался в ремонте. Дубовые стены его потемнели от времени, и не перечесть было зла-

веших историй о том, что этим стенам довелось повидать. Что же касается деревенских жителей, то лишь местные буяны и безобразники, водившие с сэром Джорджем какие-то сомнительные делишки, переступали порог его дома. Стены вокруг особняка не было, лишь косматые живые изгороди, а вместо парка — несколько беспорядочно разбросанных деревьев. Задняя дверь выходила прямо на пустоши, фасад же был обращен к песчаному пляжу шириной ярдов двести, за которым, разбиваясь о валуны, рокотал прибой. Как раз перед домом скалы, торчавшие у края воды, были особенно голыми, изломанными и заметно выше, чем в других местах. Говорили, будто где-то там была укрыта прелюбопытная пещерка. Но где именно, никто не знал. Сэр Джордж считал этот отрезок берега своей частной собственностью: слишком любопытные охотники до прогулок вполне могли схлопотать даже и пуль из мушкета.

Пробираясь через промозглую сырую пустоту, Джек и его странный провожатый не заметили в доме ни огонька. Легкий туман почти не давал разглядеть звезды, так что громадный особняк казался еще более зловещим и темным. Кусты и деревья, окружавшие его, казались какими-то согбенными призраками. Со стороны моря вообще висела сплошная серая пелена. Один раз Джеку послышалось приглушенное звяканье якорной цепи, и он спросил себя, может ли в подобную ночь корабль встать на якорь за рифами, имевшими весьма скверную славу среди навигаторов. Серое море глухо постанывало, точно спящее чудовище, которому приснился дурной сон...

— Полезем через окошко, сэр! — донесся свирепый шепот Сэма. — Все огонечки погашены, но он точно там, как Бог свят!

Вместе подкрадывались они к огромному затменному дому, и Джек улучил минутку задуматься о том, по-

чему не было видно ни единого охранника. Неужели сэр Джордж был так уверен в себе, что никого не поставил присматривать? А может быть, караульные заснули на посту?

Оказавшись под окном, он попробовал его приоткрыть. Тяжелые ставни отворились с удивительной легкостью. И в уме молодого человека молнией сверкнуло неожиданное подозрение: уж больно легко все удавалось! Подозрительно легко!.. Он стремительно обернулся... как раз во время, чтобы заметить, как опускается ему на голову занесенная Сэмом дубинка. Джек не успел ни увернуться, ни нанести ответный удар. Успел только заметить, как сверкнули торжеством маленькие блестящие глазки. Потом весь мир рухнул в непроглядную черноту.

Глава 3

«НЫНЧЕ СМЕРТЬ ВЫШЛА НА ОХОТУ...»

К Джеку Холлинстери медленно возвращалось сознание. Перед глазами висела багровая пелена, и он мучительно заморгал, пытаясь ее разогнать. Голову раскалывала тошнотворная боль, яркий свет резал глаза. Он зажмурился, спасаясь от света, но немилосердный блеск проникал даже сквозь сомкнутые веки, раскаленным шилом вонзаясь прямо в мозг. В ушах стоял бессвязный гул голосов. Он попытался приподнять руку, чтобы пощупать голову, но рука не подчинилась ему. Потом он вспомнил все, что с ним случилось, и окончательно вернулся к реальности.

Он был связан по рукам и ногам. И лежал на жестком грязном полу. Он находился в просторном погребе, заставленном бочонками, флягами и черными, липкими с виду кадушками. Потолок в подвале был довольно высокий, и поддерживали его толстые дубовые балки. С одной из балок свисал фонарь, свет которого так сильно ранил Джеку глаза. Фонарь освещал середину погреба, по углам же таились ишевеляющиеся тени. В одном конце можно бы-

ло разглядеть широкую каменную лестницу, уводившую вверх. С другого конца открывался темный коридор.

В погребе было полно народу. Джек узнал смуглую насмешливую физиономию Банвэя, багровую от вышивки рожу предателя Сэма и еще двоих деревенских балбесов, вечно ошибавшихся то у сэра Джорджа, то в ближайшей таверне. Остальные, человек десять или двенадцать, были ему незнакомы. Другое дело, он с первого взгляда признал в них моряков: все как один — заросшие волосами здоровяки в просмоленных штанах, с кольцами не только в ушах, но даже в носу. Остальное убранство незнакомцев было поистине удивительно. Коскто повязал на голову пестрые шелковые платки; и все без исключения были сплошь увешаны оружием. Джек сразу отметил абордажные сабли с широкими бронзовыми гардами. Бросались в глаза украшенные самоцветами кинжалы и пистолеты с серебряной насечкой. Люди играли в кости, пили вино и жутко ругались. А глаза у них горели в свете фонаря так, что страшно было смотреть.

Пираты!.. Честным труженикам морей несвойственна столь вызывающая роскошь, особенно в сочетании с манерами законченных негодяев. Просмоленные штаны и простые моряцкие рубашки были перехвачены шелковыми кушаками; на волосатых ногах, не знавших чулок, красовались башмаки с серебряными пряжками, на грязных пальцах — толстые перстни. Драгоценные камни сверкали на золотых серьгах размером с хороший браслет. А на поясах — хоть бы один нож из тех, что носят честные моряки. Сплошь дорогие кинжалы, сработанные в Испании либо в Италии. Любовь к роскоши, удивительно гнусные рожи и кощунственная ругань — все вместе безошибочно говорило о кровавой профессии этих людей.

Джек подумал о корабле, который он видел в море недолго до заката, о приглушенном рокоте якорной цепи

в тумане... Потом вдруг вспомнил того странного человека, Кейна,— и вновь задумался над его словами. Знал ли Кейн, что это пиратский корабль? И что связывало его с морскими разбойниками? Неужели его пуританская суровость была лишь маской, назначением прикрывать какую-то зловещую деятельность?..

В это время человек, резавшийся в кости с сэром Джорджем, внезапно повернулся к пленнику. Он был высок, поджар и широкоплеч, он... Сердце Джека прыгнуло к самому горлу... потом медленно вернулось на свое место. Вначале ему на миг показалось, будто это и был Кейн. Теперь он видел, что пират, хотя и сложенный в том же духе, что Кейн, во всех остальных отношениях являл собой полную противоположность пуританину.

Он был одет легко, но вызывающе безвкусно и ярко. Шелковый кушак, серебряные пряжки, золоченые кисточки и все такое прочее. За широким поясом виднелись рукояти кинжалов и пистолетов, прямо-таки искривившиеся драгоценными самоцветами. Длинная рапира, тоже, конечно, вся в золоте и каменьях, висела на богатой узорчатой перевязи. Изящные золотые серьги венчали два сверкающих барабанных рубина. Камни играли в свете фонаря, бросая на смуглое лицо пирата малиновые блики.

Лицо же у человека было худос, жестокос, с ястребиным носом. На узкий высокий лоб была надвинута щегольски заломленная шляпа, низко сидевшая над черными бровями. Впрочем, она не скрывала яркого цветного платка, повязанного на голову. Из-под шляпы смотрели холодные серые глаза. Бесстрашны и беспощадны глаза, переливавшиеся светом и тенями. Нос, тонкий и острый, как лезвие ножа, нависал над тонкогубым, в одну черту, ртом. Верхнюю губу, кривившуюся в жестокой усмешке, украшали длинные вислые усы вроде тех, что носят маньчжурские мандарины.

— Эй, Джордж, да никак наш гость очухался! — зарорал этот человек, и голос его хлестнул режущей насмешкой.— Клянусь Зевсом, Сэм, я-то думал, ты надолго его угомонил. Однако и крепкая же черепушка у этого парня!

Пираты оторвались от игры и уставились на Джека — кто насмешливо, кто с любопытством. Лицо сэра Джорджа потемнело, он со значением указал пальцем на свою левую руку, на которой сквозь помятый шелковый рукав виднелась повязка:

— Ты был прав, Холлинстер, когда говорил, что нашу следующую встречу никакой мировой судья не прервет. Вот только, похоже, страдать придется твоей прогнившей шкуре, а никак не моей...

И тут раздался другой голос, полный муки, которая пронзила молодого человека хуже всяких подлевок Банвэя:

— Джек!..

У Холлинстера кровь заледенела в жилах. Он задергался на полу, выворачивая шею и силясь приподняться... От зрелица, представшего его глазам, у него едва не остановилось сердце. На грязном мокром полу на коленях стояла девушка, привязанная к тяжелому кольцу в дубовой свае. Она тянулась к нему, и лицо у нее было совсем белое, глаза — круглые от страха, золотые волосы растрепались...

— Мэри... О господи!.. — вырвалось у несчастного Джека. Пираты отозвались на этот крик боли взрывом глумливого хохота.

— А ну, ребята, выпьем за влюбленную парочку! — проревел рослый капитан, поднимая пенившуюся кружку.— За любовников, парни!.. А еще за то, чтобы парнишка не жалничал. Вздумал наедине побаловаться с малышкой, а нас и не пригласил!..

— Ах ты, паскудная тварь!...— взвыл Джек и нечеловеческим усилием умудрился подняться на колени.— Трусы!.. Подлые, мерзкие, ни к чему не годные трусы! Ох, если бы только у меня руки были свободны!.. Развяжите меня, если в этой стае найдется хоть одна на всех капелька мужества! Развяжите меня, и я вас голыми руками передушу! Ибо только последнее ничтожество не справится с подобными говноками...

— Клянусь Иудой! — восхитился один из пиратов.— А у малого киш카 не тонка! И можете меня килевать, если он не умеет выражаться как подобает! Выдери мне и глаза и печеньку, капитан, но я считаю, что...

— Молчать! — перебил сэр Джордж, чье сердце, подобно крысе, точила черная ненависть.— И ты заткнись, Холлистер. Побереги пыл. Чтоб я еще раз сошелся с тобой один на один? Еще не хватало! Я уже дал тебе шанс прикончить меня в поединке, но ты им не воспользовался. Теперь я применю к тебе оружие, более подходящее к твоему происхождению и положению. Видишь ли, никто не знает, куда и зачем ты отправился посреди ночи. И никто не узнает. Никогда. Море навсегда прятало трупы и не таких, как ты. И будет прятать в будущем, когда твои кости давным-давно обратятся в слизь, разложившись на его дне. Что же касается тебя, моя крошка...— тут он повернулся к перепуганной девушке, все еще пытавшейся выдавить какие-то невнятные мольбы,— ты пока поживешь со мной тут, в моем доме. Может, даже и в этом самом погребе. Впоследствии, когда ты мне надоешь...

— Надеюсь, это произойдет как раз к исходу двух месяцев, когда мы снова тебя навестим, Джордж,— вмешался пиратский капитан. Он веселился, но это было поистине дьявольское веселье.— В этот раз я повезу в море труп — во имя сатаны, преподанный груз! — так вот, я хо-

чу, чтобы в следующем рейсе у меня был пассажир посимпатичнее!

Сэр Джордж неприятно усмехнулся:

— Договорились... Стало быть, через два месяца она твоя... если, конечно, к тому времени не вздумает поморть. Так, значит, ты отплывешь нынче перед рассветом, увозя в холстине кровавый кусок мяса, который я собираюсь сделать из Холлинстера, и утопишь его бренные останки подальше от берега, так, чтобы прибой никогда не вынес их на сушу. Сделай это, и через два месяца можешь возвращаться за девкой.

Лежа на полу, Джек слушал, как они строили свои жуткие планы, и сердце у него сжималось.

— Мэри, любовь моя,— окликнул он тихо.— Как вышло, что ты здесь очутилась?

— Мне принесли записку... — прошептала она. Девушка так ослабела от страха, что говорить вслух попросту не могла.— Почек был очень похож на твой... И подпись... Там было написано, что ты ранен и просишь меня прийти к Скалам... Я пришла, и тогда эти самые люди схватили меня и притащили сюда через длинный тоннель...

— А я тебе что говорил, твоя милость? — в восторге завопил предатель Сэм, встряхивая нечесанными патлами.— Я ж тебе что сказал? Доверься мне, и старина Сэм кого хошь вокруг пальца обведет! Малый побежал за мной, что твой ягленочек! Здорово я словчил, ничего не скажешь, но и ему надо же было быть до такой степени дураком!..

— Отставить трен! — вмешался другой пират, худой, смуглый и мрачный, судя по всему — первый помощник.— Мы и так здорово рискуем, без конца швартуясь здесь и толкая награбленное. Что, если они обнаружат девку, а она и примется болтать? Ты правда полагаешь, кэп, что

по эту сторону Ла-Манша найдется еще такой уголок для сбыта награбленного нами в Северном море?..

Сэр Джордж и капитан хором расхохотались.

— Успокойся, Аллардайн, все-тоты переживаешь! Кто станет разыскивать девку? Все так и подумают, что она со своим дружком свалила куда подальше. Джордж вот говорит, ее папенька совсем не в восторге от дочкиного женишка. Никто в деревне никогда больше не услышит ни про нее, ни про него. И не додумается сюда заглянуть, это уж как лить дать. У тебя просто плохое настроение: это оттого, что мы так далеко от Гривы. Брось, парень! А то будто мы никогда прежде не баловались в Ла-Манше и не щекотали балтийских купцов прямо под носом у военного флота!

— Может, и так,— пробурчал Аллардайн,— а только мне все одно будет спокойней, когда мы уберемся подальше от здешних вод. Для Братства миновали в этих краях, и чем скорее мы подадимся в Карибы, тем и лучше! Нутром чую — беда нас здесь ждет! Смерть перед нами, как черное облако, и ни проливчика, чтобы улизнуть...

Пираты встревоженно заерзали на скамьях:

— Тыфу на тебя, Аллардайн, поменьше болтай!

Первый помощник хмуро отозвался:

— Я слышал, на морском дне не так уж сладко синится...

— А ну-ка, приободритесь! — заржал капитан и гулко хлопнул Аллардайна по спине.— Лучше выньем-ка за невесту! Причал Казней — скверное место для швартовки, но мы покамест держим курс прочь! За невесту, ха-ха!.. За невесту Джорджа и мою... смотрите-ка, малышка ажио сомлела от радости...

Первый помощник вдруг вскинул голову:

— Тихо!.. Что это там наверху? Мне послышался сдавленный крик!

Все замолчали. Руки невзначай потянулись к оружию, а глаза устремились к лестнице. Капитан раздраженно передернул могучими плечами:

— Я так ни хрена не слышу...

— А я слышал! Крик, потом шум падающего тела! Говорю вам, Смерть вышла на охоту и бродит рядом в эту туманную...

— Аллардайн,— с холодным озлоблением проговорил капитан, сбивая горлышко винной бутылки.— Последнее время ты совсем превратился в мстительную бабу и шарахаешься от любой тени. Возьми пример хоть с меня! Когда это я чего боялся? Или о чем-то беспокоился?

— Ну и что в этом хорошего? — хмуро отозвался помощник.— Каждый день совать голову в петлю, как ты это делаешь... при том что тот двуногий волк день за днем так и бежит по твоему следу... Ты помнишь, что тебе передали два года тому назад?

— Подумаешь! — фыркнул капитан и поднес бутылку к губам.— Мой след слишком долг и запутан даже для...

Но тут его накрыла чья-то черная тень, и бутылка выскользнула из пальцев, разлетевшись вдребезги на полу. Некое предчувствие заставило пирата побледнеть и медленно обернуться. Все глаза опять устремились к лестнице, что вела сверху в подвал. Никто не слышал, чтобы входная дверь открывалась или закрывалась. Однако на ступенях стоял рослый мужчина, облаченный во все черное, за исключением ярко-зеленого кушака на талии. Под густыми черными бровями, в тени низко надвинутой фетровой шляпы, точно лед на склоне вулкана, горели холодные зоркие глаза. В каждой руке — по тяжелому пистолету со взвешенным курком... это был Соломон Кейн!

Глава 4

ПОГАШЕНИЕ ПЛАМЕНИ

— Не шевелиться, Джонас Хардрейкер,— голосом, лишенным всякого выражения, проговорил Соломон Кейн.— Не шевелиться, Бен Аллардайн! А вы, Джордж Банвэй, Джон Харкер, Черный Майк, Том-Бристолец,— руки на стол! И тот, кто не хочет, чтобы его постигла неожиданная кончина, пусть лучше не хватается ни за саблю, ни за пистолет!

В погребе было человек двадцать, но два черных дула обещали мгновенную смерть по крайней мере двоим, и никому не хотелось угодить в их число. Поэтому никто не двинулся с места. Лишь первый помощник Аллардайн, чье поблеслевшее лицо напоминало спег на оконном стекле, выдохнул:

— Кейн!.. Ох, я знал!.. Когда он близко, в воздухе так и веет смертью!.. Вот об этом я и говорил тебе, Джонас, два года назад, когда он велел кое-что тебе передать, а ты только и смеялся! Я же говорил тебе, что он появляется, как тень, и убивает, как злой дух! По сравнению с ним краснокожие Нового Света — жалкие самоучки, не умеющие толком подкрасться! Ох, Джонас, если бы ты во время послушал меня!..

Взгляд угрюмых глаз Кейна приморозил его язык к нёбу.

— Да, Бен Аллардайн,— сказал пуританин,— ты наверняка меня помнишь по прежним временам, когда Братство буканьеров еще не превратилось в шайку насильников и головорезов. Мы оба помним мои столкновения с твоим прежним капитаном — на Тортуге и позже, за мысом Горн. Это был редкий мерзавец, и душу его, вне всякого сомнения, давно поглотил ад, куда и препроводила его моя мушкетная пуля. Что же касается умения подкрадываться... Что ж, я в самом деле жил некоторое время в Дариене и в определенной степени приобщился к этой науке. Но должен сказать, что к вашему брату-пирату не подкрадется только младенец. Те, что караулили снаружи, попросту не заметили меня в тумане. А тот морской волк, что с мушкетом и саблей наголо сторожил дверь в подвал, даже не знал, что я вошел в дом. Его кончина была скоропостижна. Он сумел только взвизгнуть, как зарезанная свинья...

Хардрейкер взорвался яростной бранью, а потом спросил:

— Что ты здесь делаешь, будь ты проклят?..

Соломон Кейп устремил на него взгляд, от которого стыла в жилах кровь: в этом взгляде была неумолимость самой Судьбы.

— Как я уже говорил, кое-кто из твоей команды, Джонас Хардрейкер, называемый также Скоуп, помнит меня по bylym временам.— Кейн говорил по-прежнему без всякого выражения, но в его голосе некоторым образом ощущалась подлинная страсть.— Да и самому тебе отлично известно, почему я последовал за тобой с Гривы в Португалию, а из Португалии — в Англию. Два года назад в Карибском море ты потопил один корабль. «Летучее сердце» из Дувра... На борту его была юная девушка, лочь...

впрочем, неважно чья. Я знаю, что ты помнишь ее. Ее старый отец был моим близким другом, и в былые годы маленькая девочка не раз сидела у меня на коленях... чтобы вырасти красавицей и погибнуть в твоих грязных лапах, ты, кровожадный кобель! После того как судно было взято, девушка стала твоей добычей и вскорости умерла. Смерть оказалась к ней милосердней, чем ты. Ее достопочтенный отец, узнав о судьбе дочери, сошел с ума, и рассудок до сих пор не вернулся к нему. Братьев у нее не было — только старый отец. Некому было отомстить за нее...

— Кроме тебя, сэр Галахад? — хмыкнул Скопа.

— Да, кроме МЕНЯ, несытая тварь! — неожиданно загремел Кейн, и такова была монстр его голоса, что заложило уши.

Заскорузлые, просмоленные морские разбойники так и подсекочили, белея. Что можно выдумать хуже, чем зрелище такого вот человека с железными нервами и непоколебимой волей, висевшего давящим волю смертоубийственной ярости! На один-единственный миг, пока звучал его голос, Кейн сделался существом из минувших времен, воплощением свирепого гнева. Но штурм утих столь же внезапно, как и разразился, и пуританин снова стал самим собой — холодным, как разящая сталь, и смертоносным, как кобра.

Одно чернос дуло смотрело Хардрейкеру прямо в грудь. Другое держало под прицелом всех остальных.

— Примирись со своим Создателем, пират, — прежним бесцветным голосом проговорил Кейн. — Ибо скоро станет поздно. Пробил твой час...

Вот тут шальной пират впервые дрогнул.

— Боже всемилостивый! — ахнул он, и пот крупными каплями выступил на его лбу. — Ты что, прямо так и застрелишь меня, точно шакала, не дав мне возможности...

— Именно так я и сделаю, Джонас Хардрейкер,— ответствовал Соломон Кейн, и ни голос, ни рука его при этом не дрожали.— Причем сделаю это с радостным сердцем. Есть ли под солнцем такое преступление, которого ты не совершил бы? Ты — смрад перед лицом Господа, черная клякса в Книге дел человеческих. Давал ли ты когда-то слабым, миловал ли беспомощных? Что же ты сам шарахаешься от своей участи, жалкий трус?

Пирату потребовалось страшное усилие, но все-таки он взял себя в руки.

— Отнюдь,— сказал он.— Не шарахаюсь. Потому что трус здесь ты, а не я.

Холодные глаза Кейна вновь на миг затуманились яростью и угрозой. Казалось, он еще глубже занял в себе все человеческое. Он стоял на ступенях, как нечто иного, и из живых существ всего более напоминало громадного черного кондора, готового терзать и клевать.

— Ты сам трус,— продолжал пират, благо ему особо нечего было терять.

Он был далеко не глуп и понял, что затронул единственное уязвимое место в духовной броне пуританина: гордыню. Кейн никогда не хвастался своими деяниями, но про себя очень гордился тем, что, как бы ни обзывали его враги, никто и никогда не именовал его трусом.

— Может, я и заслуживаю быть хладнокровно убитым,— говорил тем временем Скопа. Он внимательно наблюдал за пуританином.— Но что скажут о тебе люди, если ты не дашь мне возможности постоять за себя? Они назовут тебя отъявленным трусом...

— Людской приговор есть сугуба сует,— мрачно ответствовал Кейн.— К тому же люди знают, трус я или нет.

— И я знаю!..— торжествующе заорал Хардрейкер.— Застрели меня, и я уйду в Вечность с мыслью о том, что

ты — дермособачье, что бы там ни говорили мне про твою храбрость!

При всем своем фанатизме Кейн оставался человеком и обладал слабостями, присущими человеку. Тщетно он убеждал себя, что ему было наплевать на мнение о себе всякого негодяя. В сердце своем он знал: если Хардрейкер умрет с презрительным смешком на губах, этот смех будет жалить его, Кейна, до конца его дней. И он угрюмо кивнул:

— Что ж, пускай будет так. Я дам тебе шанс, хотя Господу нашему известно, что ты его не заслуживаешь. Выбирай оружие!

Глаза Скопы сузились... Фехтовальное искусство Кейна было притчей во языцах среди изгоев и бродяг по всему миру. А если выбрать пистолеты, у него, Хардрейкера, не будет никакой возможности пустить в ход ни хитрость, ни свою знаменитую силу...

— Ножи! — ответил он, лязгнув крепкими белыми зубами.

Кейн мрачно смотрел на него некоторое время, по-прежнему держа его па мушке. Потом угрюмое лицо озарила едва заметная зловещая улыбка.

— Отлично, — сказал он. — Ножи! — возможно причислить к оружию джентльменов... зато он порою несет смерть, которую никто не назовет ни быстрой, ни безболезненной... — И повернулся к пиратам: — Всембросить оружие! — Они неохотно повиновались, и последовал новый приказ: — Развязать юношу и девушку!

Это было исполнено. Джек расправил затекшие руки и ноги, ощупал рану на голове, покрытую коркой спекшейся крови. И обнял всхлипывающую Мэри.

— Пусть она уйдет, — прошептал он, но Соломон Кейн покачал головой:

— Она не сможет миновать стражу, стоящую возле дома.

И он жестом велел Джеску взять с собой Мэри и занять место повыше на ступенях. Он вручил Холлинстера пистолеты и быстрым движением освободился от пояса с рашгардом и камзола, сложив их на нижнюю ступеньку. Хардрейкер также выложил весь свой отнюдь не бедный арсенал и обнажился по пояс.

— Присмотри за ними, пока я занимаюсь Скопой,— проворчал Кейн.— Если кто-нибудь потягнется за оружием, стреляй без промедления. Если я упаду, беги вместе с девушкой. Но вряд ли я проиграю: синее пламя мести раскалило мой мозг...

Двое мужчин встали друг против друга. Кейн — с не-покрытой головой и в одной рубашке, Хардрейкер — обнаженный по пояс, зато в шелковом головном платке. Пират был вооружен длинным турецким кинжалом, который он держал острием вверх. Кейн держал свой кинжал так, как обычно держат рапибу. Оба были опытными бойцами, и ни один не опускал оружия книзу, как это вроде бы диктуется благородными манерами. То, что хорошо смотрится в галантном обществе, редко бывает полезно в настоящем бою.

Фонарь, мерцающий на стене, освещал жуткую сцену, тоистине достойную почтого кошмара. Бледный юноша, стоящий на ступенях лестницы с двумя пистолетами, и рядом — жмущаяся к нему девушка. Ряд гнусных бородатых рож вдоль стены. Дикарский, беспощадный блеск глаз. Голубые блики на двух длинных клинках. Два рослых силуэта посередине, медленно кружящиеся друг за другом. Тени у их ног, повторяющие каждое движение бойцов...

— Нападай и дерись, пуританин! — подзуживал соперника пират, в то же время отступая перед неослабным, хотя и осторожным, натиском Кейна.— Подумай о девке, Фетровая Шляпа!

— Вот о ней я и думаю, ты, вонючий отброс Чистилища,— хмуро ответил Кейн.— Знай, мразь, есть огни и огни, одни жарче, другие слабее... — а по смертоносным клинкам пробегали дрожащие сплюснутые отсветы.— но все они, за исключением огней преисподней, могут быть загашены КРОВЬЮ!

И с этими словами Кейн ударили, словно атакующий волк. Хардрейкер отбил прямой удар и, прыгнув вперед, сам ударили снизу вверх. Но Кейн успел пересвернуть кинжал острием вниз и защищился, пират же разогнулся, как стальная пружина, и отскочил, избегая смертельного замаха. Кейн безостановочно продвигался вперед; с кем бы ему ни доводилось драться, он признавал лишь одну стратегию — наступление. Его кинжал, словно свистящая молния, устремлялся в лицо пирату, грозил его торсу, мелькал у живота, и Скопе стало некогда атаковать,— все внимание уходило на то, чтобы уберечься от ран. Это, впрочем, не могло продолжаться долго. Дуэль на ножах обычно бывает жестока и быстротечна и кончается смертельным исходом. Само оружие не подразумевает ни длительных фехтовальных хитросплетений, ни ничьих.

Настал миг, когда Хардрейкер, почувяв выгодную возможность, железной хваткой стиснул правое запястье Кейна и нанес страшный вспарывающий удар в живот. Кейну пришлось пожертвовать предплечьем, на котором остался глубокий порез; но все-таки он перехватил руку пирата и остановил грозящее лезвие в дюйме от своего тела. Так они и застыли, вцепившись взглядом друг другу в глаза и замерев, точно две статуи, лишь мускулы сводило безумное напряжение.

Подобное единоборство было отнюдь не во вкусе пуританина. Он предпочитал иной путь, позволявший разрешить дело скорой смертью: прыжки, отскоки, выпады и защиту, когда каждый полагается на быстроту и согласованность рук, ног и глаз, когда удары наносят и принимают в открытую. Но если его сопернику захотелось по мериться с ним силой — да будет так!

Хардрейкер между тем уже усомнился в выгоде избранного им пути. Ни разу еще ему не приходилось встречать равного себе по физической мощи. Однако пуританин был точно выкован из железа! Пират устремил всю свою силу в кисти рук и в широко расставленные, напряженные ноги. Кейн понял его замысел и передвинул в ладони рукоять кинжала. Когда они только сцепились, Скопа вынудил его высоко поднять вооруженную руку. Теперь Соломон изменил хватку, и его кинжал сверху вниз смотрел в грудь пирату. Оставалось только преодолеть сопротивление руки Хардрейкера, по-прежнему стискивавшей запястье, и вогнать кинжал пирату в сердце. Вооруженная рука Скопы находилась внизу, кинжал смотрел вверх. Если он сумеет заставить согнуться напряженную руку Кейна, кинжал вспорет пуританину живот.

Так они и стояли, напрягшись до последнего предела. Мускулы вспухли мучительными узлами на руках и телях, по лицам катился пот. У Хардрейкера вздулись на висках вены. Кольцо зрителей выдавало себя лишь дыханием, с шипением вырывавшимся сквозь сжатые зубы.

Некоторое время ни один ни другой не мог завоевать преимущество. А потом Соломон Кейн начал медленно, но верно клонить Хардрейкера назад. Сцепленные руки мужчин не меняли положения: пират просто начал изгибаться всем телом, постепенно заваливаясь навзничь. Его тонкие губы раздвинулись в жутком подобии улыбки, только это была не улыбка, а оскал, вызванный сверхче-

ловеческим напряжением. Лицо его приобрело сходство с ухмыляющимся черепом, глаза полезли из орбит... Превосходящая сила Кейна брала верх неумолимо и беспощадно, как сама Смерть. Скопа уступал медленно, словно дерево, чьи корни мало-помалу вырываются из земли, теряя опору. Он хрюпал дышал, в груди клокотало, он прилагал страшные усилия, пытаясь отвоевать утраченное. Тщетно! Дюйм за дюймом его клонило назад, пока наконец (зрители могли бы поклясться, что миновали часы) его спина не оказалась плотно прижатой к жесткой дубовой столешнице.

Кейн навис над ним, точно олицетворение неминуемой гибели...

Правая рука Хардрейкса по-прежнему сжимала кинжал, левая удерживала правое запястье Кейна. Но вот Кейн, все так же отводя от своей плоти острие турецкого кинжала, начал опускать правую руку. От этого усилия и у него вздулись на висках жилы. Дюйм за дюймом, так же как он клонил Скопу навзничь на стол, он теперь опускал к его груди свой клинок. На медленно сгибающейся левой руке пирата, точно стальные змеи, болезненно извивались перенапряженные мышцы. Порою ему удавалось па несколько мгновений ее удержать, но расправить — ни на дюйм! Он еще пытался что-то сделать правой рукой, достать Кейна своим турецким кинжалом, но левая, заливая кровью рука пуританина держала ее, словно в железных тисках.

И вот неумолимое острие зависло в каком-то дюйме от бешено вздымющейся груди Хардрейкера, и блеск холодных глаз Кейна ничем не уступал ледяному сиянию клинка. Еще два дюйма — и нож пронзит сердце, останавливая его навсегда. Последнее отчаянное усилие обреченного пирата недолго задержало кинжал... Что видели его безумные глаза?.. Они были устремлены на смерто-

носный кончик кинжала, в котором для Хардрейкера с некоторых пор сосредоточился весь мир, но в то же время казалось, что застывший, остекленелый взор был устремлен куда-то вдаль. Что видели эти глаза?.. Тонущие корабли, над которыми пенасытно смыкались черные морские волны?.. Багровое зарево над прибрежными городами, женщин, в ужасе бегущих по улицам, и черные силуэты в алых бликах огня, изрыгающие богохульства?.. Вздыбленный, исхлестанный ветрами океан, залитый мертвенным светом молний, посыпаемых разгневанными небесами?.. Пламя, крутящийся дым, окровавленные руины... черные фигуры, дергающиеся на ноке рея... и другое, что, корчась, падали в бездну с положенной на планишир доски... Или, может быть, белое девичье лицо, чьи помертвевшие губы силились умолять?..

Из залитого пеной рта Хардрейкера вырвался ужасающий вопль. Рука Кейна совершила последнее усилие и начала погружать кинжал в его грудь. Мэри Гарвин, стоявшая на ступенях, отвернулась, прижимаясь лицом к сырой стене, чтобы не видеть, и заткнула руками уши, чтобы не слышать.

Еще живой, Хардрейкер уронил кинжал и попытался высвободить правую руку, чтобы пустить в ход сразу обе, отводя убивавший его клинок. Но тиски пуританина и не думали ослабевать. Корчившийся пират тоже никак не желал выпустить его правую руку и принять неизбежный конец. Нет, он до последнего продолжал на что-то надеяться, и кинжал Кейна, медленно прорезав мышцы груди, так же медленно, дюйм за дюймом, начал входить в его сердце. Все, кто видел это зрелище, облились холодным потом, и только ледяные глаза Кейна не изменили своего выражения. Перед его умственным взором тоже стояла корабельная палуба, залитая кровью. И беззащитная юная девушка, тщетно молившая о милосердии...

Крики Хардрейкера дошли до последней степени ужаса, перейдя в тонкий, раздирающий уши визг. Это не был крик труса, убоявшегося последнего шага во тьму. Это был животный вой человека, угасающего в страшной агонии. Рукоять кинжала почти соприкоснулась с его грудью, и только тогда вопль оборвался булькающим хрипом и наконец смолк совсем. Кровь хлынула из непальных губ, и запястье, которое сжимал Кейн, внезапно обмякло. И лишь затем разжалась пальцы левой и выпустили вооруженную руку Кейна. Смерть успокоила их, та самая Смерть, которую они до последнего бешено силились отвести.

Тишина, точно белый саван, накрыла всех видевших это. Кейн выдернул кинжал. Из раны лениво потекла кровь, потом остановилась. Пуританин машинально взмахнул кинжалом, чтобы стряхнуть с него алые капли. Блестящий клинок отразил свет фонаря и показался Джеску Холлинстеру вспышкой синего пламени. Пламени, погашенного кровью.

Кейн потянулся к ралире... И в это время Холлинстер стряхнул невольное оцепенение и увидел, как подлец Сэм поднимает припрятанный пистолет и целится в пуританина. Глаз и рука юноши сработали одновременно. Гулко грохнул выстрел. Сэм с воплем взвился в воздух, его пальцы конвульсивно сжались и надавили спусковой крючок. Пистолет бабахнул, и надо же было такому случиться, чтобы Сэм стоял как раз под единственным фонарем! Корчась в предсмертных судорогах, предатель взмахнул руками, и тяжелый ствол вдребезги расколол шматил фонарь. Погреб погрузился в кромешную темноту.

Во мраке мгновенно начался такой гвалт, посыпались такие проклятия, что, казалось, весь ад сорвался с цепи. Переворачивались бочонки, люди налетали друг на друж-

ку и неистово матерились. Руки вслепую тянулись к брошенному на пол оружию, и вот уже зазвенела сталь и раздались пистолетные выстрелы: пираты палили не глядя, да и много ли разглядишь в темноте! Кто-то жутко завыл: похоже, пули иногда попадали в цель. Джек крепко держал девушку за руку и наполовину вел, наполовину тащил ее вверх по ступенькам. Он оскальзывался и сноился, но наконец все-таки добрался до самого верха и распахнул тяжелую дверь. Полный мрак сменился пускай неярким, но светом, и при этом свете Джек разглядел человека у себя за спиной и толпу смутных фигур, карабкающихся следом.

Холлинстер вскинул оставшийся пистолет, когда послышался голос пуританина:

— Это я, Кейн. Друг мой, скорее забирай девушку — и наружу!

Холлинстер повиновался, и Кейн, выскочив следом, захлопнул дверь перед самыми носами завывающей оравы разбойников, мчавшейся снизу по пятам за беглецами. Он опустил массивную цеколду и отступил прочь. Изнутри в дверь молотили кулаками, слышались приглушенные крики, стрельба. Кое-где па деревянных досках стали появляться выпуклые шишки: с той стороны в дверь впивались пули. Но свинец был слишком мягок и не мог пробить навылет прочные доски.

— А теперь что?.. — оборачиваясь к рослому пуританину, спросил Джек.

Только тут юноша заметил ярко разодетого мертвеца, валявшегося у его ног. Это был пират с серыгами в ушах, при шелковом кушаке, мушкете и сабле. Без сомнения, часовой, чью стражу прекратила молчаливая рапира Соломона Кейна...

Пуританин небрежно отпихнул труп ногой в сторону и жестом пригласил влюбленных следовать за собой.

Одолев короткий пролет деревянной лестницы, потом затемненный коридор, они вошли в какую-то комнату и остановились. Комнату освещала большая свеча, стоявшая на столе.

— Обождите меня здесь,— попросил Кейн.— Большинство злодеев заперты внизу, но есть еще наружная стража, человек пять или шесть. Идя сюда, я прокрался мимо них, но теперь вышла луна, и мы должны быть весьма осторожны. Пойду взгляну в окошко, не видать ли кого...

Оставшись наедине с Мэри, Джек с нежной жалостью посмотрел на любимую. Какую девушку не сломила бы подобная ночь?.. А она, его Мэри, была почти что ребенком и отнюдь не привыкла не то что к насилию — даже и к грубому обращению! Бедняжка была до того бледна, что Джек уже сомневался, вернется ли однажды румянец на эти бескровные щеки, которые он помнил такими цветущими. В ее широко распахнутых глазах все еще стоял ужас. Но с каким доверием смотрела она на своего возлюбленного!

Он брежно привлек ее к себе.

— Мэри, девочка моя... — начал он нежно, но тут она посмотрела куда-то через его плечо, и огромные глаза стали еще больше. Она закричала от ужаса, и тут же раздался скрежет ржавой щеколды.

Холлинстер крутанулся на месте... В стене комнаты, там, где прежде была обыкновенная прямоугольная панель, зиял черный провал. На фоне черноты стоял сэр Джордж Банвэй. Одежда его была растерзана, глаза горели, но в каждой руке он сжимал по пистолету.

Джек мгновенно отшвырнул Мэри прочь и сам выхватил оружие. Два выстрела слились в один... Холлинстер почувствовал, как пуля обожгла щеку: это было похоже на прикосновение бритвы, только докрасна раска-

лениной. Сэру Джорджу, казалось, пришлось хуже: из его рубашки на груди вырвало клок ткани. Он свалился, попытавшись выругаться, но получился стонущий вздох. Джек обернулся к перепутанной девушке, однако Банвэй, пошатываясь, снова поднялся. Он жадно дышал, потому что выстрел выбил из груди весь воздух. Но на раненого он не был похож, да и крови на его теле не показалось ни капли.

Джек застыл в изумлении — как же так, ведь он сам видел, что не промахнулся! Он стоял столбом, тараща глаза и опустив дымящийся пистолет, пока сэр Джордж крепким ударом кулака не свалил его на пол. Всего через мгновение взбешенный Холлинстер опять был на ногах, но этого мгновения Банвэю оказалось достаточно, чтобы схватить за руку девушку и, грубо тащая ее за собой, улизнуть обратно в потайной ход. Исчезая, он надавил пружину, и стенная панель снова встала на место.

Соломон Кейн, вернувшийся в комнату со всей быстротой, на которую были способны его длинные ноги, обнаружил Холлинстера в бессильной ярости колотящим по стене кулаками.

Чтобы понять, что произошло, Кейну хватило всего нескольких слов юноши, щедро приправленных отборными богохульствами и жгучими обвинениями в собственный адрес.

— Над ним — рука сатаны! — бушевал несчастный влюбленный. — Я же прямо в грудь ему попал — и хоть бы что! Ох, что ж я за глупец!.. Стоял, точно старый маразматик, а надо было ринуться на него — и дулом по черепу!.. Стоял, точно слепой идиот, пока он...

— Я тоже хороши: следовало предвидеть, что в этом старом доме полно тайных ходов, — сказал пуританин. — Этот наверняка ведет в погреб, раз он... Погоди, — остановил он Холлинстера, готового наброситься на скры-

тую дверь с абордажной саблей мертвого пирата, которую принес ему Кейн.— Даже если мы выломаем дверь или откроем ту запертую и таким образом попадем в подвал, они же нас перестреляют, как кроликов, без всякого толку для дела. Лучше успокойся, молодой человек, и послушай меня. Видел ты тот темный коридор, тянувшийся куда-то из ногреба? Ну так вот, думается мне, там должен быть тоннель, выводящий как раз к скалам на морском берегу. Банвэй не первый год имеет дело с контрабандистами и пиратами. Однако соглядатаи ни разу не видели, чтобы в дом вносили или выносили какие-нибудь подозрительные узлы. Что из этого следует? А то, что должен быть тоннель, связывающий подвал с морем. И еще, что разбойники и с ними сэр Джордж, которому после этой ночи в Англии уж точно не жить, скорее всего, побегут через тоннель и попытаются достичь корабля. Если мы поспешим, мы сможем перехватить их на берегу.

— Тогда, во имя Господа нашего, не будем терять времени! — взмолился юноша, утирая холодный пот, выступивший на лбу.— Стоит Мэри почасть к мерзавцам на корабль, и мы ее никогда уже не увидим!..

— Твоя рана снова кровоточит,— беспокоеню заметил Кейн.

— Не важно!..— вскричал Холлинстер.— Не будем медлить!..

Глава 5

«НАВСТРЕЧУ РАССВЕТУ Я УХОЖУ...»

...И юноша помчался следом за Кейном, который ни-
что сумняшися проследовал к парадной двери, распах-
нул ее и выскочил наружу. Туман успел разойтись; ярко
светила луна, освещавшая в двухстах ярдах от них черные
скалы берега и длинный, зловещего вида корабль, пока-
чивавшийся на волнах за линией рифа, за белыми буру-
нами. Никаких следов караульщиков, стоявших снаружи,
не было заметно. То ли они сбежали, когда в доме начал-
ся переполох, то ли имели какой-то приказ вернуться к
этому часу на берег — Кайн с Джеком так и не узнали. Так
или иначе, они никого не встретили. А на берегу вздыма-
лись Скалы, черные, нехорошие, словно изломанные руи-
ны покинутых домов. За ними не было видно, что проис-
ходило на пляже, у края воды.

Не обращая внимания на возможную опасность, двое
мужчин пустились бежать через открытое пространство.
Причем по Кейну было совершенно незаметно, что он
только что выдержал страшное, изматывающее испытыва-
ние, в полном смысле слова побывав в жерновах жизни
и смерти. Казалось, он весь был сделан из стальных пру-
жин. Отчаянная гонка на двести ярдов даже не заставила

его запыхаться. Холлинстер же так и шатался на бегу. Он очень ослабел от потери крови и пуще того от волнения. Только любовь к Мэри и мрачная решимость вызволить ее из лап насилиников еще удерживали его на ногах.

Они уже приближались к Скалам, когда злобные голоса, послышавшиеся впереди, принудили их к осторожности. Холлинстер, дошедший почти до бредового состояния, готов был махнуть через валуны и с ходу наброситься на всякого, кто мог там оказаться. Кейн удержал его. Вдвоем они взобрались наверх и, лежа плацмя на нависающем выступе, посмотрели вниз.

Они сразу различили при ясном свете луны, что пираты, оставшиеся на корабле, собирались сниматься с якоря. А непосредственно под собой Кейн и Джек увидели группу разбойников. От берега уже отвалила длинная шлюпка, и мертвые удары весел несли ее к кораблю. Еще одна шлюпка была уже полна людей, и моряки нетерпеливо ожидали на веслах, в то время как их предводители о чем-то спорили на берегу. Ясно было одно: они сразу поспешили в тоннель, не теряя времени даром. Если бы сэр Джордж не задержался ради поимки девчонки (в чем ему, увы, сопутствовала удача), пираты уже успели бы убраться на судно. Двое наблюдателей хорошо видели со своего места устье маленькой пещеры, укрытое от постороннего глаза за валуном.

На пляже лицом к лицу стояли сэр Джордж и Бен Аллардайн, склестившиеся в яростном споре. Рядом лежала Мэри, связанная по рукам и ногам. Заметив ее, Холлинстер едва не вскочил, но железная длань Кейна пригвоздила его к скале.

— А я говорю, что девка отправится на корабль! — сердито прозвучал голос Банвэя.

— А я говорю — нет! — непреклонно отвечал Аллардайн. — Не принесет нам это добра! Вспомни, Джонас Хардрейкер валяется в луже собственной крови у тебя в

погребе, а из-за чего? Все из-за девчонки! Говорю тебе, женщины сеют между мужчинами вражду и раздор. Пусти ее на корабль, и еще до рассвета не менее дюжины молодцов перережут глотки друг другу! Послушай совета и прикончи ее прямо здесь, не то...

И он наклонился над девушкой. Сэр Джордж оттолкнул ее руку и выхватил рапицу, но этого движения Джек уже не увидел. Вывернувшись из-под руки Кейна, Холлинстер вскочил и очертя голову сиганул вниз со скалы. При виде такого зрелища пираты в шлюпке истошно заорали, полагая, что на них вот-вот наядет вооруженный отряд. Страх заставил их палечь на весла и поспешно отвалить от берега, оставив своего первого помощника и покровителя выкручиваться одних.

Холлинстер приземлился на ноги, но инерция падения бросила его на колени в мягкий песок. Моментально вскочив, он бросился на двоих негодяев, смотревших на него разинув рот. Аллардайн свалился с раскроенным черепом, даже не успев поднять оружие. Второй удар Джека предназначался сэру Джорджу, но тот парировал.

Абордажная сабля — оружие достаточно неуклюжее, не предназначенное для стремительного и филигранного фехтования. Джек однажды уже доказал, что с прямым и легким клинком Банвэй ему не соперник. Но к тяжелой кривой сабле он не привык и к тому же порядком ослабел от потери крови. Банвэй же был свеж...

Тем не менее несколько мгновений юноша принуждал вельможу отчаянно защищаться, так стремителен был его яростный натиск. Потом, несмотря на всю свою решимость и ненависть, подогревавшую силы, он начал ослабевать. На смуглом лице Банвэя появилась жестокая усмешка убийцы. Он принял раз за разом доставать Холлинстера, раня его то в грудь, то в щеку, то в бедро... раны были неглубоки, но эти царапины немилосердно жгли, и к тому же из них опять-таки текла кровь.

Наконец, наигравшись, сэр Джордж увернулся от очередного вылаза юноши и приготовился нанести завершающий удар. Но в это время песок поехал у него под ногой, он потерял равновесие и вместо удара просто взмахнул руками, пытаясь устоять. В этот миг ему было не до обороны. Глаза Джеку заливала кровь, но все же он рассмотрел открывшуюся возможность. И вложил быстро убывающие силы в одну последнюю атаку. Он прыгнул вперед и нанес удар сбоку. Острое лезвие сабли пришло как раз посередине между подмышкой и бедром сэра Джорджа. Удар должен был бы раскроить мерзавцу и ребра, и легкое. Но вместо этого... само лезвие разлетелось, точно стеклянное! Потрясенный Джек, шатаясь, подался назад, и бесполезная рукоять вывалилась из онемевшей руки.

Сэр Джордж оправился от удара и с торжествующим криком бросился на него... Его клинок уже со свистом рассекал воздух, метя Джеку в незащищенную грудь, когда между ними пролегла огромная тень! И какая-то сила с немыслимой легкостью отмела в сторону шпагу Банвэя!

Холлинстер осел на песок и пополз в сторону, точно змея, которой сломали хребет. Соломон Кейн показался ему черной тучей, нависшей над сэром Джорджем Банвэем. Длинная рапира пуританина, неотвратимая, как судьба, погнала титулованного негодяя назад и назад. Банвэй отчаянно защищался...

Яркая луна обливала мечущиеся клинки живым серебром. Холлинстер следил за невероятным поединком, склоняясь над потерявшей сознание Мэри и несверными, слабыми пальцами пытаясь освободить ее от веревок. Он слышал о несравненном фехтовальном искусстве, которым паделяла Кейна мольва. А теперь судьба давала ему возможность увидеть его мастерство своими глазами. Он сам любил познавать шпагой и пожалел даже, что Кейну не досталось более достойного соперника!..

Ибо, хотя сэр Джордж был отменным фехтовальщиком и пользовался славой весьма опасного дуэлянта, Кейн по-просту делал с ним, что хотел. У пуританина было неоспоримое преимущество в росте, весе, физической силе и длине рук. Но не только! Он был гораздо, гораздо искусней. И намного быстрей. Он был круинес и тяжелее Банвэя, но при этом, удивительное дело, далеко превосходил его быстротой! Что же до мастерства, то Банвэй по сравнению с ним выглядел новичком в фехтовании. Кейн не делал ни единого линялого движения и дрался совершенно бесстрастно. Отчасти это лишало его искусство зрелищности — ни тебе головоломных уходов, ни длинных выпадов, от которых захватывало бы дух. Каждое его движение было точно таким, каким ему следовало быть. Ни на йоту больше, но и не меньше. Его невозможно было заставить смутиться или потерять голову. Холлиштеру случалось видеть более, так сказать, блестящих, искрометных фехтовальщиков — как в Англии, так и па континенте. Но, наблюдая за Кейном, он отчетливо понимал: среди всех виденных им рослый пуританин был самым безупречным технически, самым хитроумным... и самым страшным.

Не приходилось сомневаться, что Кейн мог бы насквозь проткнуть своего противника первым же ударом, но у пуританина были другие намерения. Он наступал и наступал, все время метя концом рапиры сэру Джорджу в лицо, он заставлял молодого вельможу изо всех сил защищаться... и говорил. Говорил спокойно, бесстрастно, ровным голосом, так, словно этот голос и бешено работающая рука не принадлежали одному и тому же человеку.

— Нет, молодой сэр, не надо подставлять мне грудь. Я видел, как разлетелась сабля Джека. Моя рашера достаточно прочна и гибка, но я не собираюсь ею рисковать. Нет, я не намерен вас стыдить. Мне тоже случалось носить под рубашкой стальную кольчугу... хотя, наверное,

не такую прочную, как ваша. По крайней мере, пуль в упор она вряд ли остановила бы. Но как бы то ни было, Господь наш в Своем неизреченному милосердии устроил человека таким образом, что не все жизненно важные органы перемещаются у него в трудной клетке. Поистине жаль, что вы не слишком искусны со шпагой, сэр Джордж. Право, мне почти стыдно вас убивать. С другой стороны, когда человек давит ногой гадюку, он всего менее думает о ее величине...

Эти слова были произнесены без всякой язвительности — просто, искренне и серьезно. Джек знал, что в устах Кейна они не могли быть насмешкой, предначертанной раззадорить соперника. Понял это и сэр Джордж. Он и так был бледен как смерть. Теперь он посерел, и это сделалось заметно даже при свете луны. Его руку ломило от усталости, она казалась тяжелее свинца. А дьявол в черном здании наседал, с какой-то сверхчеловеческой легкостью сводя на нет его самые отчаянные усилия оборониться.

Потом Кейн вдруг сдвинул брови, как если бы ему предстояло малоприятное дело, которое он собирался завершить как можно быстрее.

— Довольно! — прозвучал его низкий голос, и все, кто слышал, похолодели и затянули дыхание. — Скверное это деяние, так не стоит с ним медлить!

То, что за этим последовало, произошло слишком стремительно: глаз попросту не успевал уследить. А Холлинстер окончательно понял: фехтовальное искусство Кейна могло быть и взрывным, и блестательным, когда цури-танин того хотел. Джек увидел нечто, показавшееся ему намеком на умопомрачительно быстрый флинт от бедра... слепящая вспышка серебряной молнии... И сэр Джордж Банвэй раскинулся у ног Соломона Кейна мертвей мертвого. Он даже не вздрогнул в конвульсиях. Тоненькая струйка крови протянулась из его левого глаза...

— Сквозь глазницу и в мозг,— хмуро прокомментировал Кейн, вытирая кончик репиры, на котором виднелась одна-единственная капелька крови.— Он так и не узнал, что сразило его, и не почувствовал боли. Если бы нам всем Господь посыпал столь же милосердный конец!.. Увы, на сердце у меня нслегко: он был совсем молодым человеком... хотя и погрязшим во зле... и далеко не ровня мне в мастерстве. Что ж! Милосердный Господь рассудит нас с тим на Страшном суде...

Очнувшаяся Мэри всхлипывала в объятиях Джека. Между тем за скалами начало разрастаться странное зарево, а спустя некоторое время долетел характерный треск.

— Смотрите!.. Дом горит!..

Над черной крышей родового особняка Банвэев метались языки пламени. Удирая, пираты подпалили дом, и вот пожар разошелся вовсю, заставив поблескнуть даже луну. По морским волнам побежали багровые блики. Пиратский корабль, на всех парусах уходивший от берега,казалось, шел по целому морю крови. Алое зарево отражалось в его парусах...

— Через океан крови лежит его путь! — воскликнул Кейп. Суеверие и поэзия, дремавшие в его душе, неожиданно пробудились.— Кровав его путь, и самые паруса окрашены кровью! Смерть и разрушения спешат по пятам, и ад следует за ними! Кровав будет конец его и черна последняя участъ...

Затем, отвлеквшись от потрясающего душу зрелища, фанатик склонился над Джеком и девушки.

— Я бы перевязал твои раны, мой мальчик,— проговорил он ласково,— но, по-моему, они не очень серьезны, и к тому же я слышу доносящийся с пустоты тона копыт: еще немного — и твои друзья подоспевают на помощь. Труды и тяготы порождают силу, счастье и покой. И может быть, благодаря этой ночи ужаса, которую вы только что пережили, дальнейший путь ваши будет легок и прям!

— По кто же вы? — ловя его руку, воскликнула девочка.— Как мне благодарить вас, великодушный...

— Ты уже достаточно отблагодарила меня, маленькая,— с нежностью отвечал незнакомец.— Мне хватит и того, что ты цела и находишься в безопасности, а твой преследователь оставил тебя навсегда. Теперь ты выйдешь замуж за этого славного юношу и пародишь ему крепких сыновей и красавиц дочурок...

— По кто вы? — не унималась Мэри.— Откуда вы? Что вы здесь ищете? И куда направитесь дальше?..

— Я — безземельный скиталец,— проговорил он, и страшное, неуловимое, почти мистическое выражение забрезжило в его холодных глазах.— Пришел я с заката, а ухожу навстречу рассвету, куда направляет мои стопы Господь. Ищу же я... наверное, спасения своей души. Я пришел по следу, имя которому — месть... А теперь я должен оставить вас. Близок рассвет, а я не должен терять время даром. Может случиться, что я вас более не увижу. Я сделал здесь, что должен был сделать; работа моя окончена, долгий кровавый путь завершен. Тот, кто пролил кровь, умер. Но есть и другие, пролившие кровь, а значит, есть кровавый след, требующий возмездия. Господь сделал меня Своим орудием. Пока торжествует зло и преумножается несправедливость, пока недобрые люди помышляют мужчинами и глумятся над женщинами, пока обижают слабых — людей ли, животных... до тех пор не знать мне отдыха под Божьими небесами, не ведать мира ни за закрытым столом, ни в мягкой постели. Прощайте!

— Останьтесь!.. — вскакивая, закричал Джек, и на глазах у него вдруг выступили слезы.

— Погодите, добрый сэр! — воскликнула Мэри, простирая вслед уходящему нежные белые руки.

Но высокий силуэт уже растаял в предутренней тьме, и не стало слышно даже пороха шагов.

Холмы Мертвых

Глава 1

ВУДУ

Нлонга подбрасывал ветку за веткой в потрескивавший костер, и языки пламени весело взвивались, выхвачивая из темноты лица обоих мужчин.

Нлонга, колдун вуду одного из племен Невольничьего Берега, был поистине древен. Его лицо испещряли сотни морщин, а иссохшее, скрюченное тело казалось старчески хрупким. Багровые отблески пламени играли на ожерелье, составленном из костяшек человеческих пальцев.

Второй человек был англичанином, и звали его Соломон Кейн. Рослый, широкоплечий, он носил облегающее черное одеяние — обычный костюм пуританина. На голове у него была мягкая фетровая шляпа, не украшенная даже пером. Он надвинул ее низко, на самые брови, так что бледное неулыбчивое лицо оставалось в тени. Глубокие задумчивые глаза в свете костра казались бездонными.

— Твоя вновь приходить, брат,— монотонно бормотал колдун, пользуясь пиджин-инглиш — ломанным жаргопом, на котором обычно объяснялись между собой чернокожие и белые, жившие на западном побережье. Колдун страшно гордился знанием этого языка.— Много лун

разгорайся и умирай с того дня, когда мы совершил приношение крови. Твоя уходи на закат, но опять возвращайся!

— Верно, брат.— Низкий голос Кейна казался почти замогилытым.— Мрачна твоя страна, Нлонга, мрачна, погибельна и кровава, и ограждает ее черная тень ужаса. И все же я возвратился...

Старый колдун, не отвечая, шевелил палкой головни. Кейн помолчал немного и продолжил:

— Там расстилаются неизведанные просторы...— Длинный палец указал в непроглядно темные джунгли, молча стоявшим за кругом света.— Там ждут тайны, приключения и непостижимые ужасы. Однажды я уже бросил вызов здешним добрям и едва не расстался в них с жизнью. Я уцелел тогда, но что-то вошло в мою кровь... что-то прокралось в душу и шепчет, словно нечистая совесть, отягощенная нозабытым грехом... Джунгли! Зловещие, темные джунгли вновь позвали меня, и я услышал их зов даже по ту сторону синего соленого моря. Я вернулся и с рассветом отправлюсь к самому сердцу лесов. Что ждет меня там? Незабываемое приключение?.. Погибельный рок?.. Но по мне, лучше уж смерть, чем эта непреходящая и вечная тоска по Неведомому, этот огонь, что проник в мои жилы и горит в них огнем, заставляя желать неизвестно чего...

— Она звать,— пробормотал Нлонга.— Одна такая джунгли звать тебя. Но почем она приходи к моя хижина, обивайся кольцами, как змея, и шепчи на ухо о странном. Эйя!.. Зов джунгли!.. Мы с тобой братья крови. Моя — Нлонга, могучий творец неизываемой магии. Твоя иди джунгли, как все, кто слышит ее зов. Может, твоя оставайся жить, но скорее, твоя погибай... Твоя верить в то, что моя повелевай духами?

— Как ты это делаешь и что за этим стоит, я не очень понимаю,— хмуро проговорил Кейн.— Но кое-что я ви-

дел сам. Например, то, как твоя луша по собственной воле покинула плотскую оболочку, чтобы заставить двигаться бездыханное тело...

— Это так! Ибо моя — Нлонга, жрец Черного бога!.. А теперь твоя смотри: моя творить волшебство.

Кейн внимательно наблюдал за тем, как старый служитель вуду склонился над огнем, плавно поводя руками и бормоча заклинания. Кейн смотрел, и странная сонливость все плотнее окутывала его... Вот перед глазами за колебался туман, сквозь который смутно виднелся озаренный огнем силуэт Нлонги... Потом все пропало.

...Кейн вздрогнул и проснулся, и рука его стремительно метнулась к пистолету на поясе. Старый Нлонга ухмылялся, глядя на него поверх огня, между тем как в воздухе уже отчетливо ощущался рассвет. Колдун держал в руках длинный посох, вырезанный из черного, весьма странного на вид дерева. Не менее диковинной была и резьба, украшавшая посох. Он суживался к нижнему концу, переходя в острие.

— Посох вуду, — пояснил Нлонга, передавая его англичанину. — Он спасай тебя, когда не помогай ни этот твой длиний нож, ни громовые жезлы. А когда твой нуждаешься во мне, положи посох на грудь, скрести сверху руки и спи. Моя будет приходи в твой сон.

Кейн подозрительно взвесил посох на руке. Колдовство?.. Посох был нетяжелый, но на ощупь казалось, что он тверже железа. Ладно, решил наконец Кейп, по крайней мере, это доброе оружие, а значит, уж никак лициним не будет.

Рассвет, словно бы с опаской, прокрадывался в джунгли и на берег реки...

Глава 2

КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Соломон Кейн снял с плеча мушкет и опустил наземь приклад. Кругом, осязаемая, словно плотный туман, залегла тишина. Прорвалившиеся щеки и изорванная одежда путешественника без слов говорили о долгом и многоструйном путешествии через леса.

Он огляделся.

Позади него в некотором отдалении зеленою стеной стояли пышные джунгли. Чем ближе к нему, тем больше редели заросли, постепенно вытесняемые кустами, корявыми редкими деревцами и высоченной травой.

Впереди цепью вздымались голые, не привычные холмы, усеянные крупными валунами. Солнце палило немилосердно, и, казалось, холмы дрожали и плыли в раскаленном мареве.

А между холмами и джунглями простиралась широкая полоса изрытой, пересеченной саванны, лишь кое-где нарушившей рощами колючих деревьев.

И было тихо. Неестественно тихо. Единственными признаками жизни служили стервятники, которые, тя-

жело хлопая крыльями, пролетали вдали над холмами... Вот уже несколько последних дней Кейн все время замечал, как постоянно росло число этих малосимпатичных созданий.

Солнце между тем постепенно клонилось к западу, но мощь его слепящих лучей от этого нисколько не уменьшалась.

Соломон медленно двинулся вперед, волоча мушкет. Он шел без какой-либо определенной цели — попросту куда глаза глядят. Здесь, посреди совершенно неизученной страны, все равно не было толку выбирать направление.

Несколько недель назад он устремился в глубь джунглей с уверенностью, замешанной наполовину на неистреблемом мужестве, наполовину — на незнании. То, что он избежал гибели в первые же дни, было поистине чудом. Зато теперь, закаленный опасностями и трудами, он готов был на равных поспорить с самым свирепым созданием из тех, что населяли здешнюю чащу.

Шагая вперед, Кейн временами замечал следы льва, но, по всей видимости, случайные. Было очень похоже, что зверье избегало открытой луговины, по крайней мере из живых существ, что оставляют следы. Только стервятники, неподвижные, как изваяния, застыли кое-где на ветвях коряевых деревьев...

Неожиданно Кейну бросилась в глаза суматаха среди этих самых стервятников, начавшаяся впереди. Несколько пернатых трупоедов снялись со своих насестов и закружились над островком особенно высокой травы. Птицы снижались, пытаясь сесть, и снова взмывали. Похоже, какой-то хищный зверь не желает делиться с ними добычей, решил про себя Кейн. Удивляло только, почему не было слышно рычания и рева, которыми обычно сопро-

вождались подобные сцены. Это обстоятельство пробудило любопытство путешественника, и он свернул в том направлении.

Наконец Соломон раздвинул стебли травы, доходившие ему до плеча, и перед ним открылось нечто вроде коридора с зелеными колеблющимися стенами.

И жуткое зрелище предстало его глазам!

На земле, лицом вниз, лежало тело чернокожего мужчины. Англичанин едва успел присмотреться к нему, когда заметил рядом с телом большущую темную змею. Змея приподняла голову и с такой быстротой ускользнула в траву, что Кейн не сумел даже приблизительно определить ее породу.

Он заметил другое. В змее было нечто человеческое. Нечто неуловимо, пугающе человеческое...

Кейн немногого постоял над трупом, отмечая про себя, что руки и ноги мертвеца раскинулись под неестественными углами, наводя на мысль о переломанных костях. Но плоть не была растерзана и разорвана, как непременно случилось бы, окажись виновником его гибели лев или леопард...

Соломон посмотрел вверх, на кружившихся стервятников, и заметил, что несколько птиц скользили над самой землей, следуя за волной, убегавшей вдаль по травянистому морю,— волна отмечала путь существа, которое, по всей видимости, и убило несчастного чернокожего.

Англичанин невольно задался вопросом, с какой бы стати стервятникам, чья пища — мертвые тела, кого-то преследовать. Что за тварь выслеживали они в траве?.. Право же, Африка — страна тайн, которым нет и не будет конца...

Делать нечего, Кейн пожал плечами и вновь поднял мушкет. С тех пор как несколько месяцев назад он распро-

стился со стариком Илонгой, он испытал уже множество приключений, по тем не менее все та же необъяснимая жажда неведомого продолжала гнать его вперед и вперед, без троп и дорог. Разобраться в природе этого стремления Кейн даже и не пытался. Чего доброго, он еще приписал бы его сатане, известному охотнику завлекать людей навстречу погибели. На самом же деле в нем говорил несумный дух путешественника и искателя приключений. Тот самый дух, что ведет по белу свету цыган с их расписными кибитками. Тот самый, что заставлял когда-то викингов пускаться на кораблях в неведомые моря. Та тяга к странствиям, что знакома даже и дикому гусю во время долгого перелета...

Кейн вздохнул.

Местность выглядела безжизненной, и, судя по всему, на пищу и воду здесь рассчитывать не приходилось. С другой стороны, ему успели до смерти надоест непролазные чащи джунглей и их ядовитая зеленая сырость. По сравнению с ними даже голые холмы выглядели привлекательнее, хотя бы и временно. Кейн покосился на их опаленные солнцем вершины и продолжил свой путь.

В левой руке у него по-прежнему был посох Илонги. Пуританина по временам донимала совесть — хорошо ли тащить с собой предмет столь откровенно дьявольского происхождения?.. — но при всем том он никак не мог собраться с духом и выкинуть подарок старика.

И вот теперь, между тем как он шагал по направлению к холмам, в траве впереди него вдруг поднялась какая-то неожиданная возня. Трава же, надо必不可少 отметить, в некоторых местах превосходила высотой человеческий рост. Послышался тонкий произительный воинь и почти сразу — громовой рев, от которого содрогнулась земля. Стебли травы разлетелись в стороны, и прямо на Кейна вы-

порхнула тоиненькая человеческая фигурка, мчавшаяся, словно подхваченная вихрем соломинка. Это была кофейно-смуглая девчонка, одетая всего лишь в коротенькую юбочку. За ней, быстро настигая, пёсся крупный лев.

Девушка с криком рухнула к ногам англичанина и, рыдая от ужаса, ухватилась за его сапоги. Бросив колдовской посох, Соломон вскинул к плечу мушкет и самым невозмутимым образом прицелился в оскаленную морду гигантской кошки, стремительно летевшей навстречу...

БАБАХ!!!

Девушка отчаянно завизжала и уткнулась в землю лицом. Страшный зверь взвился в последнем прыжке и беспорядочно перевернулся в воздухе, чтобы, упав, остьаться лежать неподвижно.

Кейн торопливо перезарядил свое оружие и только после этого счел возможным присмотреться к девушке, рас простершшейся у его ног. На первый взгляд она казалась едва ли не мертвей льва, которого он только что застрелил. Однако быстрый осмотр показал, что бедняжка попросту лишилась сознания.

Соломон обмыл ей лицо водой из фляги, и спустя некоторое время девушка зашевелилась и открыла глаза, а потом села. Когда она увидела своего спасителя, ее глаза наполнились ужасом и она попробовала вскочить.

Кейн протянул руку, чтобы удержать ее, и она сейчас же съежилась на земле, дрожа всем телом. Англичанин с некоторым запозданием сообразил, что грохот тяжелого мушкета в самом деле мог насмерть испугать любого туземца, ни разу не видевшего белого человека.

Девушка была стройненькая, с отличной фигуркой. Кожа ее отливалась глубоким коричневым цветом, зато нос был тонкий и прямой. Не иначе берберийская кровь, сказал себе Кейн.

Он попытался заговорить с девушкой на языке речных племен — несложном наречии, которое он выучил за время своих путешествий. Она поняла его и ответила, запинаясь. Племена, жившие в глубине материка, торговали с речными народами слошной костью и невольниками и понимали их говор.

— Моя деревня вон там,— отвечая на вопрос, пояснила Кейну девушка. Гибкая рука указывала на юг, в сторону джунглей.— Меня зовут Зунна... Мама выпорола меня за то, что я разбила горшок, и я, рассердившись, убежала в лес. Я боюсь... Позволь мне уйти домой, к маме!

— Ты вольна идти, куда хочешь,— ответствовал Кейн.— Но я непременно должен проводить тебя, маленькая. Что будет, если, скажем, тебе встретится еще один лев?.. Другой раз будешь знать, как убегать из дома.

Она всхлипнула, все еще страшась:

— Ты, наверное, из богов?..

— Нет, Зунна, я всего лишь человек, хотя цвет моей кожи и отличается от твоего. А теперь пошли, покажешь мне, где живет твое племя.

Она неуверенно поднялась, опасливо разглядывая его сквозь путаницу растрепавшихся волос. Она очень напоминала Кейну напуганную зверюшку. Девушка пошла впереди, пуританин зашагал следом. Деревня, по словам Зунны, располагалась на юго-востоке, так что тропа привела наших путников еще ближе к холмам. Солнце же клонилось к горизонту, и скоро над саванной зазвучал гулкий рык львов. Кейн все косился на запад; его не больно-то радовала перспектива оказаться застигнутым темнотой на открытом пространстве. Оглянувшись в сторону холмов, англичанин обнаружил, что до ближайшего из них осталось всего несколько сот футов. И там темнел какой-то провал, который вполне мог оказаться пещерой.

— Вот что, Зунна,— начал он не очень уверенно.— Пожалуй, мы уже не доберемся к тебе домой до темноты. Если останься здесь, нас разорвут львы. Зато вол там явижу что-то вроде пещеры, в которой мы могли бы...

Девчонка съежилась и задрожала:

— Ой, добрый господин, только не в холмах!.. Лучше уж пускай нас заедят львы...

— Чушь! — нетерпеливо перебил Кейн. Он был сыт по горло туземными суевериями.— Пойдем в пещеру и там спокойно дождемся утра.

Девушка не пыталась больше спорить и покорно последовала за ним. Поднявшись немного по склону, они остановились возле устья небольшой пещеры. Стены ее были из твердого камня, а пол устипал толстый слой песка.

— Собери немного сухой травы, Зунна, только смотри далеко не уходи и берегись львов,— велел Кейн, прислоняя мушкет к стесне пещеры возле самого входа.— Я разожгу костер, который убережет нас от диких зверей. Давай будь хорошей девочкой и принеси веток и сухой травы, да и поужинаем. У меня в сумке найдется вяленое мясо, а во фляге — вода.

Она бросила на него странный долгий взгляд, а потом, не прибавив ни слова, пошла прочь. Кейн нарвал травы, росшей поблизости, отмечая про себя, до какой степени сожгло и иссушило ее солнце. Сложив траву кучкой, он вытащил кремень с кресалом и высек огонь. Пламя взвилось и мигом поглотило всю кучку.

Кейн задумался о том, как бы набрать столько травы, чтобы хватило на всю ночь... и тут заметил, что к пещере пожаловали гости.

Ему вообще-то было не привыкать к самым странным и неожиданным зрелищам, но тут уж и он вздрогнул, а

по спине пробежал легкий холодок. Перед ним молча и неподвижно стояли двое мужчин, оба рослые, изможденные и совершенно нагие. Их черная кожа казалась присыпанной пылью и отливалась пепельно-серым, словно у мертвецов. А лица были такими, каких он ни разу еще не видал. Высокие, узкие лбы, а носы — донельзя толстые, напоминающие хоботки. Глаза же — слишком большие для человека и... красные.

Двое стояли так неподвижно, что смотревшему на них Кейну показалось — у обоих жили только эти самые красивые, пылающие глаза.

Пуританин заговорил с ними, но они не ответили. Тогда он жестом пригласил их сесть у огня и разделить с ним еду, и неожиданно они опустились на корточки у входа в пещеру, держась по возможности дальше от углей гаснувшего костра.

Кейп протянул руку к своей сумке и принялся доставать оттуда полоски вяленого мяса. Когда он покосился на своих молчаливых гостей, ему показалось, что они пристально наблюдали не столько за ним, сколько за мерцающими угольками...

Солнце уже готовилось скрыться за западным горизонтом. Над саванной распространялось неистовое алое сияние, превращавшее травяной покров в волнующееся кровавое море. Стоя на коленях, Кейн рылся в сумке, потом поднял голову и увидел Зунну, выходившую из-за холма с полной охапкой травы и сухого хвороста.

Он отчстиливо разглядел, как ее глаза округлились от ужаса; трава и хворост полетели наземь, и тишину прорезал истошный крик, явно призванный предупредить его об ужасной опасности.

Соломон крутанулся на колене и увидел две нависшие над ним гигантские тени. Не теряя ни мгновения, он взвил-

ся на ноги с силой и гибкостью прыгающего леопарда. Погох колдуна словно бы сам собой лег ему в руку, и Кейн вонзил его в тело ближайшего врага с такой яростной силой, что острый конец вышел у нападавшего между лопатками. Но второй уже обхватил Кейна длинными худыми руками. Сцепившись, противники рухнули наземь.

Ногти, подобные когтям, царапали Кейну лицо, красные глаза горели жуткой, нечеловеческой злобой. Извиваясь и корчась, Соломон кое-как высвободился из цепких лап своего соперника и вытащил пистолет. Уперев дуло прямо в бок врагу, он нажал на спусковой крючок. Глухо прозвучал выстрел, дернулось под ударом пули пепельно-черное тело... но толстые губы лишь раздвинулись в ужасающей ухмылке!

Длинная рука стиснула плечи англичанина, другая мертвой хваткой вцепилась в волосы. Соломон почувствовал, как неодолимая сила начинает отгибать назад его голову, грозя сломать позвоночник. Обеими руками стиснул он запястья нападавшего, но плоть под его ищущими пальцами была тверже дерева. Кейн понял, что может вот-вот погибнуть: еще немного — и шея не выдержит. Он откинулся назад бешеным усилием всего тела, вырываясь из смертельного захвата. Чудовищный пришелец оказался сверху и снова пустил в дело когти. Нашарив разряженный пистолет, Кейн что было сил обрушил длинный, тяжелый ствол на голову противника и ощутил, как проламывается череп. И что же?..

Все та же издевательская ухмылка кривила толстые губы!

Соломон Кейн был близок к панике — насколько вообще этот человек способен был запаниковать. Его враг как ни в чем не бывало продолжал грозить его жизни — и это после того, как в него попали из пистолета и раскро-

или череп явно смертельным ударом!.. Простому смертному подобное было не под силу, значит... значит...

Кейн отчетливо понял, что сражается не иначе как с одним из сынов сатаны!

Эта мысль заставила его удвоить усилия. Соломон перевернулся, выламываясь из смертоносных объятий врага, и сцепившиеся противники покатились по земле, угодив прямо в тлеющие угли перед входом в пещеру.

Кейн едва ощутил шедший от них жар, зато его соперник выгнулся, широко разевая рот — на сей раз от невыносимой муки. Его пугающая хватка разом ослабла, и Кейн живо отскочил прочь.

Странное существо только-только приподнималось на локте, пытаясь встать на колени, когда Соломон, в свою очередь, ринулся в атаку. Так голодный волк не желает отстать от раненого бизона, пока не прикончит добычу. Прыгнув сбоку, он приземлился прямо на жилистую спину врага, и железные руки пуританина сомкнулись в убийственном борцовском захвате. Снова оба повалились на землю, и Кейн, падая, успел свернуть противнику шею, так, что конмарная красноглазая рожа смотрела за спину через плечо. После этого тело перестало щевелиться, но Кейн весьма сомневался, что тварь вправду издохла: красные глаза все еще светились.

Оглядевшись, англичанин увидел девушку-туземку, жавшуюся к стенке пещеры. Поискав глазами свой посох, Кейн обнаружил его под кучкой пыли, в которой виднелось несколько гниющих костей. Соломон непонимающе уставился на посох, потом сообразил, что произошло, и от невероятности увиденного голова у него поплыла кругом. Одним движением подхватив чудо-посох, он вернулся к поваленному. Мрачно сжав зубы, он занес черную трость, потом с размаху всадил ее в грудь существа.

Роберт И. Говард

Громадное тело распалось прямо у него на глазах. С ужасом смотрел Кейн, как поверженный противник рассыпается прахом. В точности так же рассыпался и первый пришелец, когда Соломон проткнул его посохом, только тогда, в пылу боя, англичанин этого не увидел.

Глава 3

ВОЛШЕБНЫЙ СОН

— Господь всеблагий!.. — прошептал Кейн. — Так они были мертвы все это время!.. Вампиры!.. Дело рук самого сатаны...

Зунна подползла и прижалась к его коленям.

— Это ходячие мертвецы, господин, — всхлипнула она. — Я должна была предупредить тебя...

Кейн спросил:

— Но почему они не набросились на меня сразу, как только пришли?..

— Они боялись огня. Они ждали, пока угли совсем погаснут.

— Откуда же они здесь появились?

— С холмов, господин. Там, среди валунов и пещер, они просто кишмя кишат. Их там сотни! Питаются же они... человеческими жизнями. Убив человека, они пожирают его душу. Да, господин, они хватают ее, как только она выходит из тела! Высасыватели душ — вот как мы их называем... Послушай меня, господин. Там, где холмы вздымаются всего выше, стоит молчаливый каменный

город. Раньше в нем жили те, что теперь стали вампира-ми. Это было давно... во времена моих предков. Они были людьми, по не такими, как мы: их народ долгие века правил здешней страной. Предки моего племени пошли на них войной и многих убили, но их колдуны что-то совершили над мертвыми, что-то такое, от чего они стали... такими, как сейчас. Постепенно их народ вымер окончательно, и вот уже столетия племенам джунглей нет никакого житья от вампиров. И в полночь, и на закате спускаются они со своих холмов, чтобы красться лесными тропами, убивая и убивая. Люди и звери в ужасе бегут от них, и лишь огонь способен их уничтожить...

— Нетолько огонь: еще и вот эта штуковина, и, во имя Господне, она станет их последней погибелью,— мрачно проговорил Кейп и поднял над головой посох вуду.— Да сразится одно черное волшебство против другого! Не знаю уж, что за заклятие вложил сюда старый Нлонга, но...

— Значит, ты все-таки из богов,— вслух рассудила Зунна.— Не бывает такого, чтобы кто-нибудь в одиночку одолел сразу двоих живых мертвецов. Умоляю тебя, господин, избавь мой народ от проклятия! Бежать нам отсюда некуда, а то бы давно уже ушли в другие места. Что ни ночь, хватают эти чудовища всякого, кто высунется за деревенскую ограду! Повсюду смерть, а мы и поделать-то мало что можем...

И тогда глубоко в груди Кейна проснулся дух крестоносца, огненный дух одержимости праведной верой, дух фанатика, решившегося положить свою жизнь на борьбу с силами Тьмы.

— Давай-ка поедим,— сказал он,— а потом разложим у входа в пещеру костер. Авось огонь, отгоняющий диких зверей, и от демонов нас убережет.

Несколько позже Кейн сидел у стены при входе в пещеру, опустив подбородок на сжатый кулак и вперив невидящий взгляд в пламя. Зунна держалась в тени, благоговейно наблюдая за ним.

— Господь мой,— шептали его губы.— Господь, покровитель воинов, ратующих за правое дело!.. К Тебе взываю о помощи. Даруй деснице моей силу освободить от древнего проклятия эту несчастную землю. Помоги сра-зиться с нечистыми демонами, неподвластными оружию смертных!.. Да, огонь их уничтожает, сломанная шея ли-шает возможности двигаться, а колдовской посох застав-ляет рассыпаться пылью... но что с того? Как в одиночку возобладать мне над сотнями, таящимися в этих хол-мах? Господи, опи ведь душами человеческими питают свою мерзкую жизни!.. Зунна вот говорит, воины ходили на них с оружием, но все без толку: вампиры прячутся в своем городе, за высокими стенами, и там их никому не достать. Как мне быть, Господи?.. Вразуми!..

Ночь длилась. Зунна уже спала, подсунув под голову девически округлую руку. Холмы содрогались от льви-ного рыка, а Кейн все сидел, задумчиво глядя в костер. Ночь, царившая снаружи, была полна таинственных шорохов, невнятного шепота и еле слышного звука осторож-ных крадущихся шагов. Время от времени Кейн прерывал свои размышления, чтобы посмотреть в темноту. И не-сколько раз ему казалось, будто там, за пределами круга света, мелькали огромные красные глаза...

Серый утренний свет разливался над саванной, когда Кейн разбудил Зунну, легонько встряхнув девушку за плечо.

— Господь да сжалится над мосй душой, ибо замыслил я прибегнуть к варварской магии,— вздохнул он.— Сда-ется мне, однако, что бесовицу без бесовщины не одо-

леть. Присматривай же за огнем и немедленно разбуди меня, если приключится что-нибудь скверное!

С этими словами Кейн улегся навзничь на песчаный пол пещеры и опустил посох вуду себе на грудь, сложив поверх него руки. Он сразу же заснул, а заснув, увидел сон. Ему казалось, будто он брел куда-то в густом тумане и встретил Нлонгу, совершенно такого, как и в жизни. Нлонга заговорил с ним, и слова его были ясны и понятны. Они накрепко впечатывались в сознание, чтобы тем самым не истеряться из памяти в момент пробуждения.

«Когда взойдет солнце и львы уберутся в логова, отправь девушку обратно в родную деревню,— сказал старый колдун.— Вели ей привести сюда, в твою пещеру, своего возлюбленного. Когда он придет, пусть он ляжет и притворится спящим, но при этом крепко держит посох вуду в руках».

Все расплылось, и Кейн проснулся, испытывая изрядное недоумение. Каким странным, но в то же время и ярким было видение! Диво — во сне Нлонга говорил с ним на чистейшем английском, оставив привычный жargon!. Кейну только и оставалось, что пожать плечами. Нлонга много раз говорил при нем, что умеет посыпать свою душу вовне, преодолевая земные расстояния. Он сам видел, как колдун заставлял двигаться мертвое тело. И тем не менее...

— Зуина,— сказал Кейн, поняв, что сейчас запутается окончательно.— Я дойду с тобой до края джунглей. Оттуда ты должна сбегать в деревню и вернуться сюда, в эту пещеру, со своим возлюбленным...

— С Крааном?...— наивно спросила она.

— Ну да, с Крааном, или как там его. Давай ешь, и попили.

...И вот солнце снова клонилось к западному краю небес. Соломон Кейн сидел в пещере и ждал. Он благополуч-

но проводил девушку до того места, где джунгли начинали редеть, и, хотя совесть и беспокоила его, без конца напоминая об опасностях, подстерегавших ее на лесных тропах, наказ Нлонги был соблюден. Девушка побежала дальше одна, а Кейн возвратился в пещеру. И теперь сидел, размышляя на досуге о том, не подвергнется ли его душа вечному проклятию: как-никак, он связался с магией чернокожего колдуна, хотя бы и кровного побратима...

Наконец легкие шаги нарушили тишину. Рука Кейна метнулась к мушкету, но тут вошла Зунна, а следом за ней — высокий, великолепно сложенный парень, принадлежавший, судя по оттенку кожи, к тому же самому племени. У парня были глаза мечтателя, и взирал он на Кейна с почтением, переходившим в благоговейный страх. Судя по всему, девушка ничего не приуменьшила, рассказывая ему о чудесах нового бога.

Соломон без лишних слов велел юноше лечь наземь, как заповедал Нлонга, и вложил ему в руки волшебный посох. Зунна присела рядом на корточки, широко раскрытыми глазами следя за его манипуляциями. Сделав все как полагалось, Кейн отступил немного назад, наполовину стыдясь дурацкого, по его мнению, спектакля, с большим сомнением ожидая, выйдет ли из этого что-нибудь, и если выйдет, то что именно.

И тут, к его ужасу, Краан с шумом вобрал в себя воздух — и тело его застыло!..

Зунна пронзительно завизжала и вскочила на ноги.

— Ты убил Краана! Убил!..

И девушка бросилась на англичанина, который и сам застыл от изумления, лишившись дара речи... На полпути, однако, Зунна словно споткнулась, провела рукой по лбу... а потом, обмякнув, опустилась на песчаный пол и осталась лежать, заключив в объятия бесчувственное тело любимого.

Тогда Краан открыл глаза, посмотрел на Кейна и усмехнулся. Хитрющей, многомудрой усмешкой, которая казалась вовсе не к месту на открытой юношеской физиономии. Соломон даже вздрогнул. Мечтательные глаза парня совершенно изменили свое выражение, их блеск стал жестче, во взгляде появилось что-то змеиное... Господь всемогущий, да ведь это же глаза старого Нлонги!..

— Эйя-а-а,— протянул Краан до невозможности знакомым голосом.— Ну что, побратим, неужели неохота поздороваться с Нлонгой?..

Кейн не ответил, потому что язык у него попросту отнялся, а по телу бегали муравьи. «Краан» встал с земли и начал потягиваться, словно бы привыкая к новому и необычному телу. Потом одобрительно похлопал себя по широкой груди.

— Моя — Нлонга! — в обычной своей хвастливой манере заявил колдун.— Моя — могучий волшебник! Что, не узнавай меня, побратим?

— Сатана, вот ты кто,— со всей искренностью ответствовал Кейн, к которому вернулась наконец способность разговаривать.— Так как прикажешь тебе величать? Краан или Нлонга?

— Моя — Нлонга! — заверил его собеседник.— Моя одна такая тело спит внутри волшебная хижина на побережье за много переходов от здесь. Моя просто заимствуй тела Краана на мало-мало время. Моя дух пролетай десять дневной переход в один миг, вот как! Моя дух выходи из мое тело и выгоняй дух Краана из его дома...

— Так что, Краан... умер?

— Нет, его не умирай. Моя просто ненадолго посыпай его душу в страну теней. И душу одна такая девочки тоже, чтобы ему было не скучно. Через мало-мало время они возвращайся назад.

— Все это — дело рук дьявола, — откровенно сообщил ему Кейн. — Я, впрочем, видел, как ты творил еще худшую бесовщину. Ну так как мне тебя все-таки... Крааном или...

— Ха, Краан! Моя Нлонга, а разные тела — все равно что одежда! Тут, внутри, сейчас Нлонга! — И он снова постучал себя по груди. — Скоро Краан возвращайся и опять живи здесь, как раньше. Но сейчас Краана тут нет, тут сейчас Нлонга живет. Кровный брат, моя — Нлонга!

Кейн только кивнул. Нелегкая воистину занесла его в страну ужасов и волшебства. Здесь не было ничего невозможного. Здесь стало возможно даже и то, что писклявый голосок Нлонги вдруг зазвучал из широченной груди Краана, а змеиные глаза колдуна глянули с красивого молодого лица.

— Моя давно знай эти места, — переходя к делу, вновь заговорил Нлонга. — Могучие шаманы, этот мертвый народ! Наша незачем тратить время попусту... моя все знай, моя уже говорил во сне. Нобратим хочет убивай все ходячие мертвецы, так?

— Хочу, ибо это противно природе, — хмуро проговорил Кейн. — В моей стране тоже встречаются подобные существа, у нас их называют вампирами... Но мог ли я думать, что однажды на бреду на целое племя вампиров?..

Глава 4

МОЛЧАЛИВЫЙ ГОРОД

— Теперь,— заявил Илонга,— наша должна отыскать каменный город.

Кейн, не удержавшись, спросил:

— Да? А почему бы попросту не послать твой дух истреблять вамииров?

— Дух, чтобы действовать, должен надеть одна такая тело,— невозмутимо пояснил Илонга.— Теперь спи, а завтра двинемся в путь.

Солнце уже село; огонь при входе в пещеру потрескивал и мерицал. Кейп посмотрел на девушку — Зунна так и лежала там, где свалилась,— и приготовился ко сну.

— Разбуди меня в полночь,— попросил он.— Я сменю тебя и покараулю до рассвета.

...Но когда Илонга наконец тряхнул его за плечо, саванну уже тронул рассветный багрянец.

— Наша пора идти,— заявил колдун.

— Но как же девушка?.. Ты уверен, что она не... что она жива?

— Она жива, брат крови.

— Но коли так,— во имя Господа нашего, не можем же мы бросить бедняжку на съедение разной нечисти, которая так и настает здесь повсюду! Или вдруг какой-нибудь лев...

— Никакой лев не приходи. Запах вампира еще держись, и запах человека тоже. Одна такая лев, он не люби человеческий дух. И он страшись ходячий мертвец. Зверь сюда не ходи, и... — тут он взял посох вуду и положил его поперек входа в пещеру,— и никакой вампир теперь не ходи.

Кейн смотрел на него по-прежнему хмуро и без особого энтузиазма:

— Неужели эта... палочка ее защитит?

— Палочка!.. — фыркнул Нлонга.— В ней — могучее волшебство! Твоя сам видел, как одна такая вампир вчера стала пыль, а потом еще одна. Никакая вампир этот посох пальцем не тронет и даже близко не подойдет. Моя дал его тебе, потому что и далеко от Вампировых холмов люди порой встречай в лесу ходячее тело, когда тени черны. Не все мертвецы здесь живут. Но все они стараются высасывать из людей жизнь. Когда не могут, они гниют, как гнилушки.

— Ну так наделал бы побольше таких жезлов, да и вооружил бы ими народ!

— Моя не моги! — Нлонга затряс головой.— Эта посох — могучее волшебство! Древняя, древняя!.. Теперь не живи человек, который знай, какая древняя! В тот раз, когда мы разговаривай в деревне на побережье, я заставил свой небратима спать, а сам твори великое вуду, проши посох его охраняй. Сегодня наша бегай, разведывай; сегодня посох не нужен. Пусть его лежи здесь, охраняй дсвочку.

Кейн передернул плечами и последовал за волшебником, но все-таки оглянулся на маленькое тело, свернув-

шесся на полу пещеры. Он никак не согласился бы вот так оставить ее здесь, если бы не был в глубине души уверен, что Зунна попросту умерла. Он ведь прикоснулся кней ладонью: тело было холодным...

...По мере того как восходило солнце, путники проникали все дальше в глубь бесплодных холмов. Выше и выше взбирались они, преодолевая крутые глинистые подъемы, петляя между огромными валунами и обходя глубокие овраги. Холмы были сплошь изрыты, словно норами, множеством темных, зловещих с виду пещер. Мимо пещер они проходили с опаской, причем у Кейна мурашки по спине бегали от одной мысли о монстрах, могущих таиться внутри. Ибо Нлонга сказал ему:

— Их, вампиры, большей частью целый день до заката сии по пещерам. В здешних пещерах полным-полно мертвый человек!

Солнце карабкалось по небосклону, заливая голые склоны волнами невыносимого жара. Тишина повисла над окрестностями, словно призрак злого чудовища. Пока нечестивцы ничего не обнаружили. Хотя Кейн мог бы поклясться, что несколько раз при их приближении за камнями стремительно скрывались темные силуэты...

— Их, вампиры, они днем прячутся, — негромко посмеиваясь, прокомментировал Нлонга. — Они боись одна такая стервятник! Ха, стервятник не дура! Она знай мертвеницу, лежи она тихо или ходи! Стервятник бросайся лови одна такая мертвый человек, и рви его, и кушай!..

При этих словах Кейна пробрала крупная дрожь.

— Господи всеблагий! — вскричал пуританин, в сердцах хлопая себя по бедру шляпой. — Будет ли когда-нибудь конец ужасам, населившим это жуткое место? Воистину, отдано место сие во власть силам Тьмы!

Глаза Кейла разгорелись опасным огнем. Ужасающая жара, безлюдье и сознание того, что с обеих сторон совсем рядом затаилось кое-что похуже простой смерти,— все это грозило расстроить даже и его стальные нервы.

— Надень лучше одна такая шляпа на голову, кровный брат,— со сдержаным гортанным сменщиком посоветовал Нлонга.— А то, если твоя не побережется, одна такая солнце тебя ка-ак пристукнет!

Кейн поудобнее переложил мундштук, который со своим ему упрямством потащил с собой в холмы, и ничего не ответил. Паконец они поднялись па вершину, господствовавшую над другими, и перед ними открылось нечто вроде плато. И как раз посередине плато раскинулся город — молчаливый город, выстроенный из серого камня. Кейн присмотрелся, и его до глубины души потрясла невероятная древность построек, представших его взору. И защитные стены, и здания были сложены из огромных каменных блоков, но неумолимое время постепенно превращало в руины, казалось бы, незыблемые сооружения. На улицах города разрослась та же высоченная трава, что и на плато, и Кейн, сколько ни смотрел, так и не заметил среди руин никакого движения.

— Вот он, их город,— задумчиво проговорил цуританн.— Но почему они предпочитают днем отсыпаться в пещерах?

— Может, одна такая камень падай ночью с крыши и кого-то раздави? Их, одна такая каменный дом, бывает, разваливайся. А может, вампиры не любят жить вместе? Может, их друг друга кушай?..

— Тишина!..— невольно понижая голос, прошептал Кейн.— Вот что называется — нависшая тишина!..

— Их, вампиры, они не разговаривай и не кричи,— ответил Нлонга.— Днем их спи по пещерам, а вечером и ночью гуляй. Может, когда одна такая лесное племя прихо-

ди на них с копьями, вампиры забирайся в свою каменная
крааль и дерись из-за стен?..

Кейн согласно кивнул. Полуразвалившиеся стены кругом мертвого города были тем не менее еще достаточно высоки и прочны, чтобы успешно противостоять набегу вооруженных копьями воинов. И уж в особенности когда защитниками стен выступали демоны вроде этих кровопийц с хоботами вместо носов!

— Кровный брат! — неожиданно обратился к нему Нлонга. — Моя приходи большая волшебная мысль! Прощу тебя, брат, твоя мало-мало молчи.

Соломон послушно уселся на большой камень и принялся исподлобья разглядывать бесилодные кряжи и склоны близких холмов. Далеко-далеко на юге виднелся зеленолистственный океан: там простирались джунгли. Удаленность от зрителя, пожалуй, придавала зрелицу некоторое очарование. Зато в двух шагах — только протяни руку — темными провалами зияли устья пещер, сокрывающих внутри себя таящийся ужас...

Что до Нлонги — колдун сидел на корточках и кончиком книжала чертил в глиняной пыли какой-то странный узор. Соломон наблюдал за ним, думая про себя о том, с какой легкостью расправились бы вампиры с ними обоими, если бы хоть трое-четверо монстров вздумали выбраться на свет божий из своих пещер...

И стоило ему только подумать об этом, как сидевшего на корточках колдуна накрыла чья-то жуткая тень!

Кейп не стал тратить время на размышления. Он отреагировал мгновенно. Он взвился с камня, на котором сидел, со стремительностью снаряда катапульты; приклад его мушкета размозжил мерзкую харю подкравшегося к нему чудовища. Вампир зашатался, и Кейн погнал его назад, все дальше назад, не давая времени ни остано-

виться, ни самому перейти в атаку. Он осыпал вампира градом ударов, действуя с яростью и силой взбешенного тигра.

Когда они достигли кромки утеса, вампир постарался удержать равновесие и устоять, но не совладал и опрокинулся назад. Пролетев сотню футов, он упал на камни плато и остался лежать на них, корчась. Кейн обернулся и увидел, что Нлонга уже стоял во весь рост, указывая рукой.

Окрестные холмы извергали наружу своих мертвецов.

Вампиры тучами появлялись из пещер на солнечный свет — жуткие, молчаливые черные силуэты; они бежали вверх по склону, перебираясь через валуны, и взгляды мириад красных глаз были обращены к двоим людям, стоявшим над городом тишины.

Зрелище напоминало картину Судного дня, когда, как известно, мертвецы должны восстать из гробов. Только вот разразился этот Страшный суд задолго до срока...

Нлонга взмахом руки указал побратиму на крутой кряж поблизости и сам помчался к нему со всех ног. Кейн кинулся следом. Когтистые лапы протягивались из-за камней и пытались схватить его, но пока только разрывали одежду. Нлонга и Кейн бежали мимо всех новых пещер, и оттуда, пошатываясь, возникали смахивающие на мумии чудища и присоединялись к погоне. Жадные пасти что-то беззвучно шамкали...

Мертвые руки уже почти хватали обоих друзей, когда наконец они преодолели последнюю кручу и выскочили на самый верх кряжа. Тут нечисть словно бы призадумалась, но потом снова устремилась следом за беглецами.

Мундштук в руках Кейна опять превратился в дубинку и прииялся сметать с края уступа цепкие лапы вампиров. Нападавшие хлынули волной; Соломон размахивал мун-

кетом с молчаливым неистовством, ничуть не уступавшим их собственному. Вот волна опрокинулась, откатилась... хлынула снова...

«Я... не... могу... их... убить!..»

Эти слова звучали в его мозгу, отдаваясь, словно удары молота по наковальне, в то время как одеревеневшая от времени плоть и кости, когда-то бывшие человеческими, разлетались под его сокрушительными ударами. Он сбивал мертвецов с ног, отбрасывал прочь... но раз за разом они поднимались и снова лезли вперед. Это не могло продолжаться вечно... э, во имя Господне! Чем там Нлонга-то занят?.. Измученный невероятной схваткой, Кейн все-таки урвал мгновение и бросил один-единственный взгляд через плечо.

Колдун стоял на самой макушке кряжа, зашрокинув голову и воздев руки, словно бы вызывая пекие силы...

Взгляд Кейна сейчас же метнулся обратно, в прибой кошмарных рож, плявшихся на него красными нечеловеческими глазами. Те из вампиров, что лезли в первых рядах, были вовсе уж ни на что не похожи — черепа проломлены, лица размозжены, руки-ноги переломаны. И все-таки они упрямо рвались вперед, и те, кого в толчее боя отшвырнули назад, тянулись поверх голов стоявших впереди, силясь дотянуться и схватить человека, посмеившего их не убояться.

Соломон между тем с головы до ног перемазался кровью, но вся кровь была его собственная. Давно иссохшие вены монстров уже не могли выдать ни капельки живой красной влаги...

Сзади неожиданно прозвучал долгий, пронзительный вопль... Нлонга! Его голос разлетелся далеко и был отчетливо слышен — единственный голос, звучавший среди хруста сминаемых костей и треска мушкетного приклада, врезавшегося в тела живых мертвецов.

Прибой тянувшихся лап все-таки достиг ног Кейна и потащил его вниз. Острые когти рвали его тело, и к свежим ранам сейчас же приникали мертвые губы. Он все-таки вырвался и поднялся еще раз, растерзанный, залитый кровью, и отогнал от себя монстров взмахом разбитого щепты мушкета. Но чудовища вновь бросились на него и увлекли наземь.

«Конец!» — впятеро подумалось Кейну... Но как раз в это мгновение хватка десятков вцепившихся лап неожиданно ослабла, а небо заслонили сотни огромных, неистово хлопающих крыльев.

Соломон почувствовал, что свободен, и приподнялся, шатаясь. Он мало что видел кругом себя, но был исполнен решимости продолжать неравную битву... Проморгавшись, он так и замер на месте.

Вся орава вампиров беспорядочно удирала вниз по склону. А прямо над головами мертвецов неслись огромные птицы. Стервятники!.. Они алчно рвали свои жертвы, на лету погружая когти и клювы в мертвую плоть и ложиная бегущих вампиров одного за другим.

Кейн расхохотался, глядя на происходившее, и смех его был почти безумен.

— Эгей, дети сатаны!.. Вы пытались обмануть Бога и людей, но стервятников не проведены!.. Они-то уж отличат мертвое от живого!..

Нлонга стоял на вершине, точно говорящий с Богом пророк, а вокруг него вились и кружились громадные черные птицы. Он по-прежнему поводил руками, и голос его летел вдаль за вершины холмов. И оттуда, из-за холмов, на его голос собирались гигантские тучи птиц! Стервятники тысячами слетались на пир, в котором им так долго было отказано. Заслоненное множеством широких крыльев, померкло синее небо; солнечный свет почти не мог достигнуть земли, и на ней воцарились странные сумер-

ки. Птицы садились на камни и, помогая себе взмахами крыльев, врывались в самые пещеры, после чего оттуда доносились только щелканье клювов. Когда же вампиры пытались выскакивать наружу, на них сейчас же падали с неба многие десятки проголодавшихся трупоедов и крепкие когти в клочья рвали все то, что так долго наводило ужас на жителей несчастной страны.

В поисках спасения вампиры устремились к своему городу. Месть, от которой они столетиями укрывались, готова была пасть на их головы и заставляла искать защиты среди полуразрушенных стен, за которыми они когда-то отсиживались, пережидая отчаянные набеги людей.

А Нлонга наблюдал за тем, как они мчались к городу, и смеялся так, что эхо отдавалось среди холмов.

И вот наконец все были внутри, но терпеливые птицы опустились на обреченный город, словно непроглядная черная туча. Плотными рядами уселись они на стенах, точа когти и клювы о камень древних башен...

Тогда-то Нлонга ударили кресалом по кремню, высек огонь и поджег принесенную с собой связку сухих листьев. Связка тотчас вспыхнула, и колдун, размахнувшись, швырнул импровизированный факел с утеса как можно дальше. Пролетев как метеор, горящий комок упал на плато и рассыпался веером искр. Иссушенная трава немедленно занялась неудержимым пожаром.

Кейн мрачно улыбнулся, всем своим существом ощущив страх, что волнами, подобно белому туману, растекался из молчаливого города внизу под ногами.

— Гори, гори ясно, сухая трава! — сказал он. — Недаром сушило тебя жаркое солнце! Недаром дождей последнее время было меньше обычного...

Подобно алой змее, мчался огонь, пожирая высокую сухую траву. Пожар распространялся с умопомрачительной быстротой, и Кейн, стоя в безопасности, высоко на-

верху, тем не менее чувствовал то жуткое напряжение, с которым следили за приближением огня сотни глаз, наблюдавших изнутри города.

И вот алая змея достигла каменных стен и, казалось, собрала силы перед прыжком внутрь. Обеспокоенные стервятники неохотно поднялись в воздух и, хлоня тяжелыми крыльями, начали набирать высоту. В это время несведомо откуда налетел порыв ветерка; он подстегнул пламя, и оно взвилось багряной волной по всему периметру стен. Город оказался в огненном кольце, и слуха двоих мужчин, стоявших высоко на скале, достиг грозный рев пламени.

Очень скоро искры полетели через стену, поджигая высокий травостой, заполонивший улицы. В двадцати местах разом вспыхнул пожар и тотчас устремился во все стороны. Багровая крутящаяся пелена затянула улицы и дома, и сквозь огненную завесу Кейн с Нлонгой увидели сотни темных теней, которые суматохно метались из стороны в сторону, падали, корчились в пламени и затем исчезали, сами всыхивая кострами. Вонь горящей мертвичины делалась невыносимой.

Кейн смотрел и смотрел, не в силах оторвать взгляд. То, что он видел, было сущей гееннной огненной на земле. Словно в кошмарном сне, вглядывался он в недра огненного котла, где какие-то черные насекомые отчаянно сражались с погибелью... и пропадали одно за другим. Пламя вздымалось на добрую сотню футов ввысь, и неожиданно его рев прорезал жуткий, нечеловеческий крик, долетевший словно бы с другого края немеренных космических бездн. Это, умирая в огне, подал голос один из вампиров, нарушивший заклятие молчания, которое века и века довлело над всем его племенем. Тонкий, ужасающий крик длился и длился — предсмертный вопль навсегда вымирающей расы...

Роберт И. Говард

Потом пламя неожиданно опало. Степной пожар, как обычно, оказался столь же кратковременным, сколь и свирепым. Пламя превратилось в черную пустоту, а город — в бесформенную груду дымящегося, закопченного камня. Глаз не мог отыскать ни одного тела, какое там — ни одной обугленной кости. Стервятники еще кружились илотными стаями, но эти живые тучи начинали понемногу рассеиваться. Птицы понимали, что поживы больше здесь не найти.

Кейн жадно взглядался в синее, синее небо... Вид чистого неба в этот момент был подобен свежему морскому ветру, разгоняющему напоенный ужасами туман. Через некоторое время откуда-то издалека долестел львиный рев — еще одно свидетельство настоящей, живой жизни.

Стервятники улетали, выстроившись неровными, колеблющимися клиньями...

Глава 5

ДОГОВОРИЛИСЬ!

...Кейн сидел близ устья пещеры, в которой они оставили Зунну, а Нлонга хлопотал над ним, перевязывая раны.

Одежда пуританина свисала с плеч кровавыми клочьями, руки и грудь были разодраны и сплошь покрыты страшными синяками, но каким-то образом он все же сумелся избегнуть ран, опасных для жизни.

— Наша с тобой — два могучих героя! — объявил Нлонга, и к обычной хвастливости примешивалось искреннее удовлетворение.— Теперь вампирский город вправду замолкла, точно! Нету больше в холмах ни одна ходячий мертвец!

— Я все-таки не очень понимаю,— сказал Кейн, подпиная кулаком подбородок.— Объясни, Нлонга, как ты все это проделал? Каким образом ты разговаривал со мной во сне, потом завладел телом Краана и наконец вызвал стервятников?..

— Брат мой, кровный брат,— ответил колдун, переходя с нижин-инглии, которым страшно гордился, на язык речных племен, благо Кейн понимал это наречие.— Я так

стар, брат мой, что, открои я тебе свой истинный возраст, ты обозвал бы меня лжецом. И всю свою жизнь я посвятил магии. Сперва я смиренно сидел у ног могучих шаманов востока и юга; потом я угодил в рабство к бакра, но и там продолжал постигать волшебство. Брат мой, как же я охвачу одним словом все эти годы и хотя бы кратко объясню то, что сам понял лишь к старости? Увы, я не в силах растолковать тебе даже, каким образом вампиры избегали посмертного разложения, питаясь жизнями других людей. Скажу лишь одно: когда я засыпаю, моя душа летит над джунглями и речными разливами, чтобы потолковать с душами спящих друзей. Я дал тебе посох вуду, хранящий великое волшебство. Волшебство родом из древней страны, которое притягивает мой дух точно так же, как магниты белых людей притягивают железо...

Кейн молча слушал своего побратима. Он пристально вглядывался в черные глаза Нлонги, и в мерцающих зрачках колдуна ему впервые виделось нечто гораздо более значительное и глубокое, нежели просто алчный блеск адепта черного волшебства. Кейну отчетливо показалось, будто он заглянул в таинственные, зрящие далеко вперед глаза древнего пророка...

— Я говорил с тобой во сне,— продолжал Нлонга,— а потом наслал глубокий сон на души Зунны и Краапа. Я переместил их в дальние края теней, откуда они вскорости возвратятся, не памятуя, что с ними произошло. Все склоняется перед волшебством, кровный брат, и звери с птицами повинуются волшебному слову. Там, в холмах, я совершил могучее вуду, призывая стервятников, и крылатый народ поднебесья послал явиться на мой зов.

Законы, повелевавшие там, хорошо мне известны, ведь я и сам плоть от плоти волшебного мира. Но как объяснить это тебе?.. Кровный мой брат, ты могучий воитель, но

во всем, что касается магии, ты подобен маленькому ребенку, заблудившемуся в дремучем лесу. Какими словами истолковать такому ребенку заветные тайны, для постижения которых потребовалась долгая жизнь? Да и не имею я права разглашать все то, о чем тебе хотелось бы знать... Друг мой, ты называешь мою магию черной и подразумеваешь, что я вызываю злых духов. Я-то уж знаю! Но посуди сам: будь мое волшебство так уж черно, неужто я не оставил бы себе прекрасное и сильное тело юного Краана, вместо того чтобы возвратиться в свое собственное, сморщенное и иссохшее?.. Но пет, я этого не сделаю. Краан получит свое тело назад в целости и сохранности...

Что же до посоха вуду, пусть он останется при тебе, кровный брат. Он защитит тебя и от злых чародеев, и от змей, и от недоброго глаза. А мне, пожалуй, пора назад, в деревушку на побережье, где спит в хижине мое настоящее тело... Что ты намерен делать дальше, обратим?

Соломон Кейн указал пальцем на восток:

— Зов в моей крови нисколько не ослабел... Я пойду дальше.

Илонга кивнул головой и протянул ему руку. Кейн крепко сжал его ладонь. Таинственность, как маска, сошла с лица колдуна, глаза хитро заблестели: так могла бы веселиться змея.

— Теперь моя пошла, кровный брат,— сказал он, вновь переходя на свой любимый жаргон. Как ни смешно, знанием пиджин-инглиш Илонга гордился больше, чем всей своей колдовской силой.— Твоя смотри,— продолжал он,— держи ухо востро! Одна такая джунгли, она только и смотрит, как бы обсосать твои косточки!.. И не забывай, что при тебе посох вуду, брат... Ну, наша договорились!

Он опустился на песок, и Кейн увидел, как с юношеского лица Краана начало пропадать выражение мудрой

Роберт Н. Говард

и хитрой змеи, свойственное Нлонге. У пуританина вновь помимо его воли побежали по телу мурашки. Он очень явственно представил, как где-то далеко, на Невольничьем Берегу, в шаманской хижине, зашевелилось, пробуждаясь от долгого сна, сморщенное тело старого Нлонги. Кейн содрогнулся...

Краан сел, зевнул, сладко потянулся и расплылся в улыбке. Рядом с ним завозилась Зунна и начала тереть заспанные глаза.

— Прости, господин,— смущенно проговорил Краан.— Мы тут, кажется, задремали...

Бастийский ястреб

(Неоконченное)

— Соломон Кейн!..

Переплетенные ветви громадных деревьев вздымались величественными арками, возноясь на сотни футов над покрытой мшистыми коврами землей. Между чудовищными стволами, словно в готическом соборе, царила таинственная полутьма. Откуда же долетел голос? И право же, не была ли здесь замешана какая-нибудь чертовщина?.. Кто мог нарушить загадочную тишину джунглей посреди неведомого языческого края, окутанного тенью колдовских тайн, только ради того, чтобы окликнуть по имени одинокого путешественника?..

Холодный взгляд Кейна быстро обшарил пространство между деревьями. Одна рука затвердела в железной хватке на рукояти резного остроконечного посоха, худые пальцы другой подобрались поближе к одному из кремневых пистолетов, которые пуританин всегда держал наготове...

И тут из лесных потемок выступила удивительная фигура, при виде которой даже у невозмутимого Кейна слегка округлились глаза. Перед ним стоял белый человек, но до чего же странно одетый! Единственным, что прикрывало его наготу, была набедренная повязка из шелковой ткани, да еще на ногах красовались непривычного вида сандалии. Золотые браслеты, тяжелая золотая цепь на

шес и широкие кольца в ушах придавали его облику оттенок варварского великолепия. Большая часть украшений была очень занятной, непривычной Кейну работы; зато серьги были точно такие, какие носили сотни европейских матросов.

Человек был весь исцарапан и сплошь покрыт синяками, как если бы ему пришлось со всех ног мчаться густыми лесными чащобами не разбирая дороги. Тем не менее наметанный взгляд Кейна сразу выделил на его руках и ногах неглубокие порезы, которых уж точно не могли причинить ни шипы, ни хлесткие ветки. А в правой руке человек сжимал короткий кривой меч, и лезвие отливало зловещим багрянцем.

— Соломон Кейн! Во имя завывающих псов ада!.. — с изумлением воскликнул мужчина, приближаясь к смотревшему на него англичанину. — Да подвергнут меня кильванию на корабле сатаны, если я не подскочил, как укушенный, увидев тебя!.. Я-то думал, я тут на тысячу миль окрест единственный белый...

— Я думал то же самое о себе, — ответствовал Соломон Кейн. — Однако прости, я тебя что-то не узнаю...

Незнакомец хрюпло расхохотался:

— Ничего удивительного! Я бы, пожалуй, и сам себя не узнал, доведись мне столкнуться в этом лесу с собою самим! Ах, Соломон, Соломон, серьезнейший из головорезов! Сколько лет пролетело с тех пор, когда я последний раз видел твою хмурую физиономию! Только я бы ее и в преисподней признал. Слушай, да неужели ты вправду позабыл славные деньки, когда мы не давали житья «донам» по всему побережью от Азорских островов до Дариена? О пушки и сабли!.. Клянусь костями святых, понимили мы тогда их кровушки!.. Погоди, Соломон, иу не може ты в самом деле позабыть Ястреба? Джереми Хока?..

В холодных глазах Кейна замерцало узнавание — так скользит над озером тень летучего облака.

— Припоминаю, — сказал он наконец. — Хотя мы и не ходили с тобой па одном корабле. Я был у сэра Ричарда Гренвилля, а ты плавал под началом Джона Беллафонте.

— Точно! — вскричал Хок и выругался. — Я бы с радостью отдал корону, которую потерял, только чтобы возвратилось то времечко! Жаль, сэр Ричард покоится на морском дне, а Беллафонте горит в аду. А сколько парней из нашего храброго братства теперь болтаются по виселицам или кормят добротной английской плотью бессловесных рыб!.. Скорее расскажи мне, мой меланхоличный убийца, правит ли еще в веселой Англии славная королева Бесс?..

— Много лун сменилось с тех пор, как я отчалил от родных берегов, — ответил Кейн. — Но во всяком случае, когда я отплывал, она прочно сидела на троне.

Ответ был немногословен, и Хок с любопытством уставился на него:

— Что, Соломон? По-прежнему недолюбливаешь Тюдоров?..

— Её сестрица травила мой парод, словно хищных зверей, — резко проговорил Кейн. — Сама она лгала моим единоверцам и предавала их... Впрочем, к паним с тобой делам это отношения не имеет. Скажи лучше, что ты здесь делась?

Кейн успел заметить, что Хок время от времени оборачивался в ту сторону, откуда появился, и, похоже, пристально вслушивался, ни дать ни взять ожидая погони.

— История эта длившаяся, — отвечал Ястреб. — Напробую пересказать ее вкратце. Ты, конечно, знаешь, что Беллафонте вдребезги перессорился с другими английскими капитанами...

Кейн заявил со всей откровенностью:

— Насколько я слышал, он докатился до самого обычновенного пиратства.

Хок плутовски ухмыльнулся:

— Да, болтают и такое. Ну, как бы там ни было, отправились мы на Испанскую Гризу... и — клянусь буркалами сатаны! — зажили там, среди островов, точно короли. Мы вовсю грабили корабли, перевозившие серебро, и не пропускали ни одного галеона с сокровищами. Но потом появился босвой испанский корабль и, право же, достал нас как следует. Взрыв ядра отправил Беллафонте к его хозяину, сатане, а я, первый помощник, сделался капитаном. Там был один негодяй, французик по имени Ла Коста, который пытался перебежать мне дорожку... Я, не говоря худого слова, велел вздернуть его на ре, после чего поднял все паруса и двинулся к югу. От испанца мы, ха-ха, улизнули и двинули на Невольничий Берег за грузом черного дерева. Только, похоже, с гибелю Беллафонте фортуна вконец от нас отвернулась. Мы попали в густоющий туман и налетели на риф. А когда туман рассеялся, нас сотнями окружили боевые каноэ, полные черных заывающих дьяволов!..

Мы дрались с ними добрых полдня, а когда наконец отогнали, выяснилось, что у нас вышел почти весь порох. Половина матросов лежали мертвес мертвых, а корабль себе раздумывал, не съехать ли с рифа да не потонуть ли прямо у нас под ногами. Выбор у нас, сам понимаешь, был небогатый: то ли уходить на шлюпках в открытое море, то ли высаживаться на берег. Шлюпка же у нас оставалась всего одна, остальные раскрошили испанские ядра. Кое-кто из команды погрузился в нее и погреб на запад, и больце мы их не видали. Ну а мы, оставшиеся, сколотили плоты и добрались до берега.

Клянусь всеми силами Гадеса, это было чистое безумие, но, сиранчивается, что нам еще оставалось? Джунгли так и кишили кровожадными дикарями. Мы сунулись было на север, надеясь разыскать один из тех форточек, куда приезжают охотники за рабами, но дикари преградили нам путь, и мы — делать нечего! — повернули на восток. Мы пробивались с боем и дрались буквально за каждый шаг, и отряд наш, понятно, таял, как туман под солнцем. Поживились и дикари с коньками, и хищные звери, и ядовитые змеи... бррр! Жуть вспомнить!.. И вот настал день, когда джунгли проглотили последнего из моих людей и я остался один. Каким-то образом я ускользнул от туземцев. Несколько месяцев я скитался в этих негостеприимных краях, один и только что не безоружный. Но в конце концов я вышел к берегу огромного озера и — поверишь ли, Соломон? — увидел перед собой стены и башни островного государства...

Хок зло расхохотался.

— Клянусь костями святых, — продолжал он, — это, верно, выглядит точно побасенки сэра Джона Мандевиля! Перебравшись на острова, я обнаружил там довольно странный народец, которым к тому же правила еще более странная и совершиенно безбожная раса. Ну, о том, что белого человека они ни разу до того дня не видали, я уж и вовсе молчу... Когда-то в юности я одно время путешествовал вместе с компанией воров, которые успешно скрывали свой истинный промысел, жонглируя и выделявая всякие там фигли-мигли. Короче, я до сих пор сохранил некоторые навыки, и народ островов смотрел на меня разинув рот. Я казался им богом... Всем, за исключением старого Агары, тамошнего жреца. Но даже и он не мог внятно объяснить людям, почему это у меня белая кожа.

Они жутко почитали меня, и Агара втайне предложил сделать меня верховным жрецом. Я сделал вид, что вполн-

не согласен, а сам давай прибирать к рукам разные его секреты. Сперва я побаивался старого стервятника, потому что он умел творить волшебство, по сравнению с которым вся моя ловкость рук была детской игрой... Но что ты будешь делать, народ ко мне так и тянуло!

Озеро, где они живут, называется Нъяйна, населенный архипелаг — островами Ра, а самый большой остров зовется Басти. Правящее сословие величает себя «хабасти», а рабов именуют «масуто».

У этих последних, должен тебе заметить, житуха вовсе не сахар. Никакого своеолия не допускается, только то, что велит хозяин, а хозяева — не приведи бог! Обходятся с бедолагами еще покруче, чем испанцы с дариенскими индейцами. Я сам видел, как за малейшую провинность женщин запарывали насмерть кнутами, а мужчин распинали. А уж культ, который отправляют богомерзкие хабасти,— это вообще что-то! Жуткий это культ и кровавый, и уж откуда, из какой страны они его с собой прихватили, я не знаю и знать не хочу. В храме Луны у них стоит здоровущий алтарь, и каждую божью неделю па том алтаре под кинжалом старого Агары с жуткими воплями испускает дух жертва, конечно масуто, крепкий молодой паренек или нетронутая девчонка. И то, что жертву убивают, еще не самое худшее. Прежде чем кинжал принесет избавление от страданий, беднягу уродуют и калечат так, что и говорить-то об этом не хочется. Святая инквизиция сдохла бы от зависти, если бы только посмотрела на пытки, которые учиняют над жертвами жрецы Басти! И таково, скажу тебе, их дьявольское искусство, что невнятно стонущее, корчащееся, лишенное кожи и глаз нечто никак не может помереть, пока последний удар кинжала не вырвет его или ее из лап дьявольских палачей!

Тут Хок украдкой присмотрелся к своему собеседнику и заметил, что в недрах странных глаз Кейна начал

разгораться глубинный огонь, предвещавший близкое извержение вулкана. Внешне же выражение лица пуританина не особенно переменилось, сделавшись разве только еще более мрачным. Он кивнул, прося флибустьера продолжать.

— Как ты понимаешь,— сказал Хок,— ни один англичанин не смог бы чуть ли не каждодневно наблюдать за смертными муками несчастных жертв и не проникнуться жалостью. Едва выучившись лопотать по-местному, я сделался их защитником и прочио встал на сторону масуто. Старый Агара рад был бы зарезать меня, но тут рабы подняли восстание и сами замочили того демонского ублюдка, который прежде сидел на троне. Они умоляли меня остаться у них и принять власть, и я согласился. Под моей рукой Басти расцвел, благоденствовали и масуто, и хабости. Но старый Агара, успевший юркнуть в какуюто укромную щелку, тоже даром времени не терял. Он принял плести против меня интриги и, подумай только, сумел восстановить многих масуто против их избавителя! Несчастные недоумки!.. Так вот, аккурат вчера он перешел к открытым действиям. Разразился бой, и по улицам дровяного Басти ручьями потекла кровь. Старый козел пустил в ход черную магию, и многие из моих сторонников распостились с жизнью. Мы бежали в каноэ на один из островков поменяние, но и там они нас достали, и мы слова дрались и снова были разбиты. Всех моих приверженцев перебили либо переловили... да смилиостивится Господь над теми, кого взяли живьем! Удрал один только я, и с тех пор они охотятся за мной, точно стая волков. Вот и теперь, не сомневаюсь, они идут по моему следу. И уж не успокоятся, пока не прикончат, хотя бы им и пришло гоняться за мной по всему континенту!

— Что ж, тогда не будем тратить время на праздные разговоры,— сказал Кейн.

Но Хок только холодно улыбнулся:

— О нет. Как только я заметил тебя между деревьями и понял, что какой-то каприз Фортуны послал мне на выручку представителя моей расы, я решил, что обязательно снова надену на себя золотую корону островов Ра! Пусть идут, пусть идут все! Ужо мы их встретим!..

Видишь ли, храбрый мой пуританин, все, чего я тут добился в прошлом, я достиг без оружия, одними мозгами. А окажись у меня при себе еще и ружье, я бы посейчас правителем в Бости сидел. Они там никогда даже не слыхали о порохе. А у тебя целых два пистолета! Их и то хватит, чтобы нам с тобой дюжину раз оказаться на троне. Эх, был бы у тебя с собой еще и мушкет!..

Кейн только передернул плечами. Незачем было рассказывать Хоку о невероятном сражении, в котором он вдребезги разбил свой мушкет. Кейн, по правде говоря, и сам не был полностью уверен, что полумистическое происшествие случилось с ним наяву, а не пригрезилось во сне.

— У меня достаточно оружия,— сказал он.— Правда, запас пороха и пуль подходит к концу.

— Всего три выстрела, и мы окажемся на троне Бости! — заявил Хок.— Ну что, мой храбрец в фетровой шляпе, не надумал пособить старому другу?

— Я рад буду помочь тебе всем, что окажется в моих силах,— произнес Кейн очень серьезно.— Но самому мне не нужны троны земных царств, ибо они суть рассадники тиеславия и гордыни. Если мы принесем избавление страдающему народу и накажем злых людей за их жестокость, я сочту, что довольно вознагражден.

Двое мужчин, стоявшие под сумрачным пологом тропического леса, различались один от другого. Джереми Хок был ростом примерно с Кейна и, подобно ему, жилист и очень силен — казалось, он состоял силопь

из стальных пружин и упругого китового уса. Но если Соломон Кейн был темноволос, то Хока можно было скорее назвать белоголовым. Африканское солнце покрыло его кожу бронзовым загаром, и отросшие светлые пряди спадали на узкий высокий лоб. Нижняя челюсть, покрытая желтой щетиной, агрессивно выдавалась вперед, тонкотубый рот наводил на мысль о жестокости. Серые глаза были полны беспокойного блеска, в них чередовались тени и свет, пронизанный самыми непредсказуемыми отблесками. Если добавить к этому тонкий орлиный нос, то всякий мог найти в лице Хока что-то от большой хищной птицы. Он стоял, слегка подавшись вперед, почти на гой, с окровавленным мечом в правой руке, — обычная для него поза яростного нетерпения.

А напротив него стоял Соломон Кейн, такой же рослый, сильный и жилистый, в потасканных сапогах и драной одежде, в мягкой фетровой шляпе без пера, опоясанный пистолетами, рапирой и китжалом, с пороховницей и кошелем для пуль на ремне. Бросалась в глаза несхожесть между диковатой безоглядностью, сквозившей в лице флибустьера, и сумрачными чертами серьезного пуританина.

И все-таки было нечто общее между тигриной гибкостью пирата и волчьей настороженностью внешне невозмутимого Кейна. Оба были прирожденными странниками, оба убивали подобных себе, обеими двигала одна и та же безудержная тяга к неведомому, которая огнем горела в крови и не давала нигде пустить корни.

— Дай мне один пистолет и половину пороха и пулю! — воскликнул Хок. — Скоро они будут здесь... Во имя Иуды, не станем же мы ждать их сложа руки! Нет, мы пойдем им навстречу! Положись на меня — один выстрел, и они падут на колени, чтобы воздать нам божеские почести.

Пойдем же! А по дороге поведаешь мне, как и почему вышло, что ты здесь очутился.

— Я странствовал в течение многих месяцев,— без большого воодушевления начал рассказывать Кейн.— Почему я тут оказался, по правде говоря, не ведаю сам. Просто джунгли позвали меня с того берега синего моря, и я пришел на их зов. Несомненно, сюда привела меня рука Провидения, та самая, что с рождения направляла мой путь. Уж верно, есть в моих странствиях некий высший смысл, коего сам я, по скромности своему, не в силах постичь...

Оба они широко и размашисто шагали вперед под зелеными арками древесных ветвей. Хок вдруг заметил:

— А занятная у тебя тросточка, мой друг.

Кейн невольно повел глазами на посох, который держал в правой руке. Он был длиной с хорошую саблю, тверд, точно железо, и с толкого конца заострен. Другой конец венчала голова конки, а по всей длине тянулись необычного вида волнистые линии и всевозможные символы.

— У меня нет сомнения, что эта вещь имеет прямое отношение к черной магии и ведовству,— серьезно проговорил Кейн.— Бывало, однако, и так, что сей посох мощно разил злые создания, да и вообще он — доброе оружие. Мне вручил его человек поистине странный... некто Илонга, колдун с Невольничьего Берега, который на моих глазах совершал неизъятные и противные Господу чудеса. Но точно так же несомненно и то, что под морщинистой шкурой старого дикаря бьется очень хорошее сердце...

Хок неожиданно остановился, напрягшись всем телом:

— Ага!..

Спереди долетел топот множества обутых в сандалии ног. Звук был едва слышен, точно шорох ветерка, трогающего вершины деревьев. Но у обоих искателей приключ-

чений был слух охотничьих псов, и они без труда уловили далекий шорох и поняли, что он означал.

Лицо Хока озарилось свирепой улыбкой.

— Впереди есть небольшая лощина. Вот там-то мы их и встретим!

...Очень скоро Кейн и с ним бывший царь Басти стояли, не прячась, по одну сторону лощины, в то время как на другую, точно стая волков, бегущая по свежему следу, одновременно выскочило не менее сотни воинов. Туземцы изумленно остановились, завидев того, кто совсем недавно удирал от них, спасая свою жизнь, а теперь смотрел им в глаза с жестокой, насмешливой усмешкой. А чего стоял молчаливый сообщник, неизвестно откуда появившийся рядом с ним!

Что же касается Кейна, то и он взирал на них с недоумением и любопытством. Примерно половина были негры, крепкие, коренастые, широкогрудые и коротконогие, — обычная черта племен, полжизни проводящих в каноэ. Все они были наги и вооружены тяжелыми копьями. Однако внимание англичанина привлекли не они.

Рядом с чернокожими крепышами стояли совершенно другие люди. Ростые, хорошо сложенные, с правильными чертами лица и прямыми черными волосами. Цвет кожи у них был в основном медно-коричневый, причем самых разных оттенков, от сияюще-красноватого до темного бронзового. Лица этих людей показались пуританину открытыми и приятными на вид. Одежда их состояла из сандалий и шелковых набедренных повязок. У многих на головах было нечто вроде бронзовых шлемов, а па левой руке каждый держал круглый деревянный щит, усиленный бычьей кожей и медными гвоздиками. В руках виднелись мечи вроде того, которым был вооружен Хок, а кроме мечей — гладкие деревянные булавы и легкие боевые

выстопорики. Кое-кто нес тяжелые луки, явно очень мощные и тугие, и колчаны с длинными стрелами.

И Соломону Кейну припомнилось, что где-то когда-то он вроде бы видел людей, похожих на тех, что стояли сейчас перед ним. Или, по крайней мере, изображения подобных людей. Но где — он не взялся бы объяснять.

Воины между тем остановились, в нерешительности посматривая на двоих белых...

— Ну что?.. — с издевательской насмешкой проговорил Хок. — Вы отыскали своего правителя. Так, может, припомните, как следует воздавать ему почести? На колени, собаки!

Отлично сложенный юный воин, возглавлявший отряд преследователей, выступил вперед и разразился пламенной речью. И Кейн даже вздрогнул, потрясенно осознав, что... понимает его язык! Благо тот был весьма схож с бесчисленными диалектами банту, многие из которых пуританин освоил за время своих путешествий. Другое дело, что некоторые слова были вовсе не понятны ему, а другие даже на слух производили впечатление древности.

— Убийца! На твоих руках кровь!.. — заливаясь темным румянцем гнева, выприкнул юноша. — И ты еще осмеливаешься насмехаться над нами? Я не знаю, кто этот человек, стоящий подле тебя, но с ним мы не ссорились. Нам нужна только твоя голова, и мы отнесем ее Агаре. Схватить его!

И он отвел руку с дротиком, замахиваясь для броска, но в этот момент Хок тщательно прицелился и выстрелил. Грохот крупнокалиберного пистолета был оглушителен. Сквозь тучу порохового дыма Кейн все-таки рассмотрел, что сраженный воин рухнул как подкошенный. На остальных выстрел произвел то самое действие, которое Кейну не раз уже приходилось наблюдать в самых

разных краях. Оружие попросту вывалилось из онемевших рук воинов, которые застыли с раскрытыми ртами, словно перепуганные дети. Кто-то закричал. Кто-то упал на колени, кто-то вовсе уткнулся в землю лицом...

И все они смотрели округлившимися глазами на бездыханное тело убитого. Выстрел, произведенный почти в упор, разнес юноше череп и попросту вышиб мозги.

Соратники павшего стояли точно стадо овец, лишившееся вожака, и Хок принялся ковать железо, пока горячо.

— На колени, собаки! — резким голосом выкрикнул он, делая шаг вперед и ударом наотмашь сбивая кого-то с ног. — Что, призвать на ваши головы молнии и громы погибли? Или, может, все-таки признаете меня своим законным владыкой?..

Ошарашенные, выбитые из колен, воины один за другим преклоняли колена. Кое-кто простерся ниц и, всхлипывая, ерзal брюхом по траве. Хок поставил ногу на шею ближайшего воина и обернулся к Кейну, ухмыляясь с яростным торжеством.

— Поднимайтесь, — велел он затем, награждая лежавшего презрительным пинком. — Но не сметь забывать, кто здесь царь! Вернетесь ли вы в Басти, чтобы сражаться на моей стороне, или предпочтете умереть здесь?..

— Мы... мы готовы драться за тебя, господин... — нестройным хором прозвучало в ответ.

Хок вновь ухмыльнулся.

— Итак, — сказал он, — моя реставрация на троне произошла даже проще, чем я смел надеяться... Встать с колен, говорю! Эта падаль пусть так и валяется здесь... Я — царь ваши! А это Соломон Кейн, мой товарищ. Он страшный колдун, и даже если вы умудритесь убить меня... хотя, как известно, я божествен и бессмертен... так вот, толь-

Роберт И. Говард

ко пикните, и он сметет всех вас с земли одним движением иальца!

Люди суть стадо овец, сумрачно размышлял Соломон, наблюдая за тем, как воины обеих рас покорно строятся, согласно приказаниям Хока. Вот они образовали колонну по трое и зашагали обратно, а в середине пошли Хок и Кейн.

— Копья в спину можешь не опасаться,— сообщил Кейну флибустьер.— Они покорились: загляни им в глаза и сам убедишься. И все-таки, знаешь что... держи ухо востро.

Потом, подозвав воина, осанка и внешность которого выдавали в нем вождя, он велел ему идти между собою и Кейном...

Погибший друг

Туман стелился под луной,
Клубясь, перетекал.
Один в лесу, во тьме ночной,
Усталый путник спал.

Сэр Ричард Гренвиль встал над ним
И тронул за плечо:
«Беда! Беда! Скорей проснись
И встреть врага мечом!»

Проснулся Кейн и испытал
Лишь радость, не испуг:
Его в ночи остерегал
Давно погибший друг!

И молвил Кейн: «Не мне, о сэр,
Господень смысл понять!
Увы, я видел вашу смерть,
Но вы со мной опять!

Как вышло, что из-за черты
Вернулись вы в сей мир?..» —
«Не время, Кейн! Дрожат листы,
Грядет кровавый пир!

Спешат нагие дикари
По голову твою,
И каждый клялся до зари
Предать тебя копью.

Роберт И. Говард

Отмщенья жаждает толпа,
И в бегстве смысла нет:
От их шагов гудит тропа,
Где ты оставил след!»

Едва лишил Кейн успел вскочить,
Стряхнув последний сон,—
Раскрашенные палачи
Бегут со всех сторон!

Но выстрел грянул, точно гром,
Врага сшибая с ног,
И под луною серебром
Сверкнул его клинок!

И с каждой вспышкой серебра
Багровый пламень гас
В зрачках, не ведавших добра,
Дикарских злобных глаз.

А рядом с ним другой боец
Разил в полночной мгле,
И с каждым выпадом мертвец
Пластался на земле!

Врагам добычи не видать —
Поют, звенят мечи...
...И прочь отхлынула орда
И скинула в ночи.

И вновь тиха ночная сень,
И лес молчит опять,
И обернулся к другу Кейн,
Спеша его обнять.

Спеша прижать его к груди:
«О сэр, откуда здесь...»
И что ж? Он снова был один
Под куполом небес.

Крылья в ночи

Глава 1

УЖАС У СТОЛБА

Опираясь на посох, покрытый замысловатой резьбой, Соломон Кейн в хмурой задумчивости всматривался вперед, силясь разгадать представшую перед ним безмолвную тайну. За месяцы, минувшие с тех пор, как он покинул Невольничий Берег и лабиринтами джунглей и рек двинулся на восток, ему не раз и не два попадались туземные деревни, оставленные жителями... Однако таких, как эта, пуританин еще не видал.

Нет, деревню опустошил вовсе не голод: на заброшенных полях пышно разрастался дикий рис, который некому было собрать. Кейн задумался было об арабских работорговцах, но в этих безымянных краях их еще не видали. В конце концов пуританин пришел к выводу, что всему виной межплеменная война. Зря ли повсюду в траве валялись голые кости и оскaledенные черепа. Иные кости были раздроблены и расщеплены; Кейн пригляделся и заметил шакалов и гиену, прятавшихся за развалинами хижин. Оставалось сообразить, почему убийцы, кем бы они ни были, не позарились на трофеи? Почему они оставили боевые коня побежденных белым муравьям, уже

лакомившимся деревом рукоятей? Почему не забрали птицы, бросив их гнить под дождем?..

Они не взяли даже горшки для приготовления пищи. Изумление достигло предела, когда Кейн заметил на одном скелете ожерелье из ярких камешков и ракушек. Какой дикарь мог спокойно пройти мимо столь редкой и желанной добычи?..

Соломон снова обвел взглядом деревню и поразился тому, что соломенные крыши многих хижин растрепаны и разметаны, словно туда пытались проникнуть некие страхи, вооруженные когтистыми лапами... Потом он заметил еще кое-что, отчего холодные цепкие глаза попросту округлились. Рядом с бесформенной насыпью — руинами деревенской стены — высился гигантский баобаб, нижние ветви располагались не менее чем в шестидесяти футах над землей, атолицна ствола превосходила всякое вероятие. И что же? Возле самой макушки болтался скелет, насаженный на сломанный сук. Вот это всем загадкам загадка! Соломон Кейн окончательно почувствовал себя в присутствии грозной и тревожащей тайны; казалось, ледяная рука опустилась ему на плечо. Кто затащил останки несчастного на высоченное дерево? Или их зашвырнул туда великан-людоед, огр, не имевший ничего общего с человеческой расой?..

Ответа не было. Кейн пожал плечами, непроизвольно тронув черные рукояти тяжелых пистолетов, верную рашнту и поясной кинжал. Он не испытывал ужаса, в который обычным людям свойственно впадать перед лицом Неведомого и Безымянного. Годы странствий по чужеземным краям и бесчисленные схватки с самыми невозможными существами обожгли его ум, душу и тело, оставив только сталь и кремень. Кейн был рослым и худым, почти костлявым, но это была жилистая худоба дикого волка. Широкоплечий и длиннорукий, наделенный же-

лезными первами и пружинистой мускулатурой, скромный пуританин умел убивать не хуже любого записного рубаки.

Колючие кусты непролазных джунглей изодрали на нем одежду, была порвана даже бесформенная широкополая шляпа, а саноги из прочной кордовской кожи выглядели потрепанными и исцарапанными. Солнце покрыло густой бронзой его руки и грудь, но аскетически худое лицо не поддавалось никакому загару. Оно оставалось землисто-бледным, почти трупного цвета, — лишь горели суровым холодным огнем глубоко посаженные светлые глаза.

Окинув прощальным взглядом деревню, Кейн поправил увешанный оружием ремень, перебросил в левую руку посох, увенчанный головой кошки, — подарок колдуна Нлонги, — и запагал дальние.

Слева лежала полоска редколесья; ниже по склону оно переходило в саванну — море волнующейся травы высотой человеку по пояс, если не выше. Чуть подальше снова начинался лес — густые, плотные джунгли. Из этого леса Кейн не так давно бежал со всей прытью обложенного охотниками волка, а по пятам за ним мчались жуткие дикиари с хищно заточенными зубами. Даже и сейчас ветерок доносил отдаленное бормотание барабана, разнося над саванной и джунглями темную повесть о кровожадной злобе и жажде человеческой плоти...

Вспоминания о той погоне и спасении от нее были еще свежи в памяти Кейна. Лишь вчера, слишком поздно поняв, что забрел во владения людоедов, он обнаружил за собой погоню и до поздней ночи то бежал во весь дух, то полз и путал следы в кромешном смраде влажного леса... пока наконец, уже в темноте, не добрался до травяных лугов и не пересек участок саванны. Теперь стояло уже позднее утро; как ни странно, погони было не видать

и не слыхать. Неужели людоеды прекратили охоту? В это было трудновато поверить. Когда он выбежал на луга, дикиари буквально висели у него на плечах...

Гадать было бесполезно, и Кейн повернулся туда, куда лежал его путь. Весь восточный горизонт занимала изогнутая полумесяцем гряда беспорядочно раскиданных холмов, большей частью совсем лишенных растительности. К югу они делались выше, сливаясь в зубчатый хребет, живо напомнивший Соломуну черные холмы Негари. Местность перед холмами густо поросла лесом, но с джунглями этот лес не шел ни в какое сравнение. Здесь было что-то вроде возвышенного плато, ограниченного с востока холмистой грядой, а с запада — саванной.

Двинувшись с места, Кейн направился в сторону холмов. У него был размашистый и неутомимый шаг. Черные демоны наверняка продолжали красться по его следам, и пуританин всего менее желал оказаться загнанным в угол. Кейн знал, что звук выстрела заставит их броситься врасыпную, но эти людоеды среди прочих человеческих племен стояли на такой низкой ступени, что внушить им сверхъестественный ужас нечего было и надеяться. А выстоять в рукопашной схватке против целого племени не мог даже Солomon Кейн, которого сэр Френсис Дрейк, помнится, называл первым мечом Девона...

Разоренная деревня, окутанная саваном смерти и тайны, понемногу пропала в отдалении. Между тем на плато, которое пересекал Кейн, парила странноватая тишина. Здесь совсем не было слышно пения птиц, лишь молча перелетали с дерева на дерево яркие попугаи. Единственными звуками были шорох шагов пуританина да шепот барабанов, доносимый ветром...

По потом Кейн заметил впереди между деревьями нечто такое, из-за чего его сердце подпрыгнуло от ужаса к самому горлу. Еще мгновение — и он увидел этот ужас во

плоти, лицом к лицу. На широкой поляне, где почва довольно круто уходила вверх, высился столб, а к столбу было привязано... то, что было когда-то чернокожим мужчиной. Кейну в свое время довелось побывать прикованным рабом на галере в турецком плету, он изведал подневольный труд на виллодельнях Берберии, он дрался с краснокожими в Новом Свете, он томился в застенках испанской инквизиции, то есть вроде бы прошел уже всю школу людской бесчеловечности, но зрелище, представшее перед ним теперь, заставило содрогнуться, и к горлу подступила тошнота. И дело было даже не в чудовищных ранах иувечьях злонуличного пегра. Самое скверное, что несчастный был еще жив.

Когда Кейн приблизился, окровавленная голова, свисавшая на истерзанную грудь, приподнялась, умирающий заметался, роняя с огрызков ушей багровые капли, а разорванные губы издали то ли всхлип, то ли хрю...

Соломон попытался заговорить, но в ответ прозвучал ужасающий крик, несчастный стал корчиться, выворачивая суставы, его голова дергалась вверх и вниз, повинувшись судороге искалеченных первов, зияющие глазницы, казалось, силились что-то увидеть. Потом чернокожий с душераздирающим стоном прижался к столбу, у которого его удерживали веревки, поднял голову и замер, прислушиваясь, ни дать ни взять ожидая чего-то жуткого сверху, с небес.

-- Послушай, тебе незачем бояться меня,— на диалекте речных племен сказал ему Кейн.— Я ничем не обижу тебя и никому больше не позволю причинить тебе зло. Сейчас я тебя отвяжу...

Говоря так, Соломон с горечью оптикал, как безнадежно опоздали его забота и помощь. Но видно, дружеский голос все-таки досочувствовался до придавленного невыносимым страданием сознания чернокожего. Из рта, где чья-

то жестокость почти не оставила целых зубов, потекли слова — запинающиеся, иевнятные, перемежаемые бредом гаснущего рассудка. Негр говорил на языке, сходном с тем, которому Кейна научили дружелюбные обитатели речных берегов, так что пуританин многое понимал. Судя по всему, бедолага провисел на столбе не один день — «много лун», так он выразился,— и все это время злобные нечеловеские существа забавлялись с ним самым чудовищным образом. У этих монстров было даже название; что оно означало, Кейн так и не разобрался, ибо негр употребил неизвестное ему слово, прозвучавшее как акаана. К столбу, однако, привязали его не они. Пленник упомянул какого-то Гору, который был жрецом, и пожаловался, что этот Гору слишком тут затянул веревку у него на ногах. Кейну оставалось лишь изумляться, как воспоминание о такой пустячной, в общем-то, боли не оказалось смыто кровавыми волнами ужасающих мук.

А чернокожий уже рассказывал потрясенному Соломону про своего брата, который помогал привязывать его к столбу, и всхлипывал, как ребенок. Слезы кровавыми каплями вытекали из пустых глазниц.

Когда несчастный начал бредить о каком-то конье, давным-давно сломанном на охоте, Кейн с бесконечной осторожностью перерезал веревки и бережно опустил истерзанное тело на мягкую траву. Увы, даже самые легкие прикосновения причиняли чернокожему нестерпимую боль, он корчился и выл, точно умирающий пес, и десятки потревоженных ран заново взялись кровоточить. Кейн присмотрелся и понял, что эти раны, скорее всего, оставлены зубами и когтями, а вовсе не копьями или ножами.

Все же усилия Соломона увенчались успехом, и освобожденный пленник вытянулся на траве, опустив голо-

ву на подложенную пуританином шляпу и неровно, судорожно дыша.

Кейн раскурил флягу, влил в бесформенный рот немного воды и попросил:

— Расскажи еще об этих лягушках, что терзали тебя. Ибо, видит Бог, которому молится мой народ, подобное зло не должно оставаться безнаказанным — хотя бы сам Сатана встал у меня на пути!

Услышал ли его умирающий, так и осталось неизвестным, потому что внимание несчастного негра привлекло нечто иное. Как раз в это время с ближнего дерева снялся большой попугай, любопытный, как вся эта порода. Он пролетел так близко, что биение его широких крыльев взъерошило Кейну волосы. Услыхав их хлюпанье, истерзанный чернокожий вскинулся на траве и закричал так страшно, что его голос потом преследовал Кейна до самой могилы:

— Крылья! Крылья!.. Они опять здесь!.. Нет! Не надо! Пощады... Крылья...

Кровь хлынула у него изо рта, и он рухнул навзничь — уже бездыханный.

Кейн поднялся с колен и стер холодный пот со лба. Деревья кругом колебались и плыли в полуденном зное. И по-прежнему стояла такая тишина, словно кто-то наложил сонное заклятие на весь этот край. Хмурый взгляд Соломона вновь обежал зловещие холмы, горбившиеся в отдалении, потом обратился на пройденную саванну. Тень древнего зла витала над этой землей, полной неисповедимых тайн...

Он бережно поднял искалеченное тело, бывшее когда-то крепким, молодым, полным жизни телом, и отнес на край поляны, чтобы там уложить как можно благопристойнее. И, запово содрогнувшись от вида чудовищно

жестокихувечий, завалил погибшего камнями, так, чтобы даже упорному хищнику не добраться было до упокоенного.

Он едва успел довершить этот невеселый труд, когда что-то отвлекло его от скорбных раздумий и вернуло к бдительности. Что-то — некий звук?.. инстинкт сродни волчьему чутью на опасность? — побудил его крутануться на месте. И от него не укрылось движение на противоположной стороне поляны. В густой траве мелькнула безобразная черная рожа: в плоском носу — кольцо из слоновой кости, толстые губы раздвинуты, показывая искусственно заостренные зубы, заметные даже на таком расстоянии. Блестящие бусины глаз, низкий покатый лоб, увенчанный колтуном курчавых волос... Мелькнувшее лицо немедля исчезло, но Кейн уже шарахнулся под защиту деревьев и помчался, как гончий пес, бросаясь от ствола к стволу. Вот-вот за спиной прозвучит многоголосый восторженный клич, и людоеды, выскочив из засады, устремятся в погоню...

Скоро, однако, Кейн пришел к выводу, что они собирались доконать его неторопливым преследованием, так, как поступают иные хищники, предпочитающие выматывать жертву. Он торопливо двигался в глубь леса, не пренебрегая даже самомалейшим укрытием. Людоедов он больше видеть не мог, он просто знал, как знает гонимый волк, что они держались непосредственно позади, выжиная только момента, чтобы сразить его, ничем не рискуя.

Кейн улыбнулся — нехорошо и очень невесело. Если они вздумали соревноваться с ним в выносливости, он даст им такую возможность. Посмотрим, стало быть, кто жилистей — лесные дикари или закаленный походами пуританин...

Продержаться бы только до ночи, и тогда, может статья, он сумеет-таки от них ускользнуть. Если же нет... Англо-саксонские предки Кейпа тоже были когда-то порядочными дикарями, охочими до отчаянных битв, и в глубине души Соломон знал: их наследие скоро побудит его оставить бегство и грудью встретить преследователей. И плевать, что их там не менее сотни против него одного!

Солнце понемногу клонилось к западу. Кейн изрядно проголодался — он ничего не ел с раннего утра, когда отправил в рот последний кусочек вяленого мяса. Лесной родник дал ему напиться, а потом он заметил среди деревьев крышу большой хижины, но предпочел обойти жилище далеко стороной. Ему с трудом верилось, что молчаливое плато совсем необитаемо, однако те, кто здесь жил, вряд ли уступали в свирепости тем, от кого он удирал.

Местность между тем делалась все более пересеченной. То и дело попадались большие расколотые валуны, подъемы сменились спусками — Соломон приближался к подножию угремых холмов. Преследователи по-прежнему почти не показывались на глаза. Лишь время от времени, осторожно оглядываясь, Кейн то подмечал краем глаза неясную тень или движение распиряющейся травы, то улавливал шорох листвы.

Почему все же они так осторожничают? Почему не приблизятся и не попробуют прикончить его?..

Как раз когда воцарилась ночь, Кейн достиг отлогого подъема к подошве ближних холмов, что мрачно и зловеще вырисовывались на фоне темного неба. Он весь день стремился сюда в надежде избавиться наконец от упорных преследователей... И вот добрался, но некое тревожное чувство предостерегало его, внятно нащептывая: «Не ходи туда!» От холмов веяло дремлющим злом, как веет опасностью от змеи, замеченной в высокой траве...

Ночная тьма воцарилась сразу и плотно. В духоте тропической ночи мерцали красноватые звезды. Ненадолго остановившись в густой рощице, за которой деревья на склоне начинали постепенно редеть, Кейн распознал звук, никак не объяснявшийся движением ночного ветерка — хотя бы потому, что ночь стояла совершенно безветренная. Ни единое дуновение не тревожило тяжелой листвы. Кейн едва успел обернуться — и тут что-то ринулось из-под деревьев. Тень, едва отличимая среди других теней ночи, бросилась на Соломона, рыча по-звериному и лязгая железом. Только отблеск звезд на вражеском клинке позволил англичанину отвести удар. Нападавший низко пригнулся, срывая дистанцию, и они схватились грудь на грудь. Чуритания он лепи жилистые тощие руки, остраконечные зубы клацали перед самым лицом, но и Кейн не оставался в долгу. Его изорванная рубашка с треском подалась под иззубренным лезвием; благодаря слепой удаче Кейн поймал и перехватил руку, вооруженную железным ножом, и одновременно выхватил из ножен свой собственный шотландский кинжал, а по сине уже бежали мураски — он предчувствовал, что между лопаток ему вот-вот вонзится копье...

Этого, однако, не произошло, и, улучив миг, чтобы изумиться, почему другие людоеды не спешат товарищу на подмогу, Соломон пустил в ход всю свою немалую силу. Сцепившись, двое раскачивались и боролись во мраке. Каждый старался вогнать свой клинок в тело соперника, и, чувствуя, что белый человек оказался сильней, людоед взвыл, точно бешеная собака, пытаясь царапаться и кусаться. Топчась и кружась, поединники мало-помалу выбрались на открытое место, и звездный свет позволил Кейну рассмотреть костяное кольцо в носу у врага и заостренные зубы, стремившиеся сомкнуться на его горле.

Яростным усилием он превозмог хватку черной руки, сжимавшей его правое запястье, и по рукоять всадил кинжал людоеду в ребра. Тот дико завизжал, в ночном воздухе разнесся резкий запах свежей крови...

...И в тот же миг прямо над головой Кейна стремительно прощумели могучие крылья. Соломона сбило с ног. Какая-то сила вырвала чернокожего воина из его рук, и тот исчез, заорав напоследок в предсмертной муке. Кейн мгновенно вскочил... и то, что он услышал, потрясло его до глубины души. Вопли чернокожего постепенно стихали, доносясь откуда-то сверху...

Он напряг зрение, взглядываясь в небеса, и как будто уснул замечтать на фоне звезд нечто жуткое и бесформенное. Он даже различил человеческие руки и брыкающиеся ноги, накрытые тенью огромных крыльев... Впрочем, все пронеслось и исчезло настолько быстро, что Соломон ни в чем не был уверен.

Впору было задуматься, а не приснилось ли это ему в каком-то чудовищном сне... Тем не менее, пошарив в траве, он разыскал свой шаманский посох, которому довелось отразить удар короткого копья,— и это кошье тоже лежало неподалеку. Вскоре нашлось и последнее доказательство реальности происшедшего — длинный кинжал, весь перемазанный кровью...

Крылья! Крылья в夜里! Скелет на дереве возле деревни, где на домах были изорваны крыши! Несчастный чернокожий, чьи раны были нанесены не копьями и не ножами, он ведь умер, крича о крыльях!.. Похоже, в этих холмах водились гигантские птицы, не гнувшиеся человечины... Но если это были птицы, почему они сразу не сожрали несчастного, привязанного к столбу? И потом... Эта тень, промелькнувшая в небесах... Как ни мало успел рассмотреть Кейн, он мог бы поклясться, что силует у твари был вовсе не птичий.

Отчаявшись понять, что к чему, Кейн передернул илеками и вслушался в ночь, но все было тихо. Людоеды, преследовавшие его от границы своих родных джунглей, ничем своего присутствия не обнаруживали. Может, страшная участь, постигшая одного, обратила в бегство всех остальных?.. Кейн проверил пистолеты. Нет уж, лезть ночью в эти холмы его не заставит никакая сила на свете, а там — будь что будет!

Ему требовалось спать, непременно спать, хотя бы за ним гнались все дьяволы Старшего Мира. Потом с запада долетел низкий рык: там бродили в поисках поживы дикие хищники. Кейн торопливо спускался по склону, пока не набрел на густую рощицу далеко в стороне от той, где ему довелось выдержать схватку с людоедом. Там он выбрал дерево и влез на высокую развилику, где даже при его росте удалось довольно-таки уютно устроиться. Над головой было полно веток, так что никакая тварь не сумела бы спикировать на него. А если спизу полезут выседевшие добычу дикари, он их услышит. Он всегда спал чутко, как кот. Что же касается змей или, например, леопардов... Ладно, он рисковал тысячи раз, рискнет и еще!

Скоро Соломон Кейн уснул. Сперва ему спилось нечто беспорядочное и неясное, пронизанное туманными намеками на какое-то дочеловеческое зло... Потом, однако, все сложилось в ясную и четкую, совершенно живую картину. Соломуну приснилось, что он проснулся. Пронеснулся, вздрогнул и сразу схватился за пистолет — ибо жизнь одинокого волка приучила его мгновенно выхватывать оружие, если его внезапно что-то будило...

Это «что-то» сидело поблизости на толстом суку — странная тварь, сливавшаяся с почными тенями. Она пялилась на Кейна жадными желтыми светящимися глазами, чей взгляд, казалось, проникал непосредственно

в мозг. Тварь была длинной и тощей, очень страшного телосложения, и, если бы не узкие щелки глаз, ее можно было бы и не заметить в потемках. Еще Кейну приснилось, что, пока он зачарованно рассматривал неведомое создание, в желтых зенках появилась неуверенность. Поднявшись, тварь почти по-человечески отошла прочь по толстой ветке, расправила огромные темные крылья, прыгнула в пустоту — и исчезла.

Только тут Кейн дернулся и сел в своей разводке, и сон слетел с него окончательно.

Тускло светили звезды, сучья кругом выгибались готическими арками. Кроме самого Кейна, на дереве никого не было. Значит, ему все же приснилось. Но до чего живым и ярким был этот сон!.. Какое нечеловеческое зло его переполняло!.. Даже и теперь в воздухе витал запах вроде того, какой источают хищные птицы...

Соломон снова напряг слух. Вздыхал ночной ветер, шептала листва... Где-то вдалеке ревел лев... Больше ничего не было слышно. И Кейн снова заснул, не ведая, что в звездном небе над ним вычерчивает круги крылатая тварь.

Точно падальщик, что кружится над умирающим волком...

Глава 2

СХВАТКА В НЕБЕСАХ

Кейн проснулся, когда небо на востоке начинало светлеть. Он сразу вспомнил свой страшный и удивительный сон и, спускаясь с дерева, все раздумывал о невероятной ясности кошмара. Родник, журчавший неподалеку, позволил избавиться от жажды, а совладать с голодом помогли фрукты, редкие на этом безмолвном плато.

Утолив потребности тела, Соломон снова посмотрел на холмы. Он привык во всем идти до конца; и тот факт, что на здешних ненприютных вершинах обитало некое зло, противное сынам человеческим, и самим Небесам, был для туритапиина вызовом не меньшим, чем, к примеру, перчатка, брошенная ему в лицо каким-нибудь сорвиголовой из Девона.

Сон на дереве вполне освежил Соломона, и он пустился дальше свободным пружинистым шагом. Миновав рощину, где ночью ему довелось отстаивать свою жизнь, Кейн вышел из-под редеющих деревьев на безлесный склон ближайшего холма. Пройдя немного наверх и оказавшись над плато, он смог без труда различить вдалеке деревню — тесно струдившиеся хижины из бамбука и глины и чуть поодаль, на невысоком бугре, дом побольше.

И вот тут, пока он смотрел, прямо у него над головой свистнули в стремительном полете жуткие крылья! Кейн вздрогнул и обернулся. До сих пор все указывало на присутствие хищного летучего существа, охотившегося по ночам; пуританин никак не ждал нападения среди бела дня. И тем не менее на него прямо со стороны восходящего солнца пикировал монстр, смахивавший на невероятно огромную ласточку мышь! Кейн успел рассмотреть широченные монстрические крылья, между которыми скользилась морда не морда, лицо не лицо... В следующий миг он схватил пистолет и недрогнувшей рукой разрядил его прямо в чудовище. Тварь беспорядочно закувыркалась в воздухе и наконец рухнула наземь прямо к ногам Соломона.

Держа в руке дымившийся пистолет, Кейн нагнулся над сраженным хищником и стал рассматривать его, не зная, верить ли собственным глазам! Перед ним был форменный дьявол из чернейших бездн преисподней — так, по крайней мере, утверждал трезвый рассудок пуританина. Однако этого дьявола благополучно сразила свинцовая пуля. Как такое могло быть?.. Кейн невольно поежился, недоумевая. Он всю жизнь мотался по чужедальним краям и вроде бы уже всякого навидался, но это...

Тварь была скроена более-менее по человеческой мере, отличаясь лишь очень высоким ростом и худобой. Голова — узкая, длинная, совсем безволосая — припадлежала откровенному хищнику. Уши — маленькие, близко посаженные, остроконечные. Узкие щелочки остеклененных смертью желтых глаз имели косой разрез, нос — тонкий и крючковатый — напоминал клюв падальщика, а вот рот был огромен, и покрытые пеной губы, застывшие в смертном оскале, не скрывали волчьих клыков.

Монстр напоминал человека не только голой кожей совершившему обнаженного тела. Плечи у него были широ-

кие и мошные, шея — длинная и худая. Длинные руки бугрились мышцами, большой палец сидел в ряд с остальными, как у гигантских обезьян. И на всех были страшные когти, крупные, острые, загнутые. Грудная кость выдавалась вперед, как киль корабля, поддерживая круто изогнутые ребра. А ноги были длинные, жилистые, ступни больше походили на ладони, приспособленные хвататься за ветки, — и вот на них-то большой палец был противопоставлен, как на руках человека. И длинные ногти тоже наводили на мысль о когтях...

И все-таки главной странностью убитого монстра была его спина, снабженная двумя громадными крыльями. Они росли из плеч — костистый каркас, обтянутый кожистыми перепонками. Перепонки начинались непосредственно за лопатками и тянулись чуть не до бедер. А размах крыльев, как на глазок оценил его Кейн, составлял никак не менее восемнадцати футов.

Поборов отвращение, Кейн прикоснулся к чудовищу (кожа у него оказалась неприятно тугая и гладкая) и приподнял, оторвав от земли. Вес составлял чуть больше половины того, что весил бы обычный человек подобного роста — футов шести с половиной. Похоже, кости у существа были по-птичьи легкими, а плоть состояла почти исключительно из жилистых мышц...

Соломон отшагнул прочь и снова присмотрелся к убитому монстру. До него постепенно доходило, что привидевшееся ночью было вовсе не сном. Рядом с ним в самом деле сидела ужасная тварь. Может, даже именно эта. Или другая такая же...

...А в небесах между тем снова свистнули могучие крылья! Еще не успев толком обернуться навстречу, Кейн уже сообразил, что умулрился совершить непростительный для лесного путешественника грех — позволил изумленному любопытству взять верх над подозрительностью

и опаской! Лапы крылатого дьявола уже тянулись к самому горлу Соломона, не оставляя ему времени выхвачить и разрядить второй пистолет. Крылья хлестали Кейна по лицу, жуткая морда скалилась ему прямо в глаза, изогнутые когти впились глубоко в грудь... А потом его подняло над землей, и он ощутил, что его ноги болтаются над пустотой.

Хищный летун оплел нижними конечностями бедра англичанина, а когти, которые он всадил Кейну в грудные мышцы, держали подобно остроконечным тискам. Слюнявые клыки тянулись к горлу Соломона, но нестибаемый пуританин сам стиснул костлявую глотку врага, одновременно пытаясь правой рукой вытащить из ножен кинжал. Человек-птица медленно набирал высоту; случайный взгляд, брошенный вниз, сообщил Кейну, что вершины деревьев остались уже далеко внизу. У англичанина не было особой надежды выжить в этой схватке в небесах, ведь, даже убей он супостата, падение с высоты неминуемо окажется смертельным. Ну так что ж с того!.. Кейн вновь исполнился угрюмой ярости, унаследованной от свирепых англо-саксонских предков, и решил, погибая, по крайней мере, забрать с собой своего похитителя!

Изо всех сил отводя от себя лязгающие клыки, Соломон умудрился-таки извлечь кинжал и с маху всадил его в тело страшилица. Крылатый человек крутанулся в воздухе, глотка, скатая левой рукой пуританина, издала хриплый скрипучий вопль. Монстр судорожно забил громадными крыльями, выгибая спину и силясь высвободить шею, чтобы нанести клыками смертельный удар, но из хватки Кейна вырваться было не так-то легко. Одна лапа чудовища продолжала все глубже вгонять когти в грудь Соломона, причиняя ему невероятную боль, другая, разомкнув пальцы, бешеноолосовала голову и тело врага. Но изодранный, окровавленный англичанин дер-

Роберт И. Говард

жал его за глотку с молчаливой свирепостью боевого бульдога, так, что пальцы все сильнее вдавливались в плоть, а его кинжал наносил удар за ударом.

Мог ли он знать, что далеко внизу множество глаз с благоговейным ужасом наблюдало за безумной схваткой, происходившей высоко в утреннем небе!..

Взлетев со склона холма, они неслись над плато, и быстро слабевшие крылья человека-птицы уже не могли удерживать в воздухе их обоих. Они быстро снижались — впрочем, Кейн, ослепленный потоками крови и яростью битвы, этого не замечал. С его головы свисал большой лоскут кожи вместе с волосами, грудь и плечи исполосовали острые когти, весь мир заволокла слепая алая пелена, в которой существовала только одна мысль: убить врача, убить его, убить!..

И вот последние судорожные удары крыльев умирающего чудовища вынесли их в пространство над густой рощей громадных деревьев, и Кейн почувствовал, как ослабевает хватка опутавших его нижних лап, а удары когтей превращаются в жалкое царапанье.

Собрав остатки сил, он занес окровавленный кинжал — и страшным ударом проломил выпуклую грудину. По телу летучей твари прошла судорога, огромные крылья разом обмякли... И оба, победитель и побежденный, камнем понеслись к земле.

Кейн стряхнул кровь с ресниц и увидел, как наружу стремительно мчатся зеленые ветви. Они беспено хлестнули его по лицу, рванули одежду... Человек и монстр, по-прежнему крепко спаянные между собой, падали сквозь древесные кроны. Кейн безусиенно пытался хоть за что-нибудь ухватиться... А потом его ударило головой о большую сук, и сознание затопила беспредельная тьма.

Глава 3

ЖИВУЩИЕ В ТЕНИ

Соломон Кейн целую вечность странствовал темными подземельями беспамятства. В кромешном мраке на него то и дело бросались гигантские крылатые демоны, и он дрался с этими детьми ужаса, как загнанная в угол крыса дерется с летучей мышью-кровососом. Под ногами у него хрустели человеческие черепа, а слюнявые пасти шептали ему в уши чудовищные богохульства и жуткис тайны...

Бред кончился внезапно и сразу. И самым первым, что предстало прояспившемуся взору Соломона Кейна, была склонившаяся над ним добрая круглая черная физиономия. Кейн лежал в просторной, чистой и хорошо проветриваемой хижине, а снаружи мирно булькал на костре горшок, и оттуда распространялся упоительный запах съестного. Пустой желудок цуританина свела головная судорога. Еще он чувствовал крайнюю слабость, а когда решил пощупать повязку на голове, то увидел, что рука дрожала и бронзовый загар успел заметно поблекнуть.

Рядом с ним сидели двое: круглолицый толстяк и худой, жилистый воин с угрюмым лицом.

— Он очнулся, Куроба,— сказал толстяк.— И его разум ясен.

Воин кивнул и окликнул кого-то снаружи. Оттуда немедля ответили.

— Где я? — спросил Кейн на языке, сходном с тем, которым пользовались чернокожие.— Я долго провалился?

— Это последняя деревня народа богонда,— ответил толстяк и мягко, но решительно заставил пытающегося приподняться Кейна вновь откинуться на лежанку.— Мы нашли тебя под деревьями на склоне. Ты был без сознания и весь изранен. Много дней бредил... Теперь надо как следует поесть!

Юный воин, вошедший в хижину, поставил перед Кейном деревянную плошку, и нуританин с жадностью набросился на еду.

— Смотри, Куроба, он прямо как леопард,— с восхищением проговорил толстяк.— Едва ли один на тысячу сумел бы выжить после таких ран!

— Твоя правда, Гору,— проворчал Куроба.— А ведь он еще и прикончил акаана, который изранил его.

Кейн кое-как приподнялся на локте.

— Гору? — переспросил он с глухой яростью.— Жрец, который привязывает людей к столбам и оставляет их дьяволам на съедение?..

Он преисполнился намерения немедленно задушить толстяка и хотел встать, но слабость накатила дурнотной волной, стены хижины покрылись перед глазами. Соломон опустился на лежанку, и скоро сго накрыл глубокий целительный сон.

Спустя некоторое время он проснулся и обнаружил подле себя сиделку — стройную девушку по имени Найела. Она дала сце сды, и, чувствуя, как начинают возвращаться силы, Кейн взялся за расспросы. Девушка очень смущалась, но отвечала обстоятельно и толково.

Итак, Соломон оказался в племени богонда, которое возглавляли вождь Куроба и жрец Гору. Никто из богонда до нынешнего дня не видал белого человека. Кейп изумился, когда Найела сказала, сколько дней он провалился в бессознательстве. Что ж, большинство людей и вовсе не пережили бы битвы, которую ему пришлось выдержать. Его только удивило, что он не переломал себе кости; девушка объяснила, что падение замедлило всплески и к тому же Кейп приземлился на тело убитого акаана. Соломон попросил позвать Гору, и толстый жрец вскоре пришел, неся с собой оружие пуританина.

— Кое-что мы нашли там, где ты упал,— сказал Гору,— а другое — возле тела акаана, которого ты убил гремящим оружием огня и дыма. Ты, должно быть, из рода богов! Только боги не кровоточат, а ты мало не умер. Кто же ты?

— Я не бог,— ответил Соломон.— Я человек, такой же, как ты, только белокожий. Я пришел из далекой страны, лежащей посреди моря, и знаю, что моя родина — прекраснейшая и самая благородная среди других стран. Меня зовут Соломон Кейп, я странствую по земле, не имея своего владения. Я впервые услышал твое имя из уст человека, умиравшего в муках. Но у тебя незлое лицо...

Глаза шамана затуманила скорбь. Он опустил голову.

— Бог ты или человек, тебе для начала надо отдохнуть и набраться сил,— проговорил он.— Со временем ты все узнаешь о древнем проклятии, витающем над этой несчастной страной...

Дни потянулись за днями. Кейп, обладавший живучестью дикого зверя, стремительно поправлялся. Гору и Куроба часто приходили и подолгу сидели у его постели, рассказывая историю своего народа.

Как выяснилось, племя зародилось не здесь — богонда пришли на это плато около ста пятидесяти лет тому на-

зад и дали ему название, принесенное из своего прежнего дома. Когда-то давно, далеко на юге, в Старой Богонде, на берегах великой реки, они были очень могущественным народом. Потом их могущество подорвали межплеменные войны, былые побежденные объединились и восстали — и богонда снялись с места, и Гору рассказывал Кейну о тысячемильном путешествии через непролазные джунгли и толкие болота, к тому же кишевшие беспощадными неприятелями...

В конце концов, буквально прорубившись сквозь земли, занятые свирепыми людоедами, беглецы обезопасили себя от нападения враждебных племен — но вместе с тем оказались в ловушке, вырваться из которой не было суждено ни им самим, ни их далеким потомкам. Не ведая того, они поселились в стране жутких акаана... и слишком поздно уразумели, что означал издевательский хохот острозубых лодоедов, гнавшихся за ними до самых границ плато.

А ведь поначалу все выглядело очень неплохо. Богонда обнаружили плодородные земли, где было вдоволь воды и водилась изобильная дичь. Здесь паслись козы и великое множество диких свиней. В лугах между джунглями и плато разгуливали стада буйволов и антилоп, сопровождаемые львиными прайдами. Однако «богонда» значило «убийцы львов», и спустя считанные месяцы громадные кошки сочли за благо переселиться в низины.

Увы, предки Гору очень скоро открыли, что бояться им следовало вовсе не львов...

Когда оказалось, что людоеды не высовывались дальше саванн, изгнанники сочли свое изнурительное странствие благополучно завершенным и выстроили две деревни, назвав их Верхней и Нижней Богондой. Кейн находился в Верхней Богонде; разоренное поселение, которое

он наблюдал по дороге, было нижней деревней. Очень скоро новички выяснили, что забрели в край ужаса, обладавшего смертоносными когтями и клыками. По ночам они слышали биение крыльев и видели невероятные тени, заслонявшие звезды и луну. Потом начали пропадать дети. И наконец молодой охотник забрел в холмы, где его и застала ночь... А утром на деревенскую улицу прямо с небес свалился жутко изуродованный, наполовину сожранный труп, и потрясенные люди услышали эхо нечеловеческого хохота, раздававшегося высоко над их головами.

Прошло еще некоторое время, и богонда в полной мере осознали весь ужас своего положения.

Дело в том, что крылатый народ иначе побаивался чернокожих. Акаана на всякий случай попрятались и выбирались из своих пещер исключительно по ночам. Потом они осмелились и начали прилетать днем. Один воин застрелил когтистого убийцу из лука, но к тому времени летучие демоны уже поняли, что вполне способны справиться с человеком. На предсмертный вопль подстреленного слетелись еще два десятка чудовищ и разорвали стрелку прямо на глазах у всего племени.

Тогда богонда поняли, что надо убираться из одержимой дьяволами страны. Сотня воинов отправилась в холмы — искать проход. Сперва они наткнулись на отвесные обрывы, на которые едва мог вскарабкаться человек, а потом увидели утесы, усеянные пещерами: там-то и обитала крылатая нечисть.

В тот день произошла самая первая рукопашная битва между монстрами и людьми, и чудовища одержали сокрушительную победу. Луки и копья чернокожего воинства наносили стремительным ластунам слишком малый урон. Из сотни, ушедшей в холмы, не уцелел ни один человек. Акаана легко настигали тех, кто пытался бежать. Само-

го последнего они догнали на расстоянии полета стрелы от верхней деревни.

После этого разгрома богонда поняли, что через холмы им не уйти, и попытались прорваться во внешний мир тем же путем, каким сюда прибыли. Но на лугах саванны их встретила бесчисленная орда людоедов. Произошло великое сражение, длившееся целый день до заката... И богонда были снова побеждены и отброшены назад, сломленные, обескровленные.

— А пока длился бой,— рассказывал Гору,— в небесах было тесно от акаана. Они кружились и жутко хохотали, наблюдая, как нас истребляли...

В итоге те, кто выжил после двух опустошительных битв, залезали раны и решили склониться перед судьбой, приимая неизбежное с фатализмом, свойственным чернокожим. Их оставалось всего-то полторы тысячи, считая женщины, стариков и детей, но они продолжали строить хижины и обрабатывать поля, упрямо цепляясь за жизнь под сенью кошмаря, ежеминутно готового обрушиться на них с небес.

В те времена люди-птицы были весьма многочисленны; пожелай они, акаана легко уничтожили бы всех богонда до последнего человека. Никакой воин не мог одолеть монстра один на один. Акаана был сильней и быстрей человека, он нападал, точно ястреб, а если промахивался — крылья мигом уносили его от опасности...

— Погоди,— перебил Кейн.— Объясни мне, почему вы не перебили эту адскую нечисть из луков?

— Не всякий стрелок попадет в летящего акаана,— ответил Гору.— Только самый хладнокровный и меткий. К тому же у них до того прочные шкуры, что стрела пробивает ее лишь при прямом попадании, а иначе отскакивает...

Кейн знал, что чернокожие большим искусством стрельбы из луков не отличались. К тому же наконечники стрел у них были каменные и костяные, в редких случаях — из железа, мягкого, почти как медь. Он хмуро припомнил Пуатье и Аженкур... Вот бы сюда отряд английских доблестных лучников! Или небольшое подразделение мушкетеров!..

А Гору продолжал свою печальную повесть, и по его словам выходило, что акаана отнюдь не стремились совсем уничтожить людей. Их основную пищу составляли мелкие свиньи, в изобилии водившиеся на плато, и молодые козы. Иногда они охотились в саваннах на антилоп, но открытые равнины им явно не нравились, и к тому же они боялись львов. В джунгли, что лежали за луговинами, они тоже не залетали. Там деревья были слишком густыми — небольно-то полетаешь. Так что домом акаана оставалось плато и холмы; а какие земли лежали за холмами, никто из богонда ни малейшего представления не имел.

Было похоже, что акаана позволили чернокожим обитать на плато, — примерно так же, как люди позволяют плодиться зверью и населяют рыбой пруды... чтобы потом употребить эту живность для своего удовольствия.

— Они любят развлекаться, — печально рассказывал Гору. — И в особенности — упиваться страданиями человека, воющего от боли. Порою в этих холмах звучит эхо таких страшных криков, что кровь стынет в жилах...

Жрец поведал Кейну, что с тех самых пор, как богонда признали акаана хозяевами своей жизни и смерти, между ними установилось некое равновесие. Люди-птицы довольствовались тем, что время от времени крали ребенка, или утаскивали девушку, забредшую слишком далеко от деревни, или пожирали юношу, заночевавшего в лесу. Лс-

туны как будто уважали деревню; они кружили над ней в небе, но не нападали на людей, находившихся внутри стен, так что у себя дома богонда пребывали в относительной безопасности.

Увы, в последние годы все изменилось...

По словам Гору, численность акаана сокращалась, причем быстро. Некоторое время существовала даже надежда, что остатки богонда их переживут... Правда, в таком случае людоеды неминуемо вышли бы из своих джунглей и отправили выживших в свои ширинственные котлы.

Так или иначе, к настоящему времени акаана оставалось едва ли больше полутора сотен.

— Почему же вы не устроите великую охоту на них? — спросил Кейн. — Не истребите этих дьяволов подчистую?

Жрец горько улыбнулся и в который раз стал объяснять Соломону, как опасны были эти твари в бою.

— Кому же, — добавил он, — весь народ богонда сейчас насчитывает около четырехсот душ. И акаана — наша единственная защита против людоедов из западных лесов...

Между прочим, за последние тридцать лет его племя поредело в большей степени, чем за все прошедшие годы. Дело в том, что по мере вымирания акаана дьявольская жестокость оставшихся возрастила. Они все чаще охотились на богонда, чтобы терзать плеников и пожирать их в темных пещерах.

— Они нападают то на звероловов в лесу, то на земледельцев, которые растят овощные бананы, — рассказывал Гору. — Теперь в холмах часто происходит... веселье, как они его понимают. Эти вопли... и нечеловеческий смех... Они швыряют прямо на улицу то отгрызенную руку, то обглоданный череп... А то жрут кого-нибудь прямо в звездном небе над нашими головами...

В довершение всех бед началась нешуточная засуха и, как следствие, голод. Пересохли многие родники, не уродились ни рис, ни батат, ни зеленый банан. Откочевали в другие места буйволы, олени и антилопы гну, чьим мясом привыкли питаться богонда; осмелевшие от бескормицы львы утратили страх перед человеком и снова стали появляться на плато. Чтобы выжить, люди охотились на диких свиней, составлявших естественную пищу акаана. Поголовье свиней сразу уменьшилось, и акаана разгневались. Еще бы, ведь засуха, львы и охотники богонда уничтожили всех коз и не менее половины свиней!

Голодная нора в конце концов завершилась, но ущерб оказался невосполнимым. Животные, некогда кишевшие на плато, стали осторожны, и поймать их весьма несложно.

— Богонда съели свиней, — сказал Гору. — И тогда акаана съели людей богонда...

Жизнь чернокожего народа превратилась в суций ад на земле, и нижняя деревня, в которой насчитывалось всего полторы сотни душ, взбунтовалась. Доведенные до отчаяния постоянными настами, они попытались дать «хозяевам» отпор. Когда очередной акаана залетел прямо в деревню, чтобы утащить малыша, его окружили и расстреляли в упор.

После чего население Нижней Богонды укрылось в хижинах и стало ждать своей участи...

— И расправа, — сказал Гору, — последовала в ту же ночь.

Акаана, всегда опасавшиеся хижин, преодолели эту боязнь. Вся стая прилетела с холмов и ворвалась в деревню... Верхняя Богонда проснулась от ужасающих криков и богохульного «веселья» крылатых чудовищ — и поняла, что нижней деревне пришел конец. Всю ту ночь поданные Гору пролежали в своих домах, потея от смер-

тельного страха, не смея пошевелиться и только слушая вой умирающих соплеменников да перекличку торжествующих монстров...

— Потом крики затихли,— сказал Гору и вытер со лба обильно выступивший пот.— Но до самого рассвета мы слышали, как акаана пировали в развалинах. Пировали — и смеялись над нами...

Рано поутру люди Гору увидели, как обожравшаяся стая, тяжело хлопая крыльями, улетала обратно в свои холмы. Так демоны с восходом солнца убираются в ад... Попозже несколько смельчаков осторожно прокрались посмотреть на разгромленную деревню, и то, что они там увидели, заставило их без оглядки бежать прочь.

— И до нынешнего дня,— сказал Гору,— ни один из нас не подойдет туда ближе чем на три перестрела. Ибо там поселился ужас...

Кейн понимающе кивнул. Холодные глаза пуританина смотрели еще угрюмее, чем всегда...

— Потянулись дни за днями,— говорил Гору.— Мы дрожали от страха, ожидая, что вот-вот придет нац черед...

Отчаяние и страх порождают немыслимую жестокость. И вот люди племени стали метать жребий, и тот, кому не повезло, был привязан к столбу между двумя деревнями в надежде, что акаана оценят это проявление верноподданничества и, может быть, Верхней Богонде удастся избежать участи соплеменников.

— Этот обычай,— сказал жрец,— мы переняли у людоедов: те в старину поклонялись акаана, как божествам, и каждую луну предлагали им в жертву по человеку. Потом, правда, они случайно выяснили, что акаана можно убить, и на этом поклонение кончилось. По крайней мере, так я думаю...

И Гору принялся убеждать Кейна, что ни одно смертное существо, даже очень злое и очень могущественное,

недостойно божеских почестей. Да, его собственные предки тоже иногда приносили жертвы с целью умилостивить крылатых чудовищ, но лишь в последние годы такая практика сделалась постоянной. И отказаться от нее было уже нельзя — акаана ждали любимой забавы, и их разочарование могло обернуться гибелью для всей деревни. И каждый месяц богонда избирали из своего все убывающего числа юношу или девушку, которых вели на склон и привязывали к столбу...

Кейн пристально наблюдал за выражением лица Гору, скорбно повествовавшего об этой жуткой необходимости, и постепенно до него дошло, что жрец говорил искренне. Англичанину оставалось лишь содрогаться при мысли о целом народе, медленно, но верно исчезавшем в непасытных утробах племени монстров...

Соломон спросил Гору о том несчастном, которого ему довелось снять с жертвенного столба. Выслушав, жрец кивнул. В его добрых глазах стояла боль. Как выяснилось, бедный парень провисел там целый день и целую ночь, пока акаана наслаждались мучениями его трепещущей плоти. Но он не напрасно принял свой ужасный конец — до сих пор жертвоприношения вроде бы отводили от деревни окончательный гнев крылатых людей. Кажется, хрупкое равновесие было восстановлено: остатки диких свиней давали немногочисленным акаана необходимое пронитание и они довольствовались тем, что время от времени утаскивали детей, а раз в месяц в охотку тешились возле окровавленного столба.

Тут Кейн подумал кое о чем и спросил:

— Так людоеды, говоришь, никогда не поднимаются на плато?

Гору покачал головой.

— В джунглях они чувствуют себя в безопасности. Они никогда не пересекают саванну.

— Ну да,— сказал Кейн.— А кто же тогда за мной гнался до самого подножия холмов?

Гору, однако, снова покачал головой.

— Людоед был всего один. Мы видели его следы на земле.

Похоже, за Кейном шел смельчак из смельчаков, чья охотничья страсть оказалась сильнее страха перед жутким плато... за что ему и пришлось заплатить самую высокую цену. Осознав это, пуританин зло оскалился и даже щелкнул зубами, чего обычно не позволял себе, считая такое проявление досады нравственно неприемлемым. Но мысль о том, что он столько времени удирал от одногодственного врага, была просто невыносима. Теперь понятно, почему супостат так осторожно крался за ним, выжидая ночи, чтобы напасть!..

— Но с какой стати,— спросил он жреца,— акаана схватил чернокожего, а не меня? И почему то чучело, которое сидело со мной рядом на ветке, так на меня и не набросилось?

— Ты пустил людоеду кровь,— объяснил Гору.— Ее запах послужил крылатому демону сигналом для нападения. У акаана нюх на свежую кровь не хуже, чем у стервятников... А сице они очень осторожны и стерегутся всего нового и неизвестного. Они еще ни разу не видели человека, который их не боится. Вот и решили сперва присмотреться к тебе, подождать, чтобы ты утратил бдительность, и тогда уже напасть...

— И все-таки,— спросил Кейн,— кто они такие, эти акаана? Что это за существа?

Гору снова пожал плечами.

— Они уже были здесь, когда сюда пришли мои предки. И те никогда даже не слышали о них, пока не столкнулись с ними лицом к лицу. И они не общались с людоеда-

ми, которым, вероятно, при случае было бы что рассказать... Акаана живут в пещерах, как звери, не знающие одежды. Они не разводят огня и питаются исключительно свежим сырым мясом. Тем не менее у них имеется свой язык, и один из них правит остальными, как вождь. Многие умерли во время великого голода; в то время сильные поедали слабых... Они близки к исчезновению: последние годы среди них совсем не заметно ни самок, ни молодняка. Когда умрут оставшиеся самцы, племя акаана навсегда прекратит свое существование. Увы, мой народ так и так обречен... если только не...

И тут Гору бросил на Кейна странный, тосклиwyй, испытующий взгляд, но глубоко задумавшийся пуританин ничего не заметил.

Он как раз припомнил одну из бесчисленных легенд, которых успел наслушаться в своих странствиях.

«Давным-давно, — рассказывал ему престарелый шаман, — с севера прилетели крылатые дьяволы. Они мигновали наши края и исчезли в южной стороне, там, где непроходимые джунгли... Одно из наших древнейших сказаний гласит, будто некогда они в неисчислимых множествах обитали па севере, у огромного озера с горькой водой, до которого отсюда надо идти много лун. Века назад могущественный вождь повел против них своих воинов, вооруженных меткими луками. Они перебили тьму нечистых созданий, а уцелевших изгнали на юг... имя того славного вождя было Нъясунна, и у него было громадное боевое каноэ, которое гнало по горьким волнам множество весел...»

Вот тут Соломуону Кейну словно бы дохнуло ледяным ветром в затылок, он опустил, как приоткрылась дверь в чужедальние времена и пространства. Лишь теперь осознал он правду и того причудливого мифа, и другой, еще

более древней и мрачной легенды. Ибо что такое было «огромное горькое озеро», если не Средиземный океан? И кто такой был великий и достославный Нъяспина, если не греческий герой Ясон, который победил гарпии и прогнал их — не только на Строфадские острова, но и в самую Африку?

«Итак,— понял Кейн,— древнее языческое сказание не солгало...»

И у него захватило дух от тех ужасающих вероятностей, которые тотчас предстали перед его умственным взором. Если гарпии оказались вполне вещественны и реальны, так что там насчет других подобных существ? Например, Гидры? А также кентавров, химер, Медузы и Пана с сатирами?.. Неужто додревние легенды хранили отголоски воспоминаний о кошмарной реальности, об острых когтях и слюнявых клыках невероятного зла?..

Африка, Черный континент, страна ужаса и неисповедимых теней! Не сюда ли были изгнаны злобные нечеловеческие существа, бежавшие перед лицом света, разгоравшегося в западном мире?..

Неожиданное прикосновение вывело его из задумчивости. Жрец Гору робко и осторожно трогал его за рукав.

— Спаси нас от акаана, — тихо проговорил он, когда Кейн вскинул глаза.— Ты, может быть, и не бог, но ты обладаешь силой, достойной божества! Ты принес с собой великий шаманский посох, который некогда служил скипетром могучим державам и жезлом жрецам, общавшимся с Небесами! С тобой оружие, которое говорит огнем и дымом, и слово его — «смерть». Наши молодые воины видели, как ты одного за другим убил двух акаана. Это подвиг, который не по плечу обычному человеку. Ты станешь нашим вождем, нашим богом... всем, чем только захочешь! С тех пор как ты попал в Богоподу, успела сме-

ниться луна. Миновало время очередного жертвоприношения, но никто не умер на кровавом столбе! Акаапачураются деревни, в которую тебя принесли, они даже боятся похищать наших детей! Мы сбросили их ярмо, потому что уверовали в твою силу!

Соломон Кейн стиснул руками виски.

— Ты сам не знаешь, о чем просишь!.. — вырвалось у него.— Господу Богу известно, что сердце мое жаждет избавить землю от этого непотребства, но я не всесилен! Да, мои пистолеты способны сразить некоторое число демонов, но порох скоро закончится... Было бы у меня вдосталь пороху и свинцовых пуль, да не разбей я мушкет о головы вампиров в холмах Мертвых... Вот тогда можно было бы и облаву устроить! А впрочем, даже перебей я всех демонов, все равно останутся людоеды...

— Которые тоже устрашатся тебя! — вскричал вождь, старый Куроба.

Девушка Найела тоже сидела в хижине, да не одна, а с пареньком по имени Лога. Этот Лога должен был по жребию стать следующей жертвой. И он и Найела смотрели на Кейна с такой трепетной, страстной надеждой, что в итоге пуританин со вздохом подпер кулаком подбородок.

— Что ж,— сказал он.— Я согласен провести в Богонде весь остаток своих дней, если вы находите, что мое присутствие защитит ваш парод...

Сказано — сделано, и Кейп остался в деревне, которая была теперь не Верхней Богондой, а просто единственной. Ее населял добродушный, охочий до веселья народ, чья природная жизнерадость была порядком омрачена долгим пребыванием в зловещей Тени. Однако теперь, с появлением грозного защитника — белого человека — они заметно воспрянули духом. Трогательная вера, с которой они смотрели на Кейпа, буквально разрывала

иуританину сердце. Чернокожие пели, ухаживая за банановыми растениями, а потом весело плясали вокруг костров и с беспредельным обожанием смотрели на Соломона. А Кейн втихомолку проклинал собственную беспомощность. Если бы крылатая нечисть вздумала броситься на деревню с небес, грош цепа была бы ее якобы божественному защитнику...

Тем не менее Кейн не уходил из Богонды. По ночам ему снились чайки, кружившиеся в чистой ветреной синеве над утесами Девона, а днем пуританина снедало желание наконец-таки посмотреть, что за земли простирались там, за холмами. Но, верный данному слову, он оставался на месте и только ломал голову, пытаясь изобрести хоть какой-нибудь план по избавлению от акаана. Доходило до того, что он часами созерцал свой шаманский посох, надеясь, что черная магия поможет там, где он искал рассудок цивилизованного человека. Увы, подарок Нлонги никак не откликался на его зов. Однажды, несмотря на разделявшие их несчетные лиги, он вызвал на помощь старого шамана, жившего на Невольничем Берегу; увы, Нлонга мог явиться к Кейну только для битвы со сверхъестественными силами, а гарпии были существами из плоти и крови.

Постепенно разум Кейна породил некий зачаток идеи, по она казалась едва ли выполнимой. Ему начала рисоваться огромная ловушка... Но какая западня могла приманить акаана? Далекий львиный рев служил вполне подходящим аккомпанементом невеселым размышлением пуританина. Людей на плато становилось все меньше, и дикие хищники, опасавшиеся лишь копий охотников, делались все смелей... У Кейна вырвался горький смешок. Будь его противники львами, которых можно было перебить поодиночке, он поистине не ведал бы забот и хлопот...

Поодаль от деревни стоял просторный дом Гору, некогда служивший чем-то вроде зала для собраний старейшин. Там хранилось множество самых удивительных амулетов и талисманов.

-- В них заключена могучая магия против злых духов, — рассказал Кейну жрец. И беспомощно развел пухлыми руками: — По против злобных существ из плоти и крови они, увы, бесполезны...

Глава 4

БЕЗУМИЕ СОЛОМОНА

Кейн выплыл из непроглядных глубин сна, и его пробуждение было ужасно. За стенами хижины звучал жуткий хор душераздирающих криков. Люди умирали в ночи, умирали страшной насильственной смертью, точно скот на бойне. Мгновенно вскочив, Соломон подхватил оружие, с которым никогда не расставался, и прыгнул к двери... И тотчас же что-то страшное и бесформенное бросилось ему в ноги, обнимая колени пуританина и о чём-то невнятно моля. В умирающем свете углей очага Кейн с ужасом узнал юного Логу. Паренек был жутко изранен и весь в крови, его лицо уже начало застывать в смертной гримасе... За дверью раздавались кошмарные звуки, стоны гибнущих мешались с нечеловеческим завыванием, посистом налетающих крыльев, треском раздираемых крыш и хохотом демонов. Кейн высыпался из конвульсивной хватки мертвых рук и бросился к гаснувшему огню. Он почти ничего не мог рассмотреть — лишь мечущиеся силуэты, стремительно пикирующие крылатые фигуры да черные крылья на фоне звездного неба...

Подхватив головешку, Кейн сунул ее в сухую солому на крыше своей хижины. Пламя взвилось жадно и высо-

ко и озарило картину, от которой кровь застыла у него в жилах. Всюду вокруг него принимали жестокую смерть последние из племени богонда. Крылатые чудища с визгом носились над деревенскими улицами, вились над головами мечущихся людей, рвали когтями тростниковые крыши, чтобы добраться до пораженных ужасом жертв, прятавшихся внутри...

Миг замешательства миновал, англичанин глухо вскрикнул и принялся действовать. Выхватив пистолет, он разрядил его в несущуюся желтоглазую тень, и акаана рухнул к его ногам с разнесенным вдребезги черепом. Кейн яростно взревел и ринулся в рукопашный бой. Так когда-то дрались его языческие предки, чье боевое бесценство наводило страх па врагов!

Увы, богонда были слишком ошеломлены неожиданным нападением, а долгие годы покорности непонравилось подточили их боевой дух, сделав чернокожих неспособными к организованному сопротивлению. Большая часть их приняла смерть, точно овцы, приведенные на заклание. Лишь немногие, вдохновленные отчаянием, пробовали отбиваться, но их стрелы летели мимо либо отскакивали от жестких кожистых крыльев, а копья и боевые топорики в ближнем бою были практически бесполезны из-за нечеловеческой ловкости и быстроты акаана. Едва приземлившись, они с легкостью взвивались в воздух, после чего надали сверху на плечи несчастным, сшибая их наземь, а там уже когти и клыки завершали свое кровавое дело...

Кейн рассмотрел старого Куробу — жилистый вождь, весь залитый кровью, дрался спиной к стене хижины, а под ногами у него распростерлась одна из тварей, не успевшая увернуться. Старый вождь орудовал двуручным боевым топором, и странные размахи какое-то время не по-

зволяли приблизиться полудюжине завывающих демонов. Кейн рванулся было ему на подмогу, но его остановил тихий, бесшумный всхлип, раздавшийся рядом. Он присмотрелся и увидел свою былую сиделку, юную Найелу. Девушка корчилась, распростертая в кровавой пыли, а на спине у нее, орудуя когтями, сидела крылатая бестия. Стекленеющие глаза Найелы с бессловесной мольбой смотрели на англичанина... У Кейна вырвалось горестное ругательство, он схватил второй пистолет и выстрелил в упор. Тварь отшвырнуло прочь, она издала жуткий вопль и судорожно забила крыльями, а Соломон склонился над умирающей Найелой. Она цевовала его руки и силилась что-то сказать, но сил уже не было. Соломон бережно обнял девушку, устроил ее голову у себя на плече, и ее душа отлетела...

Кейн опустил тело наземь и поисками глазами Куробу, но под стеной хижины копошилось целое скопище тварей, раздиравших и пожирающих нечто невидимое со стороны...

Вот тут Кейн обезумел. Издав крик, который былнятно слышен даже в этом аду, он вскочил на ноги, и каждое его движение несло смерть. В первый же миг, толком даже не поднявшись с колен, он успел сделать выпад и пронзил раний хищную глотку. Выдернув клинок, пуританин отшвырнул умирающую гарпу и рванулся вперед, ища новую жертву...

Повсюду кругом мучительно и страшно умирали боянды. Кто-то пытался бежать, кто-то силился драться — конец все равно был один: демоны били их на выбор, как ястрыбы зайцев. Некоторые прятались в хижинах, но мощные когти в клочья рвали тростниковые крыши, и что происходило внутри, Кейн, по счастью, не видел. Ему и без того было довольно; воспаленный рассудок сверлила

мысль, что это он, он один повинен в происходящем. Чернокожие свято поверили, что белый пришелец мог их спасти. Они воздержались от очередного жертвоприношения, бросив тем самым вызов своим ужасным «хозяевам»... и вот теперь платили самую страшную цену, а он, Соломон Кейн, ничем не мог им помочь. Казалось, умирающие богонда только на него и смотрели, и Кейн до дна пил эту горькую чашу. В их взглядах не было озлобления, лишь отчаяние и упрек. Он был их богом. И он их подвел.

Он метался среди всеобщего кровопролития туда и сюда, и гарпии шарахались от него прочь, предпочитая противников послабее. Но Кейн заставлял считаться с собой. Сквозь алую пелену, объянявшуюся вовсе не отблесками горящей хижины, он заметил нечто совсем запредельное: одна из гарпий схватила нагую женщину и глубоко запустила клыки в бьющееся черное тело. Кейн прыгнул вперед, отводя для удара клинок, однако тварь отпустила еще живую жертву и стрелой взвилась вверх. Нуриатин бросил раниру, прыгнул вслед, точно полуумная от крови пантера, и вцепился демону в глотку, обвив крепкими ногами нижнюю часть его туловища.

Вот уже во второй раз он дрался, баражаясь в воздухе, только не над лесом, а над деревенскими крышами. Он не ведал пощады, и холодный мозг гарпии затосило ужасом. Крылатый хищник, привыкший к легкой поживе, встретил противника страшнее себя и уже не стремился убить и пожрать — теперь он мечтал лишь избавиться от этого молчаливого и невероятно свирепого создания, которое железной рукой стискивало его горло и бешено орудовало кинжалом. Демон вонзил и кувыркался в воздухе, беспорядочно хлопая крыльями, но тут клинок Кейна добрался до его внутренностей, и кровожадный листун, заваливаясь на крыло, камнем пошел к земле.

Они вместе упали на тростниковую крышу и, проломив ее, врезались в беспорядочную свалку, происходившую на полу. Внутренность хижины подсвечивал полыхавший снаружи пожар, и Кейн увидел такое, отчего впору было свихнуться. Залитые кровью клыки, бездонный провал разинутой пасти... И жуткая карикатура на человека, еще трепетавшая последними мучительными биссиями жизни...

Разумно мыслить Кейн уже не был способен. Он просто сомкнул стальные пальцы на глотке демона, и его хватку не могли ослабить ни удары когтей, ни беспое хлопанье крыльев. Кейн держал и держал — пока дьявольская жизнь не истекла наружу меж его пальцев, пока не хрустнула жилистая шея...

А снаружи все длился кровавый ужас смертной резни. Кейн вскочил на ноги, ощупью нашарил на полу какое-то оружие и бросился вон. Тотчас же прямо у него из-под ног взвилась гарпия. Соломон отреагировал мгновенным ударом; оказалось, что в руке у него зажат боевой топорик богонда — мозги летучего демона разлетелись брызгами во все стороны. Кейн понесся вперед, перепрыгивая через растерзанные тела, через валяющиеся руки и ноги. Кровь текла у него из дюжины ран, но он не обращал внимания...

А потом он остановился, недоумевая, и закричал от ярости и бессилия.

Крылатые люди один за другим поднимались в воздух, покидая деревню. Ни один не желал больше связываться с белокожим безумцем, который оказался слишком страшен даже для них. Но гарпии убирались в свои пещеры не с пустыми когтями. Они уносили еще живые, корчащиеся, кричащие жертвы, и Кейн метался туда и сюда, размахивая окровавленным топором... Пока не остался

совершенно один в деревне, где кроме него были только мертвецы.

Откинув голову, он закричал без слов, посыпая вдогонку тварям свое отчаяние и гнев... Густые теплые капли падали с небес ему на лицо. Где-то вверху звучали крики боли, заглушаемые хохотом чудовищ. Кейн почувствовал, как его покидают последние остатки здравого смысла. Стоя под кровавым дождем, слушая отзвуки жуткого торжества, происходившего среди звезд, сдержанный пуританин матерился и богохульствовал, как никогда в жизни...

В эти мгновения Кейн был поистине символом человеческой участи. Он спотыкался об изгрызенные кости и ободранные черепа своих собратьев по расе, он размахивал бесполезным топором и что-то с ненавистью кричал вслед созданиям Ночи — а те праздновали свою победу над ним, смахнув живое человеческое мясо и роняя теплую кровь жертв прямо в его бешеные глаза...

Глава 5

ВОЗМЕЗДИЕ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Бледный, точно от пережитого ужаса, робкий рассвет выбрался из-за черных холмов и озарил кровавые руины, бывшие некогда живой и уютной деревней... Хижины были почти не повреждены — кроме одной, что рассыпалась еще дымившимися углями. Лишь некоторые крыши нуждались в починке, вот только чинить их было уже некому. На улицах валялись полностью или частично обглоданные кости. Иные были раздроблены, словно их сбросили с огромной высоты...

Здесь больше не было ничего, кроме смерти. Во всей деревне оставался один-единственный человек — Соломон Кейн. Опираясь на облезленный загустелой кровью топор, он смотрел на разгром неподвижным, отсутствующим взглядом. Пуританин был чудовищно грязен и весь в крови, еще сочившейся из длинных глубоких царепин на груди, плечах и лице. Он не обращал на эти раны никакого внимания.

Жизни людей племени богонда были отданы не совсем даром. Семнадцать гарпий остались валяться на окровавленных улицах. Шесть из них нали от руки Кейна. Остальных забрали с собой чернокожие воины, сражавшиеся с

мужеством обреченных. Увы, жалкая была это плата за четыре сотни душ, еще вчера обитавших в Верхней Богонде — и не встретивших сегодняшней зари...

А обожравшиеся, пресыщенные гарпии улстели в свои пещеры на верлинах черных холмов.

Сдвинувшись наконец с места, Кейн побрел собирать свое оружие. Двигаясь медленно и бездумно, он все-таки подобрал оба пистолета, рапиру, кинжал и посох шамана. Потом покинул деревню и отиравился выше по склону — к большой хижине, принадлежавшей колдуну Гору. Подойдя, он внезапно остановился, ибо его глазам представал новый кошмар. Гарпии с их склонностью к чудовищным шуткам, кажется, превзошли сами себя. Над дверью хижины торчала мертвая голова ее прежнего хозяина. Пухлые щеки запали, обмякшие губы иснуганию и глупо кривились, а открытые глаза смотрели взглядом обиженнего ребенка.

Они проникали Кейну в самую душу, и в них опять был все тот же упрек...

Кейн посмотрел на руины Богонда, потом опять на лицо Гору, превращенное в посмертную маску... Медленно поднял над головой стиснутые кулаки — и с пылающими глазами и пеной на перекошенных губах проклял небо и землю, не забыв ни единой сферы бытия. Он проклинал равнодушные звезды, пламенеющий солнечный диск, насмеившую улыбку луны и шепчуший ветер. Он проклинал судьбу и предназначение, все, что когда-либо не-навидел или любил, проклинал молчаливые города, поглощенные морем, проклинал минувшие эпохи и грядущие века. Он выкрикивал сотрясающие душу богохульства, равно попося льялов и богов, сделавших человечество своей игрушкой,— и Человека, который слепо вляпался по жизни и бездумно подставлял спину под железную пяту богов...

Все это Соломон Кейн выпалил на одном дыхании и умолк, только когда в легких кончился воздух. В наступившей тишине откуда-то из низин долетел далекий рык льва... и вот тут-то в глазах пуританина загорелся огонек вдохновения. Он долго стоял, не двигаясь с места и переплавляя свое временное именшательство в поистине безумный план, который тем не менее мог и сработать.

Тут он припомнил свои недавние богохульства и мысленно отрекся от них. Что верно, то верно, бессовестные боги создали Человека для своих жестоких забав. Но они же наделили его сообразительным мозгом, чья жестокая изобретательность не имеет себе равных в природе.

— Ты пока оставайся здесь,— проговорил Соломон, обращаясь к голове Гору.— Солнечный жар и холодная ночная роса иссушат и сморщат тебя, но стервятников я уж как-нибудь отгоюю, чтобы они не выклевали глаза и ты смог увидеть, как падут твои погубители. Да, я не сумел уберечь людей твоего илемени, но, во имя Господа, Которому молится мой народ, я сполна за них отомщу! Да, так уж получается, что Человек есть добыча и игрушка могучих порождений ночи и ужаса, чьи крыла от века простерты над его головой. Однако из злым созданиям когда-нибудь приходит конец... Взирай же, Горо!

...Последующие несколько суток пуританин трудился в буквальном смысле не покладая рук. Он брался за дело при самых первых серых проблесках дня и работал даже после заката, пользуясь яркой луной, пока не ваился наземь в полном изнеможении. Он слышал что попало и на ходу, не давая себе передышки, и совершенно не заботился о своих ранах, предоставив им заживать как придется. Служаскаясь к подножию плато, он резал бамбук и возвращался с огромными охапками длинных, тонких стеблей. Он рубил толстые сучья и запасался лианами, чтобы исполь-

зовать их вместо канатов. Все собранное шло на усиление кровли и стен хижины Гору. Кейн вбивал бамбуки глубоко в землю, размечая их у самой стены, после чего переплетал их и связывал гибкими лианами, прочными, как корабельные тросы. Тяжелые сучья он укладывал на тростниковую крышу вплотную друг к дружке и опять-таки связывал и сплетал... Когда он довершил все, что хотел, из обновленной таким образом хижины вряд ли сумел бы вырваться даже слон.

Между тем львы во множестве посещали обезлюдевшее плато, причиняя стадам мелких свиней быструю убыль. А тех, до которых не добрались львы, убивал Кейн. Убивал — и вырываял шакалам. Соломону простило такое истребление зверя, даже этих свиней, всяко обреченных пойти на корм хищникам... Но это было необходимой частью его плана отмщения, и он продолжал начатое, укрепляя свой дух.

Дни шли за днями, неделя сменяла неделю... Кейн трудился день и ночь, не забывая время от времени беседовать с головой Гору. Та давно сморщилась и иссохла, превратившись почти в мумию, и лишь глаза, как ни странно, совсем не изменились, продолжая смотреть на Кейна совершенно живым взглядом. Много позже, когда те дни исступленной работы сделались всего лишь воспоминанием, Соломон Кейн спрашивал себя, мерещилось ли ему, будто высохшие губы жреца едва заметно шевелились, напшептывая что-то в ответ...

Порою Кейн замечал акаана, кружившихся далеко в небе. Они, впрочем, не пытались приблизиться — даже по ночам, когда он спал в просторной хижине, держа руку на пистолетах. Демоны боялись его, их страшила его способность убивать громом и молнией. Первое время акаана летали медлительно и лениво, отягощенные человечиной, пожранной во время расправы с деревней и по-

сле, в пещерах. Но время шло, и бестии опять отошли и принялись улетать далеко на равнины в поисках пищи. Кейн посмеивался, и в его глазах вновь горели безумные огоньки. При жизни богонда его план был, пожалуй, неосуществим. Но теперь на плато не стало людей, которыми гарпии могли бы утолить голод. Не стало и свиней. Здесь вообще больше не было никакой живности, пригодной демонам в пищу. Кейн даже понял, отчего они не промышляли восточней своих холмов. Должно быть, там были такие же непролазные джунгли, как и на западе, за саванной. Еще он видел, как акаана преследовали на лугах антилоп и как на них самих охотились львы. В конце концов, гарпии были не самыми могучими хищниками в здешних местах. Они справлялись разве что со свиньями и оленями... да еще с людьми...

Постепенно они начали подлстать все ближе к Кейну, особенно по ночам. Он видел, как жадно светились в темноте их глаза. Близился решительный час.

Тем временем на плато появились дикие буйволы. Они лакомились посевами на полях погибшего племени и были слишком сильны и свирельны, чтобы гарпии отважились на них нападать. Одного самца Кейну удалось отбить от стада. Крича и швыряясь камнями, пуританин погнал его в направлении хижины Гору. Дело оказалось не только трудным, но и опасным: несколько раз Соломон с трудом уверачивался от озлобленного быка, по все-таки преуспел и в итоге застрелил животное непосредственно около дома.

Дул сильный западный ветер. Кейн набирал полные пригорюни крови и подбрасывал в воздух, чтобы гарпии на холмах верней учゅяли запах. Потом разрубил туши на части и, надсаживаясь, затащил в дом. Спрятался в гуще деревьев неподалеку — и стал ждать...

Ожидание не затянулось надолго. В утреннем воздухе захлопали крылья, и на поляну перед хижиной Гору

онустилась гнусная стая. Похоже, на запах свежего мяса слетелось все крылатое цлевя — странные рослые твари, так похожие и так непохожие на людей. Сущие демоны, какими их привычно изображают церковники!

Они складывали крылья, заворачиваясь в них, как в плащи, они прямо стояли на задних ногах и разговаривали между собой трескучими голосами, в которых не было ничего человеческого. И Кейн, все пытавшийся решить для себя, кем их считать — ветвью человечества или чем-то совершенно отличным от рода людского, — сделал окончательный вывод, что между гарпиями и людьми не было никакого родства. Перед ним стояли существа из эпохи юности мира, когда Творение шло непроторенными путями. Быть может, их породило противоестественное соитие зверя и человека; вероятней, однако, что гарпии представляли собой раннюю и тупиковую ветвь на древе эволюции, ибо Кейн с давних пор нутром чувствовал истину в сретических учениях древних философов, утверждавших, будто Человек есть всего лишь вершина животного царства. Но если так, то Природа, создавшая в те времена немало весьма странных существ, вполне могла поэкспериментировать и с запредельными формами человекоподобных созданий. Уж верно, Человек, каким знал его Кейн, был не первым носителем разума, ходившим по этой земле. И, видит бог, не последним...

Тем временем оголодавшие гарпии медлили перед дверью: постройки внушали им недоверие. Некоторые даже взлетели на крышу и попробовали ее растрепать, однако Кейн потрудился на совесть, и бестии вернулись ни с чем. Наконец вид и запах парного кровавого мяса превозмог страх, и одна из тварей отважилась войти внутрь. Еще миг — и в обширное помещение набились уже все, чтобы жадно накинуться на еду.

Как только последняя гарпия переступила порог, Кейн дернул длинную лиану, привязанную к двери. Та с трес-

ком захлопнулась, и тяжелый брус, вытесанный специально для этой цели, громыхнул, падая в проушины.

Теперь эту дверь не высадил бы и буйвол.

Выбравшись из укрытия, Кейн внимательно оглядел небо... Он успел пересчитать гарпий, забравшихся в хижину; их было примерно сто пятьдесят. Ничьи крылья большие не оскверняли небесную синеву, и Соломон отважился предположить, что в ловушку угодила сразу вся стая. По губам Кейна проползла безжалостная улыбка... Он ударили кресалом, поджигая груду сухих листвьев, сваленных у стены. Внутри дома звучали бесновойные голоса: кажется, гарпии сообразили, что угодили в западню.

Из кучи растопки потянулся кверху тонкий дымок, потом мелькнул алый язычок... Внезапно листья всыхнули все разом, и огонь сразу перекинулся на сухие стебли бамбука.

Еще несколько мгновений — и пламя уже окутывало всю стену. Демоны, запертые внутри, учудили дым и не на шутку встревожились. Кейн слышал их трескучие голоса и то, как они царапали стены. Он снова улыбнулся, невесело и недобро. Порыв ветра подхватил пламя, стеля сго по стенам и крыше, и оно с ревом охватило всю хижину целиком. Внутри царил кромешный ужас, гарпии страшно кричали и пытались вырваться — Кейн слышал глухие удары и видел, как взрагивали стены. Однако он трудился не зря — хижина стоялаочно. Вопли перепуганных гарпий музыкой отдавались в его ушах. Он размахивал руками и отвечал гибнущим пленникам раскатами ужащающего смеха. Жуткий хор достиг последнего предела, заглушая даже гудение пожара... а потом голоса пошли на убыль, сменившись полузадушенными всхлипами — это пламя прорвалось внутрь, и хижина наполнилась густыми клубами дыма. В воздухе начал разноситься невыносимый запах горящей плоти...

Если бы разум Кейна был способен вместить еще какую-либо мысль помимо дикарского мстительного восторга, он, возможно, ужаснулся бы напоследок, сообразив, что такую топнотворную и никакими словами не описуемую вонь производит лишь горящая человеческая плоть...

Потом в туче дыма возникла движущаяся фигура. Она вскарабкалась наверх сквозь дыру просевшей крыши и, расправив изуродованные ожогами крылья, стала мучительно медленно набирать высоту... Кейн самым хладнокровным образом прицелился и спустил курок. Обожженная, ослепшая от дыма тварь опрокинулась в воздухе и рухнула обратно в огонь — и как раз в это время стали рушиться стены.

Соломон еще успел разглядеть голову Гору, поглощаемую пожаром. Прежде чем все окончательно затянул дым, пуританину показалось, будто мертвая голова расплылась в широченной улыбке, а к реву огня примешался торжествующий человеческий смех...

Чего только не померещится воспаленному рассудку в дыму и огне!

Кейн стоял над кострищем, держа в одной руке шаманский посох, а в другой — дымящийся пистолет. Здесь, в этих обгоревших развалинах, навеки исчезли с лика земли последние представители человекоподобной нечисти, которую другой белокожий герой когда-то давно изгнал из пределов Европы. В эти мгновения Кейн, сам не осознавая того, был олицетворением исторического триумфа. Рушатся древние империи, уходят их темнокожие создатели, даже демоны былых веков испускают последний вздох... И над всем возвышается он — варвар арийских кровей, белокожий, холодноглазый властелин будущего, величайший воин подлунного мира, и какая разница, обла-

Роберт И. Говард

чен ли он в волчьи шкуры и рогатый шлем или в сапоги и камзол! Какая разница, боевой топор у него в руках или рапира, зовется ли он дорийцем, саксом или англичанином, носит ли имя Ясон, Хенгист или Соломон Кейн!

Пуританин стоял и смотрел, как уходит в утреннее небо клубящийся дымный столб. Плато дрожало от рева львов, вышедших на охоту. И, точно солнце, разгоняющее туман, к Соломону постепенно возвращался здравый рассудок.

— Свет утра Господня постепенно восходит даже над самыми темными и далекими краями, — задумчиво проговорил Кейн. — Зло еще очень сильно в пределах земли, но всякому злу рано или поздно приходит конец. За полночью всегда наступает рассвет, и даже в затерянной стране вроде этой постепенно истаивают недобрые тени... Неисповедимы пути Твои, Господь моего народа, и кто я такой, чтобы сомневаться в Твоей премудрости? Мне случалось вступать на трону зла, но Ты отвел меня от нее, чтобы сделать меня Своим орудием против сил зла. Ибо над людскими душами простерты хищные крылья чудовищ, и несть числа злобным тварям, готовым пожрать душу, сердце и самую плоть Человека. Далек тот день, когда окончательно рассеются тени и Князь Тьмы будет навеки скован в аду. И пока не наступил этот день, человечеству остается лишь непоколебимо противостоять чудищам во внешнем мире и в своем собственном сердце, и, с Божьей помощью, мы победим!

Подняв голову, пуританин обвел взглядом молчаливые холмы, и зов непройденных далей снова зазвучал у него в душе. Соломон Кейн поправил пояс, крепче сжал в ладони посох шамана — и зашагал на восток...

Шаги за дверью

...Соломон Кейн угрюмо рассматривал женщину-туземку, лежавшую мертвой у его ног. Выглядела она почти девочкой, но истощенное тело и глаза, в которых навсегда застыло страдание, без слов рассказывали о мучениях, которые выпало перенести этой несчастной, прежде чем милосердная смерть принесла ей облегчение. Наметанный взгляд Кейна сейчас же отметил язвы, оставленные кандалами на тонких руках и ногах, глубокие рубцы от кнута, крест-накрест рассекавшие спину, а на шее — следы невольничьего ярма. Кейн смотрел, и глаза его постепенно наполнялись недобрыйм, идущим из глубины блеском. Так мерцают ледники, когда ветер несет над ними облака.

— Даже сюда добрались,— пробормотал он.— Даже в эту богом забытую глушь. Кто бы мог подумать...

Подняв голову, он посмотрел на восток. Там, аспидно-черные в синеве, безостановочно кружились едва различимые точки.

— Стервятники,— пробормотал англичанин.— Стервятники отмечают их путь. Эти люди несут с собой разрушение, а по пятам за ними следует смерть. Что ж, вострепещите, сыны беззакония, ибо настает для вас день гнева Господня! Спущенны с цепи безжалостные псы ненависти, и туго натянуты тетивы луков отмщения. Преисполнены вы грозной силы и великой гордыни, и кри-

ком кричит народ под вашей пятой. Но знайте, что близко возмездие, неотвратимое, словно алый рассвет, сменяющий полуночный мрак!

Он поудобнее устроил за поясом тяжелые пистолеты, привычно коснулся рукой рукоятей кинжала и длиной рапиры, неизменно висевшей у него на бедре. И двинулся на восток — крауничясь, но в то же время и быстро. Глубинная, жестокая ярость тлела в его глазах, словно синее, потаенное пламя вулкана, до поры до времени скрытого толщами льда. А рука, стискивавшая длинный посох, увенчанный головой кошки, была тверже железа.

После нескольких часов упорной ходьбы Кейн расслышал впереди себя шум невольничьего каравана, медленно и тяжело двигавшегося через джунгли. До слуха пуританина явственно доложились жалобные крики рабов, вопли и ругань надсмотрщиков и резкое, как выстрелы, щелканье кнутов. Еще час — и Кейн их догнал. Неслышино скользя сквозь джунгли параллельно тропе, по которой двигался караван, англичанин внимательно рассматривал своих недругов, сам оставаясь незамеченным. Он бывал в Дариене и не только сражался там с воинами местных племен, но и перенял многое из их охотничьего искусства.

Более сотни туземцев, в основном юношей и молодых женщин, еле переставляя ноги, тащились по тропе. Все были совершенно обнажены, и шею каждого охватывало нечто вроде деревянного ярма, грубого и тяжелого. С помощью этих живодерских устройств рабы были соединены по двое, причем от ярма к ярму тянулась цепь, так что получалась одна длинная вереница. Что касается надсмотрщиков, Кейн насчитал пятнадцать арабов и еще человек семьдесят чернокожих. Оружие и красочное убранство этих последних говорило об их принадлежности к одному из восточных племен. Эти племена арабские за-

воеватели обращали в мусульманство и делали своими союзниками.

Пятеро арабов и при них десятка три негров шагали впереди каравана, и еще пятеро вместе с чернокожими воинами замыкали невеселое шествие. Остальные сновали туда-сюда вдоль вереницы рабов, подгоняя их криками, бранью и жестокими уларами длинных бичей. Почти при каждом ударе из-под бичей брызгала кровь. Кейн не удержался от мысли, что эти охотники за живым товаром были не только мерзавцами, но и непроходимыми глупцами, ведь при подобном обращении до восточного побережья наверняка добралось бы не более половины рабов.

Потом он задумался о том, откуда вообще здесь могли взяться работоторговцы. Здешний край лежал гораздо южнее тех мест, которые они посещали обычно. Впрочем, англичанину было отлично известно, как далеко может завести человека жажда паживы. Ему издавна приходилось иметь дело с подобной публикой. Глядя на вереницу невольников, он почувствовал, как зачесались на спине старые шрамы от кнута — недобрая память о турецкой галерсе.

Но куда хуже шрамов жгла Соломона Кейна застарелая ненависть...

Итак, пуританин следовал за караваном, скользя бесшумным призраком сквозь джунгли, между тем как мозг его напряженно трудился, пытаясь составить хоть какой-нибудь план. Каким образом в одиночку взять верх над столь многочисленной бандой?.. Тем более что у всех арабов и у многих из их союзников были при себе ружья. Неу克莱ние длинноствольные фитильные сооружения, но все-таки это были ружья, вполне успешно устрашавшие туземные племена, если те пытались сопротивляться. А кое у кого торчало за широкими матерчатыми кушаками оружие еще более грозное — длинные, отделанные се-

ребром кремневые пистолеты мавританской или турецкой работы...

Кейн шел, и бессильная ярость, подобно ржавчине, разъедала его душу. Каждый удар бича, казалось, раздирал его собственную кожу... Бывает, жара и безжалостная природа тронников шутят с человеком странные шутки. Самые обычные душевые движения приобретают чудовищные пропорции. Простое раздражение перерастает в бешеную, неукротимую ярость. Гнев вспыхивает настоящим безумием, так что глаза застилает багровый туман и человек становится убийцей, а потом сам искренне ужасается тому, что натворил.

Ярость же, снедавшая Соломона Кейна, была из тех, что даже и при обычных условиях потрясают человека до самой глубины души. Невозможно описать, что с ним происходило! Он дрожал, словно в ознобе, разум раздирали железные когти, а рабов и надсмотрщиков постепенно затягивало кровавое марево. Кейн, однако, вряд ли дал бы своей ярости вырваться из узлы и не вдруг перешел бы к прямым действиям, если бы не случайность.

Одна из рабынь, молодая стройная девушка, неожиданно споткнулась, не удержала равновесия и повалилась на землю, потянув за собой и своего напарника по ярму. Высокий крючконосый араб сейчас же злобно зардал на нее и принялся почем зря хлестать девчонку кнутом. Второй невольник сумел приподняться, но изнемогшая девушка только корчилась на земле и всхлипывала, явно не в силах встать. Остальные надсмотрщики поспешили к ней, и на беззащитное тело со свистом посыпались удары.

Ей всего-то и надо было, что немногого воды и полчаса отдыха, но у караванщиков не было времени давать передышку рабам. Соломон до крови прокусил себе руку, глядя на истязание и пытаясь сохранить остатки самооб-

ладания. Он возблагодарил Бога, когда удары прекратились, и стал ждать быстрого взмаха кинжала, который избавил бы несчастное дитя от дальнейших страданий. Но, к его ужасу, арабам взбрело на ум позабавиться. Если уж девка не будет выставлена на продажу и не принесет выгоды, рассудили они, отчего бы, по крайней мере, не получить удовольствие?.. Удовольствие же было таково, что у кого угодно могла заледенеть кровь в жилах.

Призывный крик крючконосого собрал всех его приятелей кругом него. Бородатые хари расплывались в предвкушающих улыбках. Чернокожие союзники арабов столпились за спинами хозяев, глаза у них кровожадно блестели. Несчастные рабы поняли намерения надсмотрщиков, и джунгли огласились жалобными криками и плачем.

Кейна попросту затоптило от ужаса, когда он сообразил, какого рода смерть была уготована девочке. Крючконосый уже склонился над ней с очень острым кинжалом — из тех, какими у арабов заведено было сдирать на охоте шкуру с дичи... Соломон высоко ценил свою жизнь, но ему случалось не раздумывая рисковать ею и ради младенца из языческого племени, и даже спасая какую-нибудь зверушку. Здесь ставка была выше: он мог потерять свой единственный шанс выручить целую сотню невольников. И тем не менее...

Соломон действовал мгновенно. И не думая. Прежде чем он сам сообразил, что делает, в его руке уже курился разряженный пистолет, а крючконосый мясник валялся в дорожной пыли, и мозги его вытекали наружу сквозь проделанную пулей дыру.

Честно говоря, Кейн был потрясен случившимся едва ли не в той же мере, что и арабы, которые, преодолев мгновенный столбняк, разразились нестройными воплями. Иные вскинули свои неуклюжие ружья, и тяжелые пули с грохотом пронеслись между деревьями. Остальные, решив, что караван угодил в засаду, сейчас же бро-

сились сквозь кусты в отчаянную атаку на невидимого врага. Эта их мгновенная реакция на выстрел и погубила Кейна. Промедли они хотя бы чуть-чуть, он так и растворился бы в лесу незамеченным. А теперь ему только и оставалось, что сойтись с ними в открытую. И постараться как можно дороже продать свою жизнь.

Вот налетела завывающая толпа, и англичанина охватило истинное упоение боем. Враги изумленно остановились, когда перед ними из-за дерева появился рослый угрюмый белый мужчина, и один из них тут же упал, сраженный в сердце пулей из пистолета, еще остававшегося у Кейна. Но изумление быстро прошло, и они с криком насыли на безумца, осмелившегося в одиночку бросить им вызов.

Соломон Кейн встал спиной к большому дереву, чтобы никто не мог подобраться к нему с тыла, и его длинная рапира замелькала в воздухе, выписывая светящиеся круги. Какой-то араб и при нем трое не менее свирепых союзников старались достать его изогнутыми клинками, прочие же крутились поблизости, рыча, словно дикие звери. Каждый усердно пытался всадить в него либо лезвие, либо цулю, и мешало им только опасение покалечить своих.

Проворная рапира успешно отбивала удары ятаганов. Вот, сраженный ею, умер араб; кончик рапиры уколол его в сердце и тут же выпорхнул обратно, чтобы пронизать мозг размахивавшего саблей чернокожего воина. Еще один бросил саблю и прыгнул вперед, желая сойтись с англичанином в рукопашной. Кинжал в левой руке Кейна выпустил ему кишки, и пуританин был вознагражден мгновением отдохва: нападавшие отступили в некотором смущении. Однако сейчас же у самой головы Кейна в дерево впилась тяжелая цуля, и англичанин приготовился к тому, чтобы кипнуться на врагов и неизбежно проститься с жизнью в их гуще. В это самое время к месту сраже-

ния подоспел сам шейх. Он живо подзадорил своих подданных с помощью длинного хлыста, и Кейн слышал, как он кричал на воинов, побуждая их непременно взять нсверного живьем. Кейн ответил на этот призыв тем, что метнул свой кинжал. Острое лезвие рассекло тюрбан предводителя и глубоко засело в плече воина, стоявшего у него за спиной.

Шейх выхватил из-за кущака отделанный серебром пистолет, грозя своим людям немедленной смертью, если они не схватят дерзкого неприятеля, и они вновь устремились в отчаянную атаку. Один из них так и налетел грудью на Кейнову раниру. Следовавший за ним араб с безжалостностью опытного воина вынырнул раненого, несмотря на вопли и визг, еще дальше вперед, на клинок, так что тот по рукояти вошел в бьющееся тело. Ранира застряла, и прежде, чем Кейну удалось ее высвободить, вся стая налетела на него с криками торжества и попросту задавила числом. Ощущив со всех сторон вцепившиеся руки, пуританин невольно пожалел о кинжале, брошенном в шейха. Но даже и без кинжала его не так-то просто было скрутить.

Кровь потоками заливала лица: железные кулаки англичанца уродовали нападавших, с одинаковой легкостью проламывая черепа и вышибая зубы. Кто-то, согнувшись в три погибели, откатился назад: крепкий удар коленом пришелся воину в пах. И даже тогда, когда Кейна прижали к земле и навалились сверху, не давая возможности ныскать в ход кулаки, его длинные, худые пальцы проникли сквозь чью-то спутанную бороду, чтобы сомкнуться на жилистом горле. И такова была хватка этих пальцев, что сильные мужчины с трудом разжали их втрoем, а позеленевшая жертва долго еще растирала помятую шею, кашляя и задыхаясь.

И вот наконец, все в пути после невероятной схватки, они связали Кейна по рукам и ногам, и шейх, засовывая

за шелковый кушак пистолеты, подошел взглянуть на пленника самолично. Лежа на земле, Кейн угрюмо смотрел снизу вверх на высокого сухопарого араба, разглядывая ястребиное лицо с курчавой, черной как смоль бородой и наглыми карими глазами.

— Я — шейх Хассим бен Саид,— сказал наконец араб.— А ты кто?

— Меня зовут Соломон Кейн,— прорычал пуританин, отвечая шейху на его родном языке.— И знай, нехристь, собака, что перед тобой — англичанин!

В темных глазах араба замерцал интерес.

— Сулейман Кахани,— проговорил он, переиначивая на свой лад английское имя.— Весьма, весьма наслышан. Ты, говорят, сражался против турок и заставлял берберийских корсаров склонить, зализывая раны...

Кейн не снизошел до ответа. Хассим передернул плечами.

— За тебя,— сказал он,— заплатят отличную цену. Быть может, я даже в Стамбул тебя отвезу. А что? Там найдутся шахи, жаждущие иметь среди своих рабов подобного человека. Кажется, я даже припоминаю одного из них. Его зовут Кемаль Бей, он мореплаватель. На лице у него глубокий шрам, который ты ему подарил, и самое слово «англичанин» вселяет в него ненависть. Да! Вот кто не пожалеет денег, только чтобы тебя приобрести. Смотри, франк, я оказываю тебе честь: ты будешь удостоен отдельного стражника. Ты пойдешь не в общей веренице и без ярма. Ты будешь свободен... не считая рук, разумеется.

Кейн вновь промолчал. По знаку шейха его поставили на ноги и освободили от цут, оставив только руки намертво связанными за спиной. На шею ему надели прочную веревку, другой конец которой был вручен здоровенному воину, не расстававшемуся с длинным изогнутым ятаганом.

— Как тебе нравится, франк, та честь, которую я тебе оказал? — глумливо осведомился шейх.

— Да я вот раздумываю... — отозвался Кейн. Он говорил медленно, и в низком голосе его отчетливо звучала угроза. — Я, пожалуй, променял бы спасение моей бессмертной души на то, чтобы встать в одиночку и безоружным против тебя и твоей сабли и голыми руками вырвать у тебя из груди сердце...

И такова была сдержанная, но страшная ненависть в его голосе, такая неукротимая ярость горела в глазах, что закаленный вождь, привыкший считать себя бесстрашим, побледнел и невольно подался назад, отшатнувшись, словно от взбешенного и очень опасного зверя...

Очень скоро Хассим, конечно, вновь принял обычный надменный вид и, отдав короткий приказ своим подручным, вернулся в голову каравана. А Кейн возблагодарил судьбу, заметив, что короткая заминка, вызванная схваткой с ним и его поимкой, позволила едва не погибшей девушке хоть как-то прийти в себя и пердохнуть. Нож для свежевания дичи успел только коснуться ее, не более; ее качало из стороны в сторону, но идти она все же могла. Ко всему прочему, близилась ночь, а это означало, что довольно скоро охотникам за рабами волей-неволей придется разбивать лагерь.

Делать нечего, англичанин побрел вперед по тропе. Его страж следовал в нескольких шагах, держа огромный ятаган наготове. Кейн также отметил — и это некоторым образом польстило ему, — что еще трое воинов неотступно следовали за ними, держа мушкеты на руке и не давая фитилям погасать. Они уже имели случай уразуметь, с кем связались, и больше рисковать не хотели. Они также собрали оружие Кейна. Это было очень неплохое оружие, и Хассим немедленно взял его себе. Он презрительно отбросил только посох-талисман, увенчанный ко-

шачьей головкой, и один из диких воинов тотчас его поднял, чтобы присвоить.

Потом Соломон обратил внимание, что рядом с ним держится еще один из арабов, худой седобородый старик. Казалось, этому человеку хотелось заговорить с пленником, но мешала некая робость. Кейн почеволе задумался о природе столь странной застенчивости. Оказывается, все дело было в посохе, который араб отобрал у завладевшего им чернокожего и теперь несуверенно вертел в руках.

— Я Хаджи Юсиф и ничего против тебя не имею,— неожиданно проговорил седобородый.— Я не участвовал в нападении на тебя и предпочел бы быть твоим другом, если бы ты мне позволил... Прошу тебя, франк, скажи мне, откуда появился этот посох? И как вышло, что он попал к тебе в руки?

Первым поползновением Кейна было предложить своему собеседнику катиться колбасой в адovy бездны. Но в голосе старика ему послышались нотки подлинной искренности, и Соломон передумал.

— Мне вручил его мой кровный побратим,— ответствовал он.— Это был колдун одного племени с Невольничьего Берега. Его звали Нлонга.

Кивнув, старый араб пробормотал что-то в бороду, а потом велел ближайшему воину бежать в голову каравана с наказом Хассиму немедленно возвратиться. Рослый шейх не замедлил явиться. Он шагал вдоль медленно бредшей вереницы рабов, бренча и позвякивая кинжалами и ятаганом. Оружие, отобранное у Кейна, торчало из-за его широкого кушака.

— Смотри, Хассим! — сказал старик, показывая ему посох.— Вот что ты выбросил, не ведая, чтотворишь!

— Ну выбросил, и что? — буркнул шейх.— Подумашь, посох! Что в нем особенного? С одной стороны заострен, с другой — голова кошки... Чего только неверные не вырежут на деревяшке!

Старик взволнованно воздел посох над головой и потряс им:

— Да он старше этого мира!.. Могущественнейшая магия заключена в нем, а ты говоришь — деревяшка! Я читал о нем в древних книгах, одетых железными переплетами! Сам Пророк — мир с ним! — пусть и иносказательно, но уломил ее! Видишь на нем кошачью головку? На самом деле это изображение богини, которой поклонялись в Древнем Египте! Только подумай: давным-давно, еще прежде, чем стал учить Мохаммед, прежде, нежели был построен Иерусалим, жрецы Баст выносили этот жезл и торжественно показывали молящимся, а те простирались перед ним лицом, распевая священные гимны! Это с его помощью Муса — неверные называют его Моисеем — творил чудеса перед лицом фараона, а когда евреи уходили из Египта, он нес его впереди своего народа. Много столетий служил он царским скипетром Израиля и Иудеи. Это с его помощью Сулейман ибн Дауд изгнал колдунов и заклинателей духов и наложил чары на ифритов и злых джиннов! Смотри же, Хассим! Древний жезл вновь в руках человека, которого зовут Сулейман!

Произнося эту речь, старый Юсиф дошел почти до фанатического религиозного исступления, но Хассим только передернул плечами.

— Твой посох, даже если это тот самый, не выручил ни евреев из рабства, ни этого Сулеймана из нашего плена, — заявил шейх. — По-моему, деревяшка все же стоит меньше, чем тот длинный тонкий клинок, с помощью которого Сулейман Кахани только что отправил в рай трех моих лучших бойцов!

Юсиф покачал головой:

— Не доведут тебя до добра подобные насмешки, Хассим. Когда-нибудь ты встретишься с силой, которую не рассчитет твой меч и не повалят твои пули. Я сберегу священный посох. И я предупреждаю тебя, Хассим, — не тро-

гал бы ты лучше этого франка! Он хранил у себя жезл, видевший Сулеймана, Мусу и фараонов! Кто знает, какую магию он от него воспринял? Повторяю, Хассим: этот посох старше нашего мира! Он существовал еще до Адама, и в те времена его держали в руках ужасные жрецы, обитавшие в городах на дне моря, где вечная тишина. Он достался нам в наследство от Старшего Мира и несет в себе тайну и волшебство, о которых и не догадывается человечество. Когда во Вселенной царilo утро, ею правили странные владыки и еще более странные жрецы, и существовало зло — о да, зло существовало уже тогда! И во все времена преградой ему был вот этот посох. Преградой злу, которое было древним уже в дни юности их странного мира! Миллионы лет!.. Разум человеческий содрогается и отказывается постигать этот срок!..

Ответ Хассима был истерпелив и не слишком почтителен. Повернувшись, он зашагал прочь, причем старый Юсиф упрямо следовал за ним по пятам, продолжая отстаивать свою правоту. Кейн только передернул жилистыми плечами. Он кое-что знал о силах, которые таил в себе удивительный посох, и был весьма далек от того, чтобы подвергать сомнению утверждения старика. Какими бы фантастическими они на первый взгляд ни казались.

Взять хотя бы то немногое, что было известно ему самому. Посох был деревянный, но деревья такой породы не водились больше нигде на земле. Стоило лишь осмотреть его и пощупать руками, чтобы убедиться: дерево, из которого его вырезали, росло в совершенно ином мире. Что же касается удивительного искусства, с которым была вырезана кошачья головка — уж точно задолго до пирамид,— а также иероглифов, наследия языка, забытого еще в дни юности Рима... Чутье подсказывало Кейну, что по отношению к чудовищной древности самого посоха эти позднейшие добавления выглядели примерно так

же, как если бы кто-то вырезал современную английскую надпись на камнях Стоунхенджа.

И еще. Иногда, разглядывая чудесную кошачью головку, Кейн приходил к выводу, что в ней что-то не так. Когда-то, невероятно давно, изображение было иным, а потом его изменили. Египетский резчик, изваявший голову Баст, — время давным-давно обратило в пыль его kostи, — просто переделал первоначальное изображение. И о том, каково оно было, Кейн даже не пытался гадать. Когда на досуге он начинал пристально рассматривать посох, на него неизменно нападало смутное беспокойство. И ощущение бездонной пропасти времени, вызывавшее почти физическое головокружение. Что, понятно, не очень-то побуждало к дальнейшим размышлениям на сей счет.

День клонился к закату. Немилосердно палившее солнце наконец-то спряталось за кронами могучих деревьев и подготовилось нырнуть за горизонт. Рабов страшно мучила жажда; стон и плач стояли над вереницей страдальцев, уже почти ничего не видевших перед собой от изнеможения. Те, кого не держали ноги, наполовину шли, наполовину ползли, кое-как поддерживаемые напарниками по ярму, которые и сами качались. По счастью, как раз когда все дошли уже до последнего предела усталости, солнце провалилось за горизонт, быстро сгустилась ночь и был объявлен привал.

Караванщики разбили лагерь, расставили стражу. Рабам дали еды — немного, на один зуб, и по глоточку воды, — только чтобы не передохли к утру. От кандалов их не освободили, но хоть позволили растянуться на земле кто как может. Мало-мальски утолив мучительную жажду и голод, невольники stoически терпели оковы...

Кейна покормили, так и не развязав ему рук, и дали вволю воды. Он пил, чувствуя на себе взгляды многострадальных рабов, и жгучий стыд одолевал его: как мог он наслаждаться тем, в чем так отчаянно нуждались эти не-

счастливые!.. Кейн отказался от воды, утолив свою жажду едва ли наполовину.

Лагерь устроили на широкой поляне, со всех сторон окруженней гигантскими деревьями джунглей. Когда арабы закончили свою трапезу, а черные мусульмане еще готовили себе пищу, старый Юсиф подошел к Кейну и вновь заговорил с ним о посохе. Кейн отвечал на его бесчисленные вопросы с примерным терпением, тем более похвальным, если учесть его жгучую ненависть ко всей расе, к которой принадлежал белобородый Хаджи. Они вовсю беседовали, когда к ним подошел Хассим и с презрением уставился на них сверху вниз. Вот, подумалось Кейну, живой символ воинствующего ислама. Смелый, безоглядный, стоящий двумя ногами на земле, никого не боящийся и никого не щадящий. Уверенный в своей счастливой звезде и презирающий чужие права ничуть не меньше могущественного западного короля...

— Опять языком чешешь про свою палку? — поддел он старика.— Воистину, Хаджи, впадаешь ты на старости лет в детство...

У Юсифа борода задрожала от гнева. Он погрозил шейху посохом, и жест этот выглядел предупреждением против грядущего зла.

— Такие насмешки, Хассим, не украшают человека с твоим положением,— отрезал он.— Вспомни: мы в самом сердце дикого и темного края, края, кишащего демонами, которых когда-то изгнали сюда из благословенной Аравии. И если этот посох — а надо быть последним дураком, чтобы не признать в нем наследие чуждого нам мира,— если уж этот посох дожил до сегодняшнего дня, кто может сказать, что еще, зримое или незримое, дошло до нас сквозь несчитанные века? Вот эта тропа, по которой мы держим путь,— известно ли тебе, когда ее проложили? А ведь люди ходили по ней еще прежде, чем на Востоке пробудились сельджуки, а в пределах Запада — римляне.

Легенды гласят, что именно по этой тропе шагал великий Сулейман, гоня демонов из Азии на запад и зацирай их в магические темницы. А что ты, Хассим, скажешь о...

Ликий вопль прервал его речь. Из потемок джунглей вылетел воин, мчавшийся так, словно за ним гнались все силы ада. Он безумно размахивал руками, закатив глаза под лоб, а в широко распахнутом рту, из которого рвался нечеловеческий крик, виднелись все зубы разом. Это было живое воплощение ужаса; увидев подобное, позабудешь не скоро.

Мусульманское воинство разом взвилось на ноги, хватая оружие, а Хассим выругался:

— Это Али, которого я отправил раздобыть мяса...
Быть может, лев...

Между тем никакого льва не было и в помине, а воин рухнул к ногам Хассима, лепеча нечто бессвязное и указывая трясущейся рукой в черную глубину джунглей. Вздороженным зрителям только и оставалось, что смотреть в ту же сторону, ожидая, чтобы оттуда вот-вот появился... появилось...

— Он говорит, будто обнаружил там, в джунглях, какой-то странного вида мавзолей,— мрачно нахмурившись, буркнул Хассим.— Но что именно его напугало, и сам не может сказать. Говорит, просто начал вдруг великий ужас, да такой, что ноги его сами оттуда унесли... Вот что, Али, ты негодяй и глупец!

И Хассим шнул ногой ползущего перед ним дикаря. Его соплеменники-арабы, однако, собрались подле него, и у них на лицах было написано гораздо меньше уверенности. А среди чернокожих воинов так и вовсе распространялась настоящая паника.

— Они, чего доброго, разбегутся, и нам их не удержать,— пробормотал бородатый араб. Он смотрел на туземных союзников, которые, сбившись тесной толпой, возбужденно переговаривались на своем тарабарском на-

речии и с ужасом оглядывались через плечо.— Надо было бы нам, Хассим, пройти еще хоть несколько миль,— продолжал бородатый.— Тут и вправду скверное место. И хотя недоумок Али, скорее всего, вправду до смерти перепугался собственной тени, знаешь, как-то оно... все-таки...

— Все-таки,— передразнил шейх,— всем вам, слабодушиным, было бы легче, если бы мы поскорей миновали эти места. Что ж, хорошо! Я велю перенести лагерь, чтобы избавить вас от ваших страхов. Но прежде я сам хочу посмотреть, что там такое. Берите кнуты, поднимайте рабов. Сделаем крюк через джунгли, чтобы миновать мавзолей. Мало ли, вдруг в гробнице лежит какой-нибудь великий царь? Приготовим ружья и двинемся все вместе, чтобы никому не было страшно!

Несчастные рабы, осыпаемые ударами кнутов, вынуждены были проснуться и вновь тащиться куда-то в неизвестность, опять-таки под кнутами. Чернокожие воины шагали молча и явно испытывали немалое напряжение. Они весьма неохотно повиновались непреклонной воле Хассима и по мере возможности старались держаться поближе к арабам.

Поднялась луна, огромная, мрачная, красная. Зловещий холодный свет залил джунгли, окутав непроглядной тенью нависающие деревья. Трясущийся, как лист, Али указывал путь. Как ни жесток был хозяин, Хассим, его присутствие все-таки вселяло уверенность.

Так они ишли через джунгли, покуда не вышли на поляну довольно странного вида. Странность же заключалась в том, что на поляне совершенно ничего не росло. Великанские деревья стояли кругом прогалины удивительно ровным, каким-то зловеще-симметричным строем, внутри же не было видно ни травы, ни мха, ни даже линайника. Все живое здесь было истреблено, прямо-таки выжжено. А посередине поляны стоял мавзолей.

Это было чудовищное сооружение, сложенное из камня и прямо-таки дышавшее древним злом. Казалось, смерть поселилась здесь множество столетий назад. Тем не менее Кейн сразу же ощутил колебания воздуха вокруг мавзолея. Так, словно бы там, внутри, медленно дышало какое-то гигантское невидимое чудовище.

Туземные союзники арабов подались назад, испуганно бормоча. Эманация зла, исходившая с поляны, грозила лишить их мужества. Рабы ждали терпеливо и молча, стоя под деревьями. Арабы двинулись вперед, направляясь к черной каменной массе. Юсиф же забрал у стражника веревку, надетую Кейну на шею, и сам повел англичанина. Так водят с собой большого мрачного мастифа: он очень опасен, но в случае чего он и защитит.

— Я же говорил: наверняка здесь покоится какой-нибудь могущественный султан! — постукивая ножами по камню, заявил Хассим.

— Странные это камни... — бормотал между тем Юсиф. — И откуда только взялись? Они черны и зловещи. И зачем бы великому султану устраивать себе гробницу так далеко от ближайшего человеческого жилища? Будь здесь, вокруг, развалины древнего города, было бы совсем другое дело...

Наклонившись, он начал рассматривать тяжелую металлическую дверь, запертую на замок, запечатанную и даже заплавленную каким-то неведомым способом. На двери оказались начертаны древнееврейские письмена. Юсиф осмотрел их и, охваченный дурными предчувствиями, затряс головой.

— Я не могу прочитать, что здесь написано, — выговорил он, и челюсть у него прыгала. — Только сдается мне, и лучше оно, что я ни слова не могу разобрать! Древние владыки запечатали здесь нечто такое, что не годится тревожить смертному человеку. Давай поскорее уйдем от

речии и с ужасом оглядывались через плечо.— Надо было бы нам, Хассим, пройти еще хоть несколько миль,— продолжал бородатый.— Тут и вправду скверное место. И хотя недоумок Али, скорее всего, вправду до смерти нерепугался собственной тени, знаешь, как-то оно... все-таки...

— Все-таки,— передразнил шейх,— всем вам, слабодушным, было бы легче, если бы мы поскорей миновали эти места. Что ж, хорошо! Я велю перенести лагерь, чтобы избавить вас от ваших страхов. Но прежде я сам хочу посмотреть, что там такое. Берите кнуты, поднимайте рабов. Сделаем крюк через джунгли, чтобы миновать мавзолей. Мало ли, вдруг в гробнице лежит какой-нибудь великий царь? Приготовим ружья и двинемся все вместе, чтобы никому не было страшно!

Несчастные рабы, осыпаемые ударами кнутов, вынуждены были проснуться и вновь тащиться куда-то в неизвестность, опять-таки под кнутами. Чернокожие воины шагали молча и явно испытывали немалое напряжение. Они весьма неохотно новиновались непреклонной воле Хассима и по мере возможности старались держаться поближе к арабам.

Поднялась луна, огромная, мрачная, красная. Зловещий холодный свет залил джунгли, окутав непроглядной тенью нависающие деревья. Трясущийся, как лист, Али указывал путь. Как ни жесток был хозяин, Хассим, его присутствие все-таки вселяло уверенность.

Так они ишли через джунгли, покуда не вышли на поляну довольно странного вида. Странность же заключалась в том, что на поляне совершенно ничего не росло. Великанские деревья стояли кругом прогалины удивительно ровным, каким-то зловеще-симметричным строем, внутри же не было видно ни травы, ни мха, ни даже лишайника. Все живое здесь было истреблено, прямо-таки выжжено. А посередине поляны стоял мавзолей.

Это было чудовищное сооружение, сложенное из камня и прямо-таки дышавшее древним злом. Казалось, смерть поселилась здесь множество столетий назад. Тем не менее Кейп сразу же ощутил колебания воздуха вокруг мавзолея. Так, словно бы там, внутри, медленно дышало какое-то гигантское невидимое чудовище.

Туземные союзники арабов подались назад, испуганы бормоча. Эманация зла, исходившая с поляны, грозила лишить их мужества. Рабы ждали терпеливо и молча, стоя под деревьями. Арабы двинулись вперед, направляясь к черной каменной массе. Юсиф же забрал у стражника веревку, надетую Кейну на шею, и сам повел англичанина. Так водят с собой большого мрачного мастифа: он очень опасен, но в случае чего он и защитит.

— Я же говорил: наверняка здесь покоится какой-нибудь могущественный султан! — постукивая ножнами по камню, заявил Хассим.

— Странные это камни... — бормотал между тем Юсиф. — И откуда только взялись? Они черны и зловещи. И зачем бы великому султану устраивать себе гробницу так далеко от ближайшего человеческого жилища? Будь здесь, вокруг, развалины древнего города, было бы совсем другое дело...

Наклонившись, он принялся рассматривать тяжелую металлическую дверь, запертую на замок, запечатанную и даже заплавленную каким-то неведомым способом. На двери оказались начертаны древнесврейские письмена. Юсиф осмотрел их и, охваченный дурными предчувствиями, затряс головой.

— Я не могу прочитать, что здесь написано, — выговорил он, и челюсть у него прыгала. — Только сдается мне, и лучше оно, что я ни слова не могу разобрать! Древние владыки занечатали здесь нечто такое, что не годится тревожить смертному человеку. Давай поскорее уйдем от-

сюда, Хассим! Древнее зло таится здесь и грозит из-за стен сынам человеков...

Но шеих и ухом не повел на его предупреждение.

— Кто бы ни лежал здесь, он не был сыном ислама, — сказал он во всеуслышание. — А коль так, почему бы нам не поживиться драгоценными камнями и иными богатствами, которыми, вне всякого сомнения, бытком набита его могила? А ну-ка давайте выломаем эту дверь!

Кое-кто из арабов начал с большим сомнением качать головой, но слово Хассима было законом. Подозвав к себе здоровяка с тяжелой кувалдой, шеих приказал ему вскрыть запертую дверь.

Воин занес кувалду над головой... И тут у Кейна вырвалось резкое восклицание. Ибо ему послышалось нечто такое, что заставило его усомниться в здравости собственного рассудка. Явная древность зловещего сооружения зримо свидетельствовала, что оно простояло непотревоженным много тысячелетий. Непотревоженным — и на глухо запертым. И тем не менее Кейн мог поклясться, что рассыпал шаги за дверью! Туда и обратно, от стены к стене, и оять — туда и обратно. Ни дать ни взять нечто мерило шагами узкие пределы своей странной тюрьмы, мерило нескончаемо и монотонно...

И словно бы холодные пальцы прошлись по позвоночнику Соломона Кейна! Он не взялся бы объяснить, сознательно ли уловил его слух зловещие и таинственные шаги или же пробудились какие-то тонкие чувства, какие-то неизведанные уровни и глубины души... Кейн знал только: где-то в тайниках его существа явственно отдавалась размеренная поступь чудовищных ног, доносившаяся изнутри жуткого мавзолея...

— Остановитесь!.. — закрикнул он. — Хассим! Либо я свихнулся, либо там, внутри, бродит какая-то нечисть!..

Хассим вскинул руку, останавливая кувалду, занесенную для удара. Он внимательно вслушался... Осталь-

ные тоже напрягли слух. Тишина вдруг сделалась очень напряженной.

— Чтобы хоть что-нибудь слышал,— проворчал какой-то бородатый гигант.

— И я ничего не слышу...

— И я!

— Франк спятил!

— Может, ты что-нибудь слышишь, Юсиф? — язвительно осведомился шейх.

Старый Хаджи нервно переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе.

— Нет, Хассим, не слышу, но...

Кейн и сам спросил себя, а не повредился ли он в рассудке. Тем не менее в глубине души он знал, что разум его был ясен, как никогда. Более того: он вполне отдавал себе отчет в том, что повышенная обостренность мистического сверхчувствования была вызвана долгим общением с тем самым посохом-талисманом, который сжимали сейчас трясущиеся руки старого Юсифа.

Хассим хрюпло рассмеялся и дал команду силачу. Молот обрушился с грохотом, который невыносимо ударил в уши и унесся в черноту джунглей, порождая странное эхо, напоминавшее истерический хохот. Вновь, вновь и вновь обрушивалась кувалда, направляемая всей мощью вздувающихся мышц могучего тела. А в перерывах между ударами Кейн слышал все те же медленные, тупые шаги. И он, никогда не ведавший страха в том смысле, как понимают его люди, чувствовал, как сжимает сердце ледяная рука ужаса...

Ужас этот был настолько же далек от обычного физического, телесного страха, насколько далека от шагов живого существа была эта бестелесная и в то же время чудовищная поступь. Кейна словно бы обдувало ледяным ветром, летевшим из чужедальних пределов, затерянных в неизведанной Тьме, — вот что такое представлял собой

его страх. И веяло из Тьмы разложением и злом давно отжившей эпохи, эпохи столь древней, что для нее не было в человеческом языке подходящего слова. Кейн даже не был уверен, слышал ли ои эти шаги каким-то внутренним слухом или ему сообщил о них некий иллстинкт. Он был уверен только в одном. В их абсолютной реальности.

Еще Кейн понимал, что ни человек, ни зверь так не ходят. Там, внутри черного, испепелено древнего мавзолея, таилась неведомая, безымянная тварь, и ее тяжкий слоновий шаг потрясал душу.

Дверь оказалась прочной, и силачу воину не сразу удалось с ней совладать: он даже присел отдохнуть и перевести дух. Но вот наконец последний тяжелый удар сошел с краем старинного замка, надломил петли. Дверь провалилась вовнутрь...

И тогда Юсиф закричал.

Нет, из черного провала не выскоцил ни саблезубый зверь, ни материализовавшийся демон. Из двери изошел запах. Ужасающий смрад, невероятная вонь, распространявшаяся осозаемыми волнами: казалось, из-за разбитой двери потоками хлестнула дурная кровь... И в одно мгновение их оседдал ужас.

Вот он окатил Хассима, и неустрашимый вождь, полосуя ятаганом почти неощутимое нечто, закричал от неожиданного, неизвестного страха. Его клинок со свистом рассекал что-то податливое, как воздух, и неуничтожимое, как воздух, между тем как его самого, словно кольца удава, охватывала смерть... тлен, распад...

Юсиф заверещал, словно грешная душа, влекомая чертями в ад. Выропив посох, он устремился следом за своими современниками — те, обезумев от ужаса, со всех ног удирали в джунгли вместе с чернокожими, воющими от ужаса. Не бежали одни лишь рабы, да и то потому, что их не пускали оковы. Неподвижные, беспомощные и беззащитные, они могли только плакать.

Словно в кошмарном сне, Кейн увидел Хассима, раскачивавшегося, словно тростинка на ветру. Все его тело обивало пульсирующее багровое Нечто, не имевшее ни вещественности, ни формы. Когда же слуха шуртанина достиг влажный хруст сминаемых костей и тело шейха безвольно сложилось пополам, точно соломинка под тяжелой ногой, Соломон Кейн невероятным усилием разорвал свои путы и подхватил посох-талисман.

Хассим валялся на земле, точно смятая кукла, мертвый, с несущественно выкрученными, переломанными членами, а жуткое Нечто уже катилось прямо к Кейну, словно зависшее в воздухе облако крови. Оно все время меняло свой внешний вид и форму, оно плыло по воздуху и в то же время шло вперед, ни дать ни взять переступая на чудовищных неуклюжих ногах!..

Кейн ощутил, как впиваются в мозг ледяные щупальца. Но не побежал. Собравшись с духом, он высоко воздел древний посох и что было силы ударил им в самую середину наползавшего ужаса. И почувствовал, как посох угодил в неназываемое, нематериальное Нечто и рассек. А в следующий миг его едва не задушил тошнотворный взрыв чудовищной вони, наполнившей воздух. И где-то глубоко в потаснных недрах души отдался невыносимым эхом космический катаклизм: шестое чувство подсказало Кейну, что это был предсмертный вонль чудовища. Ибо оно в самом деле корчилось у его ног в предсмертных мучениях, и его малиновый багрянец медленно угасал, пульсируя, словно волны, набегающие на бессолничный берег. И по мере того как бледнел цвет, беззвучный крик твари удалялся в межзвездные бездны. Существо уходило в миры, человеческому разумению вовсе уже не доступные...

Потрясенный Кейн, не особенно веря собственным глазам, смотрел на бесформенную, бесцветную, почти невидимую массу у своих ног. Труп ужаса, изгнанного об-

ратно в черные дали, его породившие. И изгнал его один-единственный удар посоха Соломона. Того самого посоха, что никогда, в руках великого царя и волшебника, загнал чудовище в его странную темницу. И там оно оставалось по его повелению — доколе руки невежд вновь не выпустили его в мир.

Так значит, думалось пуританину, древние легенды кругом правы и царь Соломон в самом деле изгнал демонов с Востока, чтобы запереть их в невиданных дотоле узилищах? Но если так, почему он не покончил с ними раз и навсегда, а оставил их жить? Неужто человеческое волшебство в те дни было слабей нынешнего и могло укрощать дьяволов, но не отнимать у них жизнь?.. Ответа не было, и Кейн только повел плечами в полном недоумения. В магии он совершенно не разбирался. И тем не менее ему, Соломону Кейну, удалось приколчить тварь, которую его древний тезка сумел лишь засадить под замок. Чудны дела Твои, Господи!

Потом Кейн содрогнулся, подумав о том, что только что лицезрел Жизнь, которая не была Жизнью в привычном понимании, и Смерть, которая опять-таки не была обыденной Смертью. И вновь откровение осенило его, такое же откровение, как когда-то в засыпанных прахом чертогах Негари, выстроенной атлантами, такое же, как среди жутких холмов Мертвых, такое же, как в Акаане. А смысл откровения был в том, что жизнь человеческая — всего лишь одна из мириад возможных ее форм, что внутри миров таились еще миры, и так без конца, и что многообразие планов существования не сводилось всего лишь к одному материальному миру. Планета, которую люди называли Землей, вращаясь, летела сквозь несчитанные века и, вращаясь, порождала Жизнь, живые существа, которые копошились на ее поверхности, словно черви в куче гниющих отбросов. Что же до человечества, понял в

озарении Кейн, оно было всего лишь наиболее удачным выводком червячков, да и то — на данный момент. И не более. Кто дал ему право, исполнившись гордыни, воображать себя самой первой личинкой из созданных? Или последней, призванной править на планете, кишащей никому не ведомой жизнью?..

Кейн покачал головой, с новым благоговением рассматривая древний подарок Нлонги. Наконец-то он увидел в старинном жезле не просто орудие черной магии, но меч добра и света, готовый до скончания веков поражать нечеловеческие силы зла и тьмы. И благоговение Кейна было отчасти сродни испугу.

Он склонился над тварью, лежавшей возле его ног. Он протянул руку, и бесплотная плоть проскользнула у него сквозь пальцы, словно завиток густого тумана. Кейн подсунул посох, поднял, перенес тело назад в усыпальницу и затворил дверь.

Соломон еще остановился над невероятно искалеченным трупом Хассима, отметив про себя, что его сплошь покрыла зловонная слизь и что тело уже начало разлагаться. Он вновь содрогнулся... и тут его окликнул тихий, робкий голос, оторвавший англичанина от размышлений о потустороннем. Несчастные пленники стояли под деревьями на коленях и терпеливо ждали, глядя на него огромными измученными глазами. Вздрогнув, Кейн вернулся к реальности. Живо нагнувшись, он снял с распадавшегося тела свои пистолеты, рапиру и кинжал и старательно стер с них мерзкую слизь, от которой на стали уже начали появляться пятнышки ржавчины. Подобрал он также порох и пули, брошенные арабами в их беспорядочном бегстве. Он знал, что беглецы не вернутся. Вполне возможно, их бегство кончится гибелью. Впрочем, кто знает, может, они благополучно преодолеют нехоженные джунгли и окажутся на побережье. Но вот уж чего точно

Роберт И. Говард

не будет, так это возвращения на поляну, где они встретили ужас.

Кейн подошел к скованным рабам и, после немалой возни, освободил их от цепей.

— Соберите оружие, которое впопыхах набросали надсмотрщики,— посоветовал он бедолагам,— да и возвратитесь себе с богом домой. Нехорошее это место! Ступайте в свои деревни, а если вновь явятся арабы, лучше умрите, защищая свой дом, но только не поступайтесь свободой!

Их благодарность была безмерна, они все порывались падать перед ним на колени и целовать ему ноги, но Кейн страшно смущился и с грубою настойчивостью погнал их прочь. Уже готовясь отправиться в путь, они спросили его:

— Куда ты теперь направляешься, господин? Сделай милость, оставайся у нас и будь нашим вождем!..

Но Кейн покачал головой.

— Я пойду на восток,— сказал он.

На том и расстались. Низко поклонившись ему, спасенные плениники пустились в долгий путь обратно на родину. А Кейн поднял на плечо посох, бывший когда-то жезлом фараонов, Моисея и Соломона, а еще прежде них — скипетром безымянных властителей Атлантиды. Повернувшись на восток, он бросил последний взгляд на гробницу, которую тот, другой Соломон когда-то возвел с помощью таинственных сил. Черная глыба камня по-прежнему мрачно высилась на фоне звездного неба, но отныне и до скончания веков в ней будет жить лишь тишина.

Дети Ашиура

(Неоконченное)

Глава 1

Соломон Кейн вздрогнул и раскрыл глаза в темноте. Первым его движением было подхватить оружие, неизменно лежавшее рядом с ним на куче звериных шкур, которые составляли его ложе. Что его разбудило? Уж во всяком случае, не сумасшедшая барабанная дробь, которую выбивал тропический ливень по кровле хижины, крытой широкими листьями. И не раскаты грома, слившиеся в непрестанный грохот. Звуки, достучавшиеся до сознания Кейна, были совершенно иного свойства. Сквозь шум африканского ливня явственно доносились страшные крики мучительно умиравших людей и лязг стали. Что-то нехорошее происходило в туземной деревне, давшей ему приют на время грозы. И, судя по звукам, дело весьма смахивало на вооруженный набег.

Шаря в поисках верной рапиры, Соломон мимолетно задумался о том, кому могло взбрести в голову нападать на деревушку носреди ночи, да еще в этакую пропасть. Рядом с рапирай лежали и пистолеты, но Кейн оставил их на месте. Дождь хлестал сплошными потоками, и англичанин знал, что пистолеты окажутся бесполезными: ливень мгновенно промочит в них порох.

Укладываясь спать, Соломон снял только плащ да мягкую фетровую шляпу. Он не стал тратить время па то, что-

бы их подхватить, и сразу кинулся к двери. Как раз в этот момент ветвистая молния располосовала над ним небо. Вспышка мертвенно-бледного света озарила силуэты людей, сцепившихся между хижинами в рукопашной. Отражения молнии на мечущихся стальных лезвиях нестерпимо разнули глаза. Рев бури не мог заглушить крики чернокожих жителей деревни... и еще чьи-то низкие голоса, выкрикивавшие нечто па незнакомом Кейну языке.

Выскочив из домика, пуританин сейчас же ощутил прямо перед собой человеческое присутствие; почти сразу небо снова с ужасающим грохотом разверзлось, залив все вокруг потусторонним синеватым светом. В этот краткий миг Соломон сделал стремительный вышад и... почувствовал, как ранира в его руке выгибается дугой, встретив препятствие. Он успел заметить тяжелый меч, опускавшийся ему на голову. Потом перед глазами фонтаном хлынули искры гораздо ярче любой молнии. А следом все затопила тьма — еще более непроницаемая, чем даже ненастная африканская ночь.

...Пад насквозь промокшими джунглями занимался бледный рассвет, когда Соломон Кейн зашевелился и, приподнявшись, сел в луже, разлившейся перед хижиной. В волосах у него запеклась кровь, голова болела и слегка кружилась. Кейн усилием воли стряхнул дурнотное состояние и поднялся на ноги.

Дождь давно прекратился, небеса были ясными. А над селением распростерлась тишина, и Кейн, оглядевшись, увидел, что деревня в буквальном смысле слова вымерла. Повсюду валялись бездыханные тела мужчин, женщин, детей. Они лежали на улицах, на порогах жилищ, внутри хижин, многие из которых были разметаны и прямо-таки снесены: кто-то крушил их то ли в поисках спрятав-

шихся жертв, то ли из простой жажды разрушения. Кем бы ни былиочные налетчики, вряд ли они увезли с собой много пленников. Еще более странно, что они не позарились ни на копья, ни на топоры, ни на кухонные принадлежности и пернатые головные уборы побежденных. Этот факт, казалось бы, говорил о том, что набег совершило племя, далеко превосходившее простодушных туземцев и ремеслом, и культурой. Так или иначе, они, как вскоре выяснил Кейн, утащили с собой всю скелетную кость, которая исчезла им на глаза. Равно как и его оружие: рапиры, кинжал, пистолеты, пороховницу и кошель с пулями. Заглянув в хижину, в которой ночевал, Кейн не нашел там ни плаща, ни своей шляпы. Пропал и посох — остроконечный, покрытый странной резьбой, увенчанный головкой кошки носух, когда-то подаренный ему его другом и побратимом Нлонгой, колдуном вуду с западного побережья.

Кейн стоял посреди разоренной деревни, пытаясь осмыслить случившееся, и в голову ему приходили самые странные мысли. Он вспоминал свои разговоры с местными жителями вчера вечером, когда он вышел к деревне из джунглей, исхлестанных бурей. Нет, ничего такого, что могло бы пролить свет на происхождение таинственных грабителей, туземцы ему не сообщали. Они и сами еще как следует не освоились в здешних краях, потому что явились сюда, в общем, недавно и издалека, гонимые более могущественными враждебными племенами. Они были простым и добросердечным народом. Как гостеприимно они провели его, мокрого и усталого, под свой кров, как сердечно поделились всем, что составляло их скромный достаток!..

Сердце Кейна горело гневом на их неведомых погубителей. Но сдвали ли не жарче гнева жгло Кейна ненасыщенное любопытство, это извечное проклятие думающих лю-

дей. Ибо минувшей ночью его глазам предстала тайна. Яркая вспышка молнии позволила ему на долю секунды увидеть свирепое чернобородое лицо — лицо белого человека. Здравый смысл, однако, утверждал, что на многие сотни миль окрест белого человека, кроме самого Кейна, не было и в помине. Даже арабских охотников за рабами. Разглядеть хоть сколько-нибудь подробно одежду чернобородого англичанину не удалось: память сохранила лишь смутное впечатление, что одет он был достаточно странно. А чего стоил меч, который вскользь, почти илашмя, обрушился на его голову и увлек его в небытие! Да он же ничего общего не имел с примитивным оружием местных племен!..

Кейн еще раз обвел глазами земляную стену, окружающую деревню, и бамбуковые ворота, которые захватчики изрубили в мелкие щепки. Было похоже, что ливень унялся, как раз когда они двинулись в обратный путь: уходившие оставили после себя широкий утоптаный след, что тянулся через проломленные ворота и далее в джунгли.

Соломон подобрал с земли туземный топорик, валявшийся неподалеку. Он еще посмотрел, не было ли где тел неизвестных людей, но не нашел ни одного. Если кто-нибудь из них и погиб в битве, видимо, павших унесли с собой их сотоварищи. Соломон Кейн набрал листьев и соорудил себе из них шляпу, чтобы безжалостное солнце не так пекло голову. А потом, миновав спесенные ворота, он углубился в джунгли, насквозь промоченные дождем. Неведомое властно манило его.

Под сенью гигантских деревьев следы сделались четче. Кейн смог определить, что большинство неизвестных были обуты в сандалии, — правда, сандалий подобного типа он никогда еще не встречал. Соломон различил также следы босых ног, по-видимому оставленные пленниками.

Они вышли гораздо раньше его, так что теперь у них была хорошая фора. Кейн шел без остановок. Он был неутомимым ходоком и к тому же длинноногим, но даже и ему не удалось нагнать караван в течение дня.

Кейн торопливо перекусил едой, захваченной из разоренной деревни, и устремился вперед, не давая себе передышки, снедаемый гневом и необузданным желанием раскрыть тайну белого лица, увиденного в свете молнии. И что не менее важно, налетчики утащили все его оружие, а в стране вроде той, по которой он путешествовал, оружие означало жизнь.

День клонился к закату. Ко времени захода солнца джунгли постепенно сменились редколесьем, а в сумерках Кейн выбрался на слегка всхолмленную равнину, заросшую высокой травой. Кое-где виднелись редкие деревья, а далеко впереди Кейн разглядел нечто вроде гряды невысоких холмов. Следы вели прямо через саванну, и Кейн решил, что туда-то, к этим приземистым одинаковым холмам, и стремились грабители.

Здесь Кейн помедлил, раздумывая, как быть. С равнины уже доносился громоподобный львиный рев, порождавший со всех сторон раскатистое эхо. Огромные кошки вышли на ночную охоту; путешествовать через саванну, имея в качестве оружия всего-то несчастный топорик, было бы чистым самоубийством.

Присмотрев себе громадное дерево, Кейн забрался наверх и со всем возможным удобством расположился в развилине могучих ветвей. Поглядев оттуда на равнину, он заметил вдали, среди холмов, крохотный мерцающий огонек. Потом он различил огоньки и на самой равнине: вереница светящихся точек, медленно извиваясь, подползала к холмам, едва различимым у горизонта на фоне звездного неба. Кейн сразу понял, что это отряд грабителей с пленниками. Они несли с собой факелы. И двига-

лись очень проворно. Факелы, судя по всему, были предназначены для отпугивания львов. Кейн посмотрел на них еще и подумал: вероятно, цель путешествия была совсем близка, раз уж они отважились на ночной переход через кишевшую хищниками саванну...

Соломон видел, как мерцающие огоньки поползли вверх. Некоторое время они были еще видны среди холмов, потом скрылись.

Кейн так и заснул, размыслия о тайне, кривившейся за всеми событиями последних суток. Он спал, а почной ветерок шептался с листьями дерева, рассказывая о древних тайнах Африки. И всю ночь, хлеща себя по бокам увеличенными кисточками хвостами и поглядывая жадными глазами наверх, под деревом ревели львы.

Как только рассвет разлил по саванне розово-золотой свет, Соломон спустился со своего настеста и вновь двинулся в путь. Сжевав на ходу последние остатки принесенной с собой еды, он запил их водой из ручья (благо тот выглядел достаточно прозрачным и чистым) и задумался о том, удастся ли ему найти себе пропитание в холмах. Если нет, это положение станет не слишком завидным. Впрочем, Кейну и раньше случалось голодать. Равно как и замерзать, и уставать до предела. Именно поэтому его поджарое, без капли лишнего жира, тело было твердым и гибким, как сталь.

Широким шагом Кейн устремился через саванну, зорко выискивая затаившихся львов. Солнце над его головой постепенно поднялось к зениту, потом началоклониться к западу. Чем ближе подходил англичанин к невысокой гряде, тем больше подробностей различал его взгляд. То, что издали представлялось ему изломанными холмами, вблизи оказалось невысоким плато, ровным с виду и четко ограниченным от окружающей равнины. На кромке его виднелись деревья и высокая трава, но сам

склон выглядел обрывистым и бесплодным. Другое дело, что высота утесов нигде не превышала семидесяти, самое большое восьмидесяти футов. Кейн не сомневался, что сумеет вскарабкаться наверх без большого труда.

Подойдя еще ближе, он рассмотрел, что скалы представляли собой сплошной каменный монолит, хотя и одетый толстым слоем почвы. Там и сям валялись скатившиеся валуны; несомненно, ловкий и сильный человек вроде него самого сумел бы подняться наверх почти в любом месте. А еще по крутому склону вилась наверх довольно широкая дорога. Кейн присмотрелся и увидел на ней те самые следы, по которым шел.

Дорога, несомненно, не была звериной тропой. И не туземцы протоптали ее. Кто-то весьма искусно врезал ее в склон, вымостили и даже оградил гладко обтесанными каменными блоками.

Волчья педоверчивая осторожность, свойственная Кейну, заставила его миновать стороной эту дорогу. Пройдя немного вперед, он облюбовал на склоне относительно пологое место и стал подниматься наверх. Почва под ногой не внушала доверия, к тому же валуны, как выяснилось, лежали весьма шатко и норовили скатиться прямо на него. Впрочем, подъем обошелся без происшествий, и спустя некоторое время Кейн уже стоял на макушке утеса.

Впереди открылся новый склон, па сей раз обрапеченный вниз, — первовный, усыпанный обломками камня. А чуть дальше простиравшаяся широкая равнина. Глазам Кейна предстало плато, заросшее роскошной зеленой травой. А как раз посредине... Пуританин даже моргнул, тряхнув головой, полагая, что перед ним то ли мираж, то ли плоды разыгравшегося воображения. Но нет, «видеение» рассеиваться не желало. На равнине стоял город, окруженный внушительными каменными стенами. Кейн отчетливо видел бастионы и башни, а на них — крохот-

ные фигурки, двигавшиеся туда и сюда. С дальней стороны город выходил к небольшому озеру, по берегам которого раскинулись пышные сады и ухоженные поля, а за ними — луга. В лугах пасся скот.

Невероятное зрелище заставило цуританина на миг забыть обо всем остальном. Его вернуло к реальности звяканье подкованного сапога о камень. Кейн быстро обернулся и оказался лицом к лицу с человеком, вышедшим из-за валуна.

Человек этот был широкоплечим и крепким, ростом почти с самого Кейна, но куда тяжелее. На обнаженных руках так и вздувались могучие мышцы, а ноги можно было уподобить узловатым железным колоннам. Физиономия же была точной копией той, что Кейн разглядел тогда при вспышке молнии,— такая же свиреная и чернобородая. Лицо белого человека, с наглыми глазами и хищным крючковатым носом. Все его тело, от бычьей шеи и до колен, покрывала железная чешуйчатая броня, а на голове сидел железный же шлем. На левой руке висел щит, сделанный из твердого дерева и кожи и окованый по краю металлом. За поясом торчал кинжал, а в правой руке воин держал короткую, но тяжелую железную булаву.

Все это Кейн успел рассмотреть в одно мгновение. Поэтому что в следующее человек взревел и прыгнул вперед. Англичанин вмиг понял, что никаких переговоров не будет: предстоял бой не на живот, а на смерть. Он метнулся на врага тигриным прыжком, одновременно занеся топор со всей силой, на которую было способно его тело. Воин поймал удар щитом. Топорище раскололось у Кейна в руке, но и щит развалился на части.

Инерция прыжка между тем увлекла Кейна вперед, так что он всем телом врезался в противника; тот отбросил бесполезный, расколотый щит и, пошатнувшись, схватился с англичанином врукопашную. Тяжело дыша, они

раскачивались взад и вперед. Кейн зарычал по-волчьи, в полной мере оценив могучую хватку врага. Его доспехи мешали англичанину вцепиться как следует. Воин же перехватил поудобнее свою булаву и изо всех сил старался высвободить руку, чтобы обрушить на непокрытую голову Кейна смертоносный удар. Пуританин, со своей стороны, старался этого не допустить. Все же его пальцы скользнули, и булава опустилась на череп, едва не погасив сознание. Воин замахнулся опять... Перед глазами Кейна клубился огненный туман, но все-таки он инстинктивно извернулся, и удар пришелся в плечо. Рука почти отнялась, булава разорвала кожу, и хлынула кровь.

Яростным усилием Кейн рванулся вперед, вылотную прижимаясь к могучему торсу своего недруга, и его пальцы почти вслепую нанесли у него за поясом рукоять кинжала. Соломон сейчас же обнажил его и принялся наугад наносить удар за ударом.

Сплетаясь в один рычащий, политый кровью клубок, они раскачивались и шатались. Один старался поглубже пырнуть соперника, другой — полностью высвободить руку, чтобы уж тогда-то нанести сокрушительный удар. Покамест ему не удавалось как следует размахнуться, и булава лишь вскользь била по голове и плечам Кейна, полосуя в кровь кожу. Боль алыми копьями пронизывала меркнувшее сознание англичанина. Увы! Его кинжал по-прежнему безбидно отскакивал от железных чешуй, укрывавших тело врага...

Он уже ничего не видел перед собой и бился, ведомый лишь инстинктом, — так, как дерется раненый волк. И начал миг, когда он, точно волк, еще раз рванулся вперед и... что было силы вцепился зубами в бычью шею воина, глубоко разорвав тело. Кровь хлынула потоком, противник Кейна взревел от боли и изумления. Разящая палица замерла в воздухе, рука дрогнула, воин откачнулся на-

Роберт И. Говард

зад. А так как они в это время балансировали на краю небольшого обрывчика, это движение увлекло их обоих кувырком вниз. Ни один ни другой не разжали вцепившихся рук. У подножия склона Кейн оказался наверху. Кинжал сверкнул на солнце, взвившись над его головой, и по рукоять погрузился в горло врага. На это ушли последние силы. Кейн шатнулся вперед и, лишившись сознания, свалился прямо на тело убитого противника.

Так они и лежали в луже растекшейся крови. Постепенно в небесной синеве начали появляться черные точки. Стервятники кружились, спускаясь все ниже...

Потом из теснин стали появляться люди, внешностью и убранством схожие с тем, что лежал мертвым, придавленный к земле неподвижным телом Кейна. Внимание воинов привлек шум поединка; подойдя, они собрались в кружок, обсуждая случившееся на резком, гортанном наречии. Поодаль, не смев проронить ни звука, стояли рабы.

Разъединив наконец противников, люди обнаружили, что один из них мертв, а второй, похоже, умирает. После короткого препирательства воины соорудили нечто вроде носилок из колий и перевязей мечей и велели рабам нести тела. После этого маленький отряд направился к городу, выглядевшему по-прежнему невероятным посреди травянистой равнины...

Глава 2

Сознание постепенно вернулось к Соломону Кейну. Он обнаружил, что лежит на ложе, устланном отменно выделанными мехами и шкурами, посреди обширного покоя, пол, стены и потолок которого были из камня. Единственное окно перегораживала толстая решетка. Дверь тоже была всего одна, и за ней стоял воин — крепкий мужчина, определенно похожий на убитого англичанином.

Тут Кейн обнаружил еще кое-что. На его шею, лодыжки и запястья были надеты золотые цепи. Они сложным образом соединялись между собой и были прикреплены к вделанному в стену кольцу с помощью серебряного замка.

Раны Кейна были добротно перевязаны; пока он размышлял о том, что могло означать его нынешнее положение, ворвал раб, принесший ему еду и какое-то пурпурное вино. Англичанин не стал пытаться заговорить с рабом, но с жадностью съел все, что ему принесли, и выпил вино. В вино, по-видимому, было подмешано какое-то зелье, так что Кейн вскоре заснул и проснулся лишь через несколько часов. За это время ему успели переменить перевязки на ранах, а у двери стоял уже другой стражник. Впрочем, он явно принадлежал к той же касте, что и его предшественник. Такой же мускулистый, чернобородый и в доспехах.

На сей раз, пробудившись, Кейн почувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Он сразу решил, что, когда снова придет раб, он попытается хоть что-нибудь разузнать об этом прелюбопытном месте, в которое занесла его нелегкая. Вскоре шорох кожаных сандалий по камню сообщил ему, что кто-то идет. Кейн приподнялся и сел на своем ложе, и тут же в комнату вошли сразу несколько человек.

Позади всех держался тот раб, что приносил Кейну еду, но на переднем плане гордо красовались несколько мужчин в долгополых одеяниях, с непроницаемыми лицами. И подбородки, и черепа у них были выбриты. А чуть в стороне стоял человек, на котором невольно задерживался взгляд. Он был высокого роста, в шелковом облачении, перехваченном чешуйчатым золотым поясом. Его иссиня-черные волосы и борода были странным образом завиты, крючконосое лицо носило печать хищной жестокости. Надменно-наглое выражение глаз, которое, как успел понять Кейн, являлось отличительной чертой неведомого народа, ему было свойственно еще в большей степени, чем остальным. На голове у человека красовалась золотой обруч, покрытый удивительной резьбой, рука сжимала жезл, опять-таки золотой. Остальные держались в его присутствии с таким раболепным почтением, что Кейн сразу рассудил: уж верно, это был местный правитель, а может быть, верховный жрец.

Рядом с высоким стоял другой человек, поменьше и потолще, наголо выбритый. Его одежда была примерно того же фасона, что у людей из окружения властелина, но выглядела гораздо более дорогой. Он держал в руках плеть о шести кожаных хвостах, прикрепленных к украшенной драгоценными камнями рукояти. Все ремни были снабжены треугольными металлическими наконечниками, так что в целом плеть выглядела одним из самых

зверских орудий истязания, какие Кейну доводилось видеть. У человека, державшего ее в руке, были маленькие и на редкость насмешливые глазки, так и бегавшие по сторонам, а все его поведение было смесью льстивого угодничества по отношению к господину и деспотической нетерпимости к тем, кто стоял ниже его.

И все они смотрели на Кейна, а Кейн смотрел на них, силясь определить, почему ему упорно казалось, будто они все это уже где-то видел. В чертах лиц этих людей было нечто заставлявшее предполагать родство с арабами; и все-таки они решительно не походили ни на каких арабов, виданных им доселе. Они заговорили между собой, и в их языке англичанину опять-таки почудилось нечто знакомое. Но вот что?.. В глубине памяти зашевелилась смутная мысль, но слишком нечеткая.

Наконец тот высокий со скрипетром повернулся и, сопровождаемый раболепной свитой, торжественно выплыл из комнаты. На некоторое время Кейн снова остался один. Потом возвратился толстый вельможа и привел с собой полдюжины воинов и слуг. Среди них был молодой раб, приносивший Кейну еду, и еще один тип, высокий, мрачный и почти голый, если не считать набедренной повязки. Здоровенный ключ свисал с его кушака. Воины встали кольцом вокруг Кейна, держа дротики наготове, и человек с ключом отомкнул его цепи от кольца на стене. Воины взялись за цепи и жестом велели англичанину идти.

Окруженный стражей, Соломон покинул свою комнату, и его повели по широким извилистым галереям, тянущимся внутри громадного здания. Поднимаясь с этажа на этаж, они добрались до комнаты, весьма похожей на ту, в которой Кейна держали вначале, и сходным образом обставленной. Здесь кандалы Кейна прицепили

Занятый рассматриванием рельефов, Кейн не заметил, как прошло время. Но вот онять явился молчаливый раб и принес ему пищу и вино.

Когда он поставил поднос, Кейн обратился к нему на диалекте лесных племен: он успел заметить шрамы на лице раба, означавшие его племенную принадлежность. С лица юноши сейчас же исчезло тупое безразличие, и он ответил на языке, который показался Кейну достаточно знакомым.

- Что это за город? — спросил англичанин.
- Нинн, бвана.
- А кто эти люди?

Раб с сомнением покачал головой:

- Они очень старый народ, бвана. Они уже очень, очень давно тут живут.
- Тот, что приходил ко мне со свитой,— это их царь?
- Верно, бвана. Это был царь Ашшур-рас-араб.
- А тот другой, с плетью?
- Это, бвана Нерс, был Ямен, жрец.
- Бвана кто?.. — в замешательстве переспросил Кейн.— Как ты меня назвал? Почему?..
- Так хозяева называют тебя, бвана... э-э-э...

Тут раб шарахнулся прочь, и кожу его покрыла пепельная бледность: через порог пролегла тень очень рослого человека. Вшел полуторальный бритоголовый гигант, и раб упал на колени, извращаясь от ужаса. Могучие пальцы стиснули перехваченное страхом горло... Кейн видел, как глаза несчастного раба полезли из орбит, а из разинутого рта высыпался язык. Тело беспомощно билось и корчилось, скрюченные пальцы все слабее царапали железные залястя гиганта. Потом он затих и обмяк. Бритоголовый убийца разжал руки, и мертвое тело мешком свалилось на пол. Воин хлопнул в ладони, и снаружи вбежали двое

рабов. При виде мертвеца у них посерели лица, но воин сделал знак, и они самым бессердечным образом ухватили своего мертвого товарища за ноги и поволокли вон.

Воин двинулся следом, но на пороге обернулся, и его темные, безжалостные глаза встретились с глазами Кейна, словно бы предостерегая. У англичанина стучало в висках от ненависти, и такова была холодная ярость его взгляда, что убийца не выдержал и отвернулся первым. Он вышел, бесшумно ступая, и оставил Кейна наедине с его мыслями...

Пуританину вновь принесли еду. На этот раз появился поджарый молодой раб с умным, располагающим к себе лицом. Однако Соломон даже не попытался заговорить с ним. Хозяева парня явно не желали, чтобы пленник хоть что-нибудь про них разузнал. Оставалось только гадать почему.

...Кейн не знал, сколько дней ему довелось провести в этой тюрьме над крышами города. Каждый день в точности повторял предыдущий, так что он постепенно потерял им всякий счет. Несколько раз приходил жрец Ямен и созерцал его с таким удовольствием, что англичанина прямо-таки распирало кровожадное чувство. Иногда же бесшумно входил бритоголовый гигант убийца и столь же бесшумно исчезал... Во время его посещений Кейн не спускал глаз с ключа, висевшего на поясе у молчаливого великана. Если бы удалось дотянуться!.. Однако тюремщик неизменно держался вне его досягаемости. Он подходил близко, только когда Кейна окружали воины с дротиками наготове.

Потом однажды вечером они пожаловали в его комнату вместе: жрец Ямен, бритоголовый тюремщик (зовут его Шем) и еще около полусотни воинов и слуг. Шем отстегнул от стены Кейновы кандалы. Воины и жрецы

выстроились в две колонны по обе стороны плениника, и англичанина повели по извилистым галереям. В стенных нишах и в руках у жрецов ярко горели факелы, освещавшие дорогу.

При свете пламени Кейн обратил внимание на резные изображения, неподвижно шагавшие по каменным стенам галерей. Многие изображения были сделаны в натуральную величину; иные уже несколько истерло и сгладило время. Большинство этих последних изображало мужей на колесницах. Кейн подумал и пришел к выводу, что творцы более поздних и столь несовершенных изображений колесниц и коней попросту копировали их с древних образцов. Видимо, к настоящему времени в городе уже не осталось ни колесниц, ни лошадей. Что же касалось человеческих фигур, то здесь хорошо прослеживались расовые различия. Во всяком случае, крючковатые носы и смоляные бороды главенствующего племени выделялись совершенно отчетливо. Те, с кем они сражались, были частью чернокожими, частью похожими на них самих, но попадались среди них и рослые, худощавые люди с внешностью несомненно арабской.

Кейн был немало изумлен, заметив на некоторых наиболее старых рельефах людей, чьи черты и снаряжение не имели ничего общего с присущими жителям Нинна. Присутствовали они исключительно в батальных эпизодах, причем, что немаловажно, отнюдь не всегда удирали без оглядки. Довольно часто они, наоборот, выглядели победителями. И сколько ни присматривался англичанин, он так и не нашел их изображенными в виде рабов. Зато, как это ни странно, их лица показались Кейну не просто знакомыми, но прямо-таки родными. Смотреть на них было все равно что встретить друга в толпе чужестранцев. Они были одеты и вооружены на варварский

лад, но, если не обращать на это внимания, могли бы сойти хоть за англичан. Внешность у них была совершенно европейская. А волосы — светлые.

Соломон сделал вывод, что некогда, очень, очень давно, предки ниннитов воевали с его собственными прапарурами. Но когда это было? В каком краю?.. Во всяком случае, изображенные на стенах батальи происходили не в той стране, где нинниты жили сейчас. На заднем плане можно было рассмотреть тучные нивы, поросшие травой холмы и широкие реки. И еще города. Похожие на Нинн и в чем-то неуловимо отличные...

И вот тут-то до Соломона наконец дошло, где он видел похожие рельефы царей с завитыми черными бородами, убивавших львов с колесниц. Точно такие попадались ему в развалинах давно позабытого города в Месопотамии. Люди тогда рассказывали ему, что эти руины составляли все, что осталось от... Ниевии Кровавой, проклятой Богом!..

Между тем англичанин и его тюремщики достигли подножия громадного храма и проследовали между очень толстыми приземистыми колоннами, сплошь покрытыми, как и стены, резьбой. Еще немного — и они вошли в обширное помещение с массивными стенами и колоннами. Здесь, вырезанный в скале, восседал чудовищный идол, и в чертах его неподвижного каменного лица содержалось не больше человеческой слабости и доброты, чем на морде какого-нибудь доисторического чудовища.

Лицом к идолу, на каменном троне под сенью колонн сидел сам правитель — царь Ашшур-рас-араб. Факельный свет так играл на его скульптурных чертах, что Кейн понячалу едва не принял его самого за изваяние.

У подножия божества, напротив царского трона, винделся еще один, поменьше. Перед ним на золотом тренож-

нике стояла жаровня. В ней тлели угли, и кверху ленивой спиралью поднимался дым.

Кейна обрядили в просторное одеяние из переливчатого зеленого шелка. Оно скрыло и его изодранную одежду, и золотые цепи, которых с него так и не сняли. Потом его жестом пригласили занять место на меньшем троне, и он повиновался, не проронив ни звука. Его лодыжки и запястья сейчас же хитрым способом прицепили к трону, по складки шелкового облачения скрыли и это.

Младшие жрецы и воины постепенно куда-то подевались, оставив в помещении лишь Кейна, жреца Ямена и восседавшего на троне царя. Кейн вглядился в тени между колоннами и вскоре заметил то тут, то там отблески огня на металле, мелькавшие, точно светляки в темноте. Воины таились поблизости, оставаясь невидимыми. У Кейна создалось ощущение, будто свершается некое таинственное действие. Вот только ему почему-то казалось, что вся постановка отдавала фальшью.

Тем временем Ашишур-рас-араб поднял свой золотой скипетр и ударил в гонг, стоявший близ трона. Гонг прозвучал мощно и вместе с тем мягко: звук, разнесшийся по темному храму, напоминал отдаленный колокольный звон. Из затененного прохода между колоннами сейчас же появилась процесия, в которой, насколько понял Кейн, участвовали весьма можи этого невероятного города. Все они были рослые, чернобородые, гордые и высокомерные с виду. Все были разодеты в сияющий шелк и мерцающее золото. А между ними шел юноша, закованный в золотые цепи, и в осанке его смешались вызов и страх.

Все собравшиеся склонились перед царем, коснувшись лбами пола. Потом, по его слову, повернулись лицом к англичанину и к каменному богу, возвышавшемуся у него за спиной. Вперед выступил Ямен; его бритый череп

и злобные глазки поблескивали в факельном свете, делая его похожим на разжиревшего демона. Произнеся напрасив что-то вроде странного заклинания, он высыпал в жаровню пригоршню какого-то порошка. Сейчас же повалил зеленоватый дым, сквозь который Кейн с трудом видел происходившее. Англичанин едва не задохнулся: запах и вкус дыма были омерзительны до предела. Но хуже всего, дым одурманивал. Голова у Кейна пошла кругом, точно у пьяного. Лишь наполовину соображая, что говорит, он разразился яростной руганью, чего обычно не делал почти никогда.

При этом он смутно видел, что Ямен, услыхав его ругань, что-то зло выкрикнул, а потом наклонился вперед, вслушиваясь. Наконец порошок додорел, мерзкий дым рассеялся, и ошалевший, ничего не понимающий Кейн остался сидеть на своем троне, медленно приходя в себя.

Ямен повернулся к царю и низко поклонился. Выпрямившись, он раскинул руки и повел торжественную речь. Царь столь же торжественно повторял за ним каждое слово, и Кейн увидел, как лицо знатного узника покрыла смертельная бледность. Потом тюремщики ухватили его за руки, и вся процессия медленно удалилась. Шарканье сандалий таинственно и жутковато отдавалось в полутиме громадного чертога...

Подобно бесшумным призракам, из потемок возникли воины и отсоединили цепи Кейна от трона. Вновь выстроившись вокруг него, они повели его полутемными галереями обратно в его комнату, и там Шем заново прикрепил его кандалы к кольцу в стене. Кейн уселся на свое ложе, подпер кулаком подбородок и глубоко задумался, пытаясь обнаружить скрытый смысл в том более чем странном представлении, свидетелем и невольным участником которого он только что явился... Однако доволь-

но скоро его размышления были нарушены необычным шумом на улицах.

Поднявшись, англичанин подошел к окну и высунулся наружу. Он увидел, что на торговой площади горели громадные костры, а между ними туда и сюда сновали человеческие фигурки, несобразно укороченные оттого, что он смотрел на них сверху. Они что-то делали кругом человека, находившегося посередине площади, причем сгрудились так плотно, что Кейн не мог толком ничего рассмотреть. Всю эту группу кольцом окружали воины; пламя так и играло на их блестящих доспехах. Снаружи живого кольца гомонила и что-то выкрикивала беснующаяся толпа.

Потом всеобщий гам прорвал вопль нечеловеческой муки. Выкрики на мгновение прекратились, чтобы сейчас же возобновиться с удвоенной силой. Кейну подумалось, что большинство голосов звучало протестующе. А впрочем, к ним примешивались и насмешки, и улюлюканье, и дьявольский хохот. И снова вопли, истогнутые болью,— невыносимые, жуткие...

Тут за спиной Кейна послышался тоноток босых ног по каменным плитам. В комнату вбежал молодой раб — звали его Сула — и, подлетев к окошку, тоже высунулся наружу. Он тяжело дышал от волнения и быстрого бега. Свет костров озарял его искаженное, перекошенное лицо.

— Люди дерутся с конейцами! — выкрикнул он, в возбуждении позабыв строгий приказ ни под каким видом не разговаривать с узником. — Многие в народе любили молодого принца Белладрата... Ох, бвана, да не было же в нем ничего дурного! Зачем ты велел царю живьем содрать с него кожу?..

— Я?! — ужаснулся Кейн, едва не потеряв от изумления дарречи. — Ничего я никому не приказывал! Я и знать-то не знаю вашего принца!.. Я его ни разу даже не видел!..

Сула повернулся к Кейну и прямо посмотрел ему в глаза.

— Вот я и убедился в том, что втайне подозревал с самого начала,— проговорил он на языке банту, который Кейн хорошо понимал.— Ты не бог и не пророк, устами которого говорит бог. Ты простой человек из племени, которое мне доводилось раньше видеть,— еще до того, как мужи Нинна взяли меня в плен. Когда-то, когда я был совсем маленьким, я видел твоих согражданников. Они пришли со своими туземными слугами и стали убивать наших воинов оружием, извергавшим пламя и гром...

— Воистину, я всего лишь человек,— отвечал вконец ошарашенный Кейн.— Но погоди... что-то я не пойму. Чем они заняты там, на площади?

— Они сдирают кожу с принца Белладрата,— ответствовал Сула.— Я слышал, на базаре в открытую говорили, что царь и Ямен ненавидят молодого принца, ибо в его жилах течет кровь Абдулайя. Но в народе у него было слишком много сторонников, особенно среди арбиев, и потому-то даже сам царь не отваживался приговорить его к смерти. Но когда тебя привели в храм — это было сделано тайно, так что никто в городе не знал,— Ямен объявил тебя пророком богов. По его словам, Баал открыл ему через тебя, будто Белладрат прогневал богов. Тогда они привели принца на суд оракула...

Кейн выругался, ощущая дрожь в коленках и тошноту.

Невероятно и жутко было думать о том, что его чисто-сердечная английская брань стала смертным приговором ни в чем не повинному юноше да сице павлекла на него такую жуткую смерть!.. Ну конечно же! Хитрец Ямен «перевел» его слова так, как ему было угодно. И вот теперь бедняга принц, которого Кейн никогда даже не видел,

Роберт И. Говард

корчился под ножами палачей на базарной площади, посреди вопящей толпы...

— Сула,— сказал англичанин,— как называет себя здешний народ?

— Ассирийцами, бвана,— ответил молодой раб, павряд ли осознавая, что говорит. Он не мог оторвать завороженных и полных ужаса глаз от сцены жуткой расправы, происходившей внизу...

Глава 3

И вновь дни потянулись за днями, только теперь Сула время от времени находил возможность перекинуться с Кейном словечком. Увы, он не многое мог поведать англичанину о происхождении ниннитов. Он знал только, что некогда, очень, очень давно, они явились с востока и выстроили на плато могучий каменный город. Легенды его собственного племени, повествовавшие о тех временах, были весьма туманны. Его народ обитал на холмистых равнинах далекого юга и воспал с городскими в течение многих веков.

— Наше племя, — сказал он, — называется сулаи, ибо мы сильны и воинственны.

Время от времени они совершали на ниннитов набеги, и нинниты платили им той же монетой, хотя вообще-то они не очень любили удаляться с плато. В одной из таких вылазок Сула и угодил в плен. Племена, жившие поблизости, в свою очередь, сторонились зловещего плато и с течением поколений старались переселиться прочь, так что последнее время ниннитам волей-неволей приходилось отправляться в поисках рабов все дальше и дальше.

Еще Сула сказал, что участь невольника в Нинне была весьма незавидной, и Кейн вполне верил ему. Благо своими глазами видел на теле юноши следы кнута, дыбы

и каленого железа. Было похоже, что быстротекущие века ничуть не смягчили нрава ассирийцев и не убавили их свирепости, ставшей притчей во языцах еще на древнем Востоке.

Кейну оставалось только гадать, какими ветрами занесло в глубь неизведенного континента столь древний парод, и тут Сула ничем ему помочь не мог. Давным-давно явились с востока — вот и все, что он знал. Что ж, спасибо и на том, что теперь хоть стало понятно, отчего их лица и речь показались англичанину смутно знакомыми. Их черты были чертами предков семитов, которые еще и теперь прослеживались в современном Кейну населении Месопотамии; по той же самой причине многие слова и целые фразы были так схожи с оборотами древнееврейского языка...

Соломон узнал от Сулы и о том, что не все здешнее население было одного корня. Кстати сказать, они не заводили общего потомства с рабами; если такой ребенок все же рождался, его немедленно умерщвляли. Насколько было известно Суле, наибольшим влиянием пользовались ассирийцы; но часть парода, и простолюдины, и знать, назывались арбиями. Они были вполне подобны ассирийцам, но кое-чем все же отличались от них.

Была и еще группа людей, именуемых калдеи, — ее составляли волшебники и предсказатели, пользовавшиеся огромным почтением среди чистокровных ассирийцев.

— А вот Шем и подобные ему — они эламиты, — сказал как-то Сула, и Кайн даже вздрогнул, услыхав библейское слово. Эламитов было не много, но они были орудиями, исполнявшими волю жрецов, — убийцами и палачами, совершившими самые страшные и противоестественные деяния. Суле, как и всем прочим храмовым рабам, довелось уже пострадать от их рук.

С этого самого Шема, когда он появлялся, Кейн прямо-таки не спускал алчного взгляда. Ибо на поясе у него висел золотой ключ, обладание которым означало свободу. Однако Шем, по-видимому, правильно понимал убийственное выражение холодных глаз англичанина и вел себя осторожно — этакий угрюмый смуглый гигант с мрачным лицом, точно вырезанным из камня. Если он и переступал невидимую границу, за которой его могли достать длинные и крепкие, как сталь, руки пленника, то не иначе как в сопровождении вооруженной охраны.

И каждый божий день Кейн вынужден был слышать резкие хлопки плети и отчаянные крики рабов под пыткой кнутом, раскаленным железом или ножом для сдирания кожи. Нини, похоже, был сущей преисподней, и правил ею истинный демон — Ашшур-рас-араб со своим хитрым и похотливым приспешником, жрецом Яменом. Сам повелитель, как и его царственные предки в древней Ниневии, тоже являлся жрецом. С течением времени Кейн понял, почему его, англичанина, прозвали здесь Персом. Ниппиты видели в нем потомка тех воинов из диких тогда арийских племен, которые некогда спустились со своих гор, чтобы смести Ассирийскую империю с лица земли. Ниппиты и попали-то сюда, в Африку, не иначе как отступая перед светловолосыми победителями-ариями!..

Время шло, Кейн оставался пленником в Нинне. Но в храм его больше не водили и в качестве оракула выступать не приуждали.

Однажды в городе случился переполох. Кейн слышал, как ревели на городской стене трубы, как гремели внизу литавры. На улицах лязгала сталь, и даже в его, так сказать, мансарду доносился топот марширующих воинов. Кейн выглянул наружу и увидел на равнине, за стенами,

нагое чернокожес воинство, подступавшее к городу. Горели на солнце наконечники копий, колыхались на ветру головные уборы из страусовых перьев, доносился ослабленный расстоянием боевой клич...

Сула влетел в комнату, глаза у царя горели.

— Там мой народ!.. — выкрикнул он. — Они пришли воевать против Нинна! Мой народ — воины! Катайо — наш царь, а Богага — военный вождь! Честь военных вождей сулаев заключена в мощи их рук, ибо вождем становится муж, убивший своего предшественника голыми руками! Так и Богага завоевал свое место, но еще немало дней пройдет, прежде чем кто-нибудь сумеет его одолеть! Потому что он — самый могучий!..

Окошко в комнате Кейна предоставляло наилучший обзор происходившего за стенами, поскольку помещалось на самом верхнем уровне в храме Баала. Вскоре в комнату явился жрец Ямен со своими угрюмыми стражниками, Шемом и еще одним столь же сумрачным эламитом. Они встали возле другого окна, устроившись так, чтобы Кейн не мог до них дотянуться.

Вот распахнулись громадные ворота: ассирийцы выходили из города навстречу врагам. Кейн прикинул, что там было не менее пятидесяти сотен вооруженных солдат. Значит, в городе оставалось еще около трехсот: царские телохранители, часовые на стенах и домашние войска знатных вельмож.

Кейн видел, что ассирийская рать выстроилась четырьмя отрядами. Центр, численностью примерно в шестьсот душ, выдвинулся вперед. Фланги состояли из трехсот воинов каждый. Остальные триста плотным строем следовали за центром, замыкая фланги сзади. Все вместе выглядело наподобие трапеции, развернутой узкой стороной вперед.

Воины были вооружены дротиками, мечами, булавами и короткими тугими луками. На спинах висели колчаны, щетинившиеся перьями стрел.

Нинниты вышли на равнину в строгом боевом порядке и остановились, но-видимому занимая позицию в ожидании атаки. И она последовала незамедлительно. Кейн оценил число нападавших примерно в три тысячи, и даже на таком расстоянии бросались в глаза их воинское мужество и телесная мощь. Беда только, судаи воевали каждый сам по себе, без какого-либо строя и системы. Они бросились вперед беспорядочной толпой... и были встречены ливнем смертоносных стрел, которые пронизывали их щиты из буйволиной кожи с такой легкостью, как будто те были сделаны из бумаги.

Ассирийцы повесили щиты на шею и выпускали стрелу за стрелой. Они не делали залпов, как стрелки Кресси и Аженкура, но тем не менее стреляли плотно и без перерывов. Черные воины с отчаянным мужеством бросались вперед, в самую гущу убийственных стрел. Кейн видел, как умирали целые ряды нападавших, как мертвые тела усеивали равнину. Но уцелевшие бежали и бежали вперед, с потрясающей легкостью отдавая свою жизнь. Кейн только дивился безкоризненной дисциплине семитских воинов, стрелявших с полным хладнокровием, словно на учебном плацу. Их фланги выдвинулись вперед и несколько развернулись, встав в одну линию с центром. Те же, что двигались сзади, остались на своем месте. Они не двигались с места: им еще не довелось принять участие в битве.

Наконец нападавшие растратили свой пыл и откачнулись назад: смертному человеку не по силам было устоять под таким ураганом стрел. Неровный полумесяц, который поначалу образовали чернокожие, распался на части. В центре и на правом фланге судаи отступали в полном беспорядке, догоняемые пернатой смертью, которую пин-

ниты посыпали им вслед. А вот на левом фланге сотни четырех осатаневших дикарей все-таки прорвались, несмотря на ужасающую стрельбу, и с несусветными воплями врезались в строй ассирийцев. Но еще прежде, чем они скостили копья в ближнем бою, Кейн увидел, как резервный отряд развернулся на месте и скорым шагом направился на выручку левому флангу. Оказавшись перед лицом двойной стены из шестьсот воинов, закованных в броню, атакующие не выдержали, покачнувшись и отступили назад.

Засверкали мечи и копья. Кейн видел, как чернокожие воины надали, подобно спелым колосьям под серпом, только вместо серпов были дротики и мечи ассирийских жнецов. Конечно, не все мертвые тела принадлежали со-племенникам Сулы; но на каждого убитого ассирийца приходилось по меньшей мере десять чернокожих...

Теперь нанадавшие отступали уже по всему фронту. Железные ряды наконец свинулись с места, быстро, но в полном порядке. Они пошли через равнину, стреляя на каждом шагу и добивая кинжалами раненых. Пленных не брали. Из сугробов получались весьма скверные рабы... в чем Соломону и выпало тотчас же убедиться.

Все пришедшие в комнату Кейна не отрывались от окон, не в силах отвести глаза от кровавого зрелища. Сула стоял позади, и его грудь неистово вздыхала. Крики гибнущих со-племенников будили жажду вражеской крови, всегда дремавшую в сердце храброго воина, обращенного в рабство. И наконец, издав вопль, достойный взбешенной пантеры, Сула прыгнул прямо на спины своих хозяев. Прежде чем кто-либо из них успел сделать хотя бы движение, он выдернул кинжал из ножен на поясе Шема и по рукоятку всадил его между лопаток Ямену. Жрец завизжал, как раненая женщина, и, обливаясь кровью, упал на колени. Оба эламита бросились на восстав-

шего раба. Шем попытался перехватить его руку, но ие усиел. Сула и второй эламит уже сплелись в один клубок, и ножи обоих моментально окрасились кровью.

Они катались по полу со сверкающими глазами и пеною на губах, инося удар за ударом. Шем все пытался схватить Сулу за руку, но сам попал под удар катящихся тел и был отброшен в сторону. Не удержавшись на ногах, он растянулся у самого ложа Кейна...

Подняться он уже не успел. Закованый в цепи англичанин прыгнул на него сверху, словно большая и очень свирепая кошка. Настал-таки миг, которого он так долго ждал!.. Наконец-то он добрался до Шема!.. Эламит попробовал встать, но колено Кейна врезалось ему в грудь, проломив ребра. Железные пальцы пуританина сомкнулись на его глотке. Соломон почти что не обращал внимания на отчаянные усилия эламита, который бился, как дикий зверь, пытаясь вырваться из его хватки. Глаза англичанина застлал багровый туман. Он видел только, как ужас все больше наполнял безжалостные зрачки Шема. Вот они, наливаясь кровью, выкатились из орбит... вот из раскрытоого рта вывалился язык... Бритая голова все сильнее запрокидывалась назад, и наконец его шея хрустнула под пальцами Кейна, словно переломленный сук, и мускулистое тело безжизненно обмякло.

Мгновенным движением англичанин сорвал с пояса мертвого заветный ключ. Еще мгновение — и он избавился от цепей, и вместе с ощущением свободы хлынул невероятный восторг. Он оглядел комнату, превращенную в побоище... Ямен испускал дух, растянувшись на каменных плитах. Сула и второй эламит лежали мертвыми. Оба они буквально изрезали один другого на куски, но ни один так и не разжал рук, закостеневших в железной хватке...

Кейн во весь дух кинулся вон из комнаты. Никакого илана действий у него не было; он хотел только поскорее

выбраться из храма, который успел возненавидеть хуже ада. Он промчался по галереям, не встретив на пути ни души. Похоже, все храмовые прислужники столпились на стенах и наблюдали за битвой. Только на самом нижнем этаже Соломону пришлось столкнуться нос к носу с каким-то стражником. Пока воин с глупым видом таращил на него глаза, стремительный кулак Кейна разнес челюсть, заросшую смоляной бородой, и отшвырнул его, без сознания, прочь. Не теряя времени, Кейн завладел тяжелым дротиком воина. Неожиданная мысль посетила его: а что, если на улицах окажется так же пусто, как и в храме? Что, если все население занято созерцанием битвы? Чего доброго, еще и удастся незамеченным пересечь город и перелезть стену у озера...

Он пробежал через лес колонн, загромождавших храм, и выскочил наружу сквозь величественный портал. Небольшая группа людей, стоявших там, с криками разбежалась при виде растерзанной и весьма странной фигуры, неожиданно вылетевшей из храма. Кейн со всех ног помчался по улице, что вела прочь от ворот, где произошло сражение. Не многие попадались ему на пути. Думая сократить дорогу, пуританин свернул в какой-то переулок... и услышал за углом громовой рев.

Как раз впереди он увидел четверку рабов, несших разукрашенные носилки вроде тех, в которых здесь путешествовали по улицам вельможи. В носилках сидела молодая девушка: наряд, разукрашенный самоцветами, выдавал в ней знатную и богатую даму. Вновь послышался рев, и из-за угла прыжком выскочил громадный бурый зверь. Лев!.. Лев на городских улицах!..

Рабы выронили носилки и с воплями припустили наутек. Жители, заполонившие крыши домов, испуганно кричали. Закричала и девушка, всего один раз. Поднявшись на ноги, она оказалась как раз на пути у чудовища.

Ужас сковал ее: она могла только стоять и смотреть на приближающуюся смерть...

В первое мгновение, услышав рык зверя, Соломон Кейн исполнился яростного восторга. Так ненавистен был ему Нинн, что мысль об опасном хищнике, бродящем по улицам и пожирающем его бесчеловечных обитателей, доставила пуританину истинное наслаждение. Но при виде несчастной девчонки, готовой вот-вот отправиться в пасть людоеда, в его сердце пробудилась жалость и подвигла Кейна к немедленным действиям.

Лев уже взвился в последнем прыжке, когда пуританин метнул дротик, вложив в этот бросок всю силу своего закаленного жилистого тела. Острье ударило как раз под могучую лопатку зверя, насквозь пронизав рыжеватобурую тушу. Из глотки чудовища вырвался оглушительный рев. Оно словно бы натолкнулось в полете на стену, и стена отбросила его в сторону. Раздирающие когти не впились в хрупкое девичье тело — зверь в своем падении лишь зацепил ее тяжеловесным мохнатым плечом, отшвырнув далеко в сторону...

Начисто позабыв всю опасность своего собственного положения, Кейп подоспал к девушке и подхватил ее на руки, пытаясь понять, не ранена ли она. Это последнее оказалось легче всего, благо ее одежда, как и у всех знатных ассириек, состояла в основном из украшений и открывала куда больше, чем прятала. Девушка была перепугана до полусмерти, но отделалась лишь несколькими синяками.

Соломон осторожно поставил ее на ноги и обнаружил, что их уже окружил любопытный народ. Кейн стал решительно проталкиваться наружу, и никто даже не попытался его остановить. Внезапно, откуда ни возьмись, появился жрец и закричал что-то, указывая на него пальцем. Народ шарахнулся в стороны, по месту происшествия уже

спешила дюжина воинов в доспехах и с дротиками наготове. Кейн повернулся к жрецу, в душе его клокотала бешеная ярость. Он уже собирался броситься на стражников и умереть, но прежде нанести им какой-никакой урон, хотя бы и голыми руками... Однако в это время на улице гулко отдались шаги марширующих воинов, и из-за угла появился отряд. Похоже, эти люди только что вернулись с поля брани: наконечники их копий все еще были красны от крови.

Девушка, спасенная Кейном, вскрикнула и метнулась вперед, чтобы повиснуть на крепкой шее молодого военачальника, шагавшего во главе отряда. Она стала что-то быстро-быстро говорить ему — что именно, Кейн, естественно, разобрать не сумел. Выслушав девушку, военачальник отдал короткий приказ, и стражники отступили. Сам же он приблизился к Кейну, показывая ему пустые ладони и улыбаясь. Он держался исключительно дружелюбно, и англичанин понял: молодой воин старался как мог отблагодарить его за спасение девушки, без сомнения приходившейся ему сестрой либо возлюбленной. Жрец блескал и брил, но юный вельможа ответил ему лишь несколькими краткими словами и жестом пригласил Кейна следовать за собой. Англичанин заколебался, не в силах заставить себя вот так сразу довериться неизвестно кому. Тогда молодой военачальник вытащил из ножен свой собственный меч и протянул его Кейну рукоятью вперед. Соломон подумал и взял оружие. Почем знать, может, местные правила хорошего тона предписывали отказаться. Однако у Кейна не было никакой охоты рисковать, а с оружием в руках он сразу почувствовал себя увереннее...

Возвращение Соломона Кейна

Над скалами белые чайки вились
И пеной хлестал прибой.
Когда наконец кочевая жизнь
Его привела домой.

Под ветром шуршал прибрежный песок
И к ночи клонился день,
Когда в свой маленький городок
Пришел Соломон Кейн.

Народ сбегался с разных сторон
И следом валил толпой:
Он шел, как призрак былых времен,
По уличной мостовой.

Он все смотрел и смотрел вокруг,
И странен был его взгляд.
Он видел столько горьких разлук
И вот — вернулся назад.

В таверне старой сквозь гул голосов
Поскрипывали слегка
Стропила из девонширских дубов,
Помнившие века.

Кейн поднял пенную кружку в честь
Павших в давнем бою:
«Сэр Ричард Гренвиль сиживал здесь...
С ним я ходил на юг.

Тела мертвцевов с собой унося,
Текла по палубам кровь:
На каждое наше но пятьдесят
Испанских было судов!

Сбитые мачты падали вниз,
Мечи ломались в руках,
Но только яростней мы дрались,
И прочь отступал страх!

Длилась багровая круговерть,
И новый рассвет вставал,
И сотни стволов изрыгали смерть,
Когда Ричард Гренвиль пал.

Каждому с шим наступит пора
Чашу испить одну...
Но лучше б нам было взорвать корабль
И с честью пойти ко дну!»

Пожар отражался в его глазах
И океана зыбь.
А по занястьям -- рубцы на рубцах:
Память испанских дыб.

«А как, -- он спросил, -- поживает Бесс?
Я скверно расстался с ней...» —
«На могиле ее воздвигнули крест
Тому уж немало дней».

«Прах к праху!.. -- он молвил. -- Конец земной --
Могильная тишина...»
А ветер стонал и бился в окно,
И восходила луна.

Скользили по лицу ее облака,
Когда Соломон Кейн
Неторопливо повел рассказ
О виденном вдалеке:

«В безбрежном лесу, на чужих ветрах,
Под багровой звездой
В глухую полночь рожденный Страх
Свивает свое гнездо.

Я видел черное колдовство,
Которого больше нет.
Оно отвращало и естество,
И самый Господень свет.

Там в городе, старом, как Смерть сама,
Жила бессмертия дочь.
Во взгляде ее — безумия тьма,
Кровавого пира ночь!

Там грудами скалились черепа
Во славу красы ее.
Там крови требовала толпа —
Несытое воронье.

Царица была вторая Лилит —
Огонь и кровь на челе!
И был поцелуй ее ядовит...
Теперь она спит в земле.

Сразил я вампира, что высосал кровь
У черного князя из жил.
А после блуждал меж серых холмов,
Где мертвый парод жил.

Господь не оставил меня в тот день,
Орудием гнева избрав,
И я оградил племена людей,
Землю земле отдав.

Я демонов видел в почки полет,
И кожистых крыльев песнь
Сперва мое сердце вковала в лед,
Потом позвала на месть.

Роберт И. Говард

Но все это в прошлом!.. Родной порог
Меня наконец манит.
Я стал староват для долгих дорог,
Забравших мои дни.

Довольно сражений и дальних стран,
Отмеренных мне судьбой...»
...Но где-то в ночи гремел океан
И скалы крушил прибой.

Он пену валов швырял в пустоту,
Стараясь достать до звезд,
И ветер летел и выл на листу,
Как бешеный гончий пес.

И Кейн услыхал тот призрачный зов,
Тот бестелесный стон,
И в глубине холодных зрачков
Вспыхнул былой огонь.

И Кейн оглянулся по сторонам,
Как будто бы в первый раз,
И вышел за дверь, где светила луна,
В серебряных тучах мчась.

Люди за ним поспешили вслед,
И видел добрый народ
Над вершиной холма его силует,
Брезанный в серебро.

Надолго ли скрылся?.. В какой предел?..
Чей голос его позвал?..
...И только победную песню пел
Над морем летевший шквал.

*Возвращение
Соломона Кейна
(Вторая версия)*

Над скалами белые чайки вились
И пеной хлестал прибой,
Когда наконец кочевая жизнь
Его привела домой.

Под ветром шуршал прибрежный песок
И к ночи клонился день,
Когда в свой маленький городок
Пришел Соломон Кейн.

Народ сбегался с разных сторон
И следом валил толпой:
Он шел, как призрак былых времен,
По уличной мостовой.

Он все смотрел и смотрел вокруг,
И странен был его взгляд.
Он видел столько горьких разлук
И вот — вернулся назад.

В таверне старой сквозь гул голосов
Поскрипывали слегка
Стропила из девонширских дубов,
Помнившие века.

«Здесь кружки звенят, салютуя всем,
Кого между нами нет.
И Дрейк, и Хокинс, и Оксенхэм...
Сколько минуло лет!

Сэр Ричард Гренвиль сиживал здесь,
Кажется, лишь вчера...
Как мы с испанцев сбивали спесь!..
С вечера до утра.

Ядра свистели и бой гремел,
И кровь текла в океан,
И мужеству не был положен предел,
И мы не считали ран...

А как,— он спросил,— поживаст Бесс?
Хотел я делить с ней кров,
Но все променял на прибоя плеск
И песню морских ветров.

Бедняжка осталась совсем одна,
Мне душу рвал ее взгляд...»
«На кладбище тихом уснула она
Вот уж семь лет назад».

«Прах к праху!..— он молвил.— Конец земной —
Могильная тишина...»
А ветер стонал и бился в окно,
И восходила луна.

Скользили по лицу ее облака,
Когда Соломон Кейн
Петоропливо повел рассказ
О виденном вдалеке.

«В бесплодной пустыне, где нет следов,
Торил я кровавый след.
Я видел черное колдовство,
Которого больше нет.

Там в городе Смерти самой древней
Жила бессмертия дочь.
Праматерь Лилит возродилась в ней,
Чтоб день превратился в ночь!

Потом я меж серых холмов бродил,
Где голос рассудка стих,
Где мертвый народ вставал из могил,
Чтоб жизни лишать живых.

Я слышал, как смертную песнь поет
Невольник, чьи дни черны.
Я демонов видел в ночи полет
При свете полной луны.

Но все это в прошлом!.. Родной порог
Мне с возрастом все милей.
Я стал староват для долгих дорог,
Пора отдохнуть в тепле!

Довольно сражений и дальних стран,
Отмеренных мне судьбой...»
...Но где-то в ночи гремел океан
И скалы крушил прибой.

Он пепу валов швырял в пустоту,
Страяясь достать до звезд,
И ветер летел и выл на лету,
Как бешеный гончий пес.

И Кейн услыхал тот призрачный зов,
Тот бестелесный стон,
И в глубине холодных зрачков
Вспыхнул былой огонь.

Напрасно пытались его вернуть:
Он сбросил все руки с плеч,
На пояс спеша скорей пристегнуть
Свой верный испанский меч.

Потом оглянулся по сторонам,
Как будто бы в первый раз,
И вышел за дверь, где светила луна,
В серебряных тучах мчась.

Роберт И. Говард

Люди за ним поспешили вслед,
И видел добрый народ
Над вершиной холма его силуэт,
Врезанный в серебро.

Надолго ли скрылся?.. В какой предел?..
Чей голос его позвал?..
...И только победную песню пел
Над морем летевший шквал.

Содержание

ЧЕРЕПА СРЕДИ ЗВЕЗД	5
ДЕСНИЦА СУДЬБЫ	25
БАГРОВЫЕ ТЕНИ	35
ПЕРЕСТУК КОСТЕЙ	83
ЗАМОК ДЬЯВОЛА (НЕОКОНЧЕННОЕ)	95
ЧЕРНЫЕ ВСАДНИКИ СМЕРТИ (ОТРЫВОК)	101
ЛУНА ЧЕРЕПОВ	105
ОДНО ЧЕРНОЕ ПЯТНО	191
КЛИНКИ БРАТСТВА	197
ХОЛМЫ МЕРТВЫХ	245
БАСТИЙСКИЙ ЯСТРЕБ (НЕОКОНЧЕННОЕ)	283
ПОГИБЛЫЙ ДРУГ	299
КРЫЛЬЯ В НОЧИ	303
ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ	355
ДЕТИ АШШУРА (НЕОКОНЧЕННОЕ)	381
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛОМОНА КЕЙНА	417
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛОМОНА КЕЙНА (ВТОРАЯ ВЕРСИЯ)	423

Литературно-художественное издание

Роберт Ирвин Говард

СОЛОМОН КЕЙН. КЛИНОК СУДЬБЫ

Выпускающий редактор Е. Березина

Ответственный редактор Г. Корчагин

Художественный редактор А. Матвеев

Художник С. Шикин

Технический редактор О. Шубик

Компьютерная верстка А. Скурихина

Корректор Л. Самойлова

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.11.2009.

Формат 60x90¹/16. Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 27,0.

Тираж 10 100 экз. Заказ 1222

Опечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-39458-6

9 785699 394586 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, мно.оканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksмо-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vlpzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многооканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

**Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

XVI век. Славная эпоха географических открытий с ее отчаянными первопроходцами и бесчисленными опасностями вдали от родной земли.

По неизведанным грозным морям, по враждебным землям судьба носит английского пуританина, чей лик всегда хмур как туча, зато сердце неизменно светится благородством. И какие бы испытания ни посыпал Господь своему неистовому рыцарю, с ними совладают острый ум, крепкие мышцы, неколебимая воля и добryй клинок.

Неистовый пуританин — теперь не только яркий литературный персонаж, но и герой фильма Майкла Бассета, создателя «Дикости» и «На страже смерти».

Творчество Говарда настолько заряжено энергией, что кажется, вот-вот полетят искры.

Стивен Кинг

Впервые на русском языке весь цикл рассказов о Соломоне Кейне, «старшем брате» киммерийца Конана, в переводе Марии Семёновой, автора знаменитого бестселлера «Волкодав».

ISBN 978-5-699-39458-6

9 785699 394586 >